9 (С) 7 Ф
042302
К 35

Ч 1-2

пос
9(с18)
К35

Дж. Кеннанъ.

СИБИРЬ
и
ССЫЛКА.

(Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ).

1042362-р (9)

Тюменская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

ТЮМЕНСКАЯ
областная библиотека
Сектор редкой книги

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія **И. Люндорфъ** и К°, Морская, 19.
1906.

Джорджъ Кеннанъ родился 16 февраля 1845 въ г. Норвалькѣ Штата Огіо Сѣверной Америки. Закончивъ образованіе въ Колумбіи, Кеннанъ поступилъ на службу въ Western Union Telegraphe Company, въ качествѣ телеграфиста. По порученію своего начальства, Кеннанъ въ 1864 г. совершилъ первое свое путешествіе черезъ Никарагуа и Калифорнію въ Камчатку. На основаніи доставленныхъ имъ свѣдѣній, въ 1865 г. русско-американскимъ телеграфнымъ обществомъ была снаряжена экспедиція для проведенія кабеля въ Аляску и Сибирь черезъ полуостровъ Камчатку. Дорогое, широко задуманное предпріятіе, длившееся болѣе трехъ лѣтъ, окончилось неудачей. Кеннанъ же по возвращеніи изъ путешествія издалъ рядъ интересныхъ очерковъ изъ жизни мѣстныхъ кочевыхъ племенъ. (Tent life in Siberia, and adventures amongtie Koraks in Northern Kamtschatka and other Tribes in Northern Asia, New-Iork, 1870). Въ русскомъ переводѣ очерки появились подъ названіемъ „Кочевая жизнь въ Сибири".

Въ 1870—71 г., по порученію богатаго американскаго журнала „Century Magazine", Кеннанъ совершаетъ путешествіе по юго-восточной Россіи, причемъ объѣзжаетъ нижнюю Волгу, Каспійское море и трижды пересѣкаетъ Кавказъ. Свои наблюденія, въ мало знакомой для американцевъ странѣ, онъ опубликовалъ въ видѣ корреспонденцій въ означенномъ журналѣ. Особенное вниманіе, между прочимъ, имъ было удѣлено Дагестану.

Наконецъ, по порученію того же журнала, Кеннанъ совершаетъ свое четвертое и наиболѣе интересное путе-

шествіе по Россіи. Русская ссылка постоянно возбуждала глубокій интересъ въ западной Европѣ и въ Америкѣ. Случайно доходившія изъ Сибири вѣсти создавали цѣлыя легенды о положеніи ссыльныхъ, о русскихъ нигилистахъ и вообще обо всей русской карательной системѣ. Изслѣдованія русскихъ путешественниковъ и оффиціальные отчеты не пользовались достаточнымъ довѣріемъ. Первыя—въ виду извѣстныхъ цензурныхъ строгостей въ Россіи, вторые — по понятному желанію правительства, по возможности смягчить въ отчетахъ отрицательныя стороны ссылки. До чего глубокъ былъ интересъ къ Сибири и ссылкѣ показываетъ то обстоятельство, что еще задолго до окончанія путешествія Кеннана, образованное общество Европы и Америки съ нетерпѣніемъ ожидало появленія въ печати описанія ссылки. Многочисленныя изданія на большинствѣ европейскихъ языковъ вполнѣ оправдали надежды американскаго журнала.

Результатомъ путешествія Кеннана по Сибири явились печатаемые очерки, опубликованные впервые отдѣльнымъ изданіемъ въ 1891 г. въ Лондонѣ, въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ „Sideria and the Exile System“.

Появленіе этой книги Кеннана вызвало множество отдѣльныхъ критическихъ статей и замѣтокъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ приведенные имъ факты находили въ нихъ подтвержденіе, однако встрѣчалось и не мало опроверженій.

Возвратившись изъ поѣздки по Сибири, Кеннанъ съ 1886 г. прочелъ рядъ лекцій въ значительнѣйшихъ городахъ Великобританіи и Америки. Аудиторія съ глубокимъ вниманіемъ выслушивала интересный пересказъ его личныхъ наблюденій про Сибирь и ссылку.

Во время послѣдней испанско-американской войны, Кеннанъ посѣтилъ, въ качествѣ корреспондента, театръ военныхъ дѣйствій. Результатомъ его наблюденій явилась занимательная книга: „Campaigning in Cuba, New-Jork 1899“.

Въ Россіи настоящее сочиненіе Кеннана издается впервые. Существовавшія до сего времени цензурныя условія не дозволяли сдѣлать этого раньше. Въ изданіи сдѣланы незначительные пропуски, именно, опущены описанія нѣсколькихъ приволжскихъ городовъ, не представляющія интереса для русскаго читателя.

I.

По пути въ Сибирь.

Сибирская экспедиція, отправленная журналомъ „Century Magazine", выѣхала 2 мая изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль. Въ составъ экспедиціи входили — бостонскій художникъ А. Фростъ и авторъ настоящихъ очерковъ. Мы оба хорошо владѣли русскимъ языкомъ и разъ уже объѣздили часть Сибири; страну царя я трижды посѣщалъ. Съ своимъ спутникомъ познакомился, будучи на службѣ въ русско-американскомъ телеграфномъ обществѣ; труды-же и лишенія, во время продолжительнаго пребыванія въ Сѣверной Азіи, меня съ нимъ сблизили. Издатели журнала одобрили планъ нашего путешествія, прекрасно снарядили насъ въ путь и дали почти неограниченныя полномочія. При такихъ обстоятельствахъ, мы твердо надѣялись удачно осуществить наше намѣреніе, не скрывая, однако, отъ себя всей сложности предпринимаемой задачи.

Въ воскресеніе, 10 мая, мы прибыли въ Лондонъ, а четыре дня спустя выѣхали въ Петербургъ; путь нашъ лежалъ по городамъ: Доверъ, Остенде, Кёлнъ, Ганноверъ, Берлинъ и Эйдкуненъ. Позднее время года побуждало насъ стремиться возможно скорѣе достигнуть предѣловъ Сибири и использовать пока еще благопріятную погоду; рѣшено было, поэтому, оставаться въ русской столицѣ не болѣе пяти дней. Однако,

намъ пришлось провести въ Петербургѣ десять дней, изъ которыхъ всего четыре могли быть посвящены дѣламъ, т. к. мы неудачно прибыли въ столицу къ началу цѣлаго ряда, столь частыхъ въ Россіи, праздниковъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я представился секретарю министерства иностранныхъ дѣлъ г. Влангалли, передалъ ему имѣющіяся у меня рекомендательныя письма и сообщилъ цѣль нашего путешествія. По моему мнѣнію, сказалъ я, г. Влангалли, описанія Сибири и всей системы ссылки носятъ, благодаря тенденціозной окраскѣ, слишкомъ неблагопріятный для правительства характеръ, поэтому, правдивое изображеніе этой страны, тюремнаго быта и каторжныхъ работъ, можетъ только послужить на пользу русскому правительству.

Таково было мое искреннее убѣжденіе и, повидимому, мои слова произвели на г. Влангалли благопріятное впечатлѣніе. Къ концу нашей двадцатиминутной бесѣды, послѣдній заявилъ, что, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ на путешествіе по Сибири, намъ будетъ дано открытое письмо къ губернаторамъ, съ своей же стороны, г. Влангалли обѣщаетъ получить для насъ рекомендательное письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ. На мой вопросъ, дадутъ ли возможность эти письма осмотрѣть всѣ мѣста заключеній, г. Влангалли отвѣтилъ отрицательно, замѣтивъ при этомъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніе будетъ зависѣть отъ мѣстнаго губернатора. Будетъ ли намъ подобное разрѣшеніе каждый разъ дано, секретарь затрудняется отвѣтить. Я догадывался, что правительство не желаетъ давать намъ безконтрольныхъ полномочій, а намѣрено установить надъ нами нѣкотораго рода наблюденіе и допустить насъ къ осмотру тюремъ, лишь при засвидѣтельствованіи мѣстными властями нашей благонадежности. Хотя я заранѣе предвидѣлъ всѣ, возникающія для насъ при такихъ условіяхъ, затрудненія, тѣмъ не менѣе, я счелъ болѣе благора-

зумнымъ не требовать дальнѣйшихъ льготъ. Поблагодаривъ его за любезную предупредительность, я откланялся.

Нѣсколько дней спустя г. Влангалли удостоилъ меня вторичной бесѣды. При этомъ онъ вручилъ мнѣ обѣщанныя письма и выразилъ пожеланіе, чтобы я, во время пребыванія въ Москвѣ, посѣтилъ извѣстнаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей", г. Каткова. Съ этой цѣлью, онъ далъ мнѣ запечатанное рекомендательное письмо къ директору московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, барону Бюлеру. Послѣдній долженъ былъ познакомить меня съ Катковымъ.

Карьера и характеръ г. Каткова, этого выдающагося сторонника самодержавія на Руси, были мнѣ прекрасно знакомы, поэтому, я радъ былъ случаю его поближе узнать; вмѣстѣ съ тѣмъ я догадывался и о мотивахъ, руководившихъ г. Влангалли при желаніи нашей встрѣчи. Непоколебимая убѣжденность этого русскаго публициста должна была еще болѣе укрѣпить во мнѣ благонамѣренный образъ мыслей и тѣмъ какъ-бы парализовать возможное дурное на меня вліяніе ссыльныхъ нигилистовъ, встрѣча съ которыми являлась неизбѣжной во время моего путешествія по Сибири. Мнѣ, однако, эта мѣра казалась совершенно излишней, т. к. я, и безъ того, былъ самаго неблагопріятнаго мнѣнія о русскихъ нигилистахъ.

Въ моихъ бесѣдахъ съ русскими сановниками не было ни малѣйшей неискренности или двусмысленности; разрѣшеніе на поѣздку по Сибири я получилъ безъ помощи обмана либо ложныхъ завѣреній. Причина-же несогласія моихъ теперешнихъ взглядовъ съ тѣми, которые я излагалъ три года назадъ г. Влангалли, заключается не въ моей тогдашней неискренности, а въ потрясающей силѣ полученныхъ впечатлѣній, заставившихъ меня совершенно измѣнить свои взгляды на этотъ вопросъ.

Запасшись фотографическимъ аппаратомъ, книгами и.

картами, захвативъ съ собою до пятидесяти рекомендательныхъ писемъ къ учителямъ и чиновникамъ въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири, вечеромъ, 31 мая, мы выѣхали изъ Петербурга въ Москву.

По пріѣздѣ въ Москву, я немедленно передалъ барону Бюлеру рекомендательное письмо и съ нимъ отправился въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей", гдѣ, къ сожалѣнію, узналъ, что г. Катковъ въ отъѣздѣ и вернется лишь черезъ двѣ-три недѣли. Такъ долго мы, конечно, не могли оставаться въ Москвѣ безъ дѣла и, въ тотъ же день, выѣхали въ Нижній-Новгородъ, куда прибыли рано утромъ 4 іюня.

Осмотрѣвъ, насколько позволяло намъ короткое время, достопримѣчательности Нижняго-Новгорода, въ воскресенье утромъ, 6 іюня, мы отплыли на пароходѣ въ Пермь, совершивъ въ четыре дня 1600 километровъ, внизъ по Волгѣ и вверхъ по Камѣ.

Въ Перми мы только переночевали, тѣмъ не менѣе не избѣжали столкновенія съ русской полиціей. Происшествіе само по себѣ, правда, совершенно незначительное; я, однако, считаю нужнымъ его передать, такъ какъ оно весьма характерно для положенія путешественника по Сибири и степени власти мѣстной полиціи, могущей безъ всякаго основанія подвергнуть каждаго аресту и допросу.

Вскорѣ по прибытіи въ Пермь, мы направились къ не большому, лежащему къ востоку, холму, желая оттуда сдѣлать снимки города. Намъ пришлось случайно проходить мимо тюрьмы, и мы, конечно, съ особеннымъ вниманіемъ разсматривали эту первую русскую тюрьму по нашему пути въ Сибирь.

Замѣтивъ, спустя нѣкоторое время, что намѣченный нами холмъ гораздо дальше, чѣмъ сперва казалось, а часъ уже поздній, мы рѣшили отложить фотографированіе на завтрашній день. На обратномъ пути мы вторично прошли мимо тюрьмы.

На слѣдующее утро намъ удалось привести въ исполненіе свое намѣреніе. Мой товарищъ, г. Фростъ, сдѣлалъ нѣсколько снимковъ города и мы повернули домой. Вскорѣ намъ навстрѣчу показались двѣ пролетки, на которыхъ сидѣло четыре вооруженныхъ офицера. Въ то время мы плохо еще различали русскую форму обмундированія и не догадывались, что передъ нами служители полиціи. Первая пролетка проѣхала мимо, вторая остановилась впереди насъ; сошедшіе съ пролетокъ военные направились къ намъ съ разныхъ сторонъ. Тогда только мнѣ пришло на мысль, что всѣ четверо полицейскіе чиновники, которымъ мы почему-то показались подозрительными, и они насъ намѣреваются арестовать. Мы были окружены; одинъ изъ нихъ очень вѣжливо спросилъ, кто мы такіе.

— Мы американскіе путешественники.

— Когда вы сюда пріѣхали?

— Вчера.

— Откуда вы ѣдете?

— Изъ Нижняго-Новгорода.

— Куда вы направляетесь?

— Въ Сибирь.

— Въ Сибирь! Нельзя-ли узнать для чего?

— Для путешествія.

— По Сибири не совершаютъ увеселительныхъ поѣздковъ,—замѣтилъ онъ, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи.—Ваше путешествіе должно имѣть опредѣленную цѣль. Какова эта цѣль?

— Мы американцы путешествуемъ всюду, и наша цѣль, въ большинствѣ случаевъ, изучить страну и людей.

Мой отвѣтъ, казалось, мало его удовлетворилъ. Онъ продолжалъ свой допросъ, надѣясь, среди множества отвѣтовъ, все-же найти нѣкоторое подтвержденіе своимъ подозрѣніямъ.

— Вы проходили вчера мимо тюрьмы?

— Проходили.

— А зачѣмъ?

Я объяснилъ ему причину.

— Однако, вы очень внимательно ее разсматривали.

Я не отрицалъ.

Почему вы это дѣлали?

Я ему вторично объяснилъ причину.

— Но вѣдь вы не поднялись на холмъ: прошли лишь мимо тюрьмы, затѣмъ повернули назадъ и снова очень странно смотрѣли на тюрьму. Зачѣмъ это?

Я не могъ удержаться и расхохотался ему въ лицо. Служителю полиціи наша бесѣда казалась, однако, совсѣмъ не смѣшной. Я вновь повторилъ свои объясненія; они его и на этотъ разъ совсѣмъ не удовлетворили; въ сухихъ выраженіяхъ у насъ были потребованы паспорты.

Я сказалъ, что наши документы находятся въ гостиницѣ; насъ объявили послѣ того арестованными, пока мы не удостовѣримъ нашу личность и не представимъ достаточныхъ основаній для объясненія нашего пребыванія въ Перми.

Мой товарищъ, въ сопровожденіи допрашившаго насъ полицейскаго офицера, сѣлъ въ одну пролетку, я, подъ наблюденіемъ сѣдобородаго господина—въ другую, и въ такомъ видѣ поѣхали въ гостиницу. Мой спутникъ, былъ по моимъ соображеніямъ, начальникомъ полиціи.

Повидимому, насъ принимали за политическихъ заговорщиковъ, намѣревающихся освободить изъ тюрьмы заключеннаго товарища. Во время осмотра нашихъ бумагъ, я предложилъ полицейскимъ чиновникамъ чай и папиросы. Въ отвѣтъ на это меня окинули такимъ недовѣрчивымъ взглядомъ, будто мы невиданные дотолѣ звѣри, отъ которыхъ можно всего ожидать. Наши паспорты, по ихъ мнѣнію, были не въ порядкѣ; но стоило мнѣ только показать рекомендательное письмо министра, и всему комическому происшествію положенъ былъ конецъ. Молодой полицейскій чиновникъ, при чтеніи письма, даже слегка покраснѣлъ; пе-

реговоривъ вполголоса со своимъ начальникомъ, онъ подошелъ ко мнѣ и, немного смущенный, извинился за непріятное недоразумѣніе Выяснилось, что насъ принимали за важныхъ нѣмецкихъ преступниковъ, скрывающихся, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, въ этихъ краяхъ. Въ знакъ примиренія наши незваные гости просили разрѣшенія подать намъ руку, а затѣмъ вѣжливо откланялись.

Разсказанное происшествіе внушало намъ серьезныя опасенія относительно возможныхъ дальнѣйшихъ столкновеній. Если мы, еще не доѣзжая Сибири, за одинъ взглядъ снаружи на тюрьму были арестованы, то каково съ нами поступятъ, при попыткѣ серьезно изучить тюремную жизнь!

Въ четвергъ, 11 іюня, мы выѣхали изъ Перми, а въ пятницу вечеромъ прибыли въ Екатеринбургъ, отстоящій отъ сибирской границы, приблизительно, на 230 километровъ. Желѣзнодорожный путь до Тюмени не былъ еще тогда оконченъ сооруженіемъ, поэтому, все остальное девятимѣсячное путешествіе мы совершили на лошадяхъ, проѣхавъ въ общей сложности 13.000 километровъ.

Сообщеніе между Екатеринбургомъ и Тюменью находилось въ рукахъ общества, снабжавшаго путешественника за опредѣленную плату экипажемъ; лошадей-же приходилось мѣнять каждые 18 миль. Для лѣта предназначался тарантасъ — объемистый, тяжелый, четырехколесный ящикъ, безъ сидѣнія, покрытый сверху кожей и имѣвшій впереди родъ занавѣса, для предохраненія отъ дурной погоды. Путешественникъ кладетъ обыкновенно свой багажъ въ глубину тарантаса и пользуется имъ какъ мѣстомъ для сидѣнія, устраивая изъ подушекъ родъ спинки. Ямщикъ сидитъ на краю тарантаса, передъ пассажиромъ, и двумя парами возжей управляетъ тройкой лошадей.

16 іюня, вечеромъ, выбравъ тарантасъ и по возможности удобно размѣстивъ въ немъ багажъ, мы усѣлись на большемъ сундукѣ г. Фроста и дали сигналъ къ отъѣзду

Сѣдобородый ямщикъ дернулъ возжами, сплетенными изъ старыхъ веревокъ, крикнулъ лошадямъ: „впередъ, дѣтки!“. и, подъ равномѣрный, далеко, однако, не гармоничный. звонъ двухъ колокольчиковъ, мы двинулись по широкимъ немощенымъ улицамъ Екатеринбурга.

Въ день отъѣзда намъ пришлось впервые увидать партію ссыльныхъ на пути въ Сибирь. Съ тѣхъ поръ, какъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью поддерживается правильное пароходное сообщеніе и уральская желѣзная дорога окончена сооруженіемъ, ссыльные, всѣхъ мѣстностей къ западу отъ Урала, направляются къ Екатеринбургу изъ московской, нижегородской и казанской пересыльныхъ тюремъ, либо по желѣзной дорогѣ, либо пароходами. А какъ только Уралъ перейденъ, ссыльные дѣлятся на партіи, направляемыя пѣше-этапнымъ порядкомъ въ мѣста Западной Сибири, назначенныя для ихъ поселенія. Только для лицъ привилегированныхъ классовъ дѣлается исключеніе. Больные и слабосильные перевозятся въ телѣгахъ.

На другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Екатеринбурга, нашъ ямщикъ внезапно остановился среди густого лѣса, между деревнями Марковой и Тукулинской, и сказалъ: „Вотъ и граница!“

Выйдя изъ тарантаса, мы увидѣли на дорогѣ кирпичный столбъ, четырехъ метровъ высоты, съ гербомъ европейской Пермской губерніи съ одной стороны и азіатской Тобольской губерніи съ другой. Вотъ онъ сибирскій пограничный камень!

На всемъ пути отъ Петербурга до Тихаго океана нѣтъ другого мѣста, съ которымъ было-бы связано большее количество тяжелыхъ воспоминаній.

У этого, горемъ освященнаго камня, уже многіе, очень многіе мущины и женщины, дѣти и старики, князья и крестьяне, посылали послѣднее „прости“ своей родинѣ, своимъ роднымъ и друзьямъ.

Нѣтъ другого пограничнаго столба въ мірѣ мимо котораго прошло бы столько человѣческаго горя, столько разбитыхъ жизней. Съ 1878 года мимо него прослѣдовало 170.000 ссыльныхъ, а съ начала нашего столѣтія болѣе полумилліона. Этотъ пограничный столбъ стоитъ почти на срединѣ между послѣдней европейской и первой сибирской станціей, поэтому, въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно, ссыльнымъ даютъ небольшой отдыхъ, въ которомъ здѣсь ихъ душа не меньше нуждается, чѣмъ тѣло. Русскій мужикъ, будучи даже разбойникомъ, искренно любитъ свою родину. Душу раздирающія сцены здѣсь обычны. одни совершенно отдаются во власть своего горя, другіе стараются утѣшить плачущихъ, нѣкоторые склоняютъ колѣна и прижимаются лицомъ къ любимой родинѣ; многіе цѣлуютъ обращенную къ Европѣ сторону неподвижнаго камня. видя въ немъ символъ всего того, съ чѣмъ они въ данный моментъ принуждены разстаться.

„Строиться!" - громко раздается приказаніе унтеръ-офицера, ведущаго, партію. Ссыльные подымаются и исполняютъ приказаніе - „Шагомъ маршъ!"—Многіе спѣшно осѣняютъ себя въ послѣдній разъ крестнымъ знаменемъ и, звеня кандалами, медленно переходятъ границу Сибири.

Еще до недавняго времени пограничный столбъ былъ покрытъ иниціалами и небольшими надписями: ихъ вырѣзывали либо надписывали на твердой цементной связкѣ. Ко времени нашего путешествія, послѣдняя почти вся обвалилась Только немного словъ и буквъ сохранилось. На одной сторонѣ камня я прочелъ: „Прощай Маша!"—Какъ дорого должно было быть это имя ссыльному, когда оно. въ видѣ послѣдняго привѣта покидаемой родинѣ. просилось изъ его души! Для него въ этомъ имени могъ заключаться цѣлый міръ, а теперь, перейдя границу, онъ долженъ былъ съ этимъ міромъ, быть можетъ навсегда. распрощаться.

Мы сорвали нѣсколько цвѣтковъ у подножія столба, вошли въ тарантасъ, крикнули Европѣ „прощай!", какъ это и до насъ столь многіе дѣлали, и поѣхали дальше—въ Сибирь.

II.

Тюрьмы Западной Сибири.

Переваливъ Уралъ, мы вступили въ ту часть обширнаго русскаго государства, величина и значеніе которой, рѣдко встрѣчаетъ правильную и справедливую оцѣнку. Большинство считаетъ Сибирь полярной страной, покрытой значительную часть года снѣгомъ и льдомъ. Малочисленное населеніе состоитъ преимущественно изъ ссыльныхъ; незначительное же меньшинство составляютъ солдаты и чиновники. Таково господствующее мнѣніе объ этой странѣ, представляющей, нѣкоторымъ образомъ, самостоятельную часть свѣта.

Сибирь простирается отъ 40,17' до 77,46' сѣв. широты (отъ Семирѣченска до мыса Челюскина) и отъ 90° до 190° съ запада на востокъ (отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива).

Соединенные Штаты Сѣв. Америки, Аляска и всѣ европейскія государства, исключая Россіи, не только могли бы помѣститься на поверхности Сибири, но еще осталось бы весьма значительное свободное пространство.

Страна, площадью въ 12 000,000 кв. кил.. естественно, представляетъ большія различія въ климатѣ, топографіи и растительности. Бѣглый взглядъ на карту показываетъ, что большая часть Зап. Сибири лежитъ южнѣе Ниццы, Венеціи и Милана, а южная граница Семирѣченской области даже

ближе къ экватору, чѣмъ Неаполь. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи средняя мѣсячная температура достигаетъ въ январѣ 50° по Фаренгейту, а въ Семипалатинскѣ доходитъ въ іюлѣ до 72°; нерѣдко въ тѣни максимальная температура бываетъ въ 100°. Въ то время какъ на Таймырскомъ полуостровѣ почва лѣтомъ оттаиваетъ всего на нѣсколько дюймовъ, на Западѣ поспѣваетъ дыня и цвѣтетъ табакъ.

Повсюду въ Сибири зима обыкновенно очень суровая, лѣто-же, напротивъ, чрезвычайно жаркое. Во многихъ городахъ плодородной части южной Сибири, средняя температура въ лѣтніе мѣсяцы превосходитъ таковую въ Лондонѣ; въ Иркутскѣ—она на пять градусовъ выше, чѣмъ въ Дублинѣ. въ Тобольскѣ—на 4 градуса выше, чѣмъ въ Лондонѣ; въ Семипалатинскѣ и Бостонѣ температура одинакова, а лѣто въ Вѣрномъ почти такое-же, какъ и въ Чикаго.

Путешественники, впервые пріѣзжающіе въ Сибирь лѣтомъ, не мало удивляются подобному мягкому климату. Мы были, нѣкоторымъ образомъ, къ этому подготовлены, благодаря плаванію вверхъ по Камѣ, тѣмъ не менѣе и насъ вначалѣ поразилъ сибирскій климатъ. Ничто не напоминало въ этой плодородной, изобилующей цвѣтами странѣ, полярную область.

Голубое небо залито солнечными лучами, деревья въ полномъ цвѣту, пчелы летаютъ по цвѣточнымъ лугамъ, а изъ густой листвы раздается пѣніе птицъ; воздухъ, насыщенный душистымъ запахомъ цвѣтовъ и веселый, яркій солнечный свѣтъ напоминаютъ прекраснѣйшія мѣста умѣреннаго пояса въ лѣтніе мѣсяцы.

Два-три ряда высокихъ серебристыхъ березъ густой стѣной окаймляютъ дорогу отъ Екатеринбурга до Тюмени. Ихъ переплетающіяся вѣтви образуютъ сплошной лиственный покровъ, задерживающій палящіе солнечные лучи. Много миль мы ѣхали вдоль этой естественной колоннады: бѣлые

стволы деревьевъ служили для нея столбами, покрытіемъ - красивая переплетающаяся листва. Преданіе гласитъ, что деревья были посажены по приказу Екатерины II, и, въ воспоминаніе объ этомъ, часть дороги носитъ названіе „Екатерининской аллеи". Быть можетъ такимъ путемъ желала императрица облегчить ссыльнымъ муки лѣтняго перехода? быть можетъ желала она этимъ поощрить переселеніе въ страну, привлекавшую ея особенное вниманіе? Пусть! Въ теченіе цѣлаго столѣтія въ этихъ аллеяхъ жила память о ней, и многіе тысячи ссыльныхъ не разъ находили здѣсь защиту отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца.

Вблизи Тюмени картина природы совершенно измѣнилась. Исчезла обширная равнина, плодородная и обработанная; показался болотистый, дѣвственный лѣсъ. Болѣе или менѣе сносная до сихъ поръ дорога превратилась въ густую грязевую поверхность. Колеса нашего тяжелаго тарантаса погружались въ нее почти до самыхъ осей; мы могли только медленно подвигаться впередъ. Видны были попытки сдѣлать дорогу проѣзжей: погружали въ ея болотистую поверхность толстые стволы деревьевъ; однако, дерево не могло долго оказывать сопротивленіе колесамъ тяжелыхъ телѣгъ, и, въ результатѣ, дорога сдѣлалась еще болѣе бугристой. Безпрерывная тряска становилась нестерпимой, и мы предпочли нѣкоторое время итти пѣшкомъ.

Въ четвергъ, 18 іюня, мы выѣхали изъ лѣсу на широкую равнину, которой осока и калужница придавали желтозеленую окраску. „Вотъ и Тюмень!" воскликнулъ нашъ ямщикъ, указывая передъ собою кнутомъ. Мы увидѣли длинный рядъ пирамидальныхъ деревянныхъ крышъ, которыя мѣстами прерывались бѣлыми стѣнами казеннаго зданія либо зеленымъ куполомъ церкви. Мы проѣхали мимо мраморнаго пилястра, сооруженнаго въ 1868 г., въ память прощанія гражданъ съ великимъ княземъ Владиміромъ, мимо отряда солдатъ, упражняющагося въ

стрѣльбѣ по мишенямъ, мимо длиннаго ряда низкихъ навѣсовъ, окруженныхъ бѣлыми палатками для ссыльныхъ и, наконецъ, мимо, знаменитой пересыльной тюрьмы расположенной въ предмѣстіи города.

Въ Тюмени было нѣсколько гостиницъ; однако воспользовавшись рекомендаціей ямщика, мы направились къ нѣкоему г. Ковальскому, отдающему въ наемъ комнату. Въ теченіе двухъ дней, мѣняя одиннадцать разъ лошадей, мы совершили приблизительно 330 кил., проведя почти сорокъ безсонныхъ часовъ въ нашемъ неудобномъ тарантасѣ. Члены мои отъ тряски совершенно одеревянѣли, и я едва былъ въ состояніи взобраться по лѣстницѣ; утоливъ голодъ, мы легли и спали до утра.

Тюмень, гдѣ собственно начиналось наше путешествіе по Сибири, а также наблюденія надъ системою ссылки, небольшой городокъ, расположенный на правомъ берегу Туры, повыше мѣста ея впаденія въ Тоболь.

Въ субботу мы предприняли небольшую прогулку по городу. Не стоило! Тѣ же грязныя, немощеныя улицы, которыхъ мы довольно видали въ деревняхъ, съ тою лишь разницей, что избы были немного обширнѣе.

Одинъ изъ нашихъ петербургскихъ знакомыхъ далъ намъ рекомендательное письмо къ директору мѣстнаго реальнаго училища г. Словцову. Въ тотъ же день вечеромъ, мы передали письмо и были очень любезно приняты.

Реальное училище занимаетъ самое большое и красивое зданіе города; массивный двухъэтажный кирпичный домъ, стоимостью въ 85.000 долларовъ, простроенъ богатымъ купцомъ и данъ въ даръ городу. Училище прекрасно обставлено; при немъ находится механическій отдѣлъ съ паровой машиной, приводящей въ движеніе рабочіе станки; естественный отдѣлъ съ лучшими и новѣйшими приборами, химическая лабораторія, библіотека, музей, обладающій, среди прочаго, гербаріумомъ туземныхъ дикихъ растеній; коротко говоря —

образцовое учрежденіе, способное удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ.

Г. Словцовъ указалъ намъ адресъ своего знакомаго шотландца, г. Вадроппера, ведущаго здѣсь, уже болѣе двадцати лѣтъ, торговыя дѣла. Мы заранѣе были увѣрены, что г. Вадропперу будетъ пріятна встрѣча съ жителями дальняго запада и не ошиблись. Намъ былъ оказанъ сердечный пріемъ и, вскорѣ, въ кругу его семьи, мы чувствовали себя по домашнему.

Въ Тюмени расположена самая значительная пересыльная тюрьма Сибири, и здѣсь-же мѣстопребываніе высшей тюремной администраціи. Всѣ приговоренные къ ссылкѣ, либо къ каторжнымъ работамъ, до отправки ихъ на югъ или востокъ, препровождаются временно въ тюменскую тюрьму, гдѣ составляются необходимые документы, касающіеся личности ссыльныхъ.

Помня, что въ Перми мы подверглись аресту за одинъ лишь взглядъ снаружи на тюрьму, мы мало надѣялись получить доступъ внутрь. Г. Вадропперъ былъ, однако, другого мнѣнія и въ воскресенье отправился съ нами къ полиціймейстеру г. Красину. Представивъ рекомендательныя письма русскихъ министерствъ, мы были весьма радушно приняты и приглашены къ завтраку. Во время бесѣды, г. Красинъ намекнулъ намъ, что, благодаря оффиціальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ, онъ освѣдомленъ о цѣли нашего путешествія и готовъ быть намъ полезнымъ.

Правда, онъ опасается, что тюрьмы намъ покажутся въ данный моментъ переполненными и въ плохомъ санитарномъ состояніи, тѣмъ не менѣе онъ даетъ намъ немедленно разрѣшеніе на посѣщеніе и назначаетъ для этого слѣдующій день.

Случайное нездоровье помѣшало ему исполнить свое обѣщаніе, однако во вторникъ онъ послалъ рекомендательное письмо начальнику тюрьмы, а, въ среду, въ десятомъ

часу утра, вмѣстѣ съ г. Вадроппером и Игнатовымъ — бывшимъ членомъ тюремнаго комитета — мы стояли передъ дверью этого учрежденія. Трехъэтажное кирпичное строеніе, около 25 метровъ высоты и 15 метровъ ширины, помѣщалось внутри большого двора, обнесеннаго трехаршинной стѣной.

У каждаго угла стѣны стояла караульная будка; тюремная стража, съ примкнутыми штыками и заряженными ружьями совершала обходъ. Направо у воротъ, въ небольшомъ домикѣ, помѣщалась тюремная канцелярія; передъ домикомъ столбъ съ деревяннымъ навѣсомъ, подъ которымъ висѣлъ колоколъ.

Возлѣ тюрьмы расположилась группа дѣвушекъ и женщинъ, продающихъ арестантамъ хлѣбъ, холодное мясо, вареные яйца, молоко и другіе съѣстные припасы. Первоначально тюрьма назначалась для 500 арестантовъ, съ помощью пристроекъ въ ней могло помѣститься 800 человѣкъ; однако, въ день нашего осмотра, въ ней было не менѣе 1741 арестанта.

У воротъ часовой насъ остановилъ, мы сообщили наше желаніе, послѣ чего онъ крикнулъ въ четырехугольное оконце: „стар ш-і-й!"

На крикъ вышелъ унтеръ-офицеръ и взялъ у насъ письмо для передачи начальнику тюрьмы.

Вскорѣ намъ разрѣшили войти. Около 50 арестантовъ ходили взадъ и впередъ по двору: нѣкоторые сидѣли на корточкахъ. Всѣ были одѣты во все сѣрое. круглая шапка, рубаха и брюки изъ толстаго холста, арестантскій халатъ на которомъ. между плечъ, были вшиты одинъ или два четырехугольныхъ лоскутка чернаго или желтаго сукна. Почти всѣ были въ ножныхъ кандалахъ. бренчавшихъ при каждомъ ихъ движеніи.

Мы вошли въ одну изъ тюремныхъ камеръ, представлявшую изъ себя одноэтажный деревянный баракъ, расположенный налѣво у воротъ. Повидимому, этотъ баракъ былъ сооруженъ для размѣщенія тѣхъ, которымъ не хватало

мѣста въ главномъ зданіи. Внутри помѣщеніе имѣло 12 метровъ въ длину, 8 въ ширину и 4 въ вышину. Бревенчатыя стѣны были когда то выбѣлены, теперь же онѣ имѣли видъ не менѣе почернѣвшій, чѣмъ загрязненный полъ.

Камера освѣщалась тремя, выходящими во дворъ, защищенными рѣшетками, окнами; посрединѣ находились деревянныя нары, длиною въ 10 м., шириною въ 4 и вышиною въ ½ л. Нары были слегка покаты въ обѣ стороны, т. ч. на нихъ можно было лежать въ два ряда. Нары и бадья, для удовлетворенія естественныхъ надобностей, составляли все убранство сибирской тюрьмы. Арестанты не получаютъ ни подушекъ, ни одѣялъ; они спятъ на твердыхъ нарахъ и покрываютъ себя своими халатами.

Когда мы вошли въ камеру, арестанты, бренча кандалами, вдругъ вскочили съ своихъ мѣстъ, сняли шапки и молча стали вплотную, у самыхъ наръ.

— Какъ поживаете, братцы? спросилъ начальникъ тюрьмы.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе, прозвучалъ многоголосый отвѣтъ.

— Тюрьма невѣроятно переполнена,—замѣтилъ намъ начальникъ. - Обратите вниманіе, напримѣръ, на эту камеру; она длиною въ 12 метровъ, шириною въ 8 и можетъ вмѣстить въ себѣ не болѣе 10 человѣкъ. Сколько васъ здѣсь спало прошлую ночь? – спросилъ онъ одного изъ арестантовъ.

— Сто шестьдесятъ,—воскликнуло нѣсколько хриплыхъ голосовъ.

Итакъ, въ этой камерѣ находится въ четыре раза болѣе людей, чѣмъ она, собственно, въ состояніи вмѣстить, - сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.—Такимъ образомъ у насъ повсюду.

Я осмотрѣлъ камеру. Полнѣйшее отсутствіе вентиляціи, вслѣдствіе чего воздухъ былъ до того тяжелъ, что я едва переводилъ дыханіе.

1042362

Мы послѣдовательно посѣтили шесть деревянныхъ камеръ; онѣ всѣ находились въ томъ же состояніи, повсюду переполненіе достигало такихъ размѣровъ, что наличное число арестантовъ превосходило въ три либо въ четыре раза нормальное количество, могущее въ нихъ вмѣститься; почти вездѣ не хватало мѣста на нарахъ, и часть заключенныхъ принуждена была спать на грязномъ полу. Когда мы вошли въ одну изъ этихъ камеръ, изъ подъ наръ выползло нѣсколько человѣкъ, по внѣшнему виду больныхъ.

Осмотрѣвъ бараки во дворѣ, мы посѣтили главное зданіе, въ которомъ помѣщались кухня, мастерскія, больница и еще нѣсколько камеръ. Видъ послѣднихъ былъ даже хуже только что осмотрѣнныхъ.

Г. Игнатовъ, знавшій объ ихъ плачевномъ состояніи, какъ бывшій членъ тюремнаго комитета, предпочелъ насъ не сопровождать.

Мы направились дальше. Темные, грязные корридоры съ массивными деревянными дверьми по обѣимъ сторонамъ; двери вели въ маленькія камеры, одинаковаго устройства съ большими и относительно не менѣе переполненныя.

Въ одной изъ такихъ камеръ мы замѣтили 8—9 человѣкъ, принадлежащихъ, повидимому, къ образованному классу. Здѣсь также и начальникъ тюрьмы снялъ шляпу. По всей вѣроятности, это были „политическіе"; по крайней мѣрѣ сюда, обыкновенно, препровождались высылаемые по политическимъ причинамъ.

Повсюду воздухъ былъ въ высшей степени испорченъ, особенно во второмъ этажѣ. Онъ былъ пропитанъ мокротными выдыханіями больныхъ и зловонными испареніями, обильно подымающимися изъ сосудовъ съ нечистотами.

Не будучи въ состояніи дольше дышать въ этой атмосферѣ, я пробовалъ задерживать дыханіе, пока не былъ близокъ къ обмороку. Начальникъ тюрьмы замѣтилъ мое состояніе.

Тюменская
Областная публичная
БИБЛИОТЕКА

ТЮМЕНСКАЯ
областная библиотека
Сектор редкой книги

— Закурите папиросу и выпейте въ аптекѣ рюмку вина, это васъ приведетъ въ себя, — сказалъ онъ мнѣ. — Вы не привыкли къ тюремному воздуху.

Я послѣдовалъ его совѣту, послѣ чего мы направились осматривать мастерскія. Послѣднія помѣщались во второмъ этажѣ. Въ одной изъ нихъ три или четыре арестанта занимались починкой сапогъ, въ другой шли столярныя работы; какъ то, такъ и другое дѣлалось безъ соотвѣтствующихъ инструментовъ и безъ всякаго знанія дѣла. Смѣшно было давать этимъ камерамъ громкое названіе „мастерскихъ". Кухня была темнымъ, грязнымъ помѣщеніемъ, въ подвальномъ этажѣ. Полуобнаженные люди пекли хлѣбъ, а въ большихъ желѣзныхъ котлахъ приготовлялся супъ. Я попробовалъ немного изъ грязной деревянной чашки, которую кашеваръ передъ тѣмъ старательно вытеръ. Я нашелъ супъ достаточно питательнымъ и пріятнымъ на вкусъ. Хлѣбъ былъ кислый, но не хуже того, который ѣдятъ обыкновенно русскіе крестьяне. Каждый заключенный получаетъ ежедневно 2½ ф. чернаго хлѣба, 6 унцій варенаго мяса, отъ 2 до 3 унцій ячменная либо овса и ежедневно, утромъ и вечеромъ, кружку кваса.

Я спросилъ начальника тюрьмы, можно ли также побывать въ больницѣ. Мое любопытство казалось начальнику совершенно непонятнымъ. Однако, онъ насъ немедленно повелъ въ третій этажъ, предназначенный для больныхъ. Больничныя камеры были больше и свѣтлѣе обыкновенныхъ камеръ, но находились едва-ли въ лучшемъ состояніи. Какъ и въ тѣхъ, такъ и въ другихъ вентиляція совершенно отсутствовала, а о дезинфекціи, видно, не имѣли никакого представленія. Воздухъ былъ зачумленъ; здоровый человѣкъ долженъ былъ заболѣть въ этомъ воздухѣ въ нѣсколько дней; непонятно какимъ образомъ здѣсь исцѣлялись больные. Въ каждомъ отдѣленіи помѣщалось 12—15 желѣзныхъ кроватей, разставленныхъ у стѣнъ, съ изголовьемъ къ

стѣнѣ. Промежутокъ около полутора метра отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга. Постель состояла изъ мѣшка съ соломой, подушки и сѣраго шерстяного одѣяла Мой спутникъ потомъ увѣрялъ, что онъ замѣтилъ на нѣкоторыхъ кроватяхъ грубыя полотняныя простыни, я этого не припоминаю. На черной прикрѣпленной къ изголовью дощечкѣ, на русскомъ и латинскомъ языкѣ, была обозначена болѣзнь и день поступленія въ больницу. Наиболѣе часто встрѣчающіяся болѣзни были:—скорбутъ, тифъ, гастрическая лихорадка, бронхитъ, ревматизмъ и сифилисъ. Тифозные больные помѣщались отдѣльно; для другихъ больныхъ всякая изоляція, видимо, считалась излишней. Нигдѣ я не видѣлъ такихъ исхудалыхъ, лихорадочно-блѣдныхъ лицъ, какъ здѣсь, въ больничныхъ камерахъ тюменской тюрьмы. Да иначе и быть не могло въ этихъ отвратительныхъ, зачумленныхъ помѣщеніяхъ, надъ входомъ въ которыя, подобаетъ надписать: „оставьте всякую надежду, сюда входящіе“.

Мы осмотрѣли еще отдѣленіе для роженицъ и тифозно-больныхъ. Я стремился на свѣжій воздухъ, чтобы, наконецъ, свободно вздохнуть. Начальникъ тюрьмы повелъ насъ однако, еще, внизъ—въ аптеку, гдѣ намъ подали вина, опрыскали карболовымъ растворомъ, въ видѣ предупредительной мѣры противъ зараженія. Это уже было въ нѣкоторомъ родѣ облегченіе, послѣ пребыванія въ той ужасной атмосферѣ, которую мы только что покинули. Но во дворѣ лишь я сталъ глубоко вдыхать въ себя воздухъ и переживалъ въ тотъ моментъ ощущеніе человѣка, спасшагося отъ утопленія.

— Сколько человѣкъ изъ вашихъ больныхъ ежегодно умираетъ?—спросилъ я начальника тюрьмы.

— Около трехсотъ,— былъ отвѣтъ —Почти каждую осень свирѣпствуетъ тифозная эпидемія. Да иначе и быть не можетъ въ подобныхъ переполненныхъ помѣщеніяхъ Соблюдать въ нихъ чистоту немыслимо, а какимъ воздухомъ дышатъ больные, вы лично убѣдились. Осенью положеніе

значительно ухудшается. Лѣтомъ можно, по крайней мѣрѣ, при хорошей погодѣ, освѣжать камеры. Мы сами страдаемъ при такихъ условіяхъ не менѣе заключенныхъ; мой помощникъ только недавно перенесъ тифъ, схваченный имъ при исполненіи своихъ обязанностей и приковавшій его на шесть недѣль къ постели. Неоднократно мѣстныя власти просили правительство прійти на помощь, но ничего, кромѣ постройки двухъ бараковъ, не удалось достигнуть.

Начальникъ тюрьмы передавалъ намъ лишь факты хорошо извѣстные мѣстнымъ жителямъ и которыхъ онъ считалъ лишнимъ скрывать отъ постороннихъ.

Затѣмъ мы направились въ женскую тюрьму, расположенную по другой сторонѣ улицы и окруженную частоколомъ. Внѣшній видъ соотвѣтствовалъ упомянутымъ баракамъ, но камеры были меньше, не такъ переполнены, значительно чище и свѣтлѣе; полы и нары были выбѣлены; въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно было замѣтить нѣкоторую роскошь, въ видѣ ковроваго лоскутка; въ одной изъ камеръ я обратилъ вниманіе на горшки съ цвѣтами. Какъ мужчины, такъ, повидимому, и женщины принуждены спать рядами, на твердыхъ нарахъ, безъ одѣялъ и подушекъ. Большинство женщинъ были крестьянки; многія имѣли при себѣ своихъ дѣтей.

Послѣ того нами была осмотрѣна тюрьма, въ которой помѣщались ссыльныя семейства. Окруженный частоколомъ баракъ, 25 метровъ длины, безъ перегородокъ, внутри котораго находились до 300 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. И здѣсь было то же переполненіе, тотъ же зачумленный воздухъ, что и въ другихъ зданіяхъ. Голодныя, оборванныя дѣти не переставали плакать, взрослыя утомленно и равнодушно смотрѣли на нихъ. Женщины этого отдѣленія не были ссыльными онѣ слѣдовали добровольно за своими мужьями.

Пробилъ часъ; мы отправились на завтракъ къ г. Игна-

тову. Зная, что нашъ хозяинъ былъ прежде однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ тюремнаго комитета, я поэтому спросилъ его, освѣдомлено ли правительство о всѣхъ мѣстныхъ порядкахъ. Онъ отвѣтилъ утвердительно, заявивъ, что всѣ надлежащія власти ежегодно представляютъ въ Петербургъ правдивый отчетъ; не слѣдуетъ думать, что въ подобномъ положеніи находится одна лишь тюменская тюрьма. Сооруженіе новыхъ тюремъ необходимо не только въ Сибири, но и въ Россіи; у правительства же нѣтъ свободныхъ денегъ; основательная реформа тюремнаго дѣла потребовала бы не менѣе десяти милліоновъ рублей. Онъ признаетъ, что положеніе тюрьмы ужасно, и его добровольный отказъ отъ должности члена тюремнаго комитета послѣдовалъ въ виду нежеланія правительства дать свое согласіе на проэктированную постройку больницы.

Эти свѣдѣнія, какъ и полученныя мною отъ начальника тюрьмы, находили подтвержденіе съ различныхъ сторонъ. Изъ отчета медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что въ 1884 году изъ заключенныхъ въ тюменской пересыльной тюрьмѣ пользовались лѣченіемъ, въ больничномъ отдѣленіи, не менѣе 28,4%, т. е. почти одна треть всѣхъ заключенныхъ. Если принять во вниманіе, что ежегодно отъ 17 до 19.000 ссыльныхъ находятся здѣсь временно и, что многіе, подвергающіеся лѣченію въ камерахъ, не входятъ въ это число, то можно составить себѣ приблизительное понятіе о царящемъ здѣсь ужасѣ.

Для правильнаго пониманія системы ссылки и той важной роли, которую при этомъ играетъ пересыльная тюрьма въ Тюмени, необходимо знать, что въ Россіи тюремъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, совершенно нѣтъ.

Присужденный менѣе чѣмъ къ четырехлѣтнему наказанію, отбываетъ его въ одномъ изъ русскихъ арестныхъ домовъ, такъ какъ короткій срокъ заключенія не оправдываетъ трудностей, связанныхъ съ ссылкой; присужденные же къ

наказанію свыше четырехъ лѣтъ ссылаются въ Сибирь. Такимъ образомъ, съ 1823 г. по 1887 г. включительно, сослано въ Сибирь 772,979 человѣкъ а именно:

съ	1823 г.	по 1832 г.	98.725
„	1833 „	„ 1842 „	86.550
„	1843 „	„ 1852 „	69.764
„	1853 „	„ 1862 „	101.238
„	1863 „	„ 1872 „	146.380
„	1873 „	„ 1877 „	91.257
		въ 1878 „	17.790
		„ 1879 „	18.255
		„ 1880 „	17.660
		„ 1881 „	17.183
		„ 1882 „	16.915
		„ 1883 „	19.314
		„ 1884 „	17.824
		„ 1885 „	18.843
		„ 1886 „	17.477
		„ 1887 „	17.774
		Всего.	772.979

Сосланныхъ можно раздѣлить на три главныхъ разряда: I—*каторжные*, т. е. осужденные къ каторжнымъ работамъ, II—*поселенцы*--сосланные на поселеніе и III--*остальные ссыльные*; къ четвертому разряду можно причислить *добровольныхъ*, т. е. женъ, дѣтей, добровольно слѣдующихъ за своими близкими въ ссылку. Преступники первыхъ двухъ разрядовъ лишаются всѣхъ правъ состоянія и осуждаются на пожизненное пребываніе въ Сибири: принадлежащіе къ третьему разряду сохраняютъ нѣкоторыя права и могутъ, по отбытіи наказанія, возвратиться на родину. Первые слѣдуютъ въ мѣста ссылки закованными въ пятифунтовые кандалы и съ полу-обритой головой, послѣдніе освобождаются отъ того и другого. Къ ссыльнымъ третьяго разряда относятся: I—бродяги; II—ссылаемые по приговору суда, III- ссылаемые по приговору общества, IV—ссылаемые административнымъ порядкомъ.

Слѣдующая таблица показываетъ соотношеніе числа ссыльныхъ различныхъ разрядовъ на 1885 г.:

	Мужч.	Женщ.	Всего
I. Каторжные	1.440	111	1.551
II. Поселенцы	2.526	133	2.659
III. Ссыльные:			
а) бродяги	1.646	73	1.719
б) по приговору суда .	172	10	182
в) по пригов. общества .	3.535	216	3,751
г) администр. порядкомъ.	300	68	368
IV. Добровольные	2.068	3.468	5.536
Итого.	11.687	4.079	15.766

Такимъ образомъ, добровольно слѣдующіе за своими близкими въ ссылку составляютъ болѣе одной трети общаго числа. Оффиціальная таблица за четыре года даетъ слѣдующія данныя:

Годъ.	ссыльныхъ.	женъ и дѣтей.	процентъ.
1882	16.945	5.270	31
1883	19.314	6.311	33
1884	17.824	6.067	34
1885	18.843	5.536	28
Итого. .	72.926	23.190	31

Внимательное изученіе приведенныхъ цифръ показываетъ, что изъ 10.230 сосланныхъ въ Сибирь, въ качествѣ преступниковъ, только 4.392, т. е. меньше половины были судимы; большинство же, именно 5.838 человѣкъ было сослано административнымъ порядкомъ, т. е. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Соотношеніе между количествомъ ссылаемыхъ той и другой категоріи подвергается

лишь незначительнымъ колебаніямъ. Съ 1867 г. по 1876 г. включительно, было сослано въ Сибирь 151.585 человѣкъ, изъ которыхъ 48.8% — по судебному приговору, а 51.2% — по административному распоряженію. Въ тюменской пересыльной тюрьмѣ временно перебывало, съ 1880 г. по 1886 г. включительно, 120.065 ссыльныхъ, изъ которыхъ 64.513, т. е. 53.7% было сослано по судебному приговору и 55.552, т. е. 46.3% по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ семидесятыхъ годовъ, только 45.6 % ссыльныхъ были приговорены къ наказанію судомъ. Статистическія данныя показываютъ, наконецъ, что болѣе трети ссылается по приговору обществъ.

Ссылаемые по политическимъ причинамъ входятъ въ составъ каждой изъ перечисленныхъ группъ. Ихъ число не такъ велико, какъ обыкновенно полагаютъ. Ежегодно оно едва достигаетъ 150 человѣкъ. Въ 1884 году черезъ тюменскую тюрьму прошло 140 „политическихъ", а съ начала 1885 г., до времени моего путешествія въ ней перебывало только 60 человѣкъ. Трудно, однако, установить точныя цифры, т. к. для этого нѣтъ достаточно правдиваго статистическаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что количество политическихъ ссыльныхъ можно принять равнымъ 1% общаго числа всѣхъ ссылаемыхъ.

На слѣдующій день послѣ посѣщенія тюменской тюрьмы, намъ удалось наблюдать шествіе партіи ссыльныхъ, направляющихся въ Якутскъ. Мы, собственно, рѣшили сдѣлать еще нѣсколько набросковъ тюрьмы и съ этой цѣлью направились къ ней. Передъ тюрьмою стояла оживленная толпа: около ста женщинъ и дѣтей въ пестрой одеждѣ и 250 мужчинъ, въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ; ихъ окружали конвойные солдаты. Вблизи находилось 15—20 телѣгъ; нѣкоторыя были нагруженны мѣшками съ нищенскимъ имуществомъ этихъ несчастныхъ; на другихъ сидѣли взрослые и дѣти, которымъ годы, болѣзнь либо дряхлость не позволяли

совершать путь пѣше-этапнымъ порядкомъ. Я удивлялся, какимъ образомъ вообще могъ передвигаться человѣкъ, проведшій хотя-бы недѣлю въ этой тюрьмѣ.

Безпрерывный говоръ толпы становился все громче, моментами сопровождаемый визгомъ ребенка и бренчаньемъ цѣпей. У телѣгъ стоялъ конвойный офицеръ, плотный мужчина, въ рыжеватыхъ бакенбардахъ, съ свѣтлоголубыми глазами и суровыми чертами лица; онъ былъ окруженъ женщинами и дѣтьми, желавшими получить разрѣшеніе на ѣзду въ телѣгѣ.

— Разрѣшите, пожалуйста, посадить мою маленькую. — молила блѣдная женщина. – Ей нѣтъ еще 10 лѣтъ и у нея болитъ нога. Она не въ состояніи пробѣжать 30 верстъ.

— Что у нея съ ногой?—спросилъ онъ нетерпѣливо, бросивъ бѣглый взглядъ на обнаженную ногу дѣвочки

— Не знаю. Болитъ у ней. Смилуйтесь!

— Нечего! Мѣста нѣтъ,—сказалъ онъ еще болѣе нетерпѣливымъ тономъ.—Бываетъ хуже, да и она глядитъ старше,— и, обратившись къ дѣвочкѣ, онъ грубо сказалъ:—Иди, пѣшкомъ легче будетъ цвѣты рвать.

Съ этими словами офицеръ повернулся къ нимъ спиною Женщина больше не смѣла съ нимъ говорить. Для избѣжанія дальнѣйшихъ просьбъ, онъ крикнулъ: „строиться!"

Наступила тишина, прерываемая временами лишь звономъ цѣпей. Солдаты взяли ружья на плечо, арестанты перекрестились.

— Шагомъ маршъ!

И шествіе тронулось въ путь.

Впереди скакало нѣсколько казаковъ, въ темнозеленыхъ мундирахъ; мужчины и женщины, подъ наблюденіемъ солдатъ, слѣдовали густой, безпорядочной массой, за ними телѣги съ больными и дѣтьми, позади снова нѣсколько казаковъ. Аріергардъ образовывали подводы, нагруженныя арестантскимъ скарбомъ

Вскорѣ шествіе скрылось отъ нашего взора, но еще долго былъ слышенъ звонъ цѣпей и окрикъ казаковъ.

Эта партія состояла большей частью изъ поселенцевъ, а также изъ лицъ, сосланныхъ по общественнымъ приговорамъ. Мѣстомъ поселенія имъ были назначены двѣ-три деревни на югѣ Тобольской губерніи.

Въ субботу, послѣ полудня, мы наблюдали на пристани посадку на судно 700 человѣкъ, ссылаемыхъ въ Томскъ. Съ внѣшней стороны судно имѣло видъ обыкновеннаго парохода, съ той лишь разницей, что менѣе глубоко сидѣло въ водѣ и совершенно не имѣло снастей. Длина его была около 75 метровъ, а ширина 10 метровъ; рядъ прямоугольныхъ люковъ пропускалъ свѣтъ во внутреннюю каюту. На палубѣ находились двѣ каюты: одна изъ нихъ назначалась для больныхъ и аптеки, другая для офицеровъ и привилегированныхъ ссыльныхъ. Обѣ каюты были соединены между собою навѣсомъ; боковыми стѣнками служили крѣпкія желѣзныя рѣшетки. Клѣтка эта, длиною въ 25 метровъ, шириною въ 10, предназначалась для прогулокъ арестантовъ. Внутри она дѣлилась рѣшеткой на двѣ неравныя части, большая—для мужчинъ, меньшая—для женщинъ и дѣтей. Арестанты называли ее „курятникомъ". Отсюда лѣстница вела внизъ, во внутреннія каюты. Послѣднія были 10 метровъ ширины, около $2^1/_2$ высоты и отъ 10 до 20 метровъ длины Одна предназначалась для женщинъ и дѣтей, двѣ или три другія—для мужчинъ. Повсюду были установлены двойныя нары. Прежде чѣмъ на судно были посажены арестанты, оно было основательно очищено и дезинфецировано, такъ что воздухъ въ немъ былъ свѣжъ и чистъ. Судно стояло у пловучей пристани. Съ берегу къ нему вели ступенчатыя сходни

На разстояніи каждыхъ нѣсколькихъ метровъ находился унтеръ-офицеръ; стоящіе на берегу арестанты были по обыкновенію окружены конвойними солдатами. Полковникъ Вино-

куровъ, завѣдывающій отправкой ссыльныхъ въ Западную Сибирь, разрѣшилъ намъ сдѣлать снимокъ съ судна и съ арестантовъ; послѣ того было приказано людямъ взойти на судно. Арестанты вскинули на спину мѣшки и по крутымъ сходнямъ начали спускаться внизъ; большинство было въ ножныхъ кандалахъ; бренчанье послѣднихъ не умолкало въ теченіе всей часовой посадки. Всѣ были одѣты въ одинаковую арестантскую одежду, но по наружности представляли крайнее различіе, т. к. тутъ были представители всевозможныхъ мѣстностей обширнаго русскаго государства: и великоросъ, и дикій житель Дагестана или Кавказа, котораго сюду привела кровная месть, смуглый татаринъ изъ-за Волги, крымскій турокъ, подольскій еврей, повидимому, пойманный контрабандистъ. Выраженіе лица большинства было весьма добродушнымъ, скорѣе тупое и чувственное, чѣмъ суровое и злое.

Посадка на судно была окончена.

Рѣшетчатыя клѣтки закрыты и заперты большими замками. Передъ нашими глазами развернулась пестрая картина, напоминавшая русскую ярмарку. Здѣсь дѣвочка - подростокъ, сквозь рѣшетку просовывала покупателямъ вареныя яйца, тамъ кто-то вторично давалъ свой кувшинъ наполнять молокомъ, которое старая женщина наливала съ помощью трубки. Всюду покупали хлѣбъ, соленые огурцы, сушеную рыбу. Продавцы, повидимому, питали довѣріе къ арестантамъ, т. к. передавали товаръ, прежде чѣмъ получали за него деньги. Конвойные солдаты, красивые и сильные парни, облегчали часто сношеніе между нами, раздавая деньги или съѣстные припасы, а временами даже отодвигая засовы, когда, напримѣръ, большой кусокъ хлѣба не пролѣзалъ сквозь рѣшетку.

Въ это время подошелъ священникъ: за нимъ служитель несъ молитвенникъ и церковную одежду. Онъ вошелъ въ одну изъ каютъ, откуда вскорѣ вновь показался въ полномъ

облачении, съ дымящейся кадильницей. Сперва онъ направился въ женское отдѣленіе, гдѣ монотоннымъ голосомъ прочиталъ молитву; женщины набожно молились и крестились, опустившись на колѣни и наклонивъ головы къ землѣ.

Гораздо меньше вниманія проявляли къ молитвѣ мужчины, къ которымъ вслѣдъ за тѣмъ направился священникъ. Правда, всѣ сняли шапки, но лишь немногіе молились, а торговля ни на минуту не прерывалась.

Священникъ переодѣлся, пожелалъ капитану счастливаго пути и направился къ городу.

Г. Фростъ и я ходили взадъ и впередъ по пристани, изучая арестанскіе типы. Большинство было гораздо веселѣе, чѣмъ можно было ожидать, зная всю тяжесть ихъ положенія. Они шутили, смѣялись и болтали довольно громко. Замѣтивъ, что г. Фростъ дѣлаетъ въ своей записной книжкѣ наброски нѣсколькихъ характерныхъ лицъ, они, смѣясь и шутя, привели двухъ—трехъ своихъ товарищей, по ихъ мнѣнію, наиболѣе подходящихъ для этой цѣли. При этомъ не мало дурачились, словомъ, вели себя какъ школьники, предпринимающіе веселую каникулярную поѣздку.

Когда стемнѣло, появился пароходъ. Раздалась команда, и плавучая тюрьма медленно двинулась въ путь по направленію къ Томску. Арестанты тѣснились у рѣшетокъ, желая еще разъ окинуть взоромъ Тюмень.

III.

По Иртышскимъ степямъ.

Мы намѣревались достигнуть Томска по Иртышскимъ степямъ, объѣхавъ города Омскъ, Павлодаръ, Семипалатинскъ, Усть-Каменногорскъ и Барнаулъ. Нашъ путь пролегалъ по плодороднѣйшимъ мѣстностямъ Тобольской и Томской губерній, густо населенныхъ ссыльными, и давалъ намъ возможность ознакомиться съ жизнью киргизовъ, а также увидать часть Алтайскаго хребта, прекрасной горной мѣстности, которую одинъ русскій офицеръ восторженно называлъ «Сибирской Швейцаріей». Но еще одна причина побуждала насъ уклониться отъ обычнаго маршрута. Я замѣтилъ, что во все время прежняго пути, всѣ мѣстныя власти были предупреждены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о нашемъ путешествіи, и, безъ сомнѣнія, имъ было указано, какъ себя, по отношенію къ намъ, вести. Мы находились, такъ сказать, подъ надзоромъ начальства, что, конечно, могло служить не малымъ препятствіемъ для осуществленія моего намѣренія, поближе ознакомиться съ жизнью политическихъ ссыльныхъ. Какъ я впослѣдствіи узналъ, мое рѣшеніе уклониться отъ первоначально намѣченнаго мною пути было какъ нельзя болѣе удачно. Намъ пришлось въ силу этого, попасть въ такую область, гдѣ политическіе ссыльные жили въ менѣе тяжелыхъ условіяхъ, и, слѣдовательно, гдѣ легче было съ ними войти въ сношеніе. Къ тому же, здѣсь въ лицѣ губернатора, мы встрѣтили гуманнаго, безпристрастнаго человѣка.

Купивъ тарантасъ, доставъ почтовыхъ лошадей, мы простились съ знакомыми и отправились въ путь по направленію къ Семипалатинску.

Первая часть нашего пути, отъ Тюмени до Омска, была

мало интересна. Мы проѣзжали по болотистымъ равнинамъ, покрытымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ивовыми чащами, олешникомъ, низкимъ и тернистымъ кустарникомъ и уродливыми хвойными деревьями. Все это только способствовало уменьшенію нашего поля зрѣнія.

Я имѣлъ отъ друга рекомендательное письмо къ богатому сибирскому фабриканту Колмакову, живущему у себя въ имѣніи, отстоящемъ верстъ на 100 отъ Тюмени, вблизи деревни Заводо-Уковской. Вечеромъ мы его посѣтили и были не мало удивлены роскошной, полной вкуса, обстановкѣ дома. Домъ былъ, правда, деревянный, въ два этажа, но обширенъ и уютенъ. Окна выходили въ красивый садъ Въ концѣ сада помѣщалась большая оранжерея, полная геранiй гортензiй, кактусовъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, ананасовъ и многихъ другихъ тропическихъ и полутропическихъ растенiй.

Посреди имѣнiя находилось обширное стеклянное строенiе, предназначенное для зимняго сада. Въ этомъ стеклянномъ дворцѣ зеленѣлъ цѣлый лѣсокъ банановъ и пальмъ, между которыми шла тропинка окаймленная цвѣточными грядами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ стояли скамьи и стулья. Повсюду полное отсутствiе искусственной культуры—все росло непосредственно съ земли.

— Кто-бы подумалъ, что въ Сибири можно отдыхать подъ пальмами, въ тѣни банановъ!—воскликнулъ мой товарищъ, присѣвъ отдохнуть среди цвѣтовъ и растенiй.

Мы еще осмотрѣли большой паркъ, а затѣмъ отправились въ домъ, гдѣ насъ ожидалъ обильный ужинъ.

Въ одиннадцатомъ часу подали заказанныхъ лошадей. Простившись съ гостепрiимнымъ хозяиномъ, мы пустились въ путь.

Подвигались мы съ трудомъ. Послѣднiе дожди сдѣлали и безъ того плохую дорогу почти непроѣздной. Ямщикъ не переставалъ бить лошадей, и насъ до того трясло, что о

снѣ нечего было и думать. На утро, усталые и сонные, мы подъѣхали къ деревнѣ Ново-Заимской и остановились у избы одного изъ знакомыхъ мужичковъ ямщика. Совершенно обезсиленные, мы опустились на землю рядомъ съ расположившейся на ночлегъ семьей хозяина. Проспавъ три часа, мы снова тронулись въ путь. Послѣ 24 часовой, скверной ѣзды, мы подъѣхали, въ среду утромъ, къ уѣздному городу Ишиму. Здѣсь долго не оставались: проливной дождь заставилъ насъ отказаться отъ первоначальнаго намѣренія осмотрѣть городъ. Выпивъ лишь чай въ избѣ мужика, мы отправились сейчасъ-же дальше.

На разстояніи шести километровъ отъ города показалась процессія сибирскихъ крестьянъ.

Большіе кресты, бѣлыя и цвѣтныя хоругви, огромные фонари на высокихъ шестахъ издали виднѣлись надъ толпой. Когда шествіе приблизилось, мы замѣтили особенно большое скопленіе людей у одного изъ шестовъ, на которомъ былъ прикрѣпленъ образъ въ золотой рамѣ. Шесть крестьянъ, безъ шапокъ, носили его; они сгибались подъ своей ношей; рама была, повидимому, изъ массивнаго золота либо изъ позолоченнаго серебра. Передъ образомъ шелъ священникъ, окруженный діаконами и церковными служителями; послѣдніе держали въ рукахъ хоругви, кресты и фонари, имѣвшіе большое сходство съ уличными. Всѣ монотонно пѣли, причемъ толпа временами подпѣвала. Вся процессія состояла изъ 400—500 человѣкъ, большей частью женщинъ. Проливной дождь, казалось, ихъ совершенно не безпокоилъ. Шествіе безпрерывно увеличивалось подходящими крестьянами.

Со времени нашего пріѣзда въ Сибирь, я впервые увидѣлъ подобную странную, напоминающую средніе вѣка картину. Мнѣ казалось, что я перенесенъ въ XI вѣкъ и вижу нафанатизированную Петромъ Амьенскимъ толпу, идущую въ крестовый походъ съ хоругвями и крестами.

Когда процессія исчезла изъ виду, и заглохло монотонное пѣніе, я спросилъ кучера, что все это означаетъ. Съ трудомъ мнѣ удалось получить отъ него понятное объясненіе. Я узналъ, что одна изъ ишимскихъ церквей имѣетъ чудотворный образъ, и его, ежегодно, проносятъ по значительнѣйшимъ пунктамъ окрестныхъ мѣстъ, чтобы дать возможность мѣстнымъ жителямъ получить благословеніе святыни. При этомъ сотни народа сопровождаютъ икону. Въ настоящее время святыня возвращается изъ кругового обхода.

Несмотря на дождь мы продолжали на слѣдующій день нашъ путь къ Тюкалинску. Черезъ ночь прояснилась погода, а утромъ солнце ярко свѣтило и воздухъ былъ насыщенъ пріятнымъ благоуханіемъ.

Дорога по прежнему плоха, но красота природы насъ нѣкоторымъ образомъ вознаграждала, чѣмъ далѣе мы подвигались къ юго-востоку, тѣмъ пышнѣе становились луга, показывались плодородныя, обработанныя поля, на которыхъ мѣстами виднѣлись березы и ивы. Степь была покрыта цвѣтами. Недавно вспашенная почва доказывала присутствіе жилья, однако, нигдѣ не было видно ни дома, ни даже забора; но, повидимому, гдѣ-то невдалекѣ были крестьянскія поселенія. Вскорѣ мы замѣтили плетенный заборъ, тянувшійся по дорогѣ на протяженіе ½ километра; въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пересѣкалъ улицу виднѣлись ворота Мы подъѣхали къ деревнѣ.

Большинство деревень между Тюменью и Омскомъ производили на насъ довольно непріятное впечатлѣніе. Повсюду два ряда ветхихъ деревянныхъ домовъ, грязныя улицы, полное отсутствіе слѣдовъ какой либо растительности.

Чувствуешь себя легче, оставивъ позади подобную деревню и очутившись на широкой, веселой степи, гдѣ сладкое благоуханье наполняетъ воздухъ, веселое чириканье птицъ услаждаетъ слухъ и зеленый лугъ ласкаетъ зрѣніе, гдѣ цвѣтутъ дикія розы, маргаритки и гіацинты. Въ пят-

ницу къ полудню, мы остановились на короткое время въ Тюкалинскѣ, а затѣмъ продолжали путь уже на вольныхъ лошадяхъ, по бугристой и грязной дорогѣ, изъ Тюкалинска въ Бекишево. Въ воскресенье 1-го Іюля мы прибыли, наконецъ, въ Омскъ.

Омскъ, съ населеніемъ въ 30,000 человѣкъ, является главнымъ городомъ Акмолинской области, большинство жителей—государственные чиновники. Красивѣйшія зданія города—кадетскій корпусъ, домъ губернатора, полицейскій участокъ и цитадель. Улицы немощеныя, дома большей частью деревянные конечно, нѣтъ недостатка въ многочисленныхъ церквахъ, съ ихъ яркими, сверкающими куполами. Если бы я хотѣлъ въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать городъ, то сказалъ бы: Омскъ—городъ съ 30,000 жителей, въ немъ самое обширное зданіе кадетскій корпусъ, самое красивое — полицейскій участокъ, но гдѣ нѣтъ не только газетъ, но даже библіотеки, гдѣ половина жителей носятъ мундиръ царя и считаетъ своею задачею управлять другой половиной. Какъ выполняется эта задача, показываютъ слѣдующія слова, обращенныя ко мнѣ на прощанье однимъ изъ интеллигентныхъ жителей города. „Если вамъ придется, г. Кеннанъ, упомянуть въ своихъ статьяхъ мое имя, то не говорите ничего хорошаго обо мнѣ.—„Почему же?" спросилъ я удивленный.—„Ваши статьи, по всей вѣроятности, не понравятся правительству и, если вы меня въ нихъ похвалите, то я стану подвергаться еще большимъ притѣсненіямъ, чѣмъ до сихъ поръ; вамъ покажется страннымъ моя просьба, но я убѣдительно прошу васъ оказать мнѣ это одолженіе".

Въ Омскѣ мало было для насъ интереснаго; маленькій музей географическаго общества, осмотрѣнный нами благодаря содѣйствію полковника Пѣвцова, и помѣщающаяся недалеко отъ города колонія ссыльныхъ; обитатели ея жили въ жалкихъ, наполовину скрытыхъ въ землѣ,

хижичахъ. Я просилъ указать мнѣ, гдѣ расположена тюрьма, въ которой знаменитый русскій писатель Достоевскій провелъ полтора года и дважды былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію; она была давно уже срыта. Меня не удивляетъ, что правительство приказало срыть тѣ стѣны, которыя видѣли на своемъ вѣку то человѣческое горе и тотъ ужасъ, которыхъ Достоевскій такъ живо описываетъ въ своихъ „Записках изъ мертваго дома". Мы охотно осмотрѣли бы новую тюрьму, но это намъ не удалось: губернаторъ, къ которому мы обратились съ соотвѣтственной просьбой, до того былъ съ нами невѣжливъ, что мы, не присѣвъ, покинули его превосходительство.

Отдохнувъ немного послѣ труднаго пути, мы въ среду выѣхали изъ Омска и, на тройкѣ, съ ямщикомъ изъ казаковъ, направились въ Семипалатинскъ. Дорога шла по правому берегу Иртыша. На пути встрѣчались деревни, подобныя тѣмъ, которыхъ мы видѣли до сихъ поръ, но съ тою лишь разницей, что населеніе составляли казаки, переселенные сюда правительствомъ; подобныя поселенія создаются обыкновенно въ тѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ возможно непріятельское нападеніе, либо разбойничьи набѣги туземцевъ. Такимъ путемъ образовалась въ прошломъ столѣтіи военно-оборонительная линія у Терека противъ кавказскихъ горцевъ, а на Иртышѣ противъ киргизовъ. Эти народности въ настоящее время замирены, но поселенія остались, и казаки живутъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ дѣды, не по своей волѣ, поселились. Между Омскомъ и Семипалатинскомъ находится отъ 30 до 40 подобныхъ казацкихъ поселеній; такое же число ихъ расположено между Семипалатинскомъ и Алтайскимъ хребтомъ.

Въ пятницу мы проѣжали небольшой казацкій городокъ Павлодарь. Жара была невыносима; термометръ показывалъ въ часъ дня 19° по Фаренгейту. Безъ сюртука и жилета сидѣли мы подъ кожаной крышей нашего тарантаса,

ведя борьбу съ большими зеленоватыми слѣпнями. При взглядѣ на обширную, залитую солнцемъ, степь, намъ едва вѣрилось, что мы находимся въ Сибири.

У самаго Иртыша лежало множество казацкихъ деревень; почва здѣсь была влажная и плодородная, растительность богатая.

Было весьма пріятно отдохнуть въ этомъ небольшомъ оазисѣ, отъ долгаго пути по безводной степи въ іюльскую пору. Послѣднюю часть нашего пути въ Семипалатинскъ мы совершили ночью. Безводная, обнаженная степь въ сумеркахъ напоминала пустыню.

Послѣ полуночи я заснулъ и проснулся лишь въ четвертомъ часу утра, когда мы проѣзжали мимо большого, освѣщеннаго фонарями зданія. Это былъ семипалатинскій тюремный замокъ.

IV.

Встрѣча съ политическими ссыльными.

Первая наша встрѣча съ политическими ссыльными произошла случайно, благодаря содѣйствію одного чиновника.

Среди многихъ чиновниковъ, съ которыми мы въ Сибири познакомились, былъ между прочимъ нѣкій г. Павловскій (по понятнымъ причинамъ называю его вымышленнымъ именемъ). Послѣдній занималъ долгое время выдающееся положеніе на русской государственной службѣ и считался знатокомъ сибирской жизни. Хотя съ первой минуты нашего знакомства г. Павловскій произвелъ на меня впечатлѣніе образованнаго, гуманнаго и свободомыслящаго человѣка, но я не рѣшался разспрашивать его о положении

политическихъ ссыльныхъ, т. к. мнѣ въ Петербургѣ совѣтовали быть весьма осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ, въ виду очень неодобрительнаго отношенія правительства къ этого рода попыткамъ. Я намѣревался свои планы въ этомъ отношеніи осуществить тайно.

Я не зналъ также, что русскіе чиновники нерѣдко симпатизируютъ политическимъ ссыльнымъ, и никогда не думалъ, что одинъ изъ такихъ чиновниковъ будетъ способствовать моему знакомству съ ними. Въ разговорѣ съ г. Павловскомъ я избѣгалъ этой темы, поэтому у него не было никакого основанія предполагать, что я интересуюсь революціонннымъ движеніемъ въ Россіи, а также политическими ссыльными.

Однажды послѣ обѣда, во время бесѣды объ Америкѣ, г. Павловскій внезапно обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

– Поразилъ ли васъ г. Кеннанъ, притокъ молодежи въ эту страну?.

Въ первый моментъ я не понялъ смысла вопроса и просилъ мнѣ его разъяснить.

— Я говорю о томъ множествѣ молодыхъ людей обоего пола, которыхъ сюда присылаютъ изъ Европейской Россіи. Я полагалъ, что это обстоятельство должно было васъ заинтересовать.

При этомъ, онъ посмотрѣлъ на меня серьезно и многозначительно, будто желая узнать мои тайныя мысли.

Мнѣ стало ясно, что онъ намекаетъ на политическихъ ссыльныхъ. Я тѣмъ не менѣе не упускалъ изъ виду, что имѣю передъ собою русскаго чиновника, и отвѣтилъ весьма осторожно. Я сказалъ, что кое-какіе разсказы, правда, доходили до меня, но личныхъ наблюденій у меня еще нѣтъ.

Мнѣ кажется, —продолжалъ онъ тѣмъ-же многозначительнымъ тономъ, – это движеніе представляетъ изъ себя удивительное соціальное явленіе, и оно, безъ сомнѣнія, должно возбудить особый интересъ чужестранца.

Я замѣтилъ, что меня весьма интересуютъ всѣ соціальныя явленія наблюдаемыя въ русской жизни, потому и этому движенію я оказалъ бы величайшее вниманіе будь оно мнѣ немного болѣе знакомо, чѣмъ до настоящаго времени.

— Многіе изъ этихъ людей богато одаренныя натуры; мужчины съ высшимъ образованіемъ, а женщины съ удивительнымъ характеромъ, продолжалъ онъ.

— Я слышалъ про это. Думаю — интересно поближе познакомиться съ подобными людьми!

Конечно! Все это люди, могущіе при иныхъ обстоятельствахъ быть очень полезными родинѣ. Я удивляюсь, что они еще не возбудили вашего вниманія.

Въ такомъ родѣ мы испытывали другъ друга въ теченіи нѣкотораго времени, стараясь узнать искреннее мнѣніе другого, не обнаруживая, однако, неосторожно своего. Изъ его словъ и тона, я все-же могъ заключить, что самъ онъ очень симпатизируетъ „молодымъ людямъ присланнымъ сюда изъ Европейской Россіи", но не рѣшается открыто объ этомъ заявить, не убѣдившись въ томъ, что я заслуживаю его полнаго довѣрія. Я, въ свою очередь, былъ весьма остороженъ, боясь, что вопросы русскаго чиновника не что иное, какъ уловка добиться отъ меня признанія истинной цѣли нашего путешествія по Сибири. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, что русскій чиновникъ можетъ такъ дружественно отзываться о сосланныхъ преступникахъ своего правительства, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ моей осторожности съ нимъ.

Утомившись подобной игрой въ прятки, я, наконецъ, открыто сказалъ:

Не подразумѣваете ли вы политическихъ преступниковъ? Не объ этихъ ли молодыхъ людяхъ вы говорите?

— Конечно, о нихъ,—отвѣтилъ онъ.—Я полагаю, что вы меня понимаете. По моему мнѣнію, ссылка въ Сибирь

такого множества молодыхъ людей представляетъ изъ себя явленіе, не могущее ускользнуть отъ взора чужестранца.

— Безъ сомнѣнія! Но какъ поближе ознакомиться съ этимъ явленіемъ? Мнѣ неизвѣстно даже въ какихъ мѣстахъ живутъ политическіе ссыльные, да къ тому же не знаю, какимъ образомъ съ ними познакомиться. Слышалъ я также, что правительство не особенно поощряетъ сношенія постороннихъ лицъ съ политическими ссыльными.

— Политическихъ ссыльныхъ не трудно найти,- возразилъ г. Павловскій,— ихъ здѣсь не мало, и вы, при желаніи, смѣло можете вступить съ ними въ сношенія. Въ одномъ Семипалатинскѣ ихъ отъ 30 до 40 *) человѣкъ; они гуляютъ по улицамъ, такъ-же свободно, какъ и всѣ прочіе жители; почему бы вамъ не встрѣтиться съ ними случайно на улицѣ?

Послѣ того какъ взаимное недовѣріе исчезло, бесѣда наша сдѣлалась откровенной. Я убѣдился въ томъ, что его симпатичныя слова не были уловкой; онъ же понялъ, что мой разумъ и тактъ не позволятъ мнѣ проболтаться. Я ему искренно признался въ своей антипатіи къ нигилистамъ, объяснялъ, что считаю ихъ фанатиками, дикія идеи которыхъ опасны всякому государственному строю.

— Вы ошибаетесь, —сказалъ онъ; все это сознательные и разсудительные люди, не причиняющіе даже намъ никакихъ непріятностей; самъ губернаторъ относится къ нимъ весьма дружелюбно.

Изъ дальнѣйшей нашей бесѣды я узналъ, что всѣ политическіе ссыльные сосланы въ Семипалатинскъ не по судебному приговору, а по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

Срокъ ихъ ссылки колеблется отъ двухъ до пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ, при условіи одобрительнаго отзыва

*) На самомъ дѣлѣ ихъ число было значительно меньше: всего 22 ссыльныхъ, изъ которыхъ 4 женщины.

объ ихъ поведеніи со стороны мѣстныхъ властей, они могли на свои счетъ возвратиться на родину. Нѣкоторые находили въ Семипалатинскѣ занятія и такимъ путемъ доставали средства къ жизни, другимъ оказывали матеріальную поддержку родственники и друзья на родинѣ. Остальные получали отъ государства причитающуюся имъ сумму: лица изъ привилегированныхъ слоевъ общества—шесть рублей, прочіе—2 р. 70 к. въ мѣсяцъ.

— Конечно,—сказалъ г. Павловскій,—подобная сумма денегъ недостаточна для пропитанія. На девять копѣекъ въ день жить нельзя, и нужда была бы, безъ сомнѣнія, еще значительнѣе, если бы имъ не оказывали поддержку болѣе состоятельные. Большинство изъ нихъ весьма образовано, и губернаторъ разрѣшаетъ имъ давать уроки, не смотря на категорическое запрещеніе этого закономъ. Женщины занимаются шитьемъ и вязаньемъ и такимъ путемъ кое-что зарабатываютъ. Всѣ имѣютъ право отправлять и получать письма, читать разрѣшенные журналы и книги, и вообще пользуются въ значительной мѣрѣ личной свободой, не смотря на полицейскій надзоръ.

— Каковы были преступленія этихъ людей?- спросилъ я.—Участвовали они въ заговорахъ?

— О нѣтъ,—отвѣтилъ г. Павловскій, смѣясь,—они считались лишь неблагонадежными. Нѣкоторые принадлежали къ запрещеннымъ обществамъ, другіе хранили либо ввозили запрещенныя книги; нѣкоторые были въ дружескихъ отношеніяхъ съ лицами, считавшимися политическими преступниками, или же принимали участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Большинство выслано административнымъ порядкомъ; все это лица, которыхъ правительство считаетъ полезнымъ удалить изъ мѣста ихъ постояннаго жительства и поселить подъ полицейскій надзоръ, въ какой-нибудь опредѣленной мѣстности государства. Собственно заговорщики, какъ мужчины, такъ и женщины, причастные къ

мятежнымъ дѣйствіямъ. ссылаются въ отдаленныя мѣста Сибири и приговариваются къ каторжнымъ работамъ. Ссылка въ степныя области считается легкимъ наказаніемъ, обыкновенно назначаемымъ лишь сосланнымъ въ административномъ порядкѣ.

Я спросилъ о характерѣ политическихъ ссыльныхъ.

Ничего дурного по этому поводу я сказать не могу. Впрочемъ, если вы интересуетесь этими людьми, то я васъ съ ними познакомлю. Вамъ не трудно будетъ составить себѣ тогда о нихъ понятіе.

Я объяснилъ, что знакомство съ ними было-бы мнѣ крайне пріятно, и г Павловскій предложилъ намъ тотчасъ же отыскать молодого ссыльнаго Лобановскаго, рисующаго въ настоящее время занавѣсъ въ маленькомъ городскомъ театрѣ. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ художникъ, добавилъ г. Павловскій, и сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ изъ сибирской жизни Вѣдь вы также рисуете и собираете подобнаго рода эскизы, поэтому не покажется страннымъ, если вы пожелаете осмотрѣть его коллекцію'

Конечно! Эскизы я люблю больше всего, а театральный занавѣсъ меня также интересуетъ, даже въ томъ случаѣ, если художникъ нигилистъ.

Экипажъ стоялъ у подъѣзда; мы поѣхали къ дому, гдѣ упомянутый художникъ разрисовывалъ занавѣсъ.

Въ настоящую минуту, послѣ цѣлаго года сношеній съ политическими ссыльными, я едва могу вновь вызвать въ своемъ воображеніи тѣ представленія, которыя были у меня объ этихъ людяхъ.

Я считалъ нигилистовъ несимпатичными, полуобразованными, упрямыми фанатиками, готовыми. правда, жертвовать собою но, въ то же время, людьми, лишенными всякаго здраваго смысла, а потому съ безразсуднѣйшими понятіями объ обществѣ и государствѣ. Даже послѣ словъ г. Павловскаго я ожидалъ увидѣть въ художникѣ длинноволосаго,

съ блуждающимъ взоромъ, юношу, готоваго проклинать всякаго рода правительство и, быть можетъ, способнаго потребовать и отъ меня одобренія убійству Императора Александра II.

Бревенчатое строеніе, въ которомъ помѣщалась художественная мастерская г. Лобановскаго, было нежилымъ зданіемъ; мы вошли безъ предупрежденія. При входѣ увидѣли обширное полотно, покрывавшее всю стѣну, и бѣлокураго, тридцатилѣтняго юношу, въ сѣромъ холщевомъ костюмѣ, съ кистью и палитрой въ рукахъ. Его стройная фигура, его манеры, позволяли угадывать въ немъ интеллигентнаго человѣка. На насъ смотрѣли ясные голубые глаза; густые свѣтлорусые волосы покрывали высокій лобъ. Окладистая, бѣлокурая борода придавала красивой головѣ мужественный видъ. Открытое, добродушное лицо выражало тонкую чувствительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ силу и самообладаніе.

Г. Павловскій представилъ меня, какъ американскаго путешественника, питающаго живѣйшій интересъ къ сибирской природѣ и желающаго ознакомиться съ его эскизами.

Г. Лобановскій поздоровался со мной равнодушно, но вѣжливо, затѣмъ принесъ свои рисунки, заранѣе прося простить ихъ недостатки.

Онъ дѣлалъ свои эскизы въ тюрьмѣ, на толстой бумагѣ, и долженъ былъ ограничиться срисовываніемъ видовъ, доступныхъ его зрѣнію изъ тюремныхъ оконъ.

Въ исполненіи эскизовъ видна была неопытная рука, хотя нельзя было отказать художнику въ талантѣ. Сюжетомъ служила внутренняя жизнь тюрьмы, лица арестантовъ и рядъ пейзажей.

Нашъ разговоръ ограничивался преимущественно начальной темой; политическіе вопросы не были затронуты. Г. Лобановскій разсказалъ намъ про свою поѣздку по Сибири, но такимъ тономъ, будто онъ ее совершалъ по

„оброй волѣ; въ его разсказѣ ничто не могло обнаружить въ немъ ссыльнаго нигилиста, помимо, конечно, тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ невольно долженъ былъ касаться жизни въ тюрьмѣ и этапахъ.

Онъ былъ скроменъ, искренен и умѣлъ тактично поддерживать всякій разговоръ. Я за нимъ внимательно наблюдалъ, но не могъ подмѣтить въ немъ ни малѣйшаго слѣда какого либо безразудства. Онъ должно быть замѣтилъ мой испытывающій взоръ,— вѣдь я смотрѣлъ на него такъ, какъ смотрятъ на невиданный еще дотолѣ родъ преступника, но онъ при этомъ совершенно не обнаруживалъ замѣшательства, велъ себя съ спокойнымъ достоинствомъ благовоспитаннаго человѣка. Послѣ получасовой бесѣды я съ нимъ простился, получивъ на прощаніе приглашеніе посѣтить его вечеркомъ вмѣстѣ съ г. Фростомъ, онъ при этомъ упомянулъ, что пригласитъ нѣсколькихъ друзей, съ которыми желаетъ насъ познакомить. Я поблагодарилъ и обѣщалъ придти.

— Какъ вамъ нравится этотъ политическій ссыльный?— спросилъ меня г. Павловскій.

Онъ произвелъ на меня весьма благопріятное впечатлѣніе. А всѣ таковы какъ онъ?

— Этого утверждать я не могу, но между ними дурныхъ людей нѣтъ. Здѣсь въ городѣ есть еще одинъ интересный ссыльный, съ которымъ вамъ слѣдовало бы познакомиться,- это г. Леонтьевъ. Онъ работаетъ въ канцеляріи мирового судьи, гдѣ вмѣстѣ съ судьей занимается антропологическими изысканіями о киргизахъ. Если не ошибаюсь, они пишутъ въ настоящее время монографію о киргизскихъ нравахъ Посѣтите также мирового судью г. Маковецкаго! Онъ васъ и познакомитъ съ г. Леонтьевымъ; вы въ томъ и другомъ найдете умныхъ и интеллигентныхъ собесѣдниковъ.

Я посѣтилъ мирового судью, подъ предлогомъ получить отъ него разрѣшеніе срисовать киргизскіе сосуды въ город-

ской библіотекѣ, къ управленію которой онъ имѣлъ отношеніе

Г. Маковецкій былъ, повидимому, очень порадованъ моимъ желаніемъ и, дѣйствительно, представилъ мнѣ своего секретаря, г. Леонтьева. Послѣдній долженъ былъ дать мнѣ необходимыя свѣдѣнія о киргизскомъ племени. Леонтьевъ былъ молодой человѣкъ, 25 лѣтъ, ниже-средняго роста съ очень симпатичнымъ лицомъ: борода и волосы были свѣтло-коричневые, глаза сѣрые, носъ немного неправильный, подъ бородокъ закругленный. Онъ производилъ впечатлѣніе серьезнаго, всецѣло поглощеннаго наукой, человѣка. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ сынъ казачьяго офицера, бывшаго когда то начальникомъ семипалатинскаго казачьяго гарнизона. Мальчикомъ онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ; восемнадцати лѣтъ поступилъ въ университетъ, гдѣ, послѣ четырехлѣтнихъ занятій, былъ арестованъ, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ политическими узниками Петропавловской крѣпости.

Не смотря на то, что послѣдній держалъ себя болѣе сдержанно, чѣмъ г. Лобановскій, онъ произвелъ на меня не менѣе благопріятное впечатлѣніе и, когда послѣ получасовой бесѣды съ нимъ я возвращался домой, невольно подумалъ, что придется значительно измѣнить свое первоначальное мнѣніе о нигилистахъ, если всѣ остальные не отличаются отъ этихъ двухъ.

Въ восемь часовъ вечера я и г. Фростъ постучали въ дверь къ г. Лобановскому и были крайне дружески приняты. Онъ занималъ комнатку, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, вблизи нашей гостиницы; стѣны были выбѣлены, полъ деревянный, неостроганный. На право отъ дверей стояла простая деревянная кровать, въ углу треугольный столикъ съ нѣсколькими книжками; между ними: „Нравственныя, политическія и эстетическія изслѣдованія" Герберта Спенсера и, его-же, „Основы психологіи". Невдалекѣ простая

скамья: на ней также нѣсколько книгъ, евангеліе на англійскомъ языкѣ, гербаріи изъ обыкновенной оберточной бумаги и бинокль. Между оконъ, выходящихъ во дворъ, стоялъ большой некрашенный деревянный столъ, безъ скатерти; на столѣ—французскій переводъ сочиненія Бальфура „Сохраненіе силы", которое Лобановскій читалъ какъ разъ въ минуту нашего прихода. Нѣсколько деревянныхъ стульевъ къ тому составляли все убранство комнаты.

Вся эта бѣдная, но опрятно содержимая обстановка, показывала, что владѣлецъ ея ограничивается лишь самымъ необходимымъ. Г. Лобановскій задалъ намъ нѣсколько вопросовъ о нашихъ сибирскихъ путешествіяхъ, выразилъ свою радость по поводу возможности привѣтствовать у себя американскихъ гражданъ, а затѣмъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

Вамъ приходилось, по всей вѣроятности, слышать нѣчто ужасное про русскихъ нигилистовъ.

- Совершенно вѣрно, отвѣтилъ я, мы никогда не слыхали о нихъ иначе, какъ въ связи съ заговорами и покушеніями на убійство; долженъ сознаться, что имѣлъ о нихъ весьма неважное мнѣніе. Слово „нигилистъ" у насъ означаетъ лицо, стремящееся уничтожить все существующее.

— Нигилизмъ—устарѣлое понятіе, объяснилъ онъ, -не подходящее въ настоящее время для характеристики русскаго революціоннаго движенія, если оно вообще когда-либо къ нему подходило. Сомнѣваюсь, чтобы вамъ удалось найти въ Сибири, хотя одного нигилиста, отвѣчающаго вашимъ представленіямъ о нихъ. Конечно, среди противниковъ правительства, встрѣчаются представители различнѣйшихъ взглядовъ; есть и такіе, которые признаютъ необходимой систему террора, и даже, для ниспроверженія существующаго строя, оправдываютъ политическое убійство, но и эти террористы не мечтаютъ о разрушеніи всего существующаго Я увѣренъ, что всякій сложетъ оружіе, какъ

только въ Россіи будетъ введенъ конституціонный образъ правленія, свобода слова и печати, и прекратятся произвольные аресты и ссылки. Знакомы ли вы [illegible] русскихъ революціонеровъ къ Императору Александру II при его вступленіи его на престолъ?

— Нѣтъ, не знакомъ, отвѣтилъ я, но слыхалъ о немъ.

Въ немъ выражаются желанія партіи, и дается торжественное обѣщаніе, отказаться на будущее время отъ всякаго рода насилія, если царь даруетъ свободу слова и созоветъ учредительное собраніе; въ письмѣ говорится о томъ, что образованному учредительнымъ собраніемъ правительству не будетъ оказано противодѣйствія. Люди ставящіе подобныя условія, не мечтаютъ, безъ сомнѣнія, о разрушеніи всего существующаго! Вамъ, конечно, извѣстно, что при убійствѣ президента союза, Гарфильда, русскій революціонный органъ „Народная Воля", вышелъ въ траурной каймѣ и, въ краснорѣчивой передовой статьѣ, категорически порицалъ политическое убійство въ той странѣ, гдѣ существуетъ свобода печати, публичный судъ и гдѣ чиновники выбираются народомъ.

— Это мнѣ было неизвѣстно,—отвѣтилъ я.

— Однако, это такъ, продолжалъ онъ. —Убійство Гарфильда считалось политическимъ преступленіемъ, а вѣдь оно было порицаемо выдающимися русскими террористами

Приходъ трехъ молодыхъ людей и дамы прервалъ нашъ разговоръ. Г. Лобановскій представилъ ихъ намъ, какъ своихъ друзей и товарищей по ссылкѣ. Внѣшній видъ гостей не представлялъ ничего особеннаго. Одинъ изъ нихъ, казалось, былъ студентомъ, лѣтъ 25, двое другихъ походили на образованныхъ крестьянъ либо ремесленниковъ, съ типично русскими лицами и замѣтнымъ на нихъ оттѣнкомъ грусти и, отчасти, апатіи, образъ жизни въ ссылкѣ, повидимому, ихъ ослабилъ и ожесточилъ ихъ.

Дама, г-жа Дикескулъ казалось, напротивъ, облагоражи

вымъ характеромъ. Ей было на видъ лѣтъ тридцать; стройная, прекрасно сложенная; короткіе каштановые волосы, красивыми локонами спускались къ затылку; на интеллигентномъ лицѣ замѣтны были слѣды прежней красоты, исчезнувшей отъ вѣтра и воздуха, отъ пребыванія въ тюрьмахъ и этапныхъ помѣщеніяхъ. На ней было красивое платье, темнаго цвѣта, на груди и у рукавовъ покрытое бѣлыми кружевами. Въ ея манерахъ не было и помину о той рѣзкости и эксцентричности, которыхъ я предполагалъ присущими женщинамъ этого рода. Говорила она красиво и плавно, временами весело смѣялась, разсказывая про свою поѣздку по Сибири, и объяснила, что по винѣ тюремнаго начальства принуждена носить короткіе, бросающіеся въ глаза, волосы, т. к. въ одной изъ тюремъ ее насильственно остригли. Съ большимъ юморомъ она передавала свои приключенія въ Киргизской степи, между Акмолой и Семипалатинскомъ. Нѣсколько разсказанныхъ ею сибирскихъ происшествій показывали, что, на ряду съ веселымъ темпераментомъ, она обладала добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ. Ее, напримѣръ, растрогалъ поступокъ крестьянъ села Камышлова, лежащаго на пути отъ Екатеринбурга въ Тюмень, передъ приходомъ ссыльныхъ основательно почистившихъ мѣстную пересыльную тюрьму и украсившихъ ее цвѣтами.

Въ девятомъ часу г. Лобановскій внесъ дымящійся самоваръ; г-жа Дикескулъ приготовила чай, и мы провели весь вечеръ вокругъ большаго стола, одной товарищеской семьей, какъ старые друзья; говорили о революціонномъ движеніи въ Россіи, о ссылкѣ, объ искусствѣ, наукѣ, а также объ американскихъ дѣлахъ. Разумное, спокойное отношеніе ко всему, о чемъ говорилось, производило на меня прекрасное впечатлѣніе; въ ихъ тонѣ не было ни малѣйшей страстности и ожесточенія, ни малѣйшаго намѣренія вызвать сочувствіе къ своимъ страданіямъ жалобами либо преувеличеніями

При арестѣ, у г-жи Дикескулъ была отобрана большая часть ея вещей; въ московской пересыльной тюрьмѣ она провела годъ въ одиночномъ заключеніи, затѣмъ, безъ судебнаго приговора, была сослана въ безлюдную мѣстность Акмолинской области и, наконецъ оттуда,—среди зимы въ Семипалатинскъ. Все это она разсказывала до крайности просто. Въ одиннадцатомъ часу мы разошлись, проведя весьма интересный и пріятный вечеръ.

На слѣдующее утро, въ сопровожденіи г-жи Дикескулъ и г. Лобановскаго, мы поѣхали къ осиновой и тополевой рощѣ, расположенной на правомъ берегу Иртыша на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ города, [illegible] политическихъ ссыльныхъ проводили въ ней [illegible] мѣсяцы, въ тѣни деревьевъ была раскинута большая киргизская палатка и нѣсколько маленькихъ изъ [illegible] матеріи. Въ нихъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ скрывались отъ городской жары и пыли. Между ними были [illegible] дѣвушки, едва 17 лѣтъ отъ роду, не [illegible] гимназическаго образованія. Я никакъ не могъ понять, по какимъ причинамъ эти дѣвушки могли быть сосланы; [illegible] не сдѣлались же онѣ опасными „для общественнаго порядка и спокойствія"! Когда я, подавая имъ руку, замѣтилъ ихъ дѣвическую робость и замѣшательство, когда я увидалъ легкую краску, покрывавшую ихъ щеки, каждый разъ, при моемъ обращеніи къ нимъ, я впервые испыталъ чувство презрѣнія къ русскому правительству. Мысль о томъ, что могущественное русское правительство для охраны себя отъ молодыхъ дѣвушекъ подростковъ принуждено отрывать ихъ отъ семействъ и ссылать за тысячи верстъ, этапнымъ порядкомъ, въ азіатскую пустыню, казалась мнѣ слишкомъ нелѣпой.

Въ этомъ тѣнистомъ лагерѣ мы провели весь жаркій лѣтній день. Мистеръ Фростъ дѣлалъ снимки, я бесѣдовалъ съ молодыми людьми, одному изъ нихъ, изучавшему англій-

скій языкъ, читалъ изъ Ирвинга, отвѣчалъ на вопросы объ Америкѣ, и самъ спрашивалъ о Россіи и Сибири.

Къ вечеру мы вернулись въ городъ и, вскорѣ, отправились къ г. Леонтьеву, пригласившему къ себѣ въ этотъ вечеръ большую часть мнѣ еще незнакомыхъ ссыльныхъ. Онъ принялъ насъ въ комнатѣ, немного большей и лучше убранной, чѣмъ у Лобановскаго; однако, и здѣсь, я ничего не замѣтилъ такого, что могло бы возбудить мое вниманіе, за исключеніемъ, быть можетъ, портрета Спенсера, висѣвшаго на стѣнѣ. Среди многихъ присутствующихъ ссыльныхъ были г. Лобановскій, г-жа Дикескулъ, г. Богополецъ, молодой врачъ, жена котораго отбывала наказаніе въ Карскихъ рудникахъ, и двѣ сестры Призедскія.

Бесѣда наша вскорѣ сдѣлалась оживленной и непринужденной. На мои вопросы г. Леонтьевъ разсказывалъ про городскую библіотеку и тѣ затрудненія, съ которыми ссыльнымъ приходится сталкиваться при сношеніяхъ съ нею. Онъ говорилъ также о ея громадномъ значеніи для умственнаго развитія туземцевъ. „Даже киргизы пользуются ею. Я знаю здѣсь одного стараго киргиза, читающаго Бокля, Милля и Дрепера".

— Неужели киргиза? спросилъ присутствующій студентъ, крайне удивленный.

Да, киргиза, —отвѣчалъ Леонтьевъ.—При первой моей встрѣчѣ съ нимъ я былъ пораженъ просьбой объяснить ему различіе между индукціей и дедукціей. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ изучаетъ сочиненія англійскихъ философовъ и вышеупомянутыхъ авторовъ.

— Думаете ли вы, что онъ ихъ понималъ? спросилъ снова студентъ.

— И съ нимъ бесѣдовалъ въ теченіе двухъ вечеровъ по поводу книги Дрепера «Умственное развитіе Европы» и убѣдился въ томъ, что онъ понимаетъ прочитанное,—отвѣтилъ—Леонтьевъ.

Мнѣ кажется, сказалъ я, что нѣкоторыя сочиненія, особенно англійскихъ авторовъ, изъяты изъ обращенія не смотря на разрѣшеніе цензуры. Какимъ образомъ можетъ быть книга, однажды разрѣшенная, затѣмъ запрещена?

— Наша цензура удивительно странная, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. — Чѣмъ можно напримѣръ, объяснить, что „Богатство народовъ" Адама Смита запрещено, въ то время, какъ сочиненія Дарвина дозволены цензурой.

— Дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ,— сказалъ одинъ изъ гостей. Списокъ запрещенныхъ сочиненій составляется полиціей изъ названій книгъ, находимыхъ при обыскѣ у лицъ политически неблагонадежныхъ. Случайно между ними могла быть упомянутая книжка, и, конечно, содержаніе ея было признано опаснымъ для существующаго государственнаго строя.

— Когда я былъ арестованъ, разсказалъ Любановскій,— полиція конфисковала книгу по исторіи Франціи, взятую мною изъ общественной библіотеки. При обыскѣ полицейскіе чиновники замѣтили, что въ текстѣ часто встрѣчается слово «революція», и, конечно, этого было достаточно. Напрасно я старался объяснить имъ, что въ исторіи Франціи по необходимости должна идти рѣчь и о французской революціи. Мой маленькій братишка соорудилъ довольно грубую модель паровой машины - она была конфискована, какъ адская машина.

При общемъ смѣхѣ было разсказано еще нѣсколько анекдотовъ, характеризующихъ пріемы русской полиціи. Послѣ того бесѣда перешла на болѣе серьезныя темы. Здѣсь обнаружилась высокая степень интеллигентности присутствующихъ: сильныхъ Шекспиръ, Миль, Спенсеръ, Бокль, Кальфуръ, Стевардъ, Гейне, Гегель, Ланге, Ирвингъ, Куперъ, Лонгфелло, Бретъ-Гартъ и Бичеръ Стоу были предметомъ оживленной критики и обсужденія; ссыльные зна-

комы были съ американскими общественными условіями значи тельно лучше, чѣмъ можно было ожидать отъ европейца, не говоря уже о жителѣ Сибири. Послѣ скромнаго, но вкуснаго ужина, за которымъ былъ поданъ отличный чай, присутствующіе спѣли намъ нѣсколько русскихъ, полныхъ грусти, пѣсенъ; мы, въ свою очередь, пропѣли американскіе военныя и студенческія пѣсни.

Около полуночи мы простились и вернулись въ гостиницу «Сибирь».

Я, конечно, не въ состояніи передать, даже въ извлеченіи, содержаніе всѣхъ моихъ бесѣдъ съ политическими ссыльными въ Семипалатинскѣ; мнѣ хочется только разсказать про впечатлѣніе, которое они на меня произвели.

Все это люди, какъ вѣрно выразился г. Павловскій, могущіе при иныхъ условіяхъ дѣйствительно приносить пользу своей родинѣ. Живутъ они въ изгнаніи не оттого, что нѣтъ у нихъ желанія и охоты послужить своему отечеству, а потому что правительство присваиваетъ исключительно себѣ одному право думать и дѣйствовать за русскій народъ, причемъ совершаетъ это всегда въ полномъ противорѣчіи съ духомъ времени.

Въ субботу 18 іюля, осмотрѣвъ городскую тюрьму, мы простились съ нашими друзьями, взяли новую подорожную и на почтовой тройкѣ выѣхали изъ города для совершенія маленькаго путешествія по Алтайскому хребту.

V.

Административно-ссыльные

Возвратившись на разсвѣтѣ изъ интересной поѣздки по Алтайскимъ горамъ, 6 августа мы отправились въ дальнѣйшій путь. Ближайшей нашей цѣлью былъ городъ Томскъ.

Намъ вновь приходилось проѣзжать Иртышскую степь, но теперь въ обратномъ направленіи Плохое состояніе дороги позволяло лишь очень медленно подвигаться впередъ.

Въ субботу вечеромъ мы достигли красивой Ульбійской долины и, прежде чѣмъ совершенно стемнѣло, уютно расположились у чайнаго стола на почтовой станціи деревни Ульбинскъ.

Ко времени нашего пріѣзда, въ Ульбинскѣ были слѣдующіе политическіе ссыльные: Александръ Блокъ, студентъ юридическаго факультета изъ Саратова, Аполлонъ Карелинъ, сынъ извѣстнаго фотографа въ Нижнемъ-Новгородѣ, Северинъ Гроссъ, студентъ-юристъ изъ Ковно и г. Фитертъ, врачъ изъ Варшавы. Г. Карелина сопровождала въ ссылку его жена, остальные, если не ошибаюсь, были холосты.

Еще въ Семипалатинскѣ я слышалъ ихъ имена и, отчасти, судьбу; въ силу этого, да къ тому еще и по другой причинѣ, я особенно желалъ съ ними познакомиться. Я, собственно, думалъ, что политическіе ссыльные въ Семипалатинскѣ, произведшіе такое прекрасное на меня впечатлѣніе, составляли исключеніе, по степени своего умственнаго развитія; я все не могъ отказаться отъ мысли, что не найду въ Сибири людей, хотя бы въ нѣкоторой степени, отвѣчающихъ моимъ прежнимъ представленіямъ о нигилистахъ.

Мы еще часу не провели въ деревнѣ, какъ двое ссыль-

ныхъ. гг Блокъ и Гроссъ, явились къ намъ на станцію. Первый тотчасъ же пріобрѣлъ мое расположеніе Молодой человѣкъ, двадцати пяти лѣтъ, плотный, средняго роста, съ темными волосами и глазами, съ умнымъ, серьезнымъ и полнымъ энергіи лицомъ. Маркъ Аврелій, въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ, говоритъ: «Честный и добрый человѣкъ долженъ походить на человѣка, испускающаго сильный запахъ, такъ что всякій, кто къ нему близко подходитъ, чувствуетъ его присутствіе, желаетъ ли онъ этого, либо нѣтъ. . Честность и доброта Блока казалась мнѣ именно такого рода, я почувствовалъ къ нему расположеніе, прежде чѣмъ могъ себѣ объяснить причину этого.

Г. Гроссъ былъ красивый мужчина, тридцати лѣтъ, съ каштановыми волосами и бородой, съ голубыми глазами и тонкими, правильными чертами лица. Голосъ его звучалъ ласково, говорилъ онъ съ живостью и имѣлъ обыкновеніе широко раскрывать глаза въ минуты волненій или особеннаго къ чему-либо интереса.

Оба владѣли нѣмецкимъ и русскимъ языкомъ. Первый читалъ также по-англійски и, подобно своему товарищу, особенно интересовался политической экономіей. Они походили на молодыхъ профессоровъ. Послѣ недолгой бесѣды я пришелъ къ полному убѣжденію, что оба ссыльныхъ вполнѣ выдерживаютъ сравненіе, въ степени интеллигентности, съ политическими ссыльными Семипалатинска, и я понялъ, что дикихъ нигилистовъ, живущихъ въ моемъ воображеніи, мнѣ придется разыскивать еще въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ обширной Сибири.

Мы бесѣдовали на почтовой станціи до девяти часовъ, а затѣмъ, по приглашенію Блока, посѣтили остальныхъ политическихъ ссыльныхъ Ульбинска. Всѣ они жили въ бѣдно устроенныхъ избахъ, нанимаемыхъ у мѣстныхъ казаковъ, всюду видѣлись слѣды бѣдности и лишенія, ссыльные, однако, переносили все это достойно, безъ жалобъ,

разсчитанныхъ на то, чтобы вызвать въ слушателѣ чувство сожалѣнія. Всѣ имѣли здоровый видъ, за исключеніемъ г-жи Карелиной, худой, блѣдной и болѣзненной женщины, и г. Фитерта. Высокообразованный врачъ, третій разъ ссылаемый въ Сибирь и проведшій уже десять лѣтъ своей жизни, частью въ тюрьмахъ, частью въ ссылкѣ, въ настоящее время имѣлъ видъ человѣка, который не долго еще будетъ «безпокоить правительство, погубившее его жизнь и счастье. Въ 43 года онъ съ трудомъ могъ передвигаться, опираясь о свою палку, его постоянно мучилъ ревматизмъ, схваченный имъ въ сибирской тюрьмѣ. Разговоръ зашелъ о Соединенныхъ Штатахъ, и Фитертъ обращается ко мнѣ съ вопросами, показывающими основательное знакомство съ общественными условіями этой страны.

Во всѣхъ квартирахъ я находилъ письменный столъ, книги, журналы какъ напримѣръ, «Revue des deux Mondes», «Русскій Вѣстникъ». Г. Блокъ имѣлъ небольшую избранную библіотеку, заключавшую въ себѣ сочиненія, кромѣ русскихъ авторовъ, еще англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, въ особенности, по юридическимъ и историческимъ вопросамъ.

Мнѣ нечего пояснять, что подобные люди, не только не грубые фанатики, но и не «безграмотные сапожники и прочіе ремесленники», какъ выразился однажды знакомый русскій офицеръ. Если такіе люди живутъ въ ссылкѣ, въ уединенной сибирской деревнѣ на монгольской границѣ, вмѣсто того, чтобы на службѣ приносить пользу своему государству, то — позоръ для такого государства!

Весь вечеръ и часть слѣдующаго дня, мы провели въ обществѣ политическихъ ссыльныхъ Ульбинска и остались бы еще дольше съ ними, будь у насъ побольше времени.

Въ воскресенье днемъ мы продолжали нашъ путь къ Усть-Каменогорску. Блокъ и Карелинъ провожали насъ верхомъ до парома, на которомъ мы должны были пере-

правиться на другой берегъ Ульбы. Прощаніе съ нашими друзьями было весьма сердечное; они просили насъ не забывать ихъ, когда мы вернемся въ „свободную и счастливую страну". Мы переплыли рѣку. Долго еще смотрѣли они намъ вслѣдъ, кивали головой, пока лѣсъ не скрылъ ихъ отъ нашего взора.

Если настоящія страницы попадутъ когда-либо въ уединенную избушку политическихъ ссыльныхъ Ульбинска, то пусть онѣ послужатъ имъ доказательствомъ, что мы не забыли ихъ и въ „свободной и счастливой странѣ", что часто ихъ вспоминаемъ, преисполненные уваженія и симпатіи къ нимъ!

Въ воскресенье, въ вечернія сумерки, мы достигли Усть-Каменногорска и остановились на почтовомъ дворѣ.

Сидя за чаемъ, мы были не мало поражены внезапнымъ появленіемъ г. Гросса, прибывшаго сюда еще на разсвѣтѣ. Едва онъ сѣлъ, вошла жена содержателя почтовой станціи, заявивъ, что русскій офицеръ желаетъ съ нами поговорить. Прежде чѣмъ я успѣлъ спросить г. Гросса, каковы его отношенія къ мѣстнымъ властямъ, вошелъ офицеръ, г. Шайтановъ. Я былъ въ затрудненіи. Вошедшаго офицера я не зналъ и опасался, что его обращеніе съ присутствующимъ политическимъ ссыльнымъ, заставитъ меня выступить, самымъ энергичнымъ образомъ, въ защиту моего гостя. Все оказалось, однако, проще! Казацкій офицеръ велъ себя какъ тактичный и образованный человѣкъ и, не смотря на тѣ мысли, на которыя его могло навести присутствіе у насъ политическаго ссыльнаго, такъ скоро по нашемъ прибытіи, онъ не выказалъ ни малѣйшаго удивленія, ни неудовольствія. Когда я ему представилъ г. Гросса, онъ вѣжливо поклонился и, нѣсколько минутъ спустя, оба вели оживленную бесѣду о пчеловодствѣ, шелководствѣ и табаководствѣ, Г. Шайтановъ упомянулъ, что онъ пытался вблизи Усть-Каменногорска разводить тутовыя деревья и табакъ; резуль-

таты были довольно удачные, такъ что онъ надѣется въ будущемъ году заняться у себя шелководствомъ и замѣнить плохой туземный табакъ лучшимъ американскимъ.

Послѣ получасоваго разговора офицеръ простился, и мы съ г. Гроссомъ посѣтили мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ.

Увѣдомленные заранѣе о нашемъ посѣщеніи, они собрались въ квартирѣ своего товарища, живущаго почти въ самомъ центрѣ города.

Невозможно, да и не нужно, давать подробную характеристику всѣхъ политическихъ ссыльныхъ, съ которыми мы знакомились во время нашего путешествія по Сибири моя цѣль дать читателямъ общее понятіе о нихъ и передать произведенное ими на меня впечатлѣніе.

Ссыльные въ Усть Каменогорскѣ представляли большее разнообразіе, какъ по типу, такъ и по прежнему своему общественному положенію, чѣмъ встрѣчаемые мною до сихъ поръ. На одномъ концѣ общественной лѣстницы находился деревенскій сапожникъ, на другомъ кавказская княжна, а между ними врачи, аптекарь, писатели, журналисты, студенты и землевладѣльцы. Большинство изъ нихъ были дворяне, либо вообще принадлежали къ привилегированнымъ классамъ общества; нѣкоторые мужчины и женщины были высокообразованы и интеллигентны. Къ послѣднимъ, съ которыми я ближе познакомился, принадлежатъ г. Коноваловъ, хорошо понимающій англійскій языкъ, но довольно слабо на немъ говорящій, шесть мѣсяцевъ послѣ моего пребыванія въ Усть-Каменогорскѣ покончившій жизнь самоубійствомъ), г. Милинчукъ, черноволосый грузинъ изъ Тифлиса и Адамъ Бѣловскій, писатель изъ Полтавской губерніи. Послѣдняго я считаю очень одареннымъ; онъ прекрасно зналъ русскую исторію и юриспруденцію и не менѣе былъ знакомъ съ исторіей и литературой европейскихъ народовъ. Въ своихъ сужденіяхъ онъ

былъ умѣренъ и безпристрастенъ, и, не смотря на свое глубоко пессимистическое міросозерцаніе, покорно подчинялся своей судьбѣ. Я очень подробно обсуждалъ съ нимъ положеніе Россіи, и его безстрастныя мнѣнія о революціонномъ движеніи и соотвѣтствующихъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства производили на меня самое лучшее впечатлѣніе. Такого человѣка считать „нигилистомъ" казалось мнѣ нелѣпымъ, а ссылать его, какъ человѣка опаснаго для общественнаго спокойствія, даже болѣе, чѣмъ нелѣпымъ. Въ каждой другой странѣ цивилизованнаго міра, онъ считался бы только сторонникомъ либеральной партіи, но не врагомъ государственнаго порядка.

Усть-Каменногорская колонія политическихъ ссыльныхъ была послѣдней, которую намъ пришлось посѣтить въ степной области; поэтому, прежде чѣмъ продолжать описаніе нашего путешествія, я желаю, вкратцѣ, объяснить, что понимаютъ въ Россіи подъ административной ссылкой.

Подъ этимъ выраженіемъ понимаютъ высылку „неудобныхъ" людей изъ одной мѣстности государства въ другую, безъ малѣйшаго соблюденія тѣхъ правилъ, которыя обыкновенно во всемъ культурномъ мірѣ предшествуютъ всякому наказанію и ограниченію правъ. Административно-ссыльный можетъ даже не обвиняться въ совершеніи какого-либо проступка или преступленія; достаточно, если какая либо мѣстная власть сочтетъ его пребываніе опаснымъ для общественнаго спокойствія; его арестовываютъ и, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, ссылаютъ на пять лѣтъ подъ надзоръ полиціи въ какую-нибудь мѣстность обширнаго русскаго государства. Иногда высыласмому не сообщаютъ даже причинъ подобной мѣры, но если онъ ихъ и узнаетъ, то безсиленъ и безпомощенъ измѣнить свою судьбу. Онъ не имѣетъ права требовать ни слѣдствія, ни допроса, ни очной стаьки съ тѣми лицами, по показаніямъ которыхъ онъ признанъ опаснымъ для обществен-

наго спокойствія, ни даже помощи у друзей, безъ того, чтобы и ихъ не подвергнуть тѣмъ-же печальнымъ послѣдствіямъ. Его сношенія съ внѣшнимъ міромъ внезапно прерываются, такъ что, часто, ближайшіе къ нему люди не знаютъ его судьбы.

Для поясненія того, что считается иногда опаснымъ для общественнаго спокойствія, я передамъ только два весьма характерныхъ случая, изъ множества мнѣ разсказанныхъ.

Первый случай касается г. Константина Станюковича, сына русскаго адмирала, имѣвшаго всѣ шансы совершить блестящую морскую карьеру. Онъ сопровождалъ великаго князя Алексѣя въ путешествіи по Америкѣ, а по возвращеніи оттуда, покинулъ морскую службу и посвятилъ себя исключительно литературѣ.

Написанные имъ романы и драматическія произведенія, нравились публикѣ, но не правительству. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ былъ редакторомъ-издателемъ извѣстнаго журнала „Дѣло". Лѣтомъ, въ 1881 году, онъ совершилъ съ семьей поѣздку за границу, а осенью поѣхалъ обратно въ Петербургъ; жена и дѣти остались въ Баденъ-Баденѣ. На русской границѣ г. Станюковичъ былъ арестованъ, препровожденъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Жена его ничего не знала о всемъ происшедшемъ; когда, однако, ея письма оставались безъ отвѣта, она телеграфировала въ редакцію журнала „Дѣло": временный редакторъ отвѣтилъ, что г. Станюковичъ еще не пріѣхалъ, и, по его мнѣнію, находится еще за границей. Испуганная женщина поспѣшила въ Петербургъ, гдѣ она, однако, ничего не могла узнать о судьбѣ своего мужа; ни одинъ изъ его друзей ничего о немъ не слыхалъ послѣднія двѣ недѣли. Онъ внезапно, самымъ таинственнымъ образомъ, исчезъ. По совѣту одного изъ друзей, г-жа Станюковичъ обратилась къ шефу жандармовъ, генералу Оржевскому; послѣдній сообщилъ ей, что мужъ за-

ключенъ въ крѣпость. Полиція вскрывала его письма, изъ которыхъ узнала, что онъ находится въ перепискѣ съ извѣстнымъ русскимъ революціонеромъ, проживающимъ въ Швейцаріи; письмо было самаго невиннаго содержанія и касалось сотрудничества въ журналѣ „Дѣло". Однако, одного того обстоятельства, что либерально настроенный человѣкъ имѣетъ сношенія съ бѣглымъ революціонеромъ, было достаточно, для признанія его опаснымъ „для общественнаго спокойствія". Только въ маѣ 1885 г. Станюковичъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ на три года въ Томскъ. Журналъ „Дѣло" былъ, конечно, прекращенъ и издатель совершенно разоренъ Если русское правительство такъ своевольно поступаетъ съ людьми зіятельными и богатыми, то каково должно быть отношеніе къ студентамъ врачамъ и мелкимъ собственникамъ въ провинціи, если они покажутся мѣстнымъ властямъ опасными для общественнаго спокойствія!

Перехожу ко второму случаю: въ Ивангородѣ, Черниговской губ., жилъ въ 1879 году молодой, дѣльный врачъ, по фамиліи Бѣлый. Онъ, правда, былъ по убѣжденіямъ либералъ, но отнюдь не принадлежалъ ни къ агитаторамъ, ни къ революціонерамъ; политикой онъ совершенно не занимался. Однажды его посѣтили двѣ дамы и вручили рекомендательныя письма. Обѣ дамы были слушательницами медицинскихъ курсовъ, высланныя изъ Петербурга на родину, по неблагонадежности. Онѣ желали продолжать занятія по медицинѣ и просили молодого врача давать имъ уроки, а также разрѣшить пользоваться своей библіотекой. Такъ какъ обѣ дамы проживали въ Ивангородѣ незаконно, то онъ, по обязанности вѣрноподданнаго, долженъ былъ немедленно передать ихъ въ руки полиціи: онъ, конечно, этого не сдѣлалъ, а вмѣсто того представилъ ихъ своей женѣ и исполнилъ всѣ ихъ просьбы.

Въ означенномъ году русская революціонная партія вы-

казала особенную дѣятельность. Незаконное пребываніе объ ихъ женщинъ въ Ивангородѣ и ихъ тайныя посѣщенія доктора Бѣлаго были въ глазахъ полиціи ничѣмъ инымъ, какъ заговоромъ противъ государства, и 10 мая 1879 г. молодой врачъ и обѣ дамы были сосланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь; Бѣлому назначена была для жительства деревня Верхоянская, Якутской области, лежащая подъ 67,2° широты, у сѣвернаго полярнаго круга; здѣсь его видѣли въ 1883 г. оставшіеся въ живыхъ участники Жанетской экспедиціи.

Его молодая красавица-жена была наканунѣ родовъ и не могла сопровождать его въ ссылку. Послѣ разрѣшенія отъ бремени, она передала своего ребенка родственникамъ, а сама рѣшила совершить путешествіе въ 10 000 километровъ, для того чтобы отыскать своего мужа. Средствъ для такого дорогого путешествія у нея не было, поэтому ей пришлось обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой, разрѣшить ей отправиться вмѣстѣ съ партіей ссыльныхъ. Разрѣшеніе ей было дано. До Томска всѣ ссыльные перевозятся по желѣзной дорогѣ и пароходами; начиная съ Томска, „уголовные" идутъ пѣшкомъ, а „политическіе" ѣдутъ въ телѣгахъ, совершающихъ едва 45 километровъ въ недѣлю, причемъ каждый третій день дается отдыхъ въ одной изъ пересыльныхъ тюремъ.

Такимъ образомъ бѣдная женщина должна была лишь черезъ шестнадцать мѣсяцевъ труднаго пути увидать своего мужа. Но и этому не пришлось случиться! Надежда и любовь въ теченіе многихъ недѣль придавали ей мужество, безъ жалобъ, переносить и тряску телѣги, и пыль, и жару, и дождь, и плохую пищу, и твердыя нары, и зачумленный воздухъ и насѣкомыхъ пересыльныхъ тюремъ, но — и ея силамъ наступилъ конецъ. Ея тѣло и душа не выдержали всей тяжести страданій и лишеній, постоянной заботы о мужѣ и ребенкѣ; физически она себя чувствовала еще до-

вольно сносно, но замѣтны были слѣды умственнаго разстройства. Недалеко отъ Иркутска ей стало лучше; она не переставая говорила о мужѣ, котораго скоро надѣялась увидать. Она ошибочно предположила, что онъ находится въ деревнѣ Верхоленскѣ, невдалекѣ лежащей отъ Иркутска, въ то время, какъ онъ былъ за 4500 километровъ оттуда, въ деревнѣ Верхоянскѣ. Когда же она узнала, что ей еще предстоитъ дальняя дорога, черезъ степи и лѣса, что придется еще много недѣль одной ѣхать на собакахъ и оленяхъ, помѣшательство проявилось въ полной силѣ, и она, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, скончалась въ иркутской тюремной больницѣ, не повидавъ своего мужа, во имя любви къ которому она такъ много перенесла.

Я ограничился лишь бѣглымъ очеркомъ этой ужасной трагедіи. Если-бы читатель слышалъ переданный разсказъ со словъ самихъ ссыльныхъ, бывшихъ въ одной этапной партіи съ несчастной женщиной, видѣвшихъ какъ постепенно омрачался ея разумъ, то безъ сомнѣнія, онъ удивлялся бы не тому, что административная ссылка создаетъ отдѣльныхъ террористовъ, а тому, что она не дѣлаетъ террористами поголовно весь русскій народъ.

Я могъ бы цѣлыя страницы наполнить разсказами о печальной судьбѣ людей, сосланныхъ въ Сибирь за послѣднее десятилѣтіе не только безъ права, но даже безъ всякой причины. Извѣстный русскій писатель Владиміръ Короленко былъ въ 1879 году, по ошибкѣ,—впослѣдствіи признанной самимъ правительствомъ -сосланъ въ Восточную Сибирь. Вліятельнымъ друзьямъ удалось обнаружить ошибку, и г. Короленко получилъ возможность вернуться, не доѣхавъ еще до мѣста своего поселенія. Подъ негодующимъ впечатлѣніемъ оказанной ему несправедливости и перенесенныхъ страданій, онъ отказался принести присягу въ вѣрности, при вступленіи на тронъ Императора Александра III, и былъ за это сосланъ въ Якутскую область. Г. Бородинъ

извѣстный сотрудникъ „Отечественныхъ записокъ", былъ сосланъ въ Якутскъ, вслѣдствіе „опасная и вреднаго" содержанія рукописи, случайно найденной у него при обыскѣ. Преступная рукопись была копіей описанія Вятской губерніи, присланная имъ въ редакцію упомянутаго журнала и еще до того времени не опубликованная Г. Бородинъ, такимъ образомъ, принужденъ былъ отправиться въ Сибирь, въ сѣрой арестантской одеждѣ, съ вшитымъ на спинѣ четырехугольнымъ желтымъ лоскуткомъ, за сочиненіе, которое, спустя четыре мѣсяца, появилось въ названномъ журналѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сослалъ его за „опасную и вредную" рукопись, которую впослѣдствіи петербургская цензура разрѣшила къ печатанію, какъ совершенно безобидную.

Нѣкій Очкинъ былъ сосланъ въ 18[illegible] г. административнымъ порядкомъ въ Сибирь, по подозрѣнію, какъ гласилъ приказъ объ арестѣ въ „стремленіи къ достиженію противозаконной цѣли". Его преступленіе, на официальномъ языкѣ, состояло въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку перемѣнить свою фамилію. Почему, однако, его заподозрили въ „стремленіи къ достиженію противозаконной цѣли", такъ онъ никогда и не узналъ.

Другой ссыльный, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться, г. П. былъ сосланъ лишь потому, что находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ г. Ц., обвиняемомъ въ участіи въ политическомъ заговорѣ. Самъ Ц. былъ признанъ по суду оправданнымъ и освобожденъ, въ то время, какъ другъ его И. былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

Другой случай! Молодой студентъ, Владиміръ Сидорскій — я называю его вымышленнымъ именемъ — былъ арестованъ по ошибкѣ въ Москвѣ вмѣсто подозрѣваемаго Виктора Сидорскаго. Его протесты о томъ, что онъ не Викторъ, а Владиміръ, были напрасны; полиціи необходимо было открывать заговоры и находить „подозрѣваемыхъ", поэтому у

нея не было времени устанавливать самоличность какого. то незначительнаго студента. „Въ чемъ нибудь онъ должно быть замѣшанъ, иначе его не арестовали-бы. Самымъ разумнымъ будетъ сослать его въ Сибирь", такъ думали представители полиціи и такъ же они поступили.

Когда конвойный офицеръ вызвалъ во время переклички Виктора Сидорскаго, то Владиміръ Сидорскій молчалъ. Разсерженный офицеръ крикнулъ: «Викторъ Сидорскій, почему ты не отвѣчаешь?» — «Потому что это не мое имя; дѣло идетъ совершенно о другомъ Сидорскомъ». — «А какъ твое имя?» — «Владиміръ». «Это безразлично!» замѣтилъ равнодушно офицеръ и, вычеркнувъ изъ списка слово «Викторъ», написалъ на его мѣстѣ — «Владиміръ».

Въ 1874 г. студентъ Егоръ Лазаревъ былъ арестованъ въ одной изъ южныхъ губерній Россіи за тайную революціонную пропаганду, провелъ подъ слѣдствіемъ четыре года въ одиночномъ заключеніи и, наконецъ, былъ оправданъ. Не было бы ничего удивительнаго, если человѣкъ, перетерпѣвшій столько насилія и несправедливости, примкнулъ бы къ террористической партіи; г. Лазаревъ, однако, принялся вновь спокойно за занятія. Окончивъ университетъ, онъ посвятилъ себя адвокатурѣ и поселился въ Саратовѣ. Полиція не дѣлала ему никакихъ затрудненій.

Однажды лѣтомъ въ 1884 г., явился къ нему неожиданно полицейскій чиновникъ съ требованіемъ явиться къ губернатору. Г. Лазаревъ, будучи хорошо знакомъ съ послѣднимъ, отправился, къ нему, ничего не подозрѣвая. У губернатора Лазаревъ узналъ, что ссылается на три года въ Сибирь.

Г. Лазаревъ остолбенѣлъ отъ ужаса и удивленія. Наконецъ, онъ опомнился и сказалъ:

— Могу я узнать, ваше превосходительство, причину?

— Я и самъ ее не знаю. Я получилъ приказаніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Только благодаря заступничеству вліятельныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, ему удалось получить двухнедѣльную отсрочку для урегулированія своихъ дѣлъ. Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Москву и оставался тамъ въ пересыльной тюрьмѣ до слѣдующей весны, такъ какъ послѣдняя партія ссыльныхъ въ означенный годъ была уже отправлена. Изъ Москвы Лазаревъ обратился въ департаментъ полиціи съ просьбой сообщить ему причину своей ссылки и получилъ въ отвѣтъ на прошеніе короткое увѣдомленіе: Вы ссылаетесь въ Восточную Сибирь подъ надзоръ полиціи, въ виду того, что не прекратили своей преступной дѣятельности». Отсюда слѣдуетъ что его ссылаютъ въ Байкальскую область, т к. онъ не прекратилъ той своей „преступной дѣятельности", относительно которой онъ былъ по суду оправданъ.

Однажды во время пребыванія въ московской пересыльной тюрьмѣ, нѣсколько политическихъ ссыльныхъ, и онъ въ томъ числѣ, обсуждали свою судьбу. Одинъ разсказывалъ, что у него найдены запрещенныя книги, другого заподозрили въ революціонной пропагандѣ, третьяго считали членомъ тайнаго общества. Когда спросили Лазарева о причинѣ его ареста, онъ отвѣтилъ, что самъ не знаетъ этой причины.

— Вы не знаете причины?— спросилъ одинъ изъ товарищей по заключенію. — Имѣетъ ли вашъ отецъ пеструю корову?

— Возможно, — отвѣтилъ тотъ. — У моего отца много коровъ.

— Ну, вотъ видите,—объяснилъ саркастически спрашивавшій. — Большаго не нужно! Это вполнѣ достаточное основаніе для ссылки двадцати человѣкъ!

10 мая 1885 г. Лазаревъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Сибирь, а 10 октября, послѣ двадцатидвухнедѣльнаго

переѣзда, прибылъ въ Читу, по ту сторону Байкала, гдѣ я съ нимъ познакомился.

Источникомъ всей этой безпримѣрной несправедливости, грубой жестокости и нелѣпѣйшихъ «недоразумѣній» и «ошибокъ» въ исторіи административной ссылки, похожихъ часто на плодъ адской фантазіи, является, безъ сомнѣнія, русское самовластіе, не знающее предѣловъ и не дающее никому отчета въ своихъ беззаконіяхъ. По отношенію къ политическимъ ссыльнымъ полномочія министра вообще не ограничены закономъ, а такъ какъ онъ не въ состояніи лично провѣрить все, о чемъ ему докладываютъ, то, поневолѣ, приходится передать часть своей безотвѣтственной власти начальникамъ полиціи, начальникамъ жандармскихъ управленій, губернаторамъ и другимъ чиновникамъ. Послѣдніе, въ свою очередь, передаютъ часть своей власти своимъ подчиненнымъ, большинство которыхъ отличается ограниченностью, необразованностью и жестокостью. И эти-то люди обыкновенно ведутъ слѣдствіе, отъ результата котораго зависитъ часто жизнь и свобода гражданъ!

По закону, всѣ политическія преступленія и административныя высылки должны быть разсматриваемы совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ составѣ трехъ чиновниковъ этого министерства и двухъ—министерства юстиціи. Въ дѣйствительности, совѣщанія не созываются, уже по той одной простой причинѣ, что у министра нѣтъ для этого достаточно свободнаго времени. По сообщеніямъ русскихъ газетъ, въ одномъ 1881 г., III отдѣленіе разобрало 1500 подобныхъ дѣлъ. Многія изъ нихъ разрѣшались административнымъ порядкомъ, и если бы министръ пожелалъ оказать только четвертой части этихъ дѣлъ должное вниманіе,—у него не хватило бы времени ни для чего другого. Поэтому, онъ, не читая, подписываетъ подаваемыя ему бумаги.

До чего легко въ Россіи получить подпись высокопо-

ставленнаго чиновника подъ какой угодно бумагой, показываетъ слѣдующій анекдотъ. Правитель канцеляріи тобольскаго губернскаго правленія, разсказывая, однажды о своемъ вліяніи, увѣрялъ одного чиновника, что тотъ подпишетъ документъ любого содержанія, лишь бы онъ имѣлъ форму акта и былъ написанъ на гербовой бумагѣ. Вспыхнулъ объ закладъ, и правитель канцеляріи выигралъ пари, давъ губернатору подписать «Отче нашъ», написанную въ формѣ акта.

Сколько лицъ было осуждено въ силу легкомысленнаго отношенія къ подписи, въ особенности, при случаяхъ административной ссылки, показываетъ то обстоятельство, что либеральный министръ Лорисъ Меликовъ счелъ нужнымъ, по вступленіи въ 1880 г. въ должность, образовать коммиссію для разслѣдованія всѣхъ случаевъ административныхъ высылокъ. На ея обязанности лежало вычеркнуть «ошибки», «недоразумѣнія» и «неправильности», противъ которыхъ, до того времени, безнадежно протестовали многія жертвы чиновничьяго произвола въ различныхъ областяхъ обширнаго государства. Къ тому времени административно-ссыльныхъ и другихъ политическихъ преступниковъ насчитывалось 2,800 человѣкъ. До 23 января 1881 г. означенная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генерала Черевина, разслѣдовала 650 дѣлъ и постановила освободить 328 человѣкъ и водворить ихъ на мѣстахъ прежняго жительства. Такимъ образомъ, болѣе половины дѣлъ было признано неправильно возбужденными.

Единственнымъ средствомъ положить конецъ подобнымъ порядкамъ, должно быть изъятіе изъ вѣдомства безотвѣтственной полиціи разслѣдованія дѣлъ по политическимъ преступленіямъ и передача ихъ судамъ, съ предоставленіемъ обвиняемымъ права защиты на судѣ. Правительство, однако, и не думаетъ объ этомъ. Московское дворянское собраніе возбудило соотвѣтственное ходатайство; оно было, однако,

безрезультатно, и, если я не ошибаюсь, на него даже не послѣдовало отвѣта.

До 1882 г всѣ распоряженія, касавшіяся политическихъ ссыльныхъ въ Сибири, періодически сообщались министромъ внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній секретными циркулярами. Вслѣдствіе перемѣны лицъ и направленій въ министерствахъ, всѣ изданные циркуляры были до того противорѣчивы и создали такое множество «ошибокъ», «недоразумѣній» и «неправильностей», что министръ вынужденъ былъ, съ Высочайшаго утвержденія, издать 10 марта 1882 г. *Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учрежденномъ по распоряженію административныхъ властей.* Офиціальную копію этого «Положенія» я привезъ изъ Сибири.

Удивительнѣе всего то, что ссылку и полицейскій надзоръ правительство не считаетъ наказаніемъ за совершенныя преступленія, но лишь мѣрой предупрежденія къ ихъ осуществленію. Первая статья говоритъ.

„Полицейскій надзоръ, какъ мѣра предупрежденія преступленій противъ существующаго государственнаго порядка, учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія."

Рѣшеніе же о томъ, кто «вреденъ для общественнаго спокойствія» всецѣло зависитъ отъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и полицейскихъ чиновъ, а послѣдніе менѣе обращаютъ вниманія на то, что человѣкъ совершаетъ, чѣмъ на то, что, по ихъ мнѣнію, онъ могъ совершить. Да иначе имъ и немыслимо поступать, т. к. вѣдь вся цѣль административной ссылки —только принятіе мѣры предосторожности. Ссылка должна препятствовать совершенію поступка, подавляя мысль. При такихъ обстоятельствахъ, «Положеніе о полицейскомъ надзорѣ» правильнѣе должно было бы называться „Положеніемъ объ образѣ мыслей гражданъ», и въ такомъ смыслѣ оно и понимается русской полиціей.

Утвержденіе, что административная ссылка не наказаніе, а

лишь мѣра предупрежденія преступленій, не что иное, какъ пустая игра словъ. Если пятилѣтняя ссылка въ Иркутскую область не есть наказаніе, то слово «наказаніе» въ русскомъ уголовномъ законодательствѣ должно имѣть какое-то особенное и странное значеніе. Для женщинъ и дѣтей ссылка въ Сибирь равнозначуща, во многихъ случаяхъ, смертному приговору.

Въ 1884 г. молодая, красивая дѣвушка Софія Никитина, заканчивавшая въ Кіевѣ свое образованіе, была административнымъ порядкомъ сослана въ отдаленную область Восточной Сибири. По дорогѣ между Томскомъ и Атчинскомъ, проѣхавъ въ зимнюю стужу 4800 километровъ, она заболѣла тифомъ, заразившись въ одномъ изъ зачумленныхъ вертеповъ, называемыхъ этапами.

Транспортъ ссыльныхъ не сопровождаетъ врачъ, а заболѣвшаго продолжаютъ возить дальше, какъ бы опасно ни было его положеніе и какъ бы ужасна не была погода, до тѣхъ поръ, пока транспортъ не достигнетъ ближайшей тюремной больницы. Между Томскомъ и Иркутскомъ, на протяженіи 1600 километровъ, находится всего 4 тюремныхъ больницы, и, такимъ образомъ, заболѣвшихъ часто возятъ въ теченіе двухъ недѣль на саняхъ и телѣгахъ, если только они за это время не умираютъ. Сколько времени заболѣвшая г-жа Никитина провела на дорогѣ въ зимнюю стужу, я не знаю, вскорѣ, однако, по прибытіи въ тюремную больницу г. Атчинска, она разсталась съ своею молодой жизнью. Все же извѣстное удовлетвореніе, такъ, повидимому разсуждали гг. авторы „Положенія",—должна была испытывать эта бѣдная дѣвушка, лежащая при смерти, въ грязной избѣ, за 5000 километровъ отъ своей родины, когда вспоминала, что она не подвергается «наказанію» за совершенное преступленіе, но что ея ссылка не что иное, какъ мѣра предосторожности отечески заботливаго правительства, принятая лишь для

того, чтобы предохранить ее отъ искушенія предпринять что либо опасное «для общественнаго спокойствія!»

Елена Мачтетъ скончалась въ Москвѣ вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ четырехлѣтней ссылки; ея супругъ Григорій Мачтетъ, талантливый писатель, былъ также сосланъ административнымъ порядкомъ. Та же судьба постигла князя Александра Крапоткина, способнаго математика и астронома; онъ подвергся ссылкѣ, какъ братъ извѣстнаго русскаго революціонера князя Петра Крапоткина. Десять лѣтъ онъ провелъ въ Сибири и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ г. Томскѣ.

Викторія Гуковская, ребенокъ, 14 лѣтъ, сосланная изъ Одессы въ Сибирь повѣсилась въ Красноярскѣ.

Одинъ изъ административно-ссыльныхъ, по фамиліи Бохинъ, въ 1884 г. сошелъ съ ума въ деревнѣ Амгѣ, а затѣмъ убилъ свою жену, ребенка и себя.

И при подобныхъ ужасныхъ трагедіяхъ, къ которымъ я могу добавить еще много другихъ, осмѣливается русское правительство утверждать, что ссылка не есть наказаніе!

Если бы этими мѣрами достигалась намѣченная цѣль, то съ точки зрѣнія деспотическаго правительства можно было бы ссылку извѣстнымъ образомъ оправдать, но вѣдь цѣль не достигается, какъ видно, напримѣръ, изъ отчета архангельскаго губернатора, генералъ-маіора Николая Баранова, министру внутреннихъ дѣлъ. Между прочимъ онъ говоритъ: „Опытъ предыдущихъ лѣтъ и личныя наблюденія привели меня къ убѣжденію, что ссылка административнымъ порядкомъ, по политическимъ основаніямъ, скорѣе портитъ характеръ человѣка, чѣмъ его исправляетъ. Переходъ отъ привычнаго образа жизни, къ жизни полной лишеній, отъ пребыванія въ обществѣ къ одиночеству, отъ дѣятельности къ невольной праздности, дѣйствуетъ до того подавляюще на ссыльныхъ, что они сходятъ часто съ ума, а иногда кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Таково непосредственное слѣд-

ствіе тѣхъ ненормальныхъ условій, среди которыхъ принуждены жить ссыльные. До сихъ поръ еще не случилось, чтобы ссыльный, при своемъ возвращеніи на родину, примирялся съ правительствомъ, сознавалъ свои заблужденія и дѣлался полезнымъ членомъ общества, вѣрнымъ слугою царя. Напротивъ, часто случается, что сосланный по ошибкѣ либо по административному недоразумѣнію только на мѣстѣ ссылки становится политически неблагонамѣреннымъ, отчасти подъ вліяніемъ другихъ ссыльныхъ, отчасти вслѣдствіе озлобленія. Если же кто правительству врагъ, то ссылка лишь способствуетъ усиленію его вражды, она дѣлаетъ изъ теоретика—человѣка дѣла, иначе говоря, дѣйствительно опаснаго члена общества».

Бо́льшая правда рѣдко исходила отъ русскаго высокопоставленнаго чиновника, и для разъясненія всей нецѣлесообразности ссылки—я могъ бы смѣло довольствоваться приведеніемъ этого откровеннаго отзыва. Но значеніе ссылки слѣдуетъ разсмотрѣть еще съ точки зрѣнія пользы, гуманности и нравственности, что я надѣюсь сдѣлать въ дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь я хотѣлъ, главнымъ образомъ, показать, какъ легкомысленно, безсердечно и несправедливо русскіе граждане ссылаются административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

VI.

Жизнь административно-ссыльныхъ.

Въ предыдущей главѣ я привелъ рядъ фактовъ, поясняющихъ, что слѣдуетъ понимать подъ „административной ссылкой" политическихъ „преступниковъ" въ Россіи; въ настоящей главѣ я желаю нарисовать передъ читателемъ правдивую картину жизни политическихъ „преступниковъ", въ мѣстахъ ихъ административной ссылки.

Ссылка «неблагонадежныхъ» русскихъ гражданъ въ Сибирь, безъ суда и слѣдствія, началась лишь въ послѣдніе годы царствованія Александра II Правда, единичные случаи подобнаго рода были и прежде, но только въ 1878 и 1879 гг., когда борьба полиціи съ террористами достигла высокаго напряженія, подозрѣваемые въ либеральномъ образѣ мыслей либо въ симпатіи къ революціонерамъ, стали поголовно высылаться въ Сибирь. Если у юноши находили запрещенную книгу или экземпляръ «Народной Воли», то этого было достаточно для ссылки его въ Сибирь. Если студентъ, въ возвышенномъ стремленіи къ поднятію народнаго образованія, открывалъ въ одномъ изъ предмѣстій Петербурга вечернюю школу для рабочихъ, то онъ подвергался административной ссылкѣ въ Сибирь. Узнавала полиція, что нѣсколько молодыхъ людей собираются по ночамъ—имена ихъ вносились въ списокъ «неблагонадежныхъ»; если собранія продолжались—полиція принимала «энергичныя мѣры къ охраненію общественнаго порядка», и въ Сибирь ссылались молодые люди, собиравшіеся, быть можетъ, для совмѣстнаго чтенія и обсужденія сочиненій Спенсера либо Стюарта Милля. Само собой разумѣется, что друзья и родственники извѣстныхъ революціонеровъ подвергались административной ссылкѣ. Задолго до убійства Александра II, отъ 600 до 800 молодыхъ людей, изъ различныхъ слоевъ общества, были арестованы и безъ суда, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, сосланы въ Сибирь. Къ концу 1880 г въ Западной Сибири не было ни одного сколько нибудь достойнаго упоминанія мѣста, гдѣ бы не жили политическіе ссыльные; цѣлыя колоніи образовались въ Тарѣ, Тюкалинскѣ, Ишимѣ, Ялуторвскѣ, Семипалатинскѣ, Кокчетовѣ, Акмолинскѣ, Курганѣ, Сургутѣ, Усть-Каменногорскѣ, Омскѣ, Томскѣ и Березовѣ.

Въ то время не было даже закономъ установленныхъ правилъ для обращенія съ подобными ссыльными. Ссылка въ адми-

министративномъ порядкѣ былъ чрезвычайно мрачной, находящаяся въ полной зависимости отъ произвола властей. Въ административномъ порядкѣ можно было быть сосланнымъ на годъ, на десять лѣтъ пожизненно, въ безводныя Иртышскія степи либо въ полярную пустынную мѣстность Якутской области.

Положеніе административно ссыльнаго было значительно тяжелѣе участи уголовнаго преступника. Послѣдній зналъ, по крайней мѣрѣ, какъ долго продлится наказаніе и за что онъ къ нему присужденъ; его гражданскія и политическія права были точно опредѣлены закономъ, и это давало ему, въ извѣстной степени, защиту противъ чиновничьяго произвола. Административно ссыльный былъ лишенъ всего этого. Онъ былъ внѣ закона, срокъ его ссылки могъ быть продленъ по усмотрѣнію власти, онъ не былъ увѣренъ, не измѣнятъ ли мѣстныя власти, имѣющія на это всегда распоряженія: онъ былъ внѣ закона какъ гражданинъ, и такимъ-же оставался какъ ссыльный. Единственнымъ ограниченіемъ произвола мѣстныхъ властей были секретные циркуляры, отъ времени до времени, издаваемые министромъ внутреннихъ дѣлъ. Циркуляры эти, однако, были въ большинствѣ случаевъ неясны и противорѣчивы, такъ что каждый чиновникъ все-же продолжалъ поступать по своему усмотрѣнію.

Въ одной мѣстности ссыльные были обязаны ежедневно являться въ полицію, вносить въ списокъ свое имя и лично давать отчетъ исправнику; въ другой—принуждены были подчиняться унизительному, безпрерывному надзору, отъ котораго не ускользали даже спальныя комнаты женщинъ. Одинъ исправникъ разрѣшалъ давать уроки, либо кое что зарабатывать медицинской практикой, другой приказывалъ заключить ссыльнаго въ тюрьму за данный имъ урокъ музыки или прописанный пріемъ хинина. Одинъ ссыльный въ Усть-Каменногорскѣ имѣлъ право безъ разрѣшенія удаляться на

разстояніе двухъ-трехъ миль, другой въ Ишимѣ—былъ сосланъ въ улусъ Якутской области за то, что отправился въ отстоящій на 100 метровъ лѣсъ—нарвать немного ягодъ. Всюду господствовалъ произволъ, приводившій ежедневно къ непріятнымъ столкновеніямъ между ссыльными и мѣстными властями.

Таково было положеніе до 1882 г., когда Высочайшимъ указомъ были изданы правила для сосланныхъ административнымъ порядкомъ Я постараюсь вкратцѣ изложить эти правила и на нѣкоторыхъ избранныхъ примѣрахъ показать, каково было ихъ вліяніе на жизнь ссыльныхъ въ Сибири.

Означенныя правила содержатъ въ себѣ 40 пунктовъ и занимаютъ пять мелко отпечатанныхъ страницъ, въ восьмую долю листа. Странно, что эти правила, почти исключительно относящіяся къ административно-ссыльнымъ, нигдѣ не заключаютъ въ себѣ словъ „ссылка“ и „Сибирь“; возможно, что стыдъ побудилъ составителя правилъ воздержаться отъ употребленія этихъ словъ. Въ этомъ документѣ намекается о ссылкѣ въ одномъ только мѣстѣ:

„Полицейскій надзоръ надъ лицами водворенными на жительство въ опредѣленную мѣстность учреждается въ силу самаго водворенія и на срокъ для него опредѣленный“ (§ 2).

Въ этихъ безцвѣтныхъ словахъ ничего не даетъ понять, что эта „опредѣленная мѣстность“, можетъ лежать вблизи сѣвернаго полюса, на разстояніи 8,000 кил. отъ Петербурга.

Недальновидный читатель могъ-бы наизусть выучить этотъ документъ, не догадываясь, что въ немъ идетъ рѣчь о мужчинахъ и женщинахъ, сосланныхъ безъ суда на границу Монголіи либо въ улусы близъ сѣвернаго полюса Составитель правилъ говоритъ, главнымъ образомъ, о полицейскомъ надзорѣ, а ссылка, описательно имъ называемая „водвореніемъ въ опредѣленную мѣстность“, упоминается лишь вскользь.

Быть можетъ пробудилось бы нравственное чувство русскихъ, если бы этотъ документъ былъ, какъ ему подобаетъ, озаглавленъ слѣдующимъ образомъ „Положеніе о поведеніи мужчинъ и женщинъ, ссылаемыхъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, безъ судебнаго приговора въ Сибирь". Сухія слова „безъ судебнаго приговора ссылаемые въ Сибирь" звучатъ, правда, не особенно пріятно, напротивъ, описательное выраженіе: „лица вредныя для общественнаго спокойствія, могутъ быть административнымъ порядкомъ водворяемы въ опредѣленную мѣстность" ничего не содержатъ въ себѣ такого, что могло бы произвести на чувствительныя натуры непріятное впечатлѣніе.

Когда знаешь, что русскій гражданинъ, неповинный ни въ какомъ преступленіи, арестованъ полиціей и сосланъ въ какую-нибудь сибирскую деревню, то невольно, само собой, напрашиваются вопросы: „какъ онъ тамъ живетъ? какъ позаботился законъ о его потребностяхъ? что ему разрѣшается, что запрещено?" На всѣ эти вопросы даетъ отвѣтъ „Положеніе", а, т. к. офиціальный документъ, конечно, долженъ внушить больше довѣрія, чѣмъ разсказы самихъ ссыльныхъ, то я приведу небольшое извлеченіе изъ этой „конституціи", какъ часто, съ горькой ироніей, называютъ это «Положеніе» ссыльные:

„При административной ссылкѣ, должна быть опредѣлена и продолжительность оной, но срокъ ея не долженъ быть свыше пяти лѣтъ (§ 3).

Отъ административно-ссыльнаго отбираются документы о его званіи, если таковые у него имѣются, и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе въ назначенной ему для того мѣстности (§ 6).

Административно-ссыльный обязанъ жить въ опредѣленномъ ему для того мѣстѣ и не имѣетъ права отлучаться изъ онаго безъ разрѣшенія надлежащей власти (§ 7).

Временныя отлучки административно-ссыльныхъ изъ

мѣста, назначеннаго имъ для жительства, могутъ быть разрѣшаемы по особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ поведеніи административно-ссыльнаго, просящаго о разрѣшеніи отлучки: 1) въ предѣлахъ уѣзда- мѣстнымъ начальникомъ полиціи; 2) въ предѣлахъ губерніи—мѣстнымъ губернаторомъ, и 3) въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ (§ 8).

Административно - ссыльному, получающему разрѣшеніе на отлучку, выдается проходное свидѣтельство и маршрутъ (§ 9).

Административно - ссыльный не имѣетъ права останавливаться въ пути слѣдованія, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ онъ обязанъ немедленно заявить полицейскому начальству ближайшей мѣстности. Административно - ссыльный долженъ быть возвращенъ изъ разрѣшенной ему отлучки и ранѣе истеченія срока отлучки, если его поведеніе будетъ признано мѣстными властями, предосудительнымъ (§§ 10—16).

Административно - ссыльный, какъ въ мѣстѣ своей ссылки, такъ и временнаго пребыванія, обязанъ являться въ полицію по первому ея требованію (§ 17).

Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру административно ссыльнаго во всякое время (§ 18)

Полиціи предоставляется право производить у административно ссыльныхъ обыски и выемки (§ 19)

Административно - ссыльные не могутъ быть учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ (§ 21).

Административно - ссыльные не могутъ состоять на государственной или общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы къ письменнымъ занятіямъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (§ 22).

Административно - ссыльнымъ воспрещается: 1) всякая педагогическая дѣятельность; 2) принятіе къ себѣ учени-

ковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ; 3) чтеніе публичныхъ лекцій; 4) участіе въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ, 5) участіе въ публичныхъ собраніяхъ ученыхъ обществъ; 6) вообще всякаго рода публичная дѣятельность; 7) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; 8) торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія; 9) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями (§ 24).

Административно - ссыльные не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (§ 25).

Административно - ссыльные могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, относящимся только до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей (§ 26).

Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (§ 27).

Всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются административно-ссыльнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія (§ 28).

Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется воспрещать административно-ссыльнымъ полученіе послѣднимъ его частной почтовой и телеграфной корреспонденціи. Получаемая, какъ и предполагаемая къ отправкѣ корреспонденція представляется на просмотръ начальнику полицейскаго или жандармскаго управленія (§ 30).

За неисполненіе предписанныхъ въ статьяхъ 11 29 правилъ, административно - ссыльные подвергаются аресту при полиціи или тюрьмѣ на срокъ отъ сутокъ до одного мѣсяца (§ 32).

Административно - ссыльные и семейства, послѣдовавшіе за ними, неимѣющія собственныхъ средствъ, получаютъ отъ казны пособіе, котораго они могутъ быть, однако, лишены, если уклоняются отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности (§§ 33—37).

Административно - ссыльные, по окончаніи срока ссылки, въ случаѣ неимѣнія своихъ собственныхъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста ссылки, имѣютъ право на пособіе отъ казны, согласно Высочайшаго повелѣнія 10 января 1881 г., если только о способѣ препровожденія ихъ на родину, не послѣдуетъ особаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ (§ 40).

Такова, въ извлеченіяхъ, „конституція" административно-ссыльныхъ. Неясныя и вводящія въ заблужденіе слова, какъ „поднадзорный", „водвореніе въ опредѣленную мѣстность", „опредѣленная мѣстность", я замѣнилъ повсюду словами: „административно ссыльный", „ссылка" и „мѣсто ссылки", что безъ сомнѣнія, болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ.

Когда ссыльный, послѣ многонедѣльнаго путешествія отъ этапа къ этапу, наконецъ, достигаетъ цѣли, его приводятъ въ полицейскій участокъ, гдѣ ему вручаютъ „свидѣтельство на проживаніе" и экземпляръ „Положенія". Правда, въ его документѣ не сказано, что онъ ссыльный, но всѣмъ, конечно, это извѣстно, т. к. всѣ видѣли его прибытіе подъ конвоемъ. Владѣльцы домовъ, либо совсѣмъ не отдаютъ имъ квартиръ, либо отдаютъ очень неохотно, т. к., по ихъ мнѣнію, политическій ссыльный опасный человѣкъ, котораго благоразуміе требуетъ избѣгать. Помимо того, они не желаютъ открывать свой домъ для полицейскихъ посѣщеній и обысковъ во всякое время дня и ночи. Квартирохозяину можетъ

быть также поручено наблюденіе за своимъ жильцомъ, и съ этой цѣлью его могутъ вызывать ежечасно для дачи показаній въ полицію, съ которой онъ вовсе не охотно будетъ вступать въ сношенія.

Такимъ образомъ, ссыльный принужденъ странствовать изъ дома въ домъ, усталый и разбитый, повсюду провожаемый косыми взглядами. Тогда только ему становится яснымъ, почему уголовные ссыльные называютъ выдаваемое полиціей свидѣтельство на проживаніе „вольнымъ паспортомъ".

Наконецъ, часто при посредствѣ такихъ-же, какъ и онъ, ссыльныхъ, найдена бѣдно обставленная комнатка, распаковываются пожитки, наводятся справки о сосѣдяхъ. Важнѣйшій для него вопросъ: „чѣмъ жить?". На родинѣ онъ оставилъ безъ средствъ жену и дѣтей; мысль объ этомъ не даетъ ему покоя, а теперь присоединяется еще забота о собственномъ пропитаніи. Что предпринять? Онъ изучаетъ „Положеніе" и находитъ въ нихъ, что, не имѣющіе средствъ ссыльные, получаютъ, согласно § 33, пособіе отъ казны. Вскорѣ онъ узнаетъ, что ссыльному выдается шесть рублей въ мѣсяцъ, причемъ, по наведеннымъ справкамъ оказывается, что эта сумма едва хватаетъ для покрытія половины расходовъ первой необходимости. Итакъ, онъ принужденъ искать заработка. Онъ, конечно, знаетъ, что въ отдаленной сибирской деревнѣ его умственныя дарованія не могутъ имѣть той цѣны, что въ Петербургѣ и Москвѣ, однако, онъ все-же надѣется получить какое-нибудь занятіе, тѣмъ болѣе, что не будетъ слишкомъ разборчивъ. Онъ получилъ университетское образованіе, владѣетъ нѣсколькими языками, по профессіи врачъ, фотографъ, писатель, прекрасный учитель, дѣльный бухгалтеръ либо музыкантъ—словомъ онъ надѣется, что и здѣсь ему не будетъ трудно заработать, по крайней мѣрѣ, на самое необходимое. Увы! Онъ изучаетъ „Положеніе" подроб-

ибе и находитъ, что подъ угрозой тюремнаго наказанія ему запрещается исполнять обязанности врача, учителя, химика, фотографа, библіотекаря, переписчика и т. д., такъ что ему запрещается почти всякая дѣятельность, которою онъ могъ-бы заняться.

Правда, онъ имѣетъ право сдѣлаться сапожникомъ либо столяромъ, кузнецомъ либо плотникомъ; но для этого необходимо знакомство съ ремесломъ, котораго у него нѣтъ. Заняться торговлей—немыслимо: нѣтъ необходимаго капитала. Даже поступить въ услуженіе въ качествѣ кучера онъ не можетъ, т. к. не имѣетъ права покидать мѣсто своего водворенія. Земледѣльческій трудъ является единственнымъ занятіемъ ему доступнымъ. Воздѣлывать свекловичное поле и вскапывать картофель—„Положеніе“ все-же не запрещаетъ; какъ видно, правительство не опасается, что ссыльные засѣютъ поле сѣменами революціи. Однако, вся свободная вокругъ земля принадлежитъ общинѣ и распредѣлена для обработки между ея жителями. На извѣстномъ разстояніи, правда, можно было бы еще найти соотвѣтствующій участокъ земли но—вѣдь онъ права не имѣетъ оставлять мѣсто своей ссылки. Въ такомъ безутѣшномъ положеніи сосланному въ Сибирь ничего не остается другого, какъ обратиться къ губернатору либо министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о разрѣшеніи заняться доступной ему работой.

Въ 1883 г. политическіе ссыльные Акмолинска просили генералъ губернатора Колпаковскаго разрѣшить имъ давать уроки музыки, т. к. получаемое отъ казны пособіе не хзатаетъ для жизни, а всякія доступныя имъ профессіи воспрещены закономъ. Просьба, казалось, была довольно безобидной, т. к. звуками рояля довольно трудно потрясти государственныя основы. Однако, г. генералъ губернаторъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Повидимому, онъ предполагалъ, что подобные уроки могутъ привить акмолин-

скимъ дѣтямъ революціонный ядъ, либо считалъ нужду и лишенія лучшими спутниками административной ссылки. просьба была отклонена на томъ основаніи, что уроки музыки относятся къ числу воспрещенныхъ ссыльнымъ занятій. если-же они находится въ крайней нуждѣ, то онъ совѣтуетъ имъ поступить въ услуженіе къ киргизамъ, въ качествѣ поденныхъ рабочихъ.

Около того-же времени „политическіе" Усть Каменогорска просили этого самаго генералъ-губернатора предоставить имъ для воздѣлыванія участокъ земли, вблизи мѣста ссылки. Они изъявили готовность улучшить почву, заплатить арендныя деньги, если будетъ какой-либо урожай и, наконецъ, уступить казнѣ по окончаніи срока ссылки, безъ всякого вознагражденія, всѣ сдѣланныя ими на землѣ улучшенія. И на это, казалось бы, благопріятное для казны, предложеніе получился тотъ-же отвѣтъ. они могутъ поступить въ услуженіе къ киргизамъ.

Подобные примѣры чиновничьей жестокости были мнѣ сообщены однимъ политическимъ ссыльнымъ Семипалатинска, и я увѣренъ въ ихъ правдивости. Я не былъ знакомъ съ генераломъ Колпаковскимъ, поэтому не могу лично судить о его характерѣ, но мнѣ пришлось познакомиться съ губернаторомъ Акмолинской области, который произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, способнаго дать для подписи своему начальнику приведенную резолюцію. Впрочемъ, въ Восточной Сибири я имѣлъ возможность наблюдать многое, еще болѣе жестокое.

Не во всей Сибири, однако, соблюдается „Положеніе" съ одинаковою строгостью, т. к. способъ примѣненія многихъ зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго начальства. Генералъ Цеклинскій, покойный губернаторъ Семипалатинской области, обращался съ подвѣдомственными ему ссыльными, вполнѣ гуманно и снисходительно; не потому, конечно, что онъ симпатизировалъ ихъ взглядамъ, но такъ какъ былъ джентельменомъ

и гуманнымъ чиновникомъ. То-же можно сказать и о г Пѣтуховѣ, бывшемъ томскимъ губернаторомъ ко времени нашего путешествія. Въ Тобольской губерніи, напротивъ, съ административно ссыльными всегда обращались сурово, а нерѣдко даже жестоко. Въ апрѣлѣ 1881 года девятнадцать ссыльныхъ города Сургута (Тобольской губерніи) обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ жалобой на жестокое обращен е съ ними губернатора Тройницкаго, причемъ объяснили, что они, не смотря на послѣдствія, не въ состояніи дольше переносить подобное обращеніе.

Каково должно было быть отчаянное положеніе этихъ ссыльныхъ, показываетъ лучше всего то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нихъ въ моментъ подачи прошенія находились наканунѣ истеченія срока ссылки; имъ слѣдовало еще короткое время перетерпѣть, и они были бы свободны. Но человѣческая выносливость, какъ все прочее, имѣетъ свой предѣлъ, и у нихъ она достигла этого предѣла. О результатѣ ихъ прошенія можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ замѣтки, вскорѣ послѣ того, появившейся въ „Сибирской Газетѣ"; въ ней говорится, что „девятнадцать дерзкихъ политическихъ ссыльныхъ выселены изъ Сургута" и, что губернаторъ выражаетъ свою благодарность сургутскому исправнику и тобольскому полиціймейстеру „за оказанную при выселеніи распорядительности".

Я такъ и не узналъ въ какой безлюдный уголокъ Сибири были сосланы эти девятнадцать мучениковъ за то, что осмѣлились попытаться тронуть сердце министра внутреннихъ дѣлъ графа Димитрія Толстого. Есть немного только мѣстъ ссылки уже Сургута. Однимъ изъ нихъ можно считать Березовъ на Оби, отстоящій на 3,450 миль отъ Петербурга, другимъ - Гуруханскъ, „городъ" съ 32 домами и 181 жителями, вблизи сѣвернаго полюса, третьимъ - знаменитые улусы Якутской области: туда ссылаются обыкновенно тѣ, кто безпокоитъ министра „дерзкими" жалобами.

Административно-ссыльный, подвѣдомственный губерна тору, подобному Гройницкому, принужденъ обратиться съ ходатайствомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Средствъ у него нѣтъ; тѣ нѣсколько рублей, которые онъ получаетъ отъ правительства, недостаточны, а Положеніе" до того безжалостно проводится на дѣлѣ, что ему совершенно немыслимо заработать кое что собственнымъ трудомъ.

При такихъ обстоятельствахъ, ссыльный, по профессіи, предположимъ, врачъ, обращается съ просьбой къ его превосходительству позволить ему заниматься медицинской практикой въ мѣстѣ своего поселенія, гдѣ, кстати, и нѣтъ врача. Казалось бы, что подобная просьба не только должна быть уважена, но будетъ еще съ благодарностью принята, т. к. число врачей въ странѣ недостаточно, что констатируется также въ секретномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ въ 1881 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, копія доклада находится въ моемъ распоряженіи. Однако, г. министръ придерживается совершенно иного взгляда!

Въ 1883 г. тверское медицинское общество обратилось съ докладной запиской къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой указываетъ на недостатокъ врачей въ Сибири, причемъ обращаетъ вниманіе его превосходительства на множество врачей и студентовъ медиковъ, живущихъ тамъ въ ссылкѣ. Каковъ же былъ отвѣтъ на столь разумное и, въ то же время, гуманное ходатайство? Медицинское общество было закрыто, а два больничныхъ врача, числящихся на государственной службѣ, были отрѣшены отъ должности.

Если съ людьми только предлагающими допущеніе ссыльныхъ къ врачебной практикѣ, такъ поступаютъ, то не трудно себѣ представить, какая участь ждетъ того изъ ссыльныхъ врачей, который осмѣлится заняться своей профессіей безъ надлежащаго разрѣшенія.

Въ 1880 г. жилъ въ Харьковѣ студентъ-медикъ Нифонтъ Долгополовъ Прослушавъ курсъ медицинскаго факультета мѣстнаго университета, онъ собирался сдать послѣдніе экзамены, какъ вдругъ возникли, столь частыя въ Россіи, студенческія волненія. Въ Харьковѣ эти волненія приняли характеръ болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно, такъ что начальство даже прибѣгло къ военной силѣ; отрядъ казаковъ разгонялъ возбужденную толпу, причемъ казаки дѣятельно дѣйствовали нагайками. Г. Долгополовъ, собственно, никакого участія въ студенческомъ движеніи не принималъ; онъ случайно находился на улицѣ въ то время, когда казаки избивали толпу нагайками и, не будучи въ состояніи сдержать свой гнѣвъ, онъ крикнулъ одному изъ полицейскихъ чиновниковъ: „Стыдитесь! Постыдная трусость избивать нагайками беззащитныхъ людей!" Объ этомъ дано было знать куда слѣдуетъ; г. Долгополовъ былъ арестованъ и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, — конечно, безъ судебнаго приговора „административнымъ порядкомъ" сосланъ въ Сибирь. Въ 1883 г. отъ него потребовали принесенія вѣрноподданнической присяги новому императору, а такъ онъ какъ отказался ее дать то былъ высланъ изъ прежняго мѣста поселенія Кургана въ Тюкалинскъ.

Тюкалинскій исправникъ Ильинъ славился своею жестокостью, и вскорѣ между нимъ и г. Долгополовымъ произошло столкновеніе на почвѣ примѣненія „Положенія". Благородному юношѣ, въ то же время прекрасному врачу, немыслимо было во многихъ случаяхъ отказываться отъ подачи медицинской помощи больнымъ жителямъ города. Онъ не стремился пріобрѣсть врачебную практику, онъ даже въ ней матеріально не нуждался, но онъ не могъ заставить себя отказать въ помощи мужику, съ бѣльмомъ на глазу или больному лихорадкой, пришедшему къ нему за совѣтомъ. Слухи объ этомъ дошли до испра-

ника; послѣдній призвалъ къ себѣ молодого врача и грубымъ тономъ обратилъ его вниманіе на 27 § „Положенія" Онъ запретилъ ему въ какой либо формѣ оказывать помощь крестьянамъ, хотя бы безвозмездно, и грозилъ ему тюремнымъ заключеніемъ при дальнѣйшемъ неповиновеніи установленнымъ правиламъ. Докторъ Долгополовъ принужденъ былъ повиноваться, но отношенія къ нему исправника остались враждебными. Осенью 1883 года сынъ городского головы г. Тюкалинска, г. Балакина, при осмотрѣ револьвера нечаянно ранилъ свою мать. Для удаленія пули необходима была серьезная операція, которую не рѣшился сдѣлать городской врачъ г. Гулль, нервный и робкій человѣкъ. Онъ посовѣтовалъ обратиться къ г. Долгополову, какъ къ опытному хирургу. Г. Балакинъ поспѣшилъ къ молодому врачу и просилъ его о помощи.

— Я права не имѣю,—отвѣтилъ этотъ.

— Но вѣдь дѣло идетъ о спасеніи человѣческой жизни!— крикнулъ взволнованно городской голова.

— Я права не имѣю. Отношеніе исправника ко мнѣ враждебное; я уже имѣлъ однажды непріятности вслѣдствіе недозволенной подачи медицинской помощи, и исправникъ мнѣ грозилъ тюрьмой въ случаѣ повторенія.

- Вы были сосланы въ Сибирь за вашъ человѣколюбивый образъ мыслей, а теперь уклоняетесь отъ спасенія человѣческой жизни изъ боязни какого то наказанія!— закричалъ въ отчаніи г. Балакинъ.

— Если вы такъ смотрите на дѣло, то я, конечно, къ вашимъ услугамъ: пускай будетъ, что будетъ,—отвѣтилъ молодой врачъ и отправился съ нимъ къ раненой.

Изслѣдованіе раны ему показало, что въ данную минуту опасности нѣтъ, а потому онъ просилъ городского голову обратиться съ телеграфнымъ запросомъ къ тобольскому губернатору Лисагорскому, не разрѣшитъ ли тотъ Долгополову сдѣлать операцію, вслѣдствіе отказа городского

врача. Часъ спустя получился отвѣтъ, что это дѣло не подвѣдомственно губернатору, а городской голова долженъ обратиться въ медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Теперь вамъ ясно, какъ мало значитъ вашему начальству человѣческая жизнь, — замѣтилъ г. Долгополовъ съ горькой усмѣшкой.

Затѣмъ онъ немедленно совершилъ операцію, перевязалъ рану и женщина была внѣ опасности.

На слѣдующій день молодой врачъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, послѣ чего начался продолжительный процессъ, документы о которомъ хранятся въ тобольскомъ архивѣ окружнаго суда и носятъ слѣдующее заглавіе: *Неразрѣшенное удаленіе пули изъ ноги г-жи Балакиной, жены городского головы г. Тюкалинска, административно-ссыльнымъ Нифонтомъ Долгополовымъ.*

Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на жителей города, они ежедневно освѣдомлялись о его здоровьѣ, — онъ вскорѣ заболѣлъ въ тюрьмѣ тифомъ—приносили ему туда цвѣты и пищу.

Такое симпатичное отношеніе жителей къ пострадавшему за человѣколюбіе врачу, казалось отрезвило исправника; онъ приказалъ перевести больного въ частную квартиру, но въ тоже время подалъ губернатору рапортъ, о томъ, что „обвиняемый въ совершеніи преступленія административно-ссыльный Нифонтъ Долгополовъ, имѣетъ опасное вліяніе на жителей города, приносившихъ ему въ тюрьму, въ знакъ уваженія, цвѣты и пищу, поэтому нужно опасаться, что жители города будутъ способствовать его побѣгу". При такихъ обстоятельствахъ онъ, исправникъ, съ трудомъ можетъ взять на себя отвѣтственность по отношенію къ упомянутому ссыльному принужденъ обратиться къ его превосходительству съ просьбой „сослать Долгополова въ Сургутъ

либо въ какую-нибудь другую мѣстность, гдѣ значительно легче надзоръ".

О томъ, что г. Долгополовъ серьезно боленъ тифомъ, онъ совершенно не упомянулъ. Губернаторъ, по телеграфу, приказалъ немедленно выслать Долгополова этапнымъ порядкомъ въ Сургутъ.

Исправникъ передалъ приказаніе губернатора для исполненія конвойному офицеру, сопровождающему этапъ. Послѣдній отказался повиноваться, мотивируя тѣмъ, что ему строго запрещено принимать отъ мѣстныхъ властей заболѣвшихъ ссыльныхъ. Больной могъ по дорогѣ умереть, а отвѣчать за это долженъ былъ онъ, конвоирующій этапъ. Исправникъ, однако, желалъ немедленно удалить изъ города Долгополова, котораго онъ еще сильнѣе возненавидѣлъ, а потому лично отправился съ нѣсколькими городовыми и подводой къ квартирѣ больного, намѣреваясь такимъ путемъ выселить его изъ города. Докторъ Долгополовъ лежалъ въ постели и былъ до того слабъ, что не могъ совершенно двигаться. Его жена пробовала сопротивляться этой варварской мѣрѣ и была за это связана по рукамъ и ногамъ, а больной, въ одной ночной сорочкѣ, былъ вынесенъ на тюфякѣ и положенъ на подводу. И все это происходило 24 октября 1884 года при суровой погодѣ. Долгополовъ, по всей вѣроятности, не выдержалъ бы этого путешествія, если бы какой-то сострадательный прохожій не снялъ съ себя шубы и не покрылъ бы ею больного. Въ такомъ состояніи онъ былъ перевезенъ въ небольшой городокъ Ишимъ, отстоящій отъ Тюкалинска на 200 километровъ. Въ немъ тогда было одиннадцать политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ находился извѣстный русскій беллетристъ Мачтетъ. Нѣкоторые изъ нихъ лично были знакомы съ Долгополовымъ, остальные знали его злоключенія Увидѣвъ его положеніе, они отправились къ исправнику и заявили, что всѣми мѣрами будутъ препятствовать дальнѣйшей его от-

правкѣ Они заставили городского врача осмотрѣть Долгополова и предложили исправнику оффиціально засвидѣтельствовать все возмутительное происшествіе: затѣмъ они обратились съ вопросомъ къ тобольскому губернатору Лисагорскому, далъ ли онъ тюкалинскому исправнику полномочіе, выселить изъ города въ это время года, тяжело больного, въ одной ночной сорочкѣ, на крестьянской подводѣ Увѣдомленный о происшедшемъ, губернаторъ телеграммою приказалъ ишимскому исправнику оставить молодого врача въ мѣстной больницѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣнилъ свое приказаніе о водвореніи его въ Сургутъ *).

Въ Ишимѣ разсказывали, что губернаторъ воспользовался этимъ случаемъ для полученія отъ тюкалинскаго исправника 500 руб, въ качествѣ вознагражденія за освобожденіе его отъ законной отвѣтственности. Не знаю, насколько все это соотвѣтствовало дѣйствительности, но знаю, что всѣ обвиняли губернатора въ продажѣ должностей лицамъ, которые давали за нихъ большую сумму, причемъ взятка вручалась въ формѣ проигрыша губернатору въ карты.

Во время моего посѣщенія Сибири десять исправниковъ находились подъ слѣдствіемъ. Слѣдствіе тянулось безконечно по причинамъ, которыя были прекрасно извѣстны какъ виновнымъ, такъ и ихъ начальникамъ. Я даже не сомнѣваюсь, что они всѣ и до сихъ поръ еще на службѣ.

Докторъ Долгополовъ оставался до выздоровленія въ

*) Подробное описаніе обращенія тюкалинскаго исправника съ докторомъ Долгополовымъ было опубликовано въ издававшейся въ Томскѣ «Сибирской Газетѣ», откуда оно было перепечатано еженедѣльнымъ изданіемъ «Times» 11-го января 1884 г. Цензура не разрѣшила, однако, русской газетѣ упомянуть о томъ, что Долгополовъ былъ политическимъ ссыльнымъ поэтому на сообщеніе обратили меньшее вниманіе, чѣмъ оно того заслуживало. Нѣкоторыя, однако, подробности въ моемъ разсказѣ впервые опубликовываются.

Ишимѣ, а затѣмъ былъ водворенъ въ другое мѣсто. Впослѣдствіи онъ переведенъ былъ въ Семипалатинскую область, гдѣ его участь значительно улучшилась, и гдѣ онъ, какъ я затѣмъ узналъ, занимался антропологическими изслѣдованіями о киргизахъ.

Я разсказалъ этотъ случай такъ подробно не только для того, чтобы показать, какъ обращаются въ Россіи съ «неблагонадежными» людьми, но и для поясненія, почему упомянутые ссыльные Сургута осмѣлились обратиться съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ. Одинъ изъ нихъ, Левъ Ивановъ, былъ въ буквальномъ смыслѣ слова убитъ, вслѣдствіе жестокости и равнодушія властей, а двое другихъ физически замучены переносимыми страданіями; они сами себя называли «проклятыми». Такъ какъ они впослѣдствіи за свою «дерзость» были сосланы въ еще болѣе ужасную мѣстность, то по всей вѣроятности, ихъ нѣтъ теперь въ живыхъ, и они окончательно освободились отъ своихъ страданій.

Когда административно-ссыльный сумѣлъ уладить вопросъ о своемъ печальномъ существованіи, тогда только онъ начинаетъ чувствовать все униженіе полицейскаго надзора и контроля за его перепиской. Чины полиціи, наблюдающіе за нимъ, грубые люди часто съ преступнымъ прошлымъ. Множество изъ нихъ обыкновенные преступники сосланные въ Сибирь за уголовные преступки, по отбытіи наказанія въ рудникахъ, поступившіе на службу въ полицію подъ вымышленными именами. Инициалы болѣе чѣмъ двадцати подобныхъ преступниковъ, съ указаніемъ ихъ мѣстожительства, были опубликованы либеральной сибирской печатью. Подобному сброду въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири ввѣряютъ честь, здоровье и жизнь многихъ интеллигентныхъ ссыльныхъ обоего пола, нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что послѣдніе часто подвергаются грубымъ оскорбленіямъ и жестокому обращенію. Я лично знаю нѣ-

сколькихъ полицейскихъ чиновниковъ въ Сибири, напримѣръ, начальника полиціи въ Минусинскѣ съ которымъ я неохотно встрѣтился бы во мракѣ ночи, безъ револьвера въ рукѣ. Даже, въ сравнительно благоустроенномъ городѣ Томскѣ, исторія полицейской дѣятельности насчитываетъ множество грубѣйшихъ и постыднѣйшихъ фактовъ произвола Арестъ невинныхъ, подкупъ, лжеприсяга, пытка, избіеніе на смерть беременныхъ женщинъ.

Оффиціальныя «Томскія Губернскія Вѣдомости» сообщали, что вновь назначенный губернаторъ, получилъ, во время перваго своего посѣщенія тюремъ, триста жалобъ на незаконный арестъ; двѣсти изъ нихъ были признаны основательными и лица ихъ подавшія были освобождены До чего велика власть исправниковъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ въ Сибири, показываетъ слѣдующая крестьянская поговорка: «На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ Кохъ!" Сколько такихъ Коховъ» они, конечно, носятъ и другія фамиліи находится въ Сибири, знаетъ про это кромѣ Бога, еще сибирскій крестьянинъ и политическій ссыльный. Въ дѣйствительности, полицейскій надзоръ выполняется различно, но каковы бываютъ формы этого надзора, поясняетъ письмо одного административно ссыльнаго, опубликованное въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», органѣ московскаго юридическаго обществна. Въ письмѣ сказано: «Надзоръ надъ нами происходитъ въ самой безжалостной формѣ. Каждый полицейскій чиновникъ старается превозойти другого въ бдительности. Нѣсколько разъ въ день они являются къ намъ узнать, не отлучились ли мы и нѣтъ ли кого-либо у насъ. Они постоянно ходятъ взадъ и впередъ передъ нашей квартирой, заглядываютъ въ окна и подслушиваютъ у дверей. Ночью они дежурятъ вблизи нашихъ квартиръ и принуждаютъ нашихъ квартирохозяевъ и сосѣдей наблюдать за каждымъ нашимъ движеніемъ и давать имъ обо всемъ знать».

Молодая женщина, сосланная въ деревню Тунку, расположенную у монгольской границы, разсказывала мнѣ, что она, возвращаясь съ прогулки, неоднократно, находила у себя на кровати спящаго полицейскаго сыщика. Боязнь подвергнуться брани, а въ иныхъ случаяхъ и худшему, принуждала ссыльныхъ женщинъ поселяться въ домѣ съ своими товарищами по изгнанію. Да иначе и немыслимо. Среди политическихъ ссыльныхъ часто встрѣчаются беззащитныя дѣвушки въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ, молодыя женщины, мужья которыхъ отбываютъ наказаніе въ рудникахъ либо сосланы въ другія мѣста Сибири. Имъ немыслимо жить совершенно отдѣльно, находясь въ такихъ условіяхъ, при которыхъ первый попавшійся негодяй въ полицейскомъ мундирѣ можетъ зайти къ нимъ въ комнату, въ каждую любую минуту дня и ночи.

Просматриваніе корреспонденціи ожесточаетъ и доводитъ до отчаянія ссыльныхъ едва ли не больше, чѣмъ надзоръ за ихъ поведеніемъ. Нельзя отправить ни одного письма, неославъ его сперва исправнику для одобренія. Послѣдній можетъ отправить письмо по назначенію, можетъ уничтожить либо переслать министру внутреннихъ дѣлъ. Письма, получаемыя на имя ссыльныхъ, исправникъ вскрываетъ, читаетъ ихъ и вычеркиваетъ всѣ, по его мнѣнію, сомнительныя мѣста, а затѣмъ, когда вздумается, доставляетъ адресату. Желаетъ исправникъ наказать непонравившагося ему либо „дерзкаго" ссыльнаго, онъ задерживаетъ его письма и, часто въ теченіе мѣсяцевъ, оставляетъ его безъ вѣстей отъ жены и дѣтей, нерѣдко брошенныхъ на произволъ судьбы въ Россіи.

Исправникъ Тары, Тобольской губ., имѣлъ обыкновеніе прочитывать въ клубѣ своимъ знакомымъ письма, адресованныя ссыльнымъ, и съ ними совѣтоваться, какія мѣста слѣдуетъ вычеркивать. Нѣкоторые ссыльные впервые слышали о своихъ письмахъ случайно на улицѣ, отъ людей

которымъ исправникъ ихъ показывалъ. Не трудно представить себѣ, что испытывалъ бѣдняга ссыльный, когда узнавалъ, что слова любви и утѣшенія, написанная женою со слезами въ глазахъ, читались исправникомъ въ кругу своихъ партнеровъ по игрѣ въ карты.

Узнаетъ случайно ссыльный, что на его имя получено письмо, онъ далеко еще не увѣренъ, что ему удастся его прочесть. Послѣ того какъ „начальство" прочло письмо своимъ знакомымъ, ему часто приходитъ на мысль, что письмо написано секретнымъ шрифтомъ и оно считаетъ болѣе благоразумнымъ его совсѣмъ не отдавать. Я видалъ полученныя ссыльными письма, которыхъ недовѣрчивые чиновники подвергали нагрѣванію либо химическому анализу, подозрѣвая, что въ письмахъ заключаются извѣстія, написанныя „симпатическими чернилами".

Часто ссыльнаго вызываютъ въ полицію и подвергаютъ строгому допросу по поводу содержанія письма, котораго тотъ и въ глаза не видалъ.

Положеніе ссыльнаго самое неопредѣленное. Онъ ни преступникъ, лишенный правъ, ни защищаемый закономъ гражданинъ; отъ него требуютъ исполненія всѣхъ обязанностей гражданина, при этомъ его лишаютъ даже той минимальной защиты отъ произвола, которою пользуется и преступникъ.

Въ 1881 году одинъ изъ административно-ссыльныхъ послалъ въ сенатъ, какъ въ высшее судебное учрежденіе, нижеприводимое прошеніе. Въ немъ дается прекрасная характеристика положенія политическихъ ссыльныхъ. Безъ сомнѣнія авторъ ни на минуту не предполагалъ, что этимъ онъ улучшитъ свою судьбу, напротивъ, онъ прекрасно зналъ, что дорого придется поплатиться за подобную „дерзость". Онъ долженъ было въ это время принести присягу въ вѣрности новому императору и въ приводимомъ прошеніи по этому случаю даетъ полную волю своимъ чувствамъ. Я лично съ авто-

ромъ прошенія не знакомъ и считаю лишнимъ сообщать о томъ, какимъ образомъ мною оно получено, но ручаюсь за достовѣрность какъ прошенія такъ и полученнаго на него отвѣта.

Курганъ, Тобольской губерніи, Восточной Сибири.

31 марта 1881 г.

ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СЕНАТЪ.

28 марта 1881 г. я, административно-ссыльный, получилъ приказаніе отъ начальника полиціи города Кургана явиться въ полицейское управленіе, для принесенія вѣрноподданической присяги нынѣ царствующему Императору Александру Александровичу. Подобное требованіе мнѣ кажется противорѣчащимъ Императорскому манифесту отъ 1 марта 1881 г., въ которомъ, какъ на причину того, что крестьянское населеніе впервые призывается къ присягѣ, указывается, что, съ освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости, они сдѣлались свободными гражданами, а потому подпадаютъ подъ дѣйствіе, установленныхъ для послѣднихъ, законовъ. Я отношусь съ глубокимъ уваженіемъ къ приведеннымъ словамъ и считаю вѣрнымъ, не только это заключеніе, но и всѣ вытекающія отсюда логическіе слѣдствія. Такимъ образомъ, если-бы русскіе крестьяне, либо другіе русско-подданные не были свободными гражданами и не подчинялись бы общимъ государственнымъ законамъ, отъ нихъ не требовали бы принесенія вѣрноподданнической присяги, т. к. Высочайшій манифестъ отъ 1 марта требуетъ подобную присягу только отъ гражданъ, подчиненныхъ государственнымъ законамъ. Я спрашиваю себя: „Кто я такой? Свободный гражданинъ?" —Мой отецъ принадлежалъ къ потомственнымъ дворянамъ имперіи, моя мать была его законной женой; по русскому закону мнѣ принадлежитъ званіе моего отца, а вмѣстѣ съ нимъ права свободнаго гражданина. Послѣднему законъ гарантируетъ личную свободу, пока онъ

не совершитъ преступленія, а также защиту его семьи и имущества. Вопреки этому, я лишенъ свободы, моя семейная жизнь разрушена, мое имущество конфисковано третьимъ отдѣленіемъ, а всякое занятіе, къ которому я способенъ, мнѣ воспрещено. Я не имѣю права переступить границы города Кургана, я удаленъ отъ семьи на 1500 километровъ и не имѣю права отправлять имъ письма, прежде чѣмъ они не будутъ просмотрѣны и одобрены посторонними лицами. Приведенные факты показываютъ, что я не только не пользуюсь правами дворянина, но даже лишенъ основныхъ правъ всякаго русскаго подданнаго.

Дѣйствительно ли я лишенъ всѣхъ гражданскихъ правъ и дѣйствительно ли я сосланъ въ Сибирь, какъ ссыльно-поселенецъ? Когда я просматриваю законы для ссыльно-поселенцевъ, то нахожу, что все въ нихъ сказанное относится и къ моему положенію, за исключеніемъ одного: ссыльно-поселенецъ имѣетъ надежду понемногу вернуть себѣ часть отнятыхъ у него правъ; ему можетъ быть разрѣшено свободно передвигаться въ предѣлахъ губерніи, а часто всей Сибири; я же лишенъ такой надежды, т. к. сосланъ въ Курганъ на неопредѣленное время. Ясно, что я не ссыльно-поселенецъ, къ тому же я не могу имъ быть, такъ какъ не осужденъ судомъ. Въ такомъ случаѣ, кто я такой? Если я не свободный русскій подданный, не осужденный преступникъ, то не нахожусь ли я въ положеніи человѣка, стоящаго внѣ защиты законовъ той страны, гдѣ онъ живетъ? Тогда, значитъ, я иностранецъ? Нѣтъ, я и не иностранецъ! Будь я свободнымъ иностранцемъ, то имѣлъ бы право покинуть Россію и, безъ сомнѣнія, считался бы въ каждой странѣ полноправнымъ, вѣрнымъ гражданиномъ. Я, однако, лишенъ этого права, поэтому я, по всей вѣроятности, военноплѣнный! Тогда, гдѣ же мое отечество? Къ какому народу я принадлежу и въ какой войнѣ я взятъ въ плѣнъ? На всѣ эти вопросы я не нахожу отвѣта. Положеніе

военноплѣннаго невыносимо, а я принужденъ былъ переносить его въ теченіе пяти лѣтъ.

Я покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ признать меня русско-подданнымъ, имѣющимъ право на защиту закона. Имѣя извѣстное право, я охотно подчинюсь и всѣмъ вытекающимъ изъ него обязанностямъ. Если же Правительствующій Сенатъ не пожелаетъ признать меня русско-подданнымъ, то пусть будетъ мнѣ дозволено покинуть Россію и искать себѣ другое отечество.

Я полагаю, что вѣрноподданническая присяга не только налагаетъ извѣстныя обязанности, но также предоставляетъ извѣстныя права. Требованіе присяги означаетъ также признаніе этихъ правъ. Развѣ не такъ? Я ожидаю отвѣта. Если Правительствующій Сенатъ мнѣ докажетъ, что я ошибаюсь, что я имѣю обязанности свободнаго гражданина, однако, не имѣю правъ его, то мнѣ останется лишь подчиниться, какъ военноплѣнному.

Василій Сидоратскій.

Ознакомившись съ этимъ прошеніемъ, сенатъ 1 іюня 1884 г. постановилъ слѣдующее:

РЕЗОЛЮЦІЯ

Принимая во вниманіе, что означенное прошеніе не адресовано на Высочайшее имя и не соотвѣтствуетъ установленной, въ т. X, части II, ст. 205 Св. зак., изд. 1876 г., формѣ, оставить его безъ послѣдствій. Соотвѣтствующій указъ посланъ тобольскому губернскому правленію.

Оберъ-секретарь П. Бруд...

(Остальная часть подписи неразборчива)

Помощникъ Оберъ-секретаря Баронъ Буксгевденъ.

Я не могъ узнать какая судьба постигла г. Сидоратскаго, я вообще не знаю находится ли онъ еще среди живыхъ, но надѣюсь, однако, что онъ, по эту либо по ту сторону могилы, наконецъ, нашелъ свою родину.

VII.

Томская пересыльная тюрьма.

Въ Усть-Каменногорскѣ мы оставались недолго, т. к. погода начала измѣняться къ худшему, и мы рѣшили возможно скорѣе достигнуть Томска. Не смотря, однако, на короткое пребываніе въ Усть Каменногорскѣ, мы узнали здѣсь многое, что имѣло огромное значеніе для успѣха нашего путешествія.

Гдѣ находятся политическіе ссыльные, какъ войти, незамѣтно, съ ними въ сношенія? Этотъ вопросъ насъ безконечно занималъ, т. к мы, вѣдь, не могли всегда ждать случая, когда гуманный и предупредительный чиновникъ насъ съ ними познакомитъ Мы должны были знать, куда и къ кому намъ съ этой цѣлью слѣдуетъ обращаться, по пріѣздѣ въ городъ либо деревню, До сихъ поръ мы проѣхали не мало деревень, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, остановились бы, знай, что онѣ служатъ мѣстожительствомъ интересныхъ политическихъ ссыльныхъ. Въ Усть-Каменногорскѣ мы получили необходимыя объясненія, полезныя указанія и множество рекомендательныхъ писемъ къ лицамъ, могущимъ способствовать осуществленію нашихъ намѣреній, къ чиновникамъ либеральнаго образа мыслей и, наконецъ, что особенно было важно для насъ списокъ 700 политическихъ ссыльныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири, съ точнымъ указаніемъ имени, возраста, профессіи и мѣста поселенія. Имѣя эти важныя свѣдѣнія, мы могли смѣло приступить къ изслѣдованію дѣйствительнаго положенія ссыльныхъ, и только одной высылкой насъ изъ Сибири правительство могло помѣшать осуществленію нашей задачи. Такимъ образомъ, мы могли въ каждомъ мѣстѣ разыскать то лицо, съ которымъ желали познакомиться, и болѣе не боялись попасть, слѣдствіе ошибки, въ неловкое положеніе.

Въ понедѣльникъ 10 августа мы въ послѣдній разъ пообѣдали съ политическими ссыльными Усть-Каменногорска, пропѣли еще разъ, по ихъ просьбѣ, наши національныя пѣсни „The star spangled banner" и „John Browns body" и въ шестомъ часу вечера выѣхали на почтовыхъ лошадяхъ по направленію къ Барнаулу и Томску.

Въ четвергъ, въ четвертомъ часу пополудни, мы пріѣхали наконецъ, въ Томскъ. За 51 день пути, со времени отъѣзда изъ Тюмени, мы проѣхали въ нашемъ тарантасѣ 2100 километровъ, осмотрѣли двѣ большія пересыльныя тюрьмы и познакомились со многими политическими ссыльными.

Въ губернскомъ городѣ Томскѣ насчитывается 31 000 жителей. По величинѣ и значенію—Томскъ второй городъ въ Сибири; если, однако, образованіе, благосостояніе и духъ предпріимчивости служатъ мѣриломъ культуры, то его слѣдуетъ поставить на первое мѣсто. Въ городѣ 20 училищъ, съ 2 500 учениками, публичная библіотека, двѣ газеты, выходящія черезъ день, которыя, однако, благодаря своему „вредному направленію", часто задерживаются цензурой. Прекрасное зданіе университета, которое, тѣмъ не менѣе, не выполняетъ своего назначенія, изъ боязни правительства, что здѣсь образуется центръ „вреднаго направленія", то есть либеральныхъ идей.

Томская губернія, не смотря на плохое управленіе, рѣдкое населеніе и вредное вліяніе ссылаемыхъ сюда преступниковъ, находится въ сравнительно благопріятномъ состояніи. Естественныя ея богатства обильны; нужно лишь хорошее управленіе для развитія промышленности въ этой мѣстности. Однако, пока самовластное правительство угнетаетъ печать, держитъ закрытымъ университетъ, препятствуетъ распространенію народнаго образованія, не выдаетъ лучшихъ книгъ изъ библіотеки, парализуетъ всякое дѣйствіе населенія, отдаетъ его во власть подкупныхъ чиновъ

никовъ, наполняетъ ежегодно губернію множествомъ уголовныхъ преступниковъ –до тѣхъ поръ она не сдѣлаетъ ни шагу дальше по пути къ прогрессу Говорятъ, что правительство намѣрено строить желѣзнодорожный путь, для нуждъ населенія этой губерніи. Гораздо благоразумнѣе было бы дать населенію по больше свободы и устранить всѣ тѣ злоупотребленія, которыя дѣлаютъ въ настоящее время невозможнымъ всякое развитіе.

Первымъ дѣломъ мы рѣшили отыскать политическихъ ссыльныхъ, а также нѣсколько офицеровъ, къ которымъ мы имѣли рекомендательныя письма. Томскій губернаторъ, г. Красковскій, былъ въ это время въ отсутствіи, а его обязанности исполнялъ статскій совѣтникъ Пѣтуховъ. Мнѣ его охарактеризовали какъ человѣка интеллигентнаго, образованнаго и довольно либеральнаго. При первой возможности я его посѣтилъ и былъ весьма любезно принятъ, повидимому, вслѣдствіе его знакомства съ моимъ первымъ сочиненіемъ о Сибири и согласія съ высказанными мною въ книгѣ взглядами. Послѣ получасовой бесѣды, касавшейся преимущественно сибирской жизни, г. Пѣтуховъ спросилъ меня, не можетъ ли онъ быть мнѣ чѣмъ нибудь полезенъ. Я отвѣтилъ, что мнѣ крайне было бы желательно получить разрѣшеніе на посѣщеніе томской пересыльной тюрьмы. Небольшое смущеніе, выразившееся на его лицѣ, показало мнѣ, что мое желаніе было для него одинаково неожиданно и не желательно. Послѣ того, однако, какъ я ему разсказалъ объ обѣихъ осмотрѣнныхъ мною до сихъ поръ тюрьмахъ, онъ, не спрашивая о мотивахъ моего желанія, сказалъ: „Я вамъ разрѣшаю посѣщеніе тюрьмы и самъ буду васъ сопровождать при осмотрѣ".

Послѣ нѣкотораго размышленія онъ добавилъ: „Я опасаюсь, что мѣстная тюрьма покажется вамъ худшей во всей Сибири".

Я выразилъ надежду, что она все же окажется лучше

тюменской, хуже которой не могу себѣ представить !. Пѣтуховъ пожалъ плечами, какъ бы говоря „Вамъ далеко еще неизвѣстно, каковой можетъ быть сибирская тюрьма". Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ, что трудно лучшаго ожидать отъ зданія, въ которомъ на одного вдвое болѣе арестантовъ, чѣмъ полагается по штату. „Томская пересыльная тюрьма продолжалъ онъ предназначалась для 1400 человѣкъ, а въ настоящее время въ ней около 3000 заключенныхъ. Изъ Тюмени еженедѣльно прибываетъ отъ 500 до 800 арестантовъ, мы же въ состояніи отправлять на востокъ не болѣе 100 человѣкъ въ недѣлю. Чѣмъ ближе къ осени, тѣмъ значительнѣе переполненіе тюрьмы Въ камерахъ при такихъ условіяхъ совершенно немыслимо поддерживать какой-либо порядокъ. Тяжелый воздухъ способствуетъ распространенію болѣзней, а въ больничномъ отдѣленіи для однихъ тяжело больныхъ не хватаетъ мѣста".

Отчего же вы не отправляете быстрѣе арестантовъ на Востокъ?—спросилъ я Почему не увеличить каждую отправляемую партію? Можно вѣдь отправлять по двѣ партіи въ недѣлю.

— Это немыслимо, — отвѣтилъ онъ. Пересыльная администрація Восточной Сибири не въ состояніи принимать большее количество ссыльныхъ. Тюрьмы тамъ незначительныя; да къ тому у насъ не хватило бы конвойныхъ солдатъ для сопровожденія двухъ партій въ недѣлю. Мы совершили подобный опытъ, но онъ оказался неудачнымъ.

Знакомо ли правительство съ этими обстоятельствами?—продолжалъ я спрашивать.

— Конечно!—отвѣтилъ онъ — Ежегодно посылаются обстоятельные отчеты; нынѣшнее лѣто я лично отправилъ четыре телеграммы съ указаніемъ на крайнюю необходимость улучшить мѣстныя тюрьмы и просилъ соотвѣтствующихъ инструкцій.

— Какой же былъ результатъ?

— Да, никакой! Количество заключенныхъ будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока прекращеніе навигаціи не остановитъ прибытіе новыхъ партій; затѣмъ мы станемъ понемногу освобождать тюрьму. До тѣхъ поръ будетъ свирѣпствовать тифъ и лихорадка, и многіе больные будутъ лежать по камерамъ безъ ухода, т. к. въ больничномъ отдѣленіи не хватаетъ мѣста. Если вы желаете посѣтить тюрьму, то послѣдуйте моему совѣту—позавтракайте и избѣгайте больничнаго отдѣленія.

Я поблагодарилъ за совѣтъ, замѣтивъ, что не боюсь заразы, а затѣмъ спросилъ, когда, по его мнѣнію, удобнѣе всего посѣтить тюрьму. Мы условились относительно времени и я съ нимъ простился.

При возвращеніи домой я случайно встрѣтилъ мѣстнаго исправника, полковника Ягодкина. Послѣдній былъ съ нами весьма любезенъ во все время нашего пребыванія въ Томскѣ и проявлялъ большой интересъ къ нашему путешествію. Онъ сказалъ намъ, что заходилъ въ гостиницу съ тѣмъ, чтобы сообщить о прибытіи утромъ изъ Тюмени судна съ ссыльными. Если мы желаемъ наблюдать высадку ссыльныхъ, то онъ поѣдетъ съ нами къ пристани, отстоящей на четыре километра отъ города, и тамъ-же познакомитъ насъ съ высшими чиновниками мѣстнаго пересыльнаго управленія. Я принялъ его приглашеніе съ большою благодарностью и, нѣсколько минутъ спустя, мы мчались къ пристани по грязнымъ улицамъ города. Не смотря на быструю ѣзду мы опоздали; арестанты были уже высажены и стояли густою толпою у длиннаго деревяннаго барака, окруженнаго высокимъ досчатымъ заборомъ. Здѣсь происходила перекличка ссыльныхъ и передача ихъ конвойнымъ офицеромъ начальнику пересыльной тюрьмы. Баракъ дѣлился на двѣ части низкой перегородкой, у конца которой находилась небольшая огороженная площадка; на ней помѣщалось начальство во время передачи ссыльныхъ. Почти половина партіи была

уже сдана и стояла въ сторонѣ отъ тѣхъ, которые еще не были вызваны. Женщины образовывали отдѣльную группу, большинство изъ нихъ были крестьянки, и, на мой взглядъ, казались боязливѣе и озабоченнѣе мужчинъ. Головы каторжанъ и ссыльно-поселенцевъ были на половину обриты, такъ что одна сторона головы была почти совершенно обнаженная, въ то время какъ другая покрыта длинными взъерошенными волосами; всѣ ссыльные были въ кандалахъ. Вокругъ стояли солдаты, опираясь на ружья. На упомянутой выше площадкѣ находились, при нашемъ прибытіи, конвойные офицеры, начальникъ тюрьмы, врачъ и начальникъ окружного пересыльнаго управленія — всѣ въ формѣ. Полковникъ Ягодкинъ представилъ насъ, какъ американскихъ путешественниковъ, желающихъ присутствовать при пріемѣ партіи ссыльныхъ; насъ немедленно пригласили войти въ огороженное мѣсто.

Офицеръ, завѣдывающій передачей, взялъ изъ связки документовъ одну изъ бумагъ, развернулъ и сталъ вызывать арестантовъ по фамиліямъ:

— Николай Кольцовъ!

Худощавый, блѣдный мужчина, съ утомленнымъ взоромъ и безутѣшнымъ лицомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поднялъ мѣшокъ, въ которомъ хранилось его нищенское имущество и, бренча кандалами, медленно сталъ подходить къ офицеру. Послѣдній очень старательно сравнивалъ наружность ссыльнаго съ фотографическимъ снимкомъ, прикрѣпленнымъ къ одной изъ бумагъ, съ цѣлью убѣдиться не помѣнялся ли вызываемый именемъ съ другимъ осужденнымъ. Въ то же время одинъ изъ казаковъ обыскалъ мѣшокъ ссыльнаго и, сверху до низу, осмотрѣлъ его самого, желая удостовѣриться, не продалъ ли ссыльный чего либо изъ вещей, данныхъ ему въ московской или тюменской тюрьмѣ.

— Все въ порядкѣ? спросилъ офицеръ.

— Все!—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Впередъ!

Блѣдный мужчина взялъ на плечи свой мѣшокъ и направился къ «принятымъ».

— Фотографическіе снимки недавно введены,—шепнулъ мнѣ полковникъ Ягодкинъ. Не для всѣхъ осужденныхъ они имѣются. Такимъ путемъ надѣются положить конецъ мѣнѣ именами.

Мѣнѣ именами?—спросилъ я.—Для какой цѣли?

— Приговоренный къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ,—объяснилъ мнѣ мой спутникъ,—владѣющій небольшими деньгами, всегда найдетъ бѣдняка ссыльно-поселенца, вѣчно нуждающагося и готоваго для пьянства или игры въ карты продать за небольшую сумму свое имя. Конвойный офицеръ не въ состояніи воспрепятствовать подобному обману, такъ какъ немыслимо запомнить физіономіи всѣхъ ссыльныхъ партіи. Удается преступнику «обмѣнять» свое имя—онъ становится ссыльно-поселенцемъ, а другой въ это время идетъ въ рудники на каторгу. Сотни ссыльныхъ умудрялись такимъ путемъ смягчать свое наказаніе.

— Гасанъ Абдамиловъ! крикнулъ офицеръ.

Никто не выходитъ.

— Гасанъ Абдамиловъ!—заоралъ казакъ.

— Впередъ, карапузъ, тебя зовутъ!—воскликнуло нѣсколько голосовъ, подталкивая при этомъ маленькаго, тучнаго, кривоногаго татарина. На его гладкомъ, темномъ лицѣ можно было прочесть полное непониманіе всего того, что говорилось вокругъ.

— Онъ не понимаетъ по русски, ваше благородіе, замѣтилъ почтительно одинъ изъ толпы. — Къ тому онъ страшно робокъ.

— Тащи его сюда!

Его привели, обыскали, но вмѣсто того, чтобы, взваливъ мѣшокъ на спину, пойти къ группѣ принятыхъ ссыль-

ныхъ, онъ сталъ быстро говорить по татарски, низко кланяясь и жестикулируя.

— Что онъ говоритъ? спросилъ офицеръ —Позовите солдата, говорящаго по татарски!

Вскорѣ нашелся переводчикъ, и Гасанъ повторилъ свою рѣчь.

— Онъ говоритъ, ваше благородіе, что у него при арестѣ отняли 5 рублей и сказали, что деньги онъ получитъ въ Сибири. Теперь онъ требуетъ часть этихъ денегъ для покупки чаю.

— Нѣтъ чаю!—жаловался огорченный татаринъ.

— Къ чорту пусть идетъ! —крикнулъ гнѣвно офицеръ. Неужели этотъ дуракъ предполагаетъ, что у насъ нѣтъ дѣла поважнѣе По прибытіи на мѣсто онъ получитъ свои деньги. Маршъ!

И бѣднаго татарина толкнули къ ранѣе принятымъ ссыльнымъ.

— Иванъ Непомнящій, рыжій! крикнулъ офицеръ.

— Это бродяга,—шепнулъ мнѣ полковникъ.

Загорѣлый, рыженолосый мужикъ, закованный въ кандалы, съ чайникомъ у пояса, выступилъ впередъ.

— Онъ арестованъ во время бродяжничества продолжалъ объяснять мой спутникъ,—а такъ какъ въ его жизни было многое такое, о чемъ онъ имѣетъ основаніе умалчивать, то, на всѣ вопросы о своемъ имени, онъ отвѣчаетъ: „не помню". Такіе бродяги называютъ себя обыкновенно Иванами Непомнящими. За принадлежность къ семейству Непомнящихъ полагаются пятилѣтнія каторжныя работы въ рудникахъ.

Къ документу объ Иванѣ Непомнящемъ не была приложена фотографическая карточка; его самоличность была установлена числомъ недостающихъ зубовъ и шрамомъ у праваго уха.

Подобнымъ же образомъ провѣрялись всѣ остальные

сыльные; затѣмъ они были снабжены номерами и переданы начальнику томской тюрьмы; послѣдній удостовѣрилъ принятіе 551 человѣка, въ томъ числѣ 71 ребенка моложе пятнадцати лѣтъ, слѣдующихъ за своими родителями.

Офицеры и чиновники удалились, мы же остались, желая присутствовать при медицинскомъ осмотрѣ больныхъ и слабосильныхъ, а также посѣтить судно, на которомъ ссыльные прибыли.

Тюремный врачъ занялъ мѣсто конвойнаго офицера, положилъ нѣсколько медицинскихъ инструментовъ на столъ и поспѣшно принялся за осмотръ. Нѣкоторые симулировали болѣзненное состояніе, другіе были дѣйствительно очень больны. Слѣдовало опредѣлить сколько ссыльныхъ не въ состояніи идти въ городъ пѣшкомъ.

Первый осмотрѣнный ссыльный былъ блѣдный, исхудалый мужчина, жаловавшійся на грудную боль и затрудненное дыханіе. Врачъ изслѣдовалъ помощью стетоскопа его легкія и затѣмъ коротко замѣтилъ: „Можешь идти!“

У слѣдующаго была воспалена ладыжка; вслѣдствіе надавливанія цѣпей боль чувствовалась еще сильнѣе. Во время осмотра онъ, молча, но со взоромъ полнымъ мольбы о состраданіи, смотрѣлъ на врача. Когда его просьба была признана заслуживающей уваженія, и ему разрѣшено было продолжать путь на телѣгѣ, онъ трижды набожно перекрестился и его губы беззвучно шептали молитву Всевышнему.

Около пятидесяти человѣкъ надѣялись получить разрѣшеніе на ѣзду въ телѣгѣ; нѣкоторые страдали лихорадкой, другихъ мучилъ ревматизмъ, третьи были въ послѣднихъ градусахъ чахотки. На меня они всѣ производили впечатлѣніе больныхъ людей, вполнѣ заслуживающихъ удовлетворенія своихъ просьбъ. Тѣмъ не менѣе среди нихъ было и нѣсколько симулянтовъ; опытный врачъ однако, сейчасъ

же ихъ распознавалъ, не смотря на то, что удѣлялъ каждому не болѣе минуты.

Наконецъ осмотръ окончился, и врачъ заявилъ начальнику тюрьмы, что 25 человѣкъ не въ состояніи совершить путь до тюрьмы пѣшкомъ. Необходимое количество телѣгъ было немедленно доставлено; больные, женщины и малыя дѣти на нихъ усѣлись.

Строиться! громко раздалась команда, которой ссыльные тотчасъ же, подъ звонъ цѣпей, повиновались. Солдаты взяли ружья на плечо и окружили партію арестантовъ. Начальникъ пересыльнаго управленія сталъ на стулъ и громко спросилъ:

— Ребята! Нѣтъ ли у кого какихъ нибудь жалобъ или заявленій?

— Нѣтъ, ваше благородіе,— раздался стоголосый отвѣтъ.

— Тогда, съ Богомъ!

Солдаты отперли двери огороженнаго пространства, унтеръ-офицеръ скомандовалъ: „Шагомъ—маршъ!"—и, подъ звонъ цѣпей, партія медленно двинулась по грязнымъ улицамъ города.

Теперь только полковнику представился случай познакомить насъ съ начальникомъ пересыльнаго управленія, г. Пашелаевымъ: высокій, худощавый мужчина, съ суровымъ, несимпатичными чертами лица. Онъ поклонился намъ весьма вѣжливо, но, повидимому, былъ не особенно доволенъ нашимъ присутствіемъ и, казалось, мало былъ расположенъ разрѣшить намъ осмотръ транспортнаго судна.

— Что, собственно, желаютъ осмотрѣть эти господа на суднѣ? —спросилъ онъ довольно угрюмымъ тономъ полковника Ягодкина.— Тамъ, вѣдь, нѣтъ ничего интереснаго. Кромѣ того это неудобно, т. к. женщины въ данный моментъ купаются.

Полковникъ, однако, понималъ, что я очень желалъ-бы

осмотрѣть эту плавучую тюрьму еще до приведенія ея въ порядокъ, поэтому онъ представилъ насъ конвойному офицеру и повторилъ наше желаніе. Попытка увѣнчалась успѣхомъ. Офицеръ не понималъ, почему друзья полковника не могутъ осмотрѣть судно, если они того желаютъ; онъ даже предложилъ сопровождать насъ при осмотрѣ.

Судно казалось мнѣ совсѣмъ не такимъ, какимъ я его видѣлъ два мѣсяца назадъ въ Тюмени. Тогда оно было старательно очищено и провѣтрено; теперь же положительно имѣло видъ клѣтки въ звѣринцѣ, недавно переданной оставленной звѣрьми. Полъ былъ покрытъ присохшей грязью и раздавленными остатками пищи; нары, почернѣвшія отъ грязи, были усѣяны кусочками бумаги. При невеселомъ освѣщеніи пасмурнаго неба все казалось еще печальнѣе, еще мрачнѣе; все свидѣтельствовало о безконечномъ человѣческомъ страданіи и горѣ. Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ всякаго рода испареній, невыносимо затрудняющимъ дыханіе.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ пересыльнаго управленія, въ 1882 году было перевезено рѣчнымъ путемъ 10.215 ссыльныхъ. На судахъ заболѣло изъ этого числа 279 человѣкъ, причемъ 22 тамъ же скончались, а 80 человѣкъ было оставлено въ опасномъ состояніи въ Томскѣ либо въ другихъ мѣстахъ стоянки. Все это происходило во время десятидневныхъ, въ среднемъ, переѣздахъ. Если бы въ городѣ съ населеніемъ въ 10 000 человѣкъ, каждые десять дней умирало и заболѣвало подобное число людей, то годовой процентъ заболѣвающихъ равнялся бы 99, а процентъ умирающихъ 8.

На пересыльныхъ судахъ значительное большинство заболѣваній еще болѣе гибельно: изъ 724 заболѣвшихъ въ 1879 г. между Тюменью и Томскомъ умерло 51; въ 1871 г. заболѣло 1.140 ссыльныхъ изъ 9.416 и умерло изъ нихъ 111. При такомъ процентномъ отношеніи смерности, де-

ревня съ 4.000 населенія сдѣлалась бы совершенно безлюдной въ теченіи одного года.

Нижеприводимая таблица показываетъ число больныхъ и умершихъ на пересыльныхъ судахъ за періодъ времени съ 1870 г. по 1884 г. Цифры таблицы взяты мною изъ оффиціальныхъ донесеній, и я ручаюсь за вѣрное ихъ воспроизведеніе.

Изъ таблицы видно, что санитарныя условія на пересыльныхъ судахъ за послѣднее время значительно улучшились, такъ какъ число больныхъ и умершихъ сильно понизилось. Въ большинствѣ случаевъ умираютъ дѣти, неспособныя противостоять лишеніямъ и вообще трудностямъ путешествія. Охотно указываю при этомъ, что инспекція и мѣстныя власти дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ для облегченія ссыльнымъ переѣзда изъ Тюмени въ Томскъ Судно подвергаютъ основательной чисткѣ и дезинфекціи послѣ каждаго переѣзда, даже продовольствіе ссыльныхъ довольно хорошо сравнительно съ незначительными средствами, отпускаемыми казной. Большинство заболѣваній происходитъ вслѣдствіе переполненія судна, съ этимъ зломъ сибирскія власти безсильны. Каждое лѣто къ нимъ присылаютъ отъ 10 до 12 тысячъ ссыльныхъ, которыхъ необходимо отправить на востокъ, пока длится навигаціонное время. Имѣюшіяся же три судна успѣваютъ совершить за этотъ періодъ не болѣе 14 рейсовъ, поэтому каждый разъ приходится отправлять отъ 600 до 800 человѣкъ.

Осмотръ нами томской пересыльной тюрьмы былъ назначенъ на 26 августа. Исправляющій должность губернатора, г. Пѣтуховъ, далъ мнѣ въ послѣднюю минуту знать, что, къ своему сожалѣнію, онъ лишенъ возможности насъ сопровождать Нашими спутниками были: полковникъ Ягодкинъ, начальникъ тюрьмы Папелаевъ и конвойный офицеръ.

День былъ сѣрый, холодный; свинцовыя тучи покрывали небо и сильный сѣверный вѣтеръ дулъ съ горъ—обычная

Годъ.	Число семьянихъ перевезенныхъ:		Число больныхъ.		Число умершихъ.		Число сданныхъ больными.	
	взрослыхъ.	дѣтей.	взросл.	дѣтей.	взросл.	дѣтей.	взросл.	дѣтей.
1870	7444	1492	?		85		?	
1871	8202	1214	1140		111		301	
1872	7246	1098	486		30		70	
1873	7923	1080	673		23		190	
1874	8068	1269	574		21		196	
1875	7771	1301	579		16		115	
1876	8878	1455	492	121	2	19	119	24
1877	9065	1499	300	133	2	35	143	44
1878	8749	1688	193	151	2	27	216	38
1879	8977	1342	570	154	4	47	182	39
1880	8844	1425	391	138	2	23	85	21
1881	9011	1452	197	22	4	23	71	23
1882	8832	1413	202	77	4	18	62	18
1883	9506	1543	150	107	4	38	66	37
1884	9004	1688	103	113	1	28	67	55
	127520	20969	2598—3452—1016		25—286—258		1011—872—299	
	148489		7066		569		2182	

погода въ Сибири къ концу лѣта. Намъ даже пришлось во время поѣздки въ тюрьму, лежащую въ другомъ концѣ города, надѣть пальто.

Внѣшній видъ томской пересыльной тюрьмы сильно отличался отъ всѣхъ другихъ осмотрѣнныхъ нами тюремъ. Вмѣсто обычнаго трехъэтажнаго зданія съ узенькими окнами, желѣзной крышей и выбѣленными стѣнами, мы увидѣли нѣчто вродѣ маленькаго укрѣпленнаго лагеря, напоминающаго деревню въ преріяхъ, окруженную высокимъ заборомъ изъ заостренныхъ столбовъ, предназначаемыхъ для защиты отъ нападенія индѣйцевъ. Кромѣ полосатыхъ сторожевыхъ будокъ у угловъ и часовыхъ съ ружьями на плечахъ, медленно взадъ и впередъ шагающихъ вдоль стѣны, ничто не напоминало о тюрьмѣ. Томская тюрьма въ дѣйствительности представляла изъ себя, расположенный вблизи города, въ открытомъ полѣ, огороженный заборомъ обширный участокъ земли, на которомъ издали виднѣлась церковная колокольня и крыши 15 -20 бараковъ. Но всякое сомнѣніе о назначеніи этихъ построекъ исчезло при входѣ въ деревянныя ворота, когда до нашего слуха достигъ звонъ кандаловъ.

Г. Папелаевъ приказалъ доложить о насъ начальнику тюрьмы, и сейчасъ послѣ того явился г. Иваненко, коренастый молодой человѣкъ и просилъ насъ войти во дворъ. Здѣсь мы увидѣли нѣсколько одноэтажныхъ бараковъ, неправильно сгруппированныхъ вокругъ деревянной церкви. Почти у всѣхъ дверей этихъ зданій стояли часовые, а на немощенныхъ дорогахъ и площадкахъ между отдѣльными строеніями, сотни заключенныхъ совершали свою обычную прогулку либо сидѣли на голой землѣ. Собственно тюрьму составляли длинные, одноэтажные бараки, съ густою рѣшеткою у оконъ и массивными деревянными дверьми, снабженными желѣзными висячими замками.

Каждое отдѣльное строеніе представляло изъ себя т. н. тюремную «казарму», и было раздѣлено на двѣ камеры.

Въ томской пересыльной тюрьмѣ было восемь такихъ казармъ, и каждая изъ нихъ предназначалась для 190 заключенныхъ, такъ что на ссыльнаго должно было приходиться 41,2 куб. фута свѣтоваго пространства [1]. Онѣ всѣ были одинаковой величины, на мой взглядъ 25 метровъ высоты, 14 длины и четырехъ высоты.

Въ первой осмотрѣнной нами камерѣ помѣщалось 150 заключенныхъ. Свѣта было достаточно, но воздухъ былъ совершенно зачумленъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія вентиляціи, а внутренняя температура превосходила наружную почти на 20 градусовъ. Вдоль камеръ тянулись два ряда наръ, однако едва вмѣщавшихъ половину наличнаго числа заключенныхъ, такъ что большая часть принуждена была спать подъ нарами либо на голомъ полу, безъ подушекъ, одѣялъ и постельнаго бѣлья. По случаю нашего посѣщенія вымыли полъ, но начальникъ тюрьмы мнѣ сообщилъ, что во время дождя полъ всегда покрывается густой грязью, наносимой заключенными со двора, и многіе принуждены были спать въ этой грязевой лужѣ.

Многіе заключенные, думая, что мы прибыли для ревизіи изъ Петербурга, не смотря на присутствіе начальника тюрьмы, нарушили правило, они обратились къ намъ, не будучи спрошенными, съ жалобой на жару, грязь, плохой воздухъ и переполненіе, мѣшающее, по ихъ словамъ, всякому ихъ движенію днемъ и ночью. Мнѣ жалко было бѣдныхъ заключенныхъ, но я имъ только сказалъ, что не въ нашей власти чѣмъ либо имъ помочь.

[1] Начальникъ тюрьмы мнѣ сообщилъ, что, въ дѣйствительности, есть всего восемь такихъ камеръ, въ то время какъ пересыльное управленіе въ своемъ отчетѣ за 1884 г. говоритъ о десяти. Исправляющій должность губернатора г. Пѣтуховъ сказалъ мнѣ, что тюрьма можетъ вмѣстить 1400 арестантовъ, упомянутый отчетъ увеличиваетъ эту цифру до 1800. Такого и было наличное число заключенныхъ во время нашего посѣщенія.

Въ теченіе часа мы шли изъ казармы въ казарму, изъ камеры въ камеру, и всюду было то-же переполненіе, тотъ же насыщенный человѣческими испареніями воздухъ, тотъ-же отвратительный запахъ, исходящій отъ мокротъ больныхъ, и та-же сутолока толпящихся, одѣтыхъ въ сѣрое, арестантовъ. Г. Папелаевъ, желавшій по возможности скорѣе окончить осмотръ тюрьмы, замѣтилъ намъ, что болѣе нечего осматривать, т. к. кухня и больница, по его мнѣнію, насъ не могутъ интересовать. Къ тому же въ послѣдней отъ 70 до 80 тяжелыхъ тифозно-больныхъ.

Молодой конвойный офицеръ, знавшій намѣреніе полковника Ягодкина позволить намъ, по возможности ближе, ознакомиться съ тюрьмой, желалъ услужить ему и спросилъ поэтому начальника тюрьмы, не думаетъ ли онъ намъ показать также камеры для семейныхъ и «балаганы».

— Конечно,—отвѣтилъ начальникъ, я покажу все, что только интересуетъ гг. путешественниковъ.

До настоящаго времени я про «балаганы» ничего не слыхалъ. Г. Папелаевъ, казалось, охотно устранилъ бы насъ отъ ихъ осмотра, точно также, какъ онъ это хотѣлъ сдѣлать съ осмотромъ судна.

«Балаганы» представляли изъ себя три длинныхъ, низкихъ барака, поспѣшно сколоченныхъ изъ неостроганныхъ сосновыхъ брусьевъ; стѣнами служили не, какъ обыкновенно въ баракахъ, доски, а грубый сѣрый холстъ. Балаганы предназначались исключительно для женщинъ и дѣтей.

Первый изъ балагановъ, осмотрѣнный нами, былъ окруженъ рвомъ, на половину наполненномъ нечистотами, повидимому, грязной водой и мочей. Оконъ не было, по этому свѣту было лишь столько, сколько пропускали парусинныя стѣны.

Трудно себѣ представить картину человѣческаго бѣдствія болѣе печальную той, которую намъ пришлось при входѣ увидать. Баракъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, набитъ

дряхлыми мужчинами и женщинами, плачущими дѣтьми, въ всевозможныхъ позахъ лежащихъ на нарахъ и стоящихъ возлѣ нихъ. Сквозь щели крыши виднѣлось небо. во многихъ мѣстахъ, въ деревянномъ полу, были отверстія, въ которыхъ скоплялись грязь и нечистоты. Воздухъ былъ невыносимо тяжелъ, въ особенности въ виду присутствія множества маленькихъ дѣтей, положительно лишенныхъ всякаго ухода; кромѣ того, на поперечныхъ брусьяхъ висѣло мокрое дѣтское бѣлье, передъ тѣмъ вымытое въ походныхъ котлахъ. Узкіе проходы, едва достигающіе въ ширину 1 ½ метра, были завалены мѣшками, связками, постельнымъ бѣльемъ и всякой домашней утварью; въ подобной обстановкѣ, среди нищеты и безпорядка, гдѣ никто не могъ двинуться безъ того, чтобы кого нибудь не толкнуть, должны были жить сотни людей и, здѣсь же, отправлять всякаго рода естественныя нужды. У меня сердце сжималось отъ боли при взглядѣ на это множество женщинъ и дѣтей, принужденныхъ такъ жить, и при этомъ не совершившихъ никакого преступленія, но, лишь изъ любви къ мужьямъ, отцамъ и братьямъ, слѣдовавшихъ въ Сибирь. Во время обхода барака всѣ эти несчастные осаждали насъ своими просьбами и жалобами.

— Ваше благородіе! -робко замѣтилъ маленькій слабый человѣкъ—невозможно здѣсь спать; холодъ, множество людей и дѣтскій крикъ дѣлаютъ всякій сонъ немыслимымъ; нельзя какъ нибудь измѣнить это?

— Нѣтъ, братецъ,—отвѣтилъ дружелюбно начальникъ тюрьмы—нельзя ничего сдѣлать. Но утѣшься! Скоро отправишься дальше и тогда тебѣ будетъ легче.

— Дай Богъ! — вздохнулъ говорившій и съ грустью посмотрѣлъ на свою жену и дочку, сидѣвшихъ возлѣ него на нарахъ.

Батюшка! Благодѣтель! закричала бѣдная, хилая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, разрѣшите мнѣ, во

имя божеской милости, переночевать въ банѣ. Здѣсь ночью такъ холодно, что ребенокъ едва не замерзъ.

— Нельзя, матушка, нельзя! — отвѣтилъ начальникъ. Здѣсь тебѣ во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ тамъ.

Другія женщины обратились съ тою же просьбою, которая была на одинаковомъ основаніи отклонена.

Я спросилъ начальника тюрьмы, по виду добродушнаго человѣка, почему онъ не позволяетъ этимъ бѣднымъ женщинамъ съ ихъ грудными дѣтьми ночевать въ банѣ. Ночи, вѣдь, были уже холодныя, а тонкія парусинныя стѣны давали лишь маленькую защиту.

— Это невозможно, — отвѣтилъ онъ. Въ банѣ слишкомъ жарко и слишкомъ сыро. Я одно время сдѣлалъ подобный опытъ, но каждую ночь умиралъ одинъ либо два грудныхъ ребенка, пришлось, поэтому, оставить эту мысль.

Быть можетъ онъ и былъ правъ.

При выходѣ изъ балагановъ во дворъ, я замѣтилъ г. Папелаева, бесѣдующаго съ однимъ изъ ссыльныхъ, красивымъ тридцатилѣтнимъ мужчиной, съ свѣтлой бородой, лицо котораго выражало отчаянную внутреннюю борьбу и сильное волненіе.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ я получилъ только одну рубаху; теперь она изорвана, грязна и полна насѣкомыхъ, сказалъ заключенный, съ трудомъ подавляя свой гнѣвъ.

— Когда ты будешь дальше отправленъ, получишь другую,- отвѣтилъ г. Папелаевъ, казалось, совершенно равнодушно.

— Когда же это будетъ,— воскликнулъ ссыльный, еще болѣе взволновано. Быть можетъ черезъ три мѣсяца?

Возможно!—отвѣтилъ сухо Папелаевъ, замѣтивъ, что мы были свидѣтелями разговора.

Вы желаете, значитъ, чтобы ссыльный носилъ рубаху до тѣхъ поръ, пока она не свалится съ его тѣла, крикнулъ ссыльный съ мужествомъ и гнѣвомъ отчаянія.

Молчать! - крикнулъ Папелаевъ еще громче, потерявъ всякое самообладаніе. Какъ смѣешь со мною такъ говорить! Ты получишь рубаху не прежде, чѣмъ будешь отправленъ дальше. Теперь убирайся вонъ!

Краска залила лицо ссыльнаго; его грудь высоко подымалась и опускалась отъ едва сдерживаемаго гнѣва. Однако, онъ переселилъ себя и, молча, направился къ одному изъ балагановъ.

— Какъ долго остаются женщины и дѣти въ этомъ баракѣ?—спросилъ я начальника тюрьмы.

— До 2 октября,—отвѣтилъ онъ.

— А куда ихъ затѣмъ помѣщаютъ, если онѣ не въ состояніи дальше идти?—спросилъ я.

Онъ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ *).

Мы направились затѣмъ въ одну изъ „семейныхъ" камеръ, расположенную въ избѣ.

Тотъ-же видъ безпросвѣтнаго бѣдствія, какъ и въ „балаганахъ"! Единственная разница -деревянныя стѣны и воздухъ, хотя скверный, но все же болѣе теплый. Мужчины, женщины, дѣти сидѣли, лежали или стояли повсюду, умудряясь всякимъ способомъ использовать каждый вершокъ пространства.

Я уже вдоволь насмотрѣлся человѣческаго горя и просилъ начальника тюрьмы показать намъ только еще больничное отдѣленіе. Послѣднее помѣщалось въ двухъэтажномъ строеніи, вблизи церкви. У дверей насъ встрѣтилъ тюремный врачъ г. Оржешко, плотный мужчина, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, родомъ изъ Польши.

*) Когда я впослѣдствіи снова очутился въ этихъ мѣстахъ, то узналъ, что въ концѣ октября двѣсти женщинъ и дѣтей были размѣщены въ занятомъ помѣщеніи, а тысяча либо полторы тысячи другихъ ссыльныхъ были переведены въ городскую тюрьму и арестный домъ. Все это произошло вслѣдствіе появленія въ пересыльной тюрьмѣ тифозной эпидеміи.

Томская тюремная больница мало отличалась отъ осмотрѣнной нами въ Тюмени; правда, она помѣщалась въ отдѣльномъ зданіи и, казалось, въ ней царилъ больший порядокъ.

Вначалѣ она предназначалась для 50 кроватей; обиліе больныхъ заставило помѣстить въ ней тройное ихъ количество, но и при томъ около 50 больныхъ лежали на скамьяхъ или же на полу. Во время нашего посѣщенія въ больницѣ было 193 человѣка, среди которыхъ 71 тифозно-больной.

Не смотря на переполнение больничныя камеры были чисты, а воздухъ въ нихъ менѣе испорченъ, чѣмъ въ тюменской тюремной больницѣ. Черныя таблички у спинокъ узкихъ кроватей показывали, что большинство узниковъ страдало тифомъ, скорбутомъ, кровавымъ поносомъ, ревматизмомъ, малокровіемъ и бронхитомъ. Среди сестеръ милосердія находились двадцатилѣтнія женщины съ интеллигентными лицами. Они принадлежали, безъ сомнѣнія, къ образованному классу общества.

Осмотрѣвъ, насколько возможно было, больничное отдѣленіе, мы поблагодарили начальника тюрьмы г Иваненко за любезную предупредительность и чистосердечное къ намъ отношеніе и вернулись домой.

Въ эту ночь я долго не могъ заснуть, а когда, наконецъ, все-же заснулъ, то видѣлъ во снѣ переполненные „балаганы", мертвыхъ грудныхъ младенцевъ, блѣдныя, какъ привидѣнія, лица, напоминавшія больныхъ въ томской пересыльной тюрьмѣ.

Для того, чтобы дать читателю возможно болѣе ясное представленіе объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ системою ссылки, я позволю себѣ передать еще нѣкоторыя подробности о состояніи томской пересыльной тюрьмы, при вторичномъ моемъ посѣщеніи, мѣсяца два спустя.

Возвращаясь въ февралѣ изъ Восточной Сибири, я до-

вольно долго бесѣдовалъ съ докторомъ Оржешко. Онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ нашего отъѣзда состояніе тюрьмы значительно ухудшилось и при этомъ замѣтилъ:

— Немыслимо себѣ представить, до чего ужасно было положеніе въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ теченіе года у насъ было 2400 больныхъ, причемъ одновременно находилось на излѣченіи по 450 человѣкъ; кроватей же было не болѣе 150. Триста смертельно больныхъ мужчинъ и женщинъ лежали рядами на землѣ. Мнѣ пришлось до того близко положить ихъ одинъ отъ другого, что я едва могъ проходить между ними. Больной не былъ въ состояніи плюнуть либо рвать, безъ того, чтобы не запачкать своего сосѣда. Воздухъ былъ до такой степени испорченъ, что я часто впадалъ въ обморочное состояніе при моихъ утреннихъ посѣщеніяхъ; мы принуждены были открывать окна, а такъ какъ была зима, то намъ не удавалось поднять температуру возлѣ пола, на которомъ лежали больные, выше 5 либо 6 градусовъ по Реомюру. Болѣе одной четверти заключенныхъ были больны, болѣе 10% всѣхъ заболѣвшихъ умирало [1])

[1]) Изъ отчета главнаго инспектора по пересылкѣ арестантовъ видно, какъ возрастала пропорція заболѣвавшихъ при постепенномъ увеличеніи числа заключенныхъ:

1885 г.	Ежедневно въ среднемъ заболѣвало	Проц. отн. къ общ. кол. заключен.
Въ іюнѣ	108	5,8
» іюлѣ	170	6,9
августѣ	189	7,1
сентябрѣ	242	9,6
» октябрѣ	356	15,4
» ноябрѣ	601	23,2

Число заболѣвшихъ еще болѣе увеличилось въ теченіе холодной зимы, пока не достигло въ мартѣ мѣсяцѣ максимальнаго процентнаго отношенія, именно 40,7 иначе говоря, почти половина всѣхъ заключенныхъ была больна (Отчетъ главнаго инспектора по пересылкѣ арестантовъ за 1885 г., стр. 30).

— А какъ долго— спросился я—продолжается подобное ужасное состояніе?

Я уже здѣсь пятнадцать лѣтъ,—отвѣтилъ докторъ, и за это время почти ничто не измѣнилось *).

А извѣстно ли все это въ Петербургѣ?

— Ежегодно посылается отчетъ. Я предлагалъ сжечь все зданіе томской пересыльной тюрьмы, т. к. оно пропитано заразными микробами и никоимъ образомъ не должно быть болѣе использовано. Намъ приказали составить планы и смѣту для новой тюремной больницы и послать въ Петербургъ. Затѣмъ приказано было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Мы сдѣлали, но все осталось по старому.

Этотъ чистосердечный разсказъ томскаго тюремнаго врача не требуетъ пояснительныхъ комментарій. Онъ достаточенъ, чтобы во имя гуманности и цивилизаціи осудить томскую пересыльную тюрьму и вмѣстѣ съ ней всю систему ссылки.

*) Изъ отчета медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что въ 1882 г. въ томской пересыльной тюрьмѣ болѣло тифомъ 123 человѣка, дифтеритомъ корью и оспой—1311.

VIII

Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ.

– Какъ вамъ удалось проникнуть въ тюрьмы и этапы Сибири? Какимъ образомъ вамъ удалось познакомиться съ политическими ссыльными? Какимъ путемъ вы получили доступъ къ обозрѣнію такого множества оффиціальныхъ документовъ? Неужели ваша цѣль оставалась неизвѣстной мѣстнымъ властямъ? Послѣднее трудно допустимо. А если власти знали ваши намѣренія, то почему они вамъ не препятствовали либо, по крайней мѣрѣ, не пытались препятствовать?

Съ такими и подобными вопросами ко мнѣ нерѣдко обращались по моемъ возвращеніи изъ Сибири. Я, къ сожалѣнію, не могу дать достаточно удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, т. к. для меня остались невыясненными тѣ указанія, которыя получили мѣстныя власти на нашъ счетъ, а также взглядъ полицейскихъ чиновниковъ на наше поведеніе во время путешествія. Все же я постараюсь объяснить ту тактику, которой мы слѣдовали, и тѣ мѣры, которыя мы предпринимали, чтобы устранить отъ себя всякое подозрѣніе.

Во-первыхъ я думаю, что высшія власти, у которыхъ я въ Петербургѣ просилъ разрѣшеніе на осмотръ тюремъ и ознакомленіе съ системою ссылки, разсуждали слѣдующимъ образомъ: «Немыслимо, да и, наконецъ, недальновидно, устранять чужестранцевъ совершенно отъ знакомства съ Сибирью, т. к. другія государства не прекратятъ попытокъ, тѣмъ либо другимъ способомъ, ознакомиться съ нашей системой ссылки.

Если мы совершенно воспретимъ всякій доступъ въ Сибирь, то, они скажутъ, что мы боимся малѣйшаго освѣщенія мѣстныхъ явленій. Мистеръ Кеннанъ о насъ хорошаго мнѣнія; въ докладѣ сдѣланномъ американскому географическому обществу онъ защищалъ насъ и нашу систему ссылки и отнесся весьма враждебно къ нигилистамъ: онъ, по всей вѣроятности, желаетъ найти въ Сибири новыя доказательства, подтверждающія его взгляды. Мы заранѣе можемъ быть увѣрены, что онъ не станетъ изображать мѣстныя явленія въ неблагопріятномъ для насъ свѣтѣ, и если кого нибудь слѣдуетъ допустить въ Сибирь, то, конечно наиболѣе цѣлесообразно именно ему дать надлежащее разрѣшеніе *) для обозрѣнія тюремъ. Г. Ландсдель опубликовалъ достаточно благопріятный для насъ отчетъ о системѣ ссылки, отъ г. Кеннана можемъ ожидать того же, т. к. онъ очень расположенъ къ намъ. Сообщенія этихъ двухъ господъ удовлетворятъ любопытство запада и положатъ конецъ дальнѣйшему развѣдыванію и неблагопріятнымъ сужденіямъ. Когда англійскій священникъ и американскій журналистъ объяснятъ, что изучили на мѣстѣ всѣ явленія и нашли систему ссылки не столь ужасной, какъ многіе находятъ, то безъ сомнѣнія уничтожатъ этимъ неблагопріятное отношеніе къ намъ всего свѣта. По этимъ причинамъ мы можемъ дозволить г. Кеннану и Фросту посѣтить Сибирь и дадимъ имъ даже рекомендательныя письма. Однако, право осмотра тюремъ будетъ имъ продоставляемо мѣстными властями. Такимъ образомъ мы сможемъ, въ случаѣ необходимости, данное на бумагѣ

*) Секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Бланталли былъ знакомъ съ упомянутымъ докладомъ о Сибири и ссылкѣ. Моя откровенная и правдивая бесѣда должна его была привести къ приведеннымъ разсужденіямъ. Я, правда, не обѣщалъ выступить защитникомъ русскаго правительства, но объяснилъ, что далекъ отъ мысли переставить въ печати сенсаціонные разсказы

разрѣшеніе фактически уничтожить. Правда, можно опасаться, что они встѣтятся съ политическими ссыльными, но едва возможно себѣ представить, чтобы послѣдніе могли на нихъ повліять въ не благопріятномъ для насъ смыслѣ, т. к. о нигилистахъ г.г. Кеннанъ и Фростъ самого дурного мнѣнія; бесѣда съ Катковымъ еще болѣе убѣдитъ ихъ въ правильности взгляда на этихъ преступниковъ. Если же ихъ отношенія къ политическимъ ссыльнымъ начнутъ принимать нежелательный для насъ интимный характеръ, то мы всегда успѣемъ принять необходимыя предупредительныя мѣры».

Все это, конечно мое предположеніе, но наши сибирскія наблюденія убѣждаютъ насъ въ его правдоподобности.

Всюду обнаруживалось, что всецѣло отъ мѣстныхъ властей зависило предоставить намъ возможность осмотрѣть тюрьму либо нѣтъ, причемъ они руководились личными взлядами и впечатлѣніями. Намъ приходилось прежде всего заручиться расположеніемъ мѣстныхъ властей и очень осторожно предпринимать попытки ознакомиться съ жизнью политическихъ ссыльныхъ, для того, чтобы не возбуждать своимъ поведеніемъ подозрѣній. Девять десятыхъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ мы посѣтили въ Сибири, были соединены телеграфомъ съ Петербургомъ. Если бы полиція узнала, что мы такъ живо интересуемся политическими ссыльными и получаемъ рекомендательныя письма отъ одной колоніи ссыльныхъ къ другой, то, по всей вѣроятности, была бы въ Петербургъ отправлена слѣдующая телеграмма: „Кеннанъ и Фростъ повсюду вступаютъ въ сношенія съ политическими ссыльными. Разрѣшаетъ ли это правительство?" — Подобная телеграмма имѣла бы послѣдствіемъ для насъ въ лучшемъ случаѣ, предостереженіе и болѣе строгое наблюденіе за нашими дѣйствіями, что, конечно, не мало затруднило бы нашу задачу.

До нашего пріѣзда въ Усть-Каменногорскъ полиція намъ

не ставила никакихъ затрудненій, и никто не пытался воспрепятствовать нашимъ сношеніямъ съ политическими ссыльными. Однако, количество получаемыхъ нами отъ ссыльныхъ документовъ все болѣе и болѣе возрастало и, въ случаѣ обыска, они могли причинить крупнѣйшія непріятности ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Поэтому, мы сочли за лучшее скрывать нашъ интересъ къ политическимъ ссыльнымъ и жить въ ладу съ мѣстными полицейскими властями Пріѣзжая въ какой нибудь городъ, я первымъ дѣломъ являлся къ исправнику и, прежде чѣмъ ему приходило на мысль навести справки о нашемъ поведеніи, я самымъ подробнымъ образомъ давалъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Политическіе ссыльные, съ которыми мы были знакомы, сообщали намъ характеристику почти всѣхъ чиновниковъ, могущихъ встрѣтиться на нашемъ пути Послѣднее обстоятельство давало намъ возможность, при обращеніи съ полицейскими чиновниками приноравливаться къ ихъ образу мыслей, что значительно располагало ихъ въ нашу пользу. Въ знакъ уваженія къ чиновникамъ, мы посѣщали ихъ въ сюртучной парѣ, пили съ ними водку, пока все не двоилось въ нашихъ глазахъ, говорили комплименты ихъ женамъ, г. Фростъ рисовалъ ихъ дѣтей словомъ, въ девяти случаяхъ изъ десяти, мы пріобрѣтали въ 18 часовъ дружбу и довѣріе мѣстнаго начальства.

Для того, чтобы держать на почтительномъ разстояніи низшихъ чиновниковъ, мы показывались возможно чаще въ обществѣ ихъ начальниковъ; для устраненія подозрѣнія у жителей, я посѣщалъ училища, составлялъ о нихъ замѣтки и собиралъ у преподователей статистическія данныя, мой товарищъ въ это время дѣлалъ на улицѣ наброски, ловилъ бабочекъ, либо читалъ почтмейстерамъ и крестьянамъ популярныя лекціи по географіи и астрономіи. Послѣднее доставляло ему большое удовольствіе и оказалось прекраснымъ средствомъ отклонить отъ насъ подозрѣнія любопытныхъ

людей. Жители думали, что наша поѣздка по Сибири имѣетъ одну только научную цѣль и, будто главнымъ образомъ, мы занимаемся наблюденіями надъ постановкой народнаго образованія и изучаемъ искусство, ботанику, географію и древности. Такимъ путемъ мы могли, незамѣтно, проводить ежевечерно по нѣсколько часовъ съ политическими ссыльными. Если кто насъ видалъ выходящими изъ дома одного изъ нихъ, то, вѣроятно, объяснялъ себѣ наше посѣщеніе тѣмъ, что среди ссыльныхъ есть не мало людей, могущихъ быть намъ полезными своими научными свѣдѣніями. Чѣмъ дальше мы подвигались къ востоку, тѣмъ строже былъ надзоръ за ссыльными; мы старались приноровиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ, но въ общихъ чертахъ наше поведеніе оставалось тѣмъ же. Наши сношенія съ политическими ссыльными, конечно, не оставались неизвѣстными полиціи, но степень нашей близости съ ними и значеніе ея были, безъ сомнѣнія, полиціи незнакомы. Во всякомъ случаѣ намъ удалось избѣгнуть телеграфной пріостановки нашего путешествія и даже «предостереженіе» настигло насъ только по ту сторону Байкала.

Съ другой стороны, во всѣхъ мѣстностяхъ Сибири, наши намѣренія встрѣчали сочувствіе честныхъ, интеллигентныхъ чиновниковъ; они относились неодобрительно вообще къ ссылкѣ, либо къ системѣ ея примѣненія, и, казалось, были очень рады передать иностраннымъ наблюдателямъ всѣ отрицательныя стороны этого наказанія, злоупотребленія и жестокости, его сопровождающія. Этого я, правда, не ожидалъ! Часто я очень удивлялся смѣлой откровенности, съ которой они высказывались какъ только приходили къ убѣжденію, что нѣтъ основаній быть съ нами сдержанными. Высокопоставленный чиновникъ тюремнаго вѣдомства сказалъ мнѣ однажды:—„Ссылка доставляетъ мнѣ все нужное, и мнѣ, конечно, нечего жаловаться, ни на положеніе, ни на доходы, но я охотно бы разстался со всѣмъ этимъ,

лишь бы была отмѣнена ссылка, приносящая Сибири не менѣе вреда, чѣмъ самимъ ссыльнымъ. Но что можно дѣлать? Если мы позволяемъ себѣ высказать подобныя мысли нашему начальству въ Петербургѣ, то намъ грозитъ строгое наказаніе. И мы всѣ считаемъ за лучшее молчать.

Другой чиновникъ говорилъ мнѣ:

- Я довольно часто отправлялъ обстоятельные отчеты о злоупотребленіяхъ и бѣдствіяхъ въ подвѣдомственномъ мнѣ районѣ, но, конечно, ничего не достигалъ этимъ. Быть можетъ вамъ удастся, г. Кеннанъ, своими очерками скорѣй достигнуть цѣли. Мѣстная тюрьма не годится даже для помѣщенія въ ней собакъ, не говоря уже о людяхъ. Изъ года въ годъ я все настоятельнѣе предлагалъ выстроить новое зданіе, но единственнымъ результатомъ достигнутымъ мною была безконечная переписка.

Подобные разсказы я слышалъ, по крайней мѣрѣ, отъ двадцати гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, занимающихъ значительное служебное положеніе, а нѣкоторые изъ нихъ вручили мнѣ, въ подтвержденіе своихъ словъ, документы съ статистическими и другими данными.

Наши попытки, поближе ознакомиться съ системою ссылки „политическихъ", встрѣчали сочувствіе со стороны многихъ лицъ либерально настроенныхъ и не скрывавшихъ свою симпатію къ ссыльнымъ. До чего глубока эта симпатія, русское правительство даже и не подозрѣваетъ. Однажды вечеромъ я присутствовалъ на соціалистическомъ собраніи въ одномъ сибирскомъ городѣ. Среди присутствующихъ были гласные думы, 6 - 8 офицеровъ и всѣ политическіе ссыльные этого города. Офицеры высказывали свои либеральные взгляды, а затѣмъ хоромъ пѣли русскія революціонныя пѣсни. Я не привожу единичный фактъ; во всѣхъ мѣстностяхъ Сибири и даже, по возвращеніи изъ путешествія, въ Петербургѣ я встрѣчалъ такого рода «неблагонамѣренныхъ» чиновниковъ, находящихся въ сноше-

ніяхъ съ политическими ссыльными и доставившихъ мнѣ не мало интересныхъ документовъ. Изученіе системы ссылки, такимъ образомъ, совсѣмъ не такъ трудно, какъ сперва кажется, въ особенности, когда ему способствуютъ нѣкоторые русскіе чиновники, желающіе, по возможности широко, огласить дѣйствительное положеніе дѣлъ, многіе обыватели, гайно симпатизирующіе передовымъ борцамъ за свободу и сами политическіе ссыльные, прекрасно знакомые, по горькому опыту, съ системою ссылки

Въ Томскѣ я впервые познакомился съ участниками революционной пропаганды 1872 — 1875 гг., осужденныхъ судебнымъ приговоромъ. Они отличались отъ административно ссыльныхъ Семипалатинска, Ульбинска и Усть-Каменногорска, главнымъ образомъ, продолжительностью срока ссылки и большимъ опытомъ. Одинъ изъ нихъ, талантливый писатель Чудновскій сообщилъ мнѣ, что былъ арестованъ впервые въ возрастѣ 19 лѣтъ, будучи еще студентомъ, и съ тѣхъ поръ безпрерывно находится подъ полицейскимъ надзоромъ, въ тюрьмѣ либо ссылкѣ. Четыре года и три мѣсяца провелъ онъ въ одиночномъ заключеніи, находясь подъ слѣдствіемъ, изъ которыхъ двадцать мѣсяцевъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости Когда онъ, однажды, жаловался на дурное обращеніе и предъявилъ законное требованіе дать ему бумагу и чернила для подачи жалобы министру внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ и на него, даже, была надѣта смирительная рубаха. Отвѣта на поданную жалобу онъ никогда такъ и не получилъ. Обвинялся онъ въ тайномъ ввозѣ запрещенныхъ книгъ, признанъ виновнымъ и осужденъ къ пятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Принимая во вниманіе продолжительное пребываніе до суда подъ арестомъ, судъ постановилъ просить Императора о замѣнѣ положеннаго наказаніе пожизненной ссылкой въ Восточную Сибирь, на что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Почти пятилѣтнее одиночное заключеніе и семилѣтняя ссылка могли сломить силы большинства людей, но не такого человѣка, какъ Чудновскій; его бодрость и сила воли остались непоколебимыми. Преодолѣвая всѣ трудности, онъ продолжалъ свои занятія, закончилъ ихъ и сумѣлъ даже въ Сибири создать себѣ дѣятельность и ученое имя; онъ написалъ прекрасное и тщательно обработанное изслѣдованіе о развитіи образованія въ Сибири, оно появилось въ оффиціальномъ «Ежегодникѣ» Томской губерніи за 1885 г. Чудновскій предпринялъ, при содѣйствіи Императорскаго географическаго общества, двѣ поѣздки по Алтайскимъ горамъ, и былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ русскихъ газетъ. За свою книгу: „Енисейская губернія" -статистико экономическое изслѣдованіе (Томскъ, 1885 г.) -онъ получилъ, предназначенную для этой цѣли, премію города Красноярска. Онъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Будь онъ гражданиномъ свободной страны, то иной была бы его карьера,и онъ, по всей вѣроятности, принесъ бы честь своей родинѣ. Къ несчастію онъ былъ русско подданнымъ, поэтому суждено было ему провести всю свою жизнь въ тюрьмѣ и ссылкѣ!

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ ссыльныхъ, былъ вышеупомянутый редакторъ - издатель журнала „Дѣло" Константинъ Станюковичъ, тонкій и глубокій знатокъ русской общественной жизни, прекрасный беллетристъ и авторъ нѣсколькихъ, пользующихся успѣхомъ, драматическихъ произведеній, словомъ, энергичный, высокоталантливый писатель. Его жена, сопровождавшая съ дѣтьми мужа въ ссылку, обладала незаурядным образованіемъ; между прочимъ, она прекрасно владѣла англійскимъ языкомъ. Старшей дочери, красивой дѣвушкѣ, было около 17 лѣтъ.

Лучшіе вечера въ Томскѣ мы проводили въ небольшой комнатѣ г-жи Станюковичъ, слушая часто до полуночи пѣвіе дочери и князя Кропоткина. Временами мы говорили о положеніи дѣлъ въ Россіи, либо обмѣнивались впечат

лѣніями о Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Іоркѣ и С.-Францискѣ; супруги Станюковичъ, среди другихъ странъ, объѣздили Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты Въ ссылкѣ г. Станюковичъ пріобрѣталъ необходимыя средства къ существованію литературной работой; его жена помогала ему, давая уроки музыки. Срокъ ихъ ссылки былъ трехлѣтній, и если правительство произвольно не удлинило его, то супруги Станюковичъ, теперь, во время опубликованія настоящихъ очерковъ, вновь живутъ на свободѣ.

Изъ всѣхъ ссыльныхъ г. Томска никто не былъ мнѣ такъ симпатиченъ, какъ русскій писатель Феликсъ Волховской, сосланный въ 1878 г. пожизненно въ Сибирь, въ виду того, что онъ, какъ гласитъ обвиненіе, принадлежитъ къ „сообществу, поставившему себѣ цѣлью, въ настоящемъ либо будущемъ, ниспровергнуть существующій строй". 38 лѣтъ отъ роду, умный, благородный, образованный писатель, прекрасно знакомый съ исторіей Америки, вполнѣ владѣющій англійскимъ языкомъ, переводчикъ стихотвореній Лонгфелло на русскій языкъ и, вообще, одинъ изъ ярыхъ поклонниковъ этого поэта. Не смотря на это, жизнь г. Волховскаго, одного изъ милѣйшихъ людей, которыхъ я когда-либо зналъ, была ничѣмъ инымъ, какъ сплошной ужасной трагедіей. Долгое заточеніе въ Петропавловской крѣпости покрыло сѣдинами его голову, разрушило тѣло; и въ тѣ минуты, когда возбужденіе не оживляло его лица, глубокая грусть читалась въ его темныхъ глазахъ.

Въ 1886 г., возвращаясь изъ Восточной Сибири, я въ послѣдній разъ съ нимъ простился; онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ мнѣ:

— Георгій Ивановичъ, не забывай насъ! Я чувствую при прощаніи, что ты уносишь съ собою частицу моей жизни!

Со времени моего возвращенія въ Америку я всего разъ

получилъ отъ Волховскаго извѣстіе, онъ сообщалъ мнѣ въ трагательной формѣ о самоубійствѣ своей жены.

Онъ самъ къ тому времени потерялъ свой послѣдній заработокъ, вслѣдствіе пріостановки правительствомъ либеральной „Сибирской газеты"; его жена — передо мною оживаетъ ея нѣжный образъ, съ блѣднымъ, серьезнымъ лицомъ — пыталась уроками и шитьемъ по возможности заработать необходимую для жизни сумму. Но заботы, горе и переутомленіе повліяли на ея разсудокъ; больная и удручен ная она убѣдила себя, что живетъ только въ тягость для мужа и маленькихъ дѣтей; револьвернымъ выстрѣломъ она вскорѣ положила конецъ своей страдальческой жизни. Волховскій ее глубоко любилъ, ея смерть была тяжелымъ ударомъ для него. Въ своемъ письмѣ онъ вспоминалъ посланныя мною имъ стихотворенія Джемса Русселя Ловельса По его мнѣнію стихотвореніе „After the burial" („Послѣ погребенія") ясно показываетъ, какъ одинаково подобное горе чувствуется всѣми людьми на свѣтѣ: американскій поэтъ тѣми же словами выразилъ свою печаль по поводу смерти жены, которыми и онъ желалъ бы разсказать свое горе.

Вмѣстѣ съ письмомъ онъ прислалъ мнѣ старую кожаную коробочку для спичекъ, которую князь Петръ Крапоткинъ передалъ своему ссыльному брату Алексѣю, а тотъ, въ свою очередь, его покойной женѣ незадолго до ея смерти. Онъ надѣется, писалъ Волховской, что эта вещица будетъ имѣть для меня значеніе, т. к. играла извѣстную роль въ жизни четырехъ ссыльныхъ: одинъ изъ нихъ живетъ въ изгнаніи, вдали отъ родины, другой въ Томскѣ, въ ссылкѣ, двое другихъ самоубійствомъ избѣгли, наконецъ, русской справедливости.

Я хотѣлъ прочесть письмо своей женѣ, но не былъ въ состояніи. Слезы душили меня при одной мысли объ этомъ физически разбитомъ человѣкѣ, обремененномъ малолѣт-

ними дѣтьми, который принужденъ былъ перенести еще этотъ новый ударъ.

Правительство можетъ такихъ людей, какъ Волховской, гноить въ глубокихъ казематахъ, превращающихъ ихъ въ преждевременныхъ старцевъ, оно можетъ ссылать ихъ въ арестантскомъ халатѣ въ далекую Сибирь, но наступитъ то время, когда имена этихъ страдальцевъ золотыми буквами будутъ вписаны въ книгу исторіи, и когда разсказы изъ ихъ жизни и страданій послужатъ всѣмъ русскимъ, любящимъ родину и свободу, источникомъ геройскаго вдохновенія... *)

Здѣсь, въ Томскѣ, мы впервые испытали тяжелое чувство безсилія, при видѣ неимовѣрнаго человѣческаго страданія. Нашъ путь по юго-западной части Сибири, отклонилъ насъ отъ главнаго ссыльнаго пути; политическіе ссыльные Семипалатинска, Ульбинска и Усть-Каменногорска находились сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ; только въ Томскѣ намъ удалось узнать жизнь этихъ несчастныхъ во всемъ ея ужасѣ. Съ этого момента нами овладѣло невѣроятное раздраженіе, которое не покидало насъ, пока мы не оставили позади себя сибирскую границу. Кто могъ оставаться покойнымъ при видѣ всего того горя, которымъ повѣяло на насъ въ „балаганахъ“ и „больницѣ“ Томской тюрьмы! Кто могъ бы слушать, не будучи потрясенъ до глубины души, разсказы о страданіяхъ, слышанные нами въ Томскѣ, Красногорскѣ, Иркутскѣ и Забайкальѣ!

Передо мною образъ блѣдной, болѣзненной женщины, сосланной въ Восточную Сибирь. Эта женщина пожелала однажды вечеромъ разсказать мнѣ свою страдальческую жизнь; ей было неимовѣрно тяжело возстановлять въ памяти ужасныя воспоминанія, но она желала мнѣ ихъ передать, чтобы такимъ путемъ всему міру разсказать, что тер-

*) Въ 1901 г. г. Волховскому удалось бѣжать заграницу (Ред.)

пять русскіе, прежде чѣмъ они становятся террористами. Рыдая, она говорила...

Печальнѣе разсказа я на своемъ вѣку не слышалъ. Послѣ такихъ случаевъ, а ихъ было не мало я потерялъ и сонъ, и покой. Подобныя волненія и трудности пути довели меня въ Забайкальѣ до серьезной болѣзни.

Но, прежде чѣмъ я покинулъ Томскъ, отъ моего прежняго мнѣнія о нигилистахъ и ссыльныхъ ничего не осталось.

Въ Томскѣ, и во время нашего пути отсюда въ Иркутскъ, намъ пришлось впервые увидать жизнь ссыльныхъ во время пересылки ихъ въ Восточную Сибирь. Въ теченіе всего года, изъ Томска въ Иркутскъ еженедѣльно отправляется партія ссыльныхъ отъ 300 до 400 человѣкъ, совершающая пѣше-этапнымъ порядкомъ путь въ 1700 кил. въ три мѣсяца. На разстояніи отъ 40 до 60 кил. находятся этапныя помѣщенія, съ гарнизономъ въ 40 человѣкъ конвойныхъ солдатъ, двумя или тремя унтеръ-офицерами и однимъ офицеромъ. Въ виду того, однако, что разстояніе между этапами слишкомъ велико, и кандальнымъ ссыльнымъ не мыслимо совершить этотъ путь въ одинъ день, между этапами расположены, т. н. полуэтапы, служащіе для ночлега партіи.

Транспорты ссыльныхъ совершаютъ ежемѣсячно не болѣе 500 верстъ, причемъ каждый третій день даются сутки для отдыха. Конвой смѣняется на каждомъ этапѣ. Всякій ссыльный получаетъ по 10 коп. порціонныхъ ежедневно; съѣстные припасы покупаются у крестьянъ, которымъ разрѣшается для этого торгъ продуктами возлѣ этаповъ.

Рубаха, сѣрые холщевые брюки, портки, пара „котовъ“, шапка безъ козырка, на подобіе шотландской и, наконецъ, длинный, сѣрый халатъ, — одежда ссыльныхъ; у женщинъ такая-же, съ тою лишь разницей, что брюки замѣнены соотвѣтствующей частью одежды. Женщины и дѣти, добровольно слѣдующія за своими мужьями въ ссылку,

имѣютъ право носить собственную одежду и брать съ собою столько вещей, сколько можетъ вмѣстить обыкновенный мѣшокъ.

Различіе въ обращеніи съ политическими ссыльными по сравненію съ уголовными состоитъ въ томъ, что первые, если принадлежатъ къ привилегированнымъ классамъ населенія, получаютъ на половину больше порціонныхъ денегъ и совершаютъ путь на телѣгахъ. Долгое время политическіе ссыльные отправлялись въ Сибирь на почтовыхъ лошадяхъ, въ сопровожденіи жандармовъ, причемъ они такъ-же скоро достигали мѣста назначенія, какъ и обыкновенные путешественники. Большая стоимость подобнаго способа транспортированія заставила отъ него отказаться и, въ настоящее время, политическіе ссыльные отправляются совмѣстно съ уголовными. Слѣдствіемъ этого явилось удлиненіе времени пребыванія въ этихъ ужасныхъ этапныхъ тюрьмахъ и возрастаніе случаевъ заболѣванія и смерти.

До 1883 года, во время слѣдованія партіи, мужчины не отдѣлялись отъ женщинъ; только съ этого года стали холостыхъ ссыльныхъ отправлять отдѣльно. Это нововведеніе, конечно, немного измѣнило безнравственное поведеніе уголовныхъ преступниковъ, неизбѣжное при совмѣстномъ путешествіи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, но не устранило совершенно прежнихъ явленій, т. к. среди семейныхъ бываетъ немало распутныхъ людей.

Въ понедѣльникъ утромъ, 24 августа, я съ г. Фростомъ отправились къ пересыльной тюрьмѣ, по приглашенію конвойнаго офицера, для наблюденія за отправкой партіи ссыльныхъ. Погода была прохладная, дулъ вѣтеръ, однако, безоблачное небо обѣщало теплый солнечный день. Когда мы прибыли, ссыльные еще не вышли изъ тюрьмы, а такъ какъ мы понимали, что конвойный офицеръ сильно занятъ, то рѣшили подождать у тюремныхъ воротъ. Нѣсколько солдатъ въ темно-зеленыхъ мундирахъ сидѣли на деревян-

ной скамейкѣ, другіе проводили время въ заигрываніи съ продавщицами съѣстныхъ припасовъ. Временами слышно было извнутри бряцанье цѣпей, временами отпирались тюремныя ворота и солдаты впускали узниковъ, тащившихъ въ деревянныхъ сосудахъ ѣду. Каждаго входящаго обыскивалъ часовой, желая убѣдиться, нѣтъ ли при немъ запрещенныхъ вещей, въ особенности, спиртныхъ напитковъ.

Въ 8 ч. подъѣхали подводы, назначенныя для больныхъ и слабосильныхъ. Унтеръ-офицеръ, сидѣвшій снаружи, позвонивъ, подъялся и неохотно пошелъ во дворъ. Солдаты взяли въ руки оружіе. По продолжительному и громкому бряцанію цѣпей мы догадались, что партія начала строиться.

Явился тюремный кузнецъ; онъ принесъ съ собой не большую походную кузницу, разные инструменты, множество цѣпей, равнодушно бросилъ ихъ на землю. Солдаты взяли ружья на плечо и образовали полукругъ, одинъ унтеръ-офицеръ съ именнымъ спискомъ въ рукѣ сталъ на лѣво отъ воротъ, другой—съ кожаной сумкой, наполненной мѣдными монетами, на право. И, по командѣ „готовсь", одинъ за другимъ узники выступали впередъ, начиная съ осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ. Офицеръ вызывалъ ихъ по именамъ, причемъ быстро бросалъ испытывающій взглядъ на ссыльнаго, откликавшагося на зовъ. Кузнецъ, съ помощью конвойнаго солдата, смотрѣлъ хорошо ли закованы цѣпи, а унтеръ офицеръ выдавалъ каждому по 20 коп., для покупки пищи на два дня. Затѣмъ ссыльные построились въ два ряда для облегченія счета, сняли шапки для того, чтобы дать возможность офицеру провѣрить, у всѣхъ ли выбрита правая половина головы. Та же процедура повторилась съ ссыльно-поселенцами. Съ возрастаніемъ числа ссыльныхъ, солдаты удлиняли полукругъ.

Наконецъ, вся партія вышла изъ тюрьмы, всѣхъ ссыльныхъ въ ней было до 100 человѣкъ. Каждый изъ нихъ несъ на себѣ сѣрый холщевый мѣшокъ, въ которомъ помѣ-

щалось все его нищенское имущество; у нѣкоторыхъ за поясомъ висѣлъ мѣдный чайникъ; одинъ изъ ссыльныхъ держалъ въ рукахъ небольшую коричневую собачку.

Снова всѣхъ пересчитали, затѣмъ положили мѣшки на подводы. Я воспользовался этимъ временемъ для бесѣды съ нѣкоторыми ссыльными. Къ моему крайнему удивленію, одинъ изъ ссыльныхъ заговорилъ со мной по англійски.

— Кто вы такой? спросилъ я на томъ же языкѣ.

— Бродяга,—отвѣтилъ онъ спокойно и серьезно.

— Какъ ваша фамилія?

— Иванъ Непомнящій.—былъ отвѣтъ; онъ посмотрѣлъ по сторонамъ и, убѣдившись, что конвойный офицеръ его не слышитъ, онъ тихо добавилъ—моя дѣйствительная фамилія Іоаннъ Андерсенъ, родомъ я изъ Риги.

— Какимъ образомъ вы владѣете англійскимъ языкомъ?

— Я англійскаго происхожденія, кромѣ того, въ качествѣ матроса, я часто посѣщалъ англійскія гавани.

Приближеніе конвойнаго офицера заставило прекратить нашу бесѣду.

Число бродягъ въ этой партіи было особенно велико; большинство были бѣглые преступники изъ семейства „Непомнящихъ". Частью они были пойманы въ Западной Сибири, частью добровольно вернулись, въ виду приближенія зимы.

По словамъ конвойнаго офицера нѣкоторые изъ нихъ были по шести разъ въ бѣгахъ.

— Ребята!—крикнулъ онъ—сколько изъ васъ идутъ шестой разъ въ рудники?

— Не мало!—раздался многоголосый отвѣтъ.

Сѣдой, закованный въ кандалы ссыльный выступилъ впередъ и заявилъ, что уже четыре раза бѣжалъ изъ рудниковъ и идетъ туда въ пятый разъ. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ восемь разъ пѣшкомъ совершилъ путь отъ

Томска до Карскихъ рудниковъ, длиною болѣе трехъ тысячъ километровъ.

— Я знаю бродягъ, — разсказывалъ офицеръ, — шестнадцать разъ убѣгавшихъ черезъ лѣса и степи и шестнадцать разъ въ кандалахъ совершавшихъ этотъ путь обратно. Богъ ихъ знаетъ, какъ они умудрялись совершать это, не умирая по дорогѣ съ голоду!

Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ энергіи и выносливости этихъ людей, о силѣ того чувства, которое влечетъ ихъ на родину, слѣдуетъ запомнить, что путь, совершенный въ 32 раза такимъ бродягой, равенъ двойной длинѣ земного экватора. Въ 1884 г. въ Западной Сибири было поймано и снова сослано въ рудники 1360 бродягъ, а сотни другихъ погибли въ лѣсахъ отъ холода и голода. Русскій офицеръ Орфановъ, служившій долго въ Восточной Сибири, разсказываетъ въ своей книгѣ, что онъ нашелъ однажды въ кайдаловской тюрьмѣ, между Читой и Нерчинскомъ, одновременно не менѣе двухсотъ такихъ „Ивановъ Непомнящихъ“.

Нѣкоторые изъ бѣглыхъ бродягъ обнаруживали въ разговорѣ нѣкоторое знаніе и образованіе. Одинъ изъ нихъ, съ видомъ знатока осматривавшій нашъ фотографическій аппаратъ, спросилъ меня, могутъ ли у насъ арестанты во время отбыванія наказанія кое что заработать для того, чтобы не покинуть тюрьму совершенно нищими. Я ему отвѣтилъ, что въ большинствѣ англійскихъ тюремъ заключеннымъ предоставляется возможность собрать работой извѣстную сумму.

— У насъ иначе, — замѣтилъ онъ; — голыми мы входимъ въ тюрьму, голыми оттуда и выходимъ, а за время пребыванія въ ней насъ сѣкутъ, если того пожелаетъ наше начальство.

— Не можетъ быть! Теперь этого не бываетъ, — замѣтилъ офицеръ.

— Бываетъ, ваше благородіе! — подтвердилъ ссыльный, съ грустью, но увѣренно. -Кто по болѣзни или по слабости не въ состояніи работать получаетъ двадцать ударовъ плетью.

Я охотно разспросилъ бы его еще многомъ, но мнѣ помѣшалъ вопросъ конвойнаго офицера, спрашивавшаго, не желаю ли я посмотрѣть посадку на подводы больныхъ и слабосильныхъ.

Предназначенныя для этой цѣли небольшія одноконныя повозки, безъ рессоръ, имѣли видъ на половину разрѣзанныхъ по длинѣ бочекъ; на единственныхъ двухъ мѣстахъ для сидѣнія помѣщаются возница и часовой; едва ли можно себѣ представить нѣчто болѣе жалкое. Въ каждой изъ нихъ было набросано немного травы, что, повидимому, должно было уменьшать силу толчковъ отъ безпрерывной тряски. Такая повозка предназначалась для четырехъ ссыльныхъ.

— Арестанты съ медицинскими свидѣтельствами -впередъ!—приказалъ офицеръ. и около тридцати человѣкъ, больныхъ и слабосильныхъ, выступили впередъ. Унтеръ-офицеръ просмотрѣлъ ихъ медицинскія свидѣтельства. Найдя все въ порядкѣ, онъ приказалъ несчастнымъ взобраться на подводы.

Одинъ изъ нихъ, не смотря на свой больной видъ, былъ повидимому, симулянтъ, т. к. едва онъ сѣлъ въ повозку, со всѣхъ сторонъ посыпался на него градъ ругательствъ и проклятій. Многіе ссыльные прекрасно умѣютъ притворяться серьезно больными и, временами. имъ удается провести самаго опытнаго тюремнаго врача.

Иногда число ссыльныхъ, не могущихъ продолжать отъ Томска путь пѣше-этапнымъ порядкомъ, бываетъ значительно. Въ 1884 году понадобилось 658 подводъ, слѣдовательно, перевозить пришлось 2632 человѣка, считая по четыре на каждую подводу —легко объяснимый результатъ переполненія тюрьмы. Когда всѣ больные и слабосильные заняли назначенныя имъ на подводахъ мѣста. конвойный офи-

церъ снялъ фуражку, перекрестился и крикнулъ [illegible] къ ссыльнымъ: „Берегите себя! Счастливаго пути!“ На-право! Впередъ! Шагомъ маршъ!“ Подчиняясь командѣ унтеръ-офицера, и, бряцая кандалами, партія ссыльныхъ, окруженная конвойными солдатами, двинулась въ путь по направленію къ [illegible] области. Впереди шли ссыльные, за ними подводы съ больными, затѣмъ подводы съ имуществомъ ссыльныхъ, и [illegible] солдатъ въ [illegible] колецъ, тарантасъ [illegible] [illegible] за партіей. [illegible] около трехъ километровъ въ [illegible] былъ [illegible] обликомъ [illegible] отъ [illegible] медленно передвигающихся [illegible]. Въ теченіе [illegible] привилегированн[illegible] ссыльнымъ и [illegible] женщинамъ и [illegible]. [illegible] партія ссыльныхъ [illegible], не [illegible] болѣе чѣмъ за полтора километра.

На разстояніи восьми километровъ отъ Томска транспортъ подошелъ къ часовнѣ, открытой со всѣхъ сторонъ. Внутри виднѣлось деревянное [illegible]. Большинство арестантовъ сняло шапки, какъ и при отправленіи изъ Томска, и набожно перекрестилось. Русскій [illegible] рѣдко этого не дѣлаетъ, будь онъ даже убійцей и грабителемъ.

Для перваго привала было избрано мѣсто, отстоящее на 15 клм. отъ Томска. Нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ съ съѣстными припасами и напитками для продажи ссыльнымъ, поджидали прибытія партіи. Увидя еще издали продавщицъ, находящіеся впереди опытные бродяги, радостно вскрикнули: „Привалъ!“ Это слово пронеслось по всей партіи, достигло также подводъ, всѣ стремились скорѣе достигнуть мѣста стоянки. Переходъ въ 15 километровъ можетъ утомить здороваго, сильнаго человѣка, не говоря уже о обезсиленныхъ всякаго рода лишеніями, закованныхъ въ кандалы, ссыльныхъ. Едва раздалась команда расположиться на отдыхъ.

всѣ были уже на землѣ - кто сидѣлъ, кто лежалъ. Нѣсколько минутъ спустя началась оживленная торговля. Ссыльные покупали черный хлѣбъ, рыбу, вареныя яйца, молоко и квасъ, національный русскій напитокъ, и, вскорѣ, всѣ заняты были ѣдой.

Съ разрѣшенія конвойнаго офицера мой другъ, г. Фростъ, сдѣлалъ фотографическій снимокъ этой картины. Около двухъ часовъ партія двинулась снова въ путь.

Н[illegible] обѣда ничего особеннаго не случилось. Опытные бродяги [illegible] переговаривались, а также [illegible] крикъ и звонъ цѣпей [illegible] рѣчамъ и время отъ времени задавали вопросы. Опытный бродяга, нѣсколько разъ уже совершившій этотъ путь, прекрасно знакомъ съ дорогой, знаетъ характеръ и темпераментъ всякаго конвойнаго офицера между Томскомъ и Карой. Опасности, пережитыя имъ въ сибирскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, закалили его энергію и самоувѣренность, создавшія ему извѣстный авторитетъ среди менѣе опытныхъ товарищей. Съ гордостью называетъ истый бродяга острогъ своимъ „батюшкой", а тайгу „матушкой", и часто его жизнь проходитъ въ одномъ странствованіи отъ „батюшки" къ „матушкѣ" и обратно. Рѣдко удается кому нибудь изъ нихъ бѣжать совсѣмъ изъ Сибири, если даже онъ и достигаетъ долины Оби, то рано или поздно онъ все же будетъ пойманъ, либо холодъ и голодъ заставитъ его добровольно вернуться. Одинъ конвойный офицеръ, говоря съ бродягой, характерно выразился: „Государева земля велика, тебѣ ее не перешагнуть. Останешься въ живыхъ, всегда тебя настигнемъ".

Бродяги преимущественно разсказывали свои приключенія и подвиги въ рудникахъ и лѣсахъ. Присутствіе конвойныхъ солдатъ ихъ совершенно не смущало.

Отъ Томска до перваго полуэтапа разстояніе около 30 километровъ. Стало уже темнѣть, когда ссыльные издали

еще увидѣли [illegible] деревянный [illegible], въ кото-
рымъ имъ придется провести первую ночь своего пути.

Сибирскій полуэтапъ представляетъ изъ себя [illegible] пространство, окруженное [illegible] въ ширину, и въ немъ обыкновенно расположены [illegible] зданія. Меньшій предназначается для конвойнаго офицера, другой для солдатъ, третій самый большой [illegible] для ссыльныхъ. [illegible] обыкновенно выкрашены [illegible] краску, какъ почти всѣ сибирскіе этапы. Внутреннее убранство составляютъ только печь и два ряда наръ.

Главный инспекторъ по тюремной части [illegible], въ своемъ последнемъ отчетѣ говоритъ, что „всѣ этапы и полуэтапы между Томскомъ и Ачинскомъ, за исключеніемъ немногихъ, не только малы, но совершенно ветхи и требуютъ основательнаго ремонта". Мнѣ пришлось [illegible] личными наблюденіями [illegible] мнѣніе. Главный недостатокъ, а также характерная особенность всѣхъ сибирскихъ тюремъ ихъ недостаточная величина. Онѣ были выстроены [illegible] лѣтъ назадъ въ то время, когда каждый транспортъ рѣдко превышалъ 150 человѣкъ, а теперь должны были давать пріютъ болѣе чѣмъ тройному количеству ссыльныхъ *).

Результатомъ этого, какъ гласитъ отчетъ инспектора, бываетъ то, что „при сносной погодѣ половина ссыльныхъ транспорта ночуетъ подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, въ то время какъ при дурной погодѣ переполнены не только всѣ камеры, но корридоры и даже сараи. На чистоту не

*) Русскій писатель Максимовъ разсказываетъ въ своемъ сочиненіи „Сибирь и каторга", что въ одномъ изъ такихъ этаповъ Западной Сибири онъ насчиталъ однажды [illegible] человѣкъ. А вышеупомянутый офицеръ Орфановъ сообщаетъ въ своей книгѣ, что въ одномъ этапѣ Восточной Сибири, [illegible] для [illegible] человѣкъ, [illegible] находилось не менѣе [illegible], а временами даже и 800 человѣкъ.

борашаютъ никакого вниманія; почти всѣ камеры невѣроятно грязны, окна не открываются и, несмотря на всѣмъ извѣстное переполненіе, ничего не предпринимается для освѣженія помѣщенія.

Когда, послѣ долгого, утомительнаго перехода, партія наконецъ достигла полуэтапа „Семилучный", ссыльные должны были сперва построиться и вновь подвергнуться счету и провѣркѣ. Послѣ того были открыты деревянныя ворота и 300 человѣкъ, закованныхъ въ кандалы, ворвались внутрь, толкая другъ друга, напирая на переднихъ, ругаясь и все для того, чтобы по раньше добраться до камеры и запастись мѣстомъ для ночлега. Каждый прекрасно зналъ, что ему придется спать на грязномъ полу либо просто на дворѣ, если не удастся захватить мѣсто на нарахъ. Нѣкоторые ссыльные не столько добивались захвата мѣста для ночлега, сколько для продажи его тому, кто предложитъ имъ нѣсколько копѣекъ за него.

Наконецъ, все успокоилось, и ссыльные занялись приготовленіемъ ужина. Болѣе состоятельные покупали у солдатъ за двѣ копѣйки чайникъ горячей воды и приготовляли себѣ чай. Нѣкоторымъ приносили солдатскій супъ, другіе доканчивали остатки отъ обѣда, сборчившись на нарахъ или прислонившись къ стѣнѣ. Если, по какой либо причинѣ, продавщицы не являются ко времени прибытія партіи, то ссыльные остаются совершенно безъ ужина, либо принуждены довольствоваться одними остатками.

Пересыльная администрація не считаетъ нужнымъ заботиться о своевременномъ прокормленіи ссыльныхъ; она довольствуется врученіемъ нѣсколькихъ копѣекъ и предоставленіемъ разрѣшенія крестьянкамъ и конвойнымъ солдатамъ продавать ссыльнымъ съѣстные припасы. Въ случаѣ дороговизны продуктовъ, ссыльнымъ не мыслимо на полученныя деньги утолить свой голодъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Восточной Сибири, во время неурожая, ссыльные съ трудомъ

доставили, на [illegible] 1½ [illegible] фунта чернаго хлѣба.

Конвойные [illegible] отношеніе правительства къ несчастнѣйшимъ изъ ссыльныхъ; они [illegible] давать человѣку только полтора фунта чернаго хлѣба въ день и заставлять его при этомъ совершать при суровой зимней погодѣ, съ кандалами на ногахъ, [illegible]. Жалобы и представленія [illegible] повѣстно остаются безъ результата, не смотря на предписаніе губернскаго правленія [illegible] управленія увеличивать ссыльнымъ [illegible] въ періоды вздорожанія продуктовъ (Циркуляръ отъ 15 декабря 1886 г. за № 10887).

Послѣ ужина снова была произведена перекличка у четырехъ угловъ и у воротъ поставлены часовые, въ каждой камерѣ зажжена сальная свѣча, въ коридорахъ и камерахъ поставлены „параши".

Болѣе половины ссыльныхъ лежало на грязномъ полу безъ одѣялъ и [illegible]. Къ ночи воздухъ сдѣлался невыносимымъ; о качествѣ этого воздуха можетъ имѣть понятіе лишь тотъ, кто присутствовалъ утромъ при открытіи оконъ и дверей. Я совершенно не могу себѣ объяснить, какъ могутъ люди, совершающіе путь [illegible], вообще когда нибудь достигнуть Карскихъ рудниковъ. Первоначально я намѣревался просить конвойнаго офицера разрѣшить мнѣ провести ночь въ камерѣ, но послѣ того, какъ утромъ вдохнулъ въ себя воздухъ, выходившій изъ открытыхъ оконъ, я не рѣшался болѣе дѣлать подобную попытку.

Второй день этапнаго [illegible], совершенно походилъ на предыдущій. За [illegible], поспѣшно проглоченнымъ завтракомъ, слѣдовала обычная перекличка, а за нею выступленіе. Послѣ полудня партія ссыльныхъ по-

дошла къ первому этапу, гдѣ мѣняется конвой и дается суточный отдыхъ.

Этапъ отличается отъ полуэтапа величиною и размѣщеніемъ строеній.

Дворъ немного обширнѣе, камеры больше. Всѣ строенія, однако, и здѣсь ветхи и, какъ уже не разъ было замѣчено, до того [illegible], что даже половина партіи не можетъ въ нихъ [illegible] помѣщаться.

Лучшая характеристика [illegible] генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генераломъ Анучинымъ, въ всеподданнѣйшемъ [illegible] за 1880 годъ. Мнѣ посчастливилось получить копію этого документа. Въ одномъ мѣстѣ генералъ Анучинъ говоритъ: „Во время моей поѣздки по Иркутской [illegible] большое количество мѣстъ заключенія, [illegible] только городскихъ и этапныхъ тюремъ. Къ сожалѣнію, [illegible] заявить, что большинство [illegible] состояніи, въ особенности [illegible] заключеніями всѣ онѣ [illegible] не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ санитарнымъ требованіямъ, [illegible] служатъ мѣстомъ заразы, [illegible] и ихъ устройство облегчаетъ побѣгъ".

Болѣе суроваго приговора этапнымъ тюрьмамъ и я не произношу. [illegible] произвели на генералъ-губернатора такое впечатлѣніе, [illegible] можно скорѣе предположить, что до его осмотра они подверглись основательной чисткѣ, [illegible] должны были произвести на [illegible] въ обычномъ, повседневномъ состояніи! Я, однако, долженъ замѣтить, что бываютъ и исключенія, что не всѣ этапы отъ Томска до Иркутска находятся въ такомъ ужасномъ состояніи. Въ деревнѣ „Итаскатъ", вблизи Маринска, я видалъ этапъ чисто и хорошо содержимый. Возможно, что я и еще нашелъ бы такой же, будь у меня достаточно времени для осмотра

всѣхъ этаповъ [illegible] на пути. Однако характеристи[illegible], данная [illegible], [illegible] соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

„[illegible]“, какъ выражается генералъ Ану[illegible], [illegible] обра[illegible]зомъ, [illegible] Какъ [illegible] малыхъ денегъ. Само собою, [illegible] ловина [illegible] лась между [illegible] чиновниками [illegible] ныхъ, [illegible] словами, сказать, [illegible] которыя [illegible] нихъ [illegible], то не [illegible] бы по[illegible]строить всѣ этапы между [illegible] и Иркутскомъ изъ чистаго серебра“.

Въ упомянутомъ секретномъ докладѣ [illegible] губер[illegible]натора сказано: „Для [illegible] были ассиг[illegible]нованы крупныя суммы; [illegible] было 250 000 руб. для [illegible]. Я по[illegible]зволю себѣ, однако, усомниться, [illegible] условіяхъ, [illegible] этимъ [illegible] ре[illegible]зультата. Слѣдствіе [illegible] въ Забайкальѣ [illegible] въ [illegible] и Иркутскѣ“.

То, чего [illegible] случилось. Какъ инспекторъ по [illegible] Сибирь, такъ и высшіе чиновники [illegible] были признать вновь выстроенные этапы [illegible] недостаточно вмѣстительными“.

Ссыльные нашего транспорта провели ночь въ среду въ слѣдующемъ этапѣ такимъ же образомъ, [illegible] ночь

въ полуэтапѣ Семилучномъ. Половина ссыльныхъ спала на полу камеръ, подъ нарами, въ проходахъ, и дышала воздухомъ, совершенно зачумленнымъ отъ углекислоты и испареній, поднимающихся изъ незакрытыхъ „парашъ".

Слѣдующій день назначался для отдыха. Ссыльные праздно проводили весь день во дворѣ, либо читали по камерамъ „послѣднія извѣстія". Стѣны и нары въ камерахъ покрыты многочисленными надписями; изъ дѣлаютъ ссыльные предыдущаго транспорта для послѣдующаго. Въ нихъ передаются небольшія извѣстія, поклоны друзьямъ и знакомымъ, шифрованные намеки и совѣты бродягамъ по поводу задуманнаго бѣгства, имена умершихъ, бѣжавшихъ или вторично пойманныхъ, послѣднія свѣдѣнія изъ рудниковъ и рудничныхъ отношеній. Эта, своего рода, газета для ссыльныхъ, безъ сомнѣнія читается съ глубокимъ интересомъ „путешественниками на казенный счетъ". Опытный ссыльный, по прибытіи въ этапъ, первымъ дѣломъ внимательно осматриваетъ стѣны камеръ: часто случай ему благопріятствуетъ и онъ находитъ очень важныя для себя надписи: одни даютъ совѣты, другія предостерегаютъ.

Начальникъ тюремнаго и пересыльнаго управленія по полномъ изученіи, важное значеніе этихъ стѣнныхъ надписей и приказалъ конвойнымъ офицерамъ принять мѣры къ ихъ уничтоженію. Сомнительно, будетъ ли достигнута такимъ путемъ желанная цѣль. Какъ бы хитро не было тюремное начальство, арестанты еще хитрѣе и сумѣютъ, конечно, его обмануть. Они умудрятся дѣлать надписи въ такихъ мѣстахъ, куда и не вздумается заглянуть ни какому начальнику, а опытный бродяга всегда ихъ разыщетъ.

На слѣдующій день конвойный офицеръ со всѣми солдатами возвратился въ Томскъ. Транспортъ ссыльныхъ сопровождалъ новый конвой. Я охотно слѣдовалъ бы за транспортомъ еще недѣли, чтобы основательно изу-

чить этапную жизнь, но у меня въ Томскѣ было еще много дѣла, и я принужденъ былъ покинуть партію еще до смѣны конвоя.

Жизнь ссыльныхъ въ пути мѣсяцами тянется вышеозначеннымъ монотоннымъ образомъ. Въ бурю и въ жару, въ пыли и грязи, они медленно подвигаются къ Востоку, переходятъ рѣки, взбираются на горы, часто во время проливного дождя, пересѣкаютъ болота, проводятъ ночи въ зачумленной атмосферѣ и, съ каждымъ днемъ, все ближе и ближе подходятъ къ ужаснымъ Забайкальскимъ рудникамъ.

IX.

На пути къ рудникамъ.

Наши связи съ правительственными чиновниками съ одной стороны, и съ политическими ссыльными -съ другой, нерѣдко ставили насъ въ затруднительное положеніе.

Незадолго до отъѣзда изъ Томска, въ то время, когда въ нашемъ номерѣ, въ „Европейской гостиницѣ", сидѣли упомянутый Болховскій и его товарищъ Чудновскій, вошелъ лакей и доложилъ о приходѣ исправляющаго должность губернатора, д. с. с. Пѣтухова.

Я, въ замѣшательствѣ, не зналъ, что предпринять! Отношенія между г. Пѣтуховымъ и нашими гостями, были мнѣ неизвѣстны. Во время нашихъ посѣщеній губернатора, мы ни разу не упомянули о знакомствѣ съ „политическими". Вообще въ разговорахъ съ русскими чиновниками мы притворялись совершенно неинтересующимися этой категоріей ссыльныхъ, конечно, съ цѣлью отвратить отъ себя всякое подозрѣніе. И вотъ самъ губернаторъ долженъ былъ увидѣть

у насъ двухъ важнѣйшихъ политическихъ ссыльныхъ, да еще за письменной работой! Я не успѣлъ даже спросить моихъ гостей, считаютъ ли они удобнымъ, чтобы я ихъ представилъ губернатору, какъ въ дверяхъ показался г. Пѣтуховъ, въ парадной формѣ. Въ первый моментъ онъ былъ совершенно пораженъ, увидѣвъ нашихъ гостей, но, снявъ съ себя шинель, онъ подошелъ къ намъ съ протянутой рукой, ничѣмъ не обнаруживая своего неудовольствія. Моимъ друзьямъ, осужденнымъ на работу въ рудникахъ, г. Пѣтуховъ подалъ руку и началъ такого рода бесѣду, что и послѣдніе могли принимать въ ней участіе. Черезъ пять минутъ мы всѣ бесѣдовали, какъ старые друзья Странное общество! Журналистъ изъ Америки, художникъ изъ той же части свѣта, двое политическихъ ссыльныхъ, осужденныхъ къ одинаковому заключенію и каторжнымъ работамъ, и, наконецъ, высшій мѣстный чиновникъ того правительства, которое ихъ двухъ осудило.

И всѣ эти пять человѣкъ, забывъ всякіе предразсудки, вели оживленную бесѣду съ полной непринужденностью. Я, конечно, не знаю, сообщилъ ли въ Петербургъ губернаторъ о нашихъ сношеніяхъ съ политическими ссыльными, но мнѣ кажется, что онъ этого не сдѣлалъ Я считаю г. Пѣтухова чиновникомъ вполнѣ преданнымъ своему монарху, но при этомъ имѣющимъ достаточно разума и образованія, чтобы понять, что между политическими ссыльными есть не мало лицъ, слишкомъ выдающихся по своему знанію и характеру и могущихъ, безъ сомнѣнія, заинтересовать всякаго чужестранца.

Во время нашего пребыванія въ Томскѣ, тамъ проживало около 30 политическихъ ссыльныхъ, въ томъ числѣ шесть либо восемь женщинъ. Одни изъ нихъ были сосланы административнымъ порядкомъ и только недавно прибыли изъ Европейской Россіи, другіе были ссыльно-поселенцами; сперва сосланные въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири а затѣмъ,

послѣ того какъ тамъ потеряли все здоровье, получив ше разрѣшеніе переселиться въ болѣе благопріятной мѣстности. Нѣсколько ссыльныхъ были изъ числа тѣхъ „193", которые многіе годы провели въ казематахъ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ сосланы въ степи Западной Сибири.

Я не мало удивился узнавая, что административно-ссыльные получали разрѣшеніе здѣсь переселиться, чего послѣ многолѣтняго пребыванія въ полярныхъ мѣстахъ Якутской области.

— Развѣ возможно, спросилъ я одного изъ такихъ, что вы были сосланы административнымъ порядкомъ въ худшую мѣстность Восточной Сибири? Я думалъ, что въ Якутскую область ссылаются только опасные политическіе преступники и мятежные ссыльно-поселенцы.

— Дѣло въ слѣдующемъ отвѣтилъ мой собесѣдникъ.— Обыкновенно административно-ссыльныхъ водворяютъ въ Западной Сибири, но часто случается, что они переводятся въ Якутскъ. Я самъ тоже былъ сосланъ сперва въ Западную Сибирь, а въ Якутскъ попалъ въ 1881 г., за отказъ принести вѣрноподданническую присягу при вступленіи на престолъ Императора Александра III.

— Неужели правительство требуетъ отъ всѣхъ такой присяги въ вѣрности отъ того, кто осужденъ за измѣну?

Требуетъ. А такъ какъ я этой присяги принести не могъ, а не то, что не хотѣлъ, то былъ сосланъ въ одинъ изъ улусовъ бѣднаго Якутскаго уѣзда.

— Я совершенно не могу понять, какимъ образомъ можетъ правительство предъявлять подобное требованіе!

— Правительство требуетъ большаго. Отъ меня требовали клятвы, что я все разскажу, что знаю о революціонномъ движеніи, иначе говоря, выдамъ всѣхъ своихъ друзей. Этого я, конечно, никогда не могъ бы сдѣлать, даже въ

тотъ случай, если бы ссылка превратила меня въ вѣрноподданнаго гражданина.

Изъ бесѣды я узналъ многое до сихъ поръ мнѣ неизвѣстное. Въ 1881 году, когда вступилъ на престолъ Императоръ Александръ III, власти потребовали отъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ принесенія вѣрноподданнической присяги. Вполнѣ неразумное требованіе заставлять лицъ, за нарушеніе присяги своему императору, присягать его преемнику Однако, какъ видно, министръ внутреннихъ дѣлъ вѣрилъ въ осуществимость этого, либо только притворялся, будто вѣрить такой возможности, чтобы, пользуясь отказомъ ссыльныхъ, усугубить ихъ наказаніе. Если ссыльный преступникъ отказывается признаться въ своей неправотѣ, то нѣтъ, конечно, основаній сокращать срокъ его наказанія, но вѣдь одинаково нѣтъ и основаній усиливать само наказаніе. Если политическіе ссыльные не были государственными измѣнниками, то они не должны были быть вообще наказаны, если же они измѣнники, то крайне безнравственно и несправедливо заставить ихъ выбирать между лжеприсягой и ссылкой въ жалкую якутскую трущобу. И какъ много, совершенно неповинныхъ въ новомъ преступленіи, было сослано въ полярныя страны, лишь потому, что они не могли дать присяги, идущей въ разрѣзъ съ ихъ совѣстью.

Однимъ изъ этихъ несчастныхъ былъ талантливый писатель Владиміръ Короленко. Онъ былъ уже трижды сосланъ—однажды по «ошибкѣ» властей и долженъ былъ дозволить себя заживо похоронить, иначе говоря, быть сосланнымъ въ Якутскую область, за нежеланіе выдать своихъ друзей и за отказъ присягнуть вступившему на престолъ Императору Александру III.

Я сравнилъ пребываніе въ улусѣ Якутской области съ положеніемъ заживо-погребеннаго; я приведу описаніе жизни въ улусѣ со словъ одного хорошо освѣдомленнаго чело-

вѣка и читатель увидитъ, что въ [illegible] преувеличенія. Въ началѣ 1881 г., когда ко власти былъ призванъ либеральный министръ [illegible], цензурныя строгости были немного [illegible]. Къ этому времени извѣстный русскій писатель С. А. [illegible], [illegible] состоявшій чиновникомъ особыхъ [illegible] при [illegible]комъ губернаторѣ, опубликовалъ въ либеральной, вскорѣ послѣ того запрещенной [illegible] изслѣдованіе объ административной ссылкѣ. Въ этомъ изслѣдованіи авторъ такими словами рисуетъ жизнь ссыльныхъ въ якутскихъ улусахъ:

„Въ Якутской области существуетъ родъ ссылки, о жестокости и безчеловѣчности которой русское общество не имѣетъ представленія: я говорю о ссылкѣ въ „улусы". Административно-ссыльные размѣщаются по одному въ уединенныхъ якутскихъ юртахъ. „Сибирская Газета" опубликовала недавно, (№ 23), въ одной изъ якутскихъ корреспонденцій, нижеслѣдующую выдержку изъ письма ссыльнаго; въ ней рисуется весь ужасъ положенія человѣка поселеннаго въ эту дикую пустошь. „Казаки, доставившіе меня сюда изъ г. Якутска, отправились вскорѣ назадъ, я остался одинъ среди якутовъ, ни слова не понимающихъ по русски. Боясь быть наказанными за мой побѣгъ, они недовѣрчиво слѣдятъ за всякимъ моимъ шагомъ. Каждый разъ, какъ я выхожу изъ одиноко расположенной, сырой юрты, за мною слѣдуетъ якутъ, беру я въ руки топоръ, съ цѣлью отрубить вѣтку для палки — якутъ мнѣ мимикой предлагаетъ отказаться отъ намѣренія и вернуться къ себѣ въ юрту, а когда я возвращаюсь въ нее, то вижу передъ собой сидящаго на корточкахъ у костра, голаго якута, ищущаго вшей въ своей одеждѣ. Невыносимое зрѣлище! Якуты живутъ въ своихъ землянкахъ вмѣстѣ со скотомъ. Выдѣленія животныхъ и дѣтей, грязь и безпорядокъ, гнилая солома и тряпье, обиліе насѣкомыхъ, отсутствіе возможности говорить на

родномъ языкѣ—все вмѣстѣ должно человѣка свести съ ума. Якутская пища не годна къ употребленію; она сырая, безъ соли, а часто приготовляется изъ гнилыхъ продуктовъ, такъ что, тотъ, кто къ ней не привыкъ, совершенно, не въ состояніи ее переварить. Однако, я долженъ съ ними ѣсть; даже болѣе,—у меня нѣтъ собственной одежды. Нѣтъ никакой возможности выкупаться; за восемь зимнихъ мѣсяцевъ своего пребыванія среди якутовъ, я сдѣлался такимъ же грязнымъ, какъ они. Ближайшій городъ отъ мѣста моего поселенія находится на разстояніи 200 верстъ и, такимъ образомъ, для меня недостижимъ. Я живу поперемѣнно въ различныхъ семьяхъ каждыя шесть недѣль въ другой. Ко мнѣ не доходятъ ни книги, ни газеты; все что происходитъ въ свѣтѣ остается мнѣ неизвѣстнымъ"...

„Болѣе жестокое наказаніе съ трудомъ можно придумать,— добавляетъ къ этому г. Приклонскій, цитирующій приводимое письмо.—Хуже этого, быть можетъ еще было бы привязать «преступника» къ хвосту дикой лошади и пустить ее въ степь, либо связавъ его съ трупомъ предоставить своей судьбѣ. Почти невѣроятно, что люди безъ судебнаго приговора, единственно по приказанію властей, подвергаются подобной пыткѣ, подобнымъ наказаніямъ, неизвѣстнымъ всей цивилизованной Европѣ даже для тягчайшихъ преступниковъ. Корреспондентъ „Сибирской Газеты" сообщаетъ дальше, что во всей Якутской области обращеніе съ ссыльными нигдѣ не лучше; десять недавно прибывшихъ ссыльныхъ размѣщены по якутскимъ юртамъ и вскорѣ ожидается прибытіе другихъ"

Смѣлый и талантливый авторъ изслѣдованія, г. Приклонскій, въ настоящее время не находится въ живыхъ; я могу, поэтому, безъ опасенія ему повредить, разсказать, что онъ лично передалъ мнѣ, помимо своего изслѣдованія, еще много другихъ интересныхъ документовъ о ссылкѣ. Долженъ замѣтить, что журналъ „Земство", въ которомъ

появилось изслѣдованіе г. Приклонскаго, не принадлежалъ къ числу революціонныхъ изданій, а былъ лишь неоффиціальнымъ органомъ провинціальныхъ земствъ. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, что у правительства нѣтъ достаточныхъ основаній для оправданія продолжающихся описанныхъ ужасовъ, т. к. о нихъ разсказывали лица, по своему характеру и патріотизму, вполнѣ заслуживающія полнаго вниманія.

Все разсказанное г. Приклонскимъ въ его изслѣдованіи находитъ подтвержденіе въ многочисленныхъ письмахъ лицъ, сосланныхъ въ якутскіе улусы, въ разсказахъ многихъ политическихъ ссыльныхъ, пережившихъ все это и, наконецъ, въ моихъ личныхъ наблюденіяхъ. И я спалъ въ покрытыхъ землею якутскихъ юртахъ, рядомъ съ домашнимъ скотомъ; и я пережилъ часть тѣхъ лишеній, на которыя осуждены жители этихъ жалкихъ поселеній, и мнѣ вполнѣ ясенъ весь ужасъ пребыванія, въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ, культурнаго человѣка, въ особенности, женщины, въ подобной гнетущей обстановкѣ. Не уклоняясь, однако, отъ истины, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторымъ административно-ссыльнымъ разрѣшено на собственныя деньги покупать либо выстраивать избы, что извѣстнымъ образомъ дѣлаетъ ихъ пребываніе болѣе сноснымъ. Такъ, писатель Короленко, живетъ въ собственномъ домикѣ, а нѣкоторые изъ сосланныхъ въ улусы намъ разсказывали, что съ помощью друзей они строили, покупали либо нанимали избы и, такимъ образомъ, освобождались отъ ужаснаго пребыванія среди грязи и безпорядка въ якутской юртѣ. Нѣкоторые имѣли даже по нѣсколько книгъ и могли разъ или два въ годъ получать и отправлять письма, конечно, подъ наблюденіемъ полиціи. Однако, не смотря на эти льготы, они все-же переносили довольно лишеній и страданій. Г. Линовъ, образованный русскій, жившій также нѣсколько лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, разсказы-

валъ мнѣ, что, во время пребыванія среди якутовъ, ему приходилось по мѣсяцамъ оставаться безъ хлѣба, питаясь одной рыбой и мясомъ. Его здоровье отъ жизни въ улусахъ совершенно разрушилось, и онъ умеръ въ маѣ 1886 г., въ одномъ изъ этаповъ Восточной Сибири, вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ. Даже при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, жизнь въ улусахъ нестерпима—многіе ссыльные кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Изъ 70 человѣкъ, сосланныхъ въ 1888 году въ Якутскую область, до 1885 г. шестеро покончили съ собою; судьба остальныхъ мнѣ неизвѣстна.

Я часто поражался тому равнодушію, съ которымъ политическіе ссыльные Томска передавали возмутительнѣйшіе факты ужаснаго произвола и насилія.

Мужчины и женщины, сосланные въ Якутскую область за отказъ въ принесеніи присяги Императору Александру III и испытавшіе весь ужасъ пребыванія въ Якутскихъ улусахъ, казалось, совсѣмъ не сознавали, что съ ними происходило нѣчто необыкновенное. Правда, случалось, что политическій ссыльный, разсказывая о самоубійствѣ своей жены, не вынесшей всѣхъ ужасовъ ссылки, сжималъ судорожно свои руки, и краска гнѣва покрывала его лицо; либо бѣдная женщина, вспоминая о томъ, какъ замерзъ у нея на рукахъ ребенокъ, прерывала, рыдая, свой печальный разсказъ, но, въ общемъ, однако, политическіе ссыльные разсказывали хладнокровно о безконечныхъ страданіяхъ и насиліяхъ ими перенесенныхъ, будто все это не что иное, какъ возможное зло, которое жизнь такъ нерѣдко преподноситъ людямъ. Нѣкій г. Х. показалъ мнѣ однажды коллекцію фотографическихъ снимковъ своихъ революціонныхъ друзей. Когда какое либо лицо меня поражало своей красотой либо своимъ характернымъ выраженіемъ, я просилъ дать мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ.

— Это г-жа А., -объяснялъ онъ мнѣ, совершенно спо-

койно, на рядъ моихъ вопросовъ. Она была народной учительницей и умерла три года назадъ отъ чахотки въ кіевской тюрьмѣ. — Фамилія этого господина въ длинной бородѣ Б. Онъ былъ когда-то мировымъ судьей, его въ Петербургѣ повѣсили. Эта молодая стройная дѣвушка П. Она обвинялась въ пропагандѣ и сошла съ ума во время предварительнаго заключенія. Красивая, молодая женщина, съ крестомъ на рукѣ, г-жа Д. Она была сестрой милосердія общины Краснаго Креста и ухаживала въ полевыхъ лазаретахъ за больными, во время послѣдней русско-турецкой войны. Она была осуждена къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и находится теперь въ Карскихъ золотыхъ рудникахъ. Молодая женщина, рядомъ съ нею,—г-жа К., бывшая слушательница медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ крѣпости она стекломъ перерѣзала себѣ горло.

Въ подобныхъ выраженіяхъ передавалъ мнѣ мой собесѣдникъ печальную судьбу своихъ друзей. Въ его тонѣ не замѣчалось ни малѣйшаго волненія, прислушиваясь къ его разсказу, можно было подумать, что казни друзей, ссылка ихъ въ рудники, безуміе ихъ въ тюрьмахъ и самоубійство ихъ отъ отчаянія — принадлежатъ къ обычнымъ повседневнымъ явленіямъ. Не слѣдуетъ, конечно думать, что его спокойствіе было признакомъ жестокосердія, либо недостаткомъ симпатіи къ друзьямъ, онъ просто сдѣлался съ теченіемъ времени безчувственнымъ ко всѣмъ ужасамъ пережитыхъ трагедій. Въ концѣ концовъ можно привыкнуть ко всему. Русскіе революціонеры пережили столько насилія, столько горя, что безъ волненія научились разсказывать объ ужасахъ, одно воспоминаніе о которыхъ покрываетъ краской гнѣва мое лицо, и заставляетъ сердце усиленно биться отъ состраданія и негодованія.

— Дважды въ своей жизни, — сказалъ мнѣ однажды извѣстный русскій либералъ, — я вполнѣ понялъ, что такое

свободный гражданинъ. Впервые, при возвращеніи моемъ въ семидесятыхъ годахъ изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки въ Россію, когда я увидѣлъ на границѣ разницу въ обращеніи русскихъ жандармовъ со мною и нѣсколькими англійскими путешественниками. Вторично испыталъ я это чувство недавно, когда я увидѣлъ какое впечатлѣніе на васъ, г. Кеннанъ, произвелъ разсказъ моего друга Б. Выраженіе вашего лица ясно показывало, что все сообщаемое казалось вамъ ужаснымъ, невѣроятнымъ. На меня лично этотъ разсказъ не произвелъ большаго впечатлѣнія, чѣмъ всякое уличное происшествіе. И вотъ, когда я увидѣлъ выраженіе вашего лица и попытался поставить себя на ваше мѣсто, то почувствовалъ въ глубинѣ своей души какая пропасть между гражданиномъ свободной страны и русскимъ подданнымъ.

Политическіе ссыльные Томска находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ихъ товарищи по ссылкѣ въ другихъ осмотрѣнныхъ нами мѣстностяхъ Сибири. Правда, князь Кропоткинъ жаловался на плохой климатъ, но, по моему мнѣнію, климатъ въ Томскѣ, не хуже чѣмъ на сѣверѣ Англіи.

Образованная часть общества была либерально настроена; въ городѣ была библіотека, театръ, хорошія училища, книжная торговля и выходила либеральная газета, правда, только въ тѣ времена, когда ее не конфисковали. Губернскія власти были менѣе суровы, чѣмъ, напримѣръ, въ Тобольскѣ; политическіе ссыльные могли безпрепятственно находиться между собою въ сношеніяхъ, а большинство пользовалось даже правомъ получать и отправлять письма безъ полицейскаго просмотра. Ихъ образъ жизни, поэтому, мнѣ казался не столь невыносимымъ. Говорятъ, однако, что Томскъ вскорѣ перестанетъ быть мѣстомъ ссылки, т. к. правительство намѣрено, наконецъ, разрѣшить открытіе въ городѣ университета. А такъ какъ власти сд

рательно оберегаетъ учащуюся молодежь отъ „опасныхъ для государственнаго строя" мыслей, то слѣдуетъ предположить, что оно не потерпитъ присутствія вблизи университета такого множества „неблагонадежныхъ" людей. Молодые студенты которымъ пришлось-бы познакомиться съ такими людьми, какъ Чупиовскій, Кропоткинъ, пришлось-бы узнать ихъ жизнь и злоключенія, могли легко придти къ мыслямъ, идущимъ совершенно въ разрѣзъ съ понятіями русскаго правительства о вѣрноподданничествѣ.

28 августа мы простились съ политическими ссыльными, съ полковникомъ Ягодкинымъ, бывшимъ особенно любезнымъ съ нами, а также съ нѣсколькими знакомыми офицерами и выѣхали изъ Томска по направленію въ Иркутскъ.

И. д. губернатора г. Штукѣвъ обѣщалъ намъ дать рекомендательное письмо ко всѣмъ ему подчиненнымъ конвойнымъ офицерамъ для того чтобы послѣдніе разрѣшали намъ осматривать этапы, но онъ либо забылъ про свое обѣщаніе, либо счелъ болѣе благоразумнымъ не исполнить его, послѣ того какъ онъ во очію убѣдился о нашей близости къ политическимъ ссыльнымъ, обѣщаннаго письма мы не получили и были принуждены каждый разъ самостоятельно добиваться желаннаго разрѣшенія.

1 сентября мы прибыли въ Ачинскъ, и отсюда началась самая утомительная часть нашего пути. Мѣстность сдѣлалась внезапно гористой и безлюдной. Худшей дороги чѣмъ та которая ведетъ изъ Ачинска въ Красноярскъ я никогда не встрѣчалъ и испытать мнѣ не удовлетвореніе, когда узналъ, что вновь назначенный генералъ губернаторъ Восточный Сибири, проѣзжая незадолго передъ тѣмъ по этой дорогѣ, былъ до того разгнѣванъ, что приказалъ немедленно арестовать подрядчиковъ, взявшихъ на себя содержаніе дороги въ порядкѣ.

2 сентября мы прибыли въ Красноярскъ, совершивъ

600 километровъ въ пять дней съ непродолжительными промежутками для отдыха.

На слѣдующій день мы посѣтили Льва Петровича Кузнецова, богатаго горнопромышленника, къ которому имѣли рекомендательное письмо. Мы не подозрѣвали, что встрѣтимъ здѣсь подобную роскошь и столь пріятное общество. Лакей, отворившій намъ дверь, провелъ насъ въ гостиную, съ рѣдкимъ вкусомъ убранную. Она была длиною 20 метровъ, шириною въ 12 и семи метровъ вышины. Паркетный полъ былъ покрытъ персидскимъ ковромъ, въ нишахъ высокихъ оконъ, украшенныхъ роскошными портьерами, стояли пальмы и другія тропическія растенія. Картины лучшихъ мастеровъ украшали стѣны; шкафы, полированнаго дерева, съ массою бездѣлушекъ изъ рѣзкаго фарфора и слоновой кости.

Мы едва успѣли придти въ себя отъ удивленія, какъ къ намъ подошелъ стройный, молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый и представился намъ на правильномъ англійскомъ языкѣ. Это былъ одинъ изъ братьевъ Кузнецовыхъ. Иннокентій Вскорѣ мы познакомились съ остальными членами семьи, состоявшей изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Всѣ были холосты и не замужемъ и общей семьей жили въ этомъ роскошномъ домѣ.

Дамы также свободно говорили по англійски; они бывали въ Америкѣ и останавливались подолгу въ знаменитыхъ городахъ. Г. Иннокентій Кузнецовъ зналъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты значительно лучше меня; онъ даже проѣхалъ американскій материкъ, охотился за буйволами въ преріяхъ, встрѣчался съ генераломъ Шериданомъ, Буффалемъ, капитаномъ Якомъ и со многими другими извѣстными лицами.

Не трудно себѣ представить, какъ намъ было пріятно, послѣ мѣсячнаго пребыванія на грязныхъ почтовыхъ станціяхъ, на постоялыхъ дворахъ, полныхъ насѣкомыми, вне-

занно очутиться въ подобномъ домѣ, въ обществѣ образованныхъ людей, а при томъ немного отдохнуть отъ удручающихъ разсказовъ про тюрьмы и ссыльныхъ.

Наши гостепріимные [illegible] уговаривали остаться еще нѣсколько дней въ Красноярскѣ, но намъ приходилось не терять ни одного часу, такъ какъ время года было позднее. Не[illegible] пикниками, катаніемъ [illegible] старались насъ развлечь семья Кузнецовыхъ [illegible] пуститься въ печальный путь, однако, намъ нужно было [illegible] еще до наступленія зимы Забайкальскихъ [illegible], находящихся отъ насъ на разстояніи 2.0[illegible] километровъ.

Въ субботу мы уже были въ пути къ Иркутску, переправившись на паромѣ черезъ рѣку Енисей. Безъ перерыва проѣхали мы до Канскаго [illegible] отъ Иркутска на разстояніи 600 километровъ.

До Иркутска мы ѣхали безъ продолжительнаго отдыха день и ночь, останавливаясь только временами для осмотра попадавшихся по пути этаповъ, либо проходившихъ транспортовъ ссыльныхъ, медленно направлявшихся, подъ звонъ цѣпей, часто въ проливной дождь, къ далекимъ рудникамъ Забайкалья. Нѣкоторымъ транспортамъ приходилось въ теченіе двухъ мѣсяцевъ совершить тотъ путь, на который мы употребили недѣлю, а ни одинъ изъ нихъ не могъ никоимъ образомъ достигнуть мѣста назначенія до наступленія зимняго времени. Достаточно было бросить взглядъ на убитыя лица ссыльныхъ, чтобы представить себѣ сколько лишеній и страданій перенесли уже эти несчастные. Жизнь ссыльныхъ въ пути полна безконечныхъ униженій и страданій. Во время нашего путешествія изъ Томска въ Иркутскъ мы имѣли часто случаи наблюдать ссыльныхъ, шагавшихъ подъ проливнымъ дождемъ и подъ лучами палящаго солнца.

Мы осматривали жалкіе бараки, гдѣ ихъ, какъ скотъ, запирали на ночь, одиночныя камеры, гдѣ они лежали

безъ надлежащаго медицинскаго ухода, мы бесѣдовали съ умными чиновниками, по долгому опыту хорошо знакомыми съ системою ссылки, и послѣ всего этого, я пришелъ къ убѣжденію, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго тому бѣдствію и ужасу, которое является результатомъ ссылки въ Сибирь. Въ извѣстномъ отношеніи виновата, безъ сомнѣнія, нерѣшительность, безсердечность и взяточничество чиновниковъ, но весь ужасъ есть слѣдствіе всей жестокой системы которая должна быть вполнѣ упразднена и замѣнена срочнымъ, пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмахъ Европейской Россіи.

Не трудно себѣ представить, что 6.000—8000 мужчинъ женщинъ и дѣтей, даже при благопріятныхъ условіяхъ, не въ состояніи совершить пѣше-этапнымъ порядкомъ, болѣе 3.000 кил., въ странѣ, подобной Восточной Сибири, не подвергаясь при этомъ невыносимымъ безконечнымъ страданіямъ.

Ссыльнымъ, отправленнымъ изъ Томска въ іюнѣ и августѣ, приходится еще до Иркутска совершить часть пути подъ осеннимъ сибирскимъ дождемъ, а часто при сильной морозной погодѣ. Зимнихъ вещей имъ еще не дали, у большинства изъ нихъ единственной защитой отъ непогоды служитъ грубая холщевая рубаха, такіе же штаны и сѣрый легкій халатъ. Представьте себѣ, читатель, такого рода транспортъ ссыльныхъ при сѣверо-восточномъ пронизывающемъ вѣтрѣ и проливномъ дождѣ, медленно шагающимъ по топкой дорогѣ между Ачинскомъ и Красноярскомъ!

Всѣ мокнутъ до самыхъ костей, а женщины, дѣти и больные дрожатъ, сидя на корточкахъ, на промокшей соломѣ маленькихъ, тряскихъ подводъ, совершенно беззащитныя противъ сѣвернаго сибирскаго вѣтра. Во многихъ мѣстахъ подводы погружаются до самыхъ осей въ топкую почву и совершаютъ при этомъ не болѣе трехъ кило-

метровъ въ часъ. Многіе изъ каторжныхъ ссыльныхъ отъ долгой и утомительной ходьбы покрываются потомъ, вдыхая при этомъ въ себя морозный воздухъ, многіе теряютъ, либо снимаютъ обувь, и босыми переходятъ примерзшую топь. Лѣтомъ и осенью ссыльные получаютъ, повидимому, изъ экономіи, т. н. „коти". Коты приготовляются въ огромномъ количествѣ изъ самаго дешеваго матеріала и, согласно установленнымъ правиламъ, должны быть годны для носки въ теченіе шести недѣль, но, обыкновенно, въ шесть дней они становятся никуда негодными.

Одинъ изъ высшихъ чиновниковъ пересыльнаго управленія мнѣ говорилъ, что нерѣдко ссыльные выходили изъ Томска въ новой обуви и уже ко второму этапу приходили босыми. Но если даже обувь и прочна, то зло въ другомъ она не соотвѣтствуетъ ногѣ, не можетъ быть прикрѣплена, такъ какъ не имѣетъ ремней и до того низка, что свободно наполняется жидкой грязью и водой, а часто такъ и остается въ топкой землѣ. Это еще болѣе затрудняетъ ихъ ходьбу, поэтому ссыльные предпочитаютъ снимать обувь, либо совершенно бросить ее и цѣлыми днями шагать по дорожной грязи, температура которой недалека отъ точки замерзанія.

Когда эти промокшіе, усталые и голодные люди приближаются къ деревнѣ, староста ссыльныхъ обращается къ конвойному офицеру съ просьбой разрѣшить, при проходѣ черезъ деревню, спѣть «моленіе». Рѣдко въ этомъ имъ отказываютъ. Ссыльные избираютъ изъ своей среды нѣсколькихъ человѣкъ для собиранія подаяній

Вступая въ деревню, они замедляютъ и безъ того медленный шагъ, снимаютъ шапки и обращаются съ своей, душу раздирающей мольбой, къ человѣческому состраданію. Я никогда не забуду то впечатлѣніе, которое на меня, въ первый разъ, произвело ихъ пѣніе.

Былъ сѣрый, непривѣтливый осенній день. Мы сидѣли на грязной почтовой станціи, въ ожиданіи лошадей.

Вдругъ издалека донеслись до меня своеобразные дрожащ звуки. То не была свѣтская пѣснь, то не было церковное пѣніе, но нѣчто общее имъ. Мы вышли на улицу и увидѣли толпу кандальныхъ ссыльныхъ, окруженную конвойными солдатами, съ обнаженной головой, они пѣли «моленіе узниковъ». Они не стараются сдерживать голосъ, либо произносить одновременно слова, они не дѣлаютъ паузъ, даже риемы никакой нѣтъ въ ихъ пѣснѣ. Они казалось безпрерывно, одинъ за другимъ, медленно и протяжно произносили слова печальной пѣсни.

Пѣсня эта была приблизительно такого содержанія

Смилуйтесь надъ нами, батюшки!
Не забывайте насъ, матушки!
Не забывайте насъ бѣдныхъ узниковъ!
Накормите и помогите намъ, батюшки!
Пожалѣйте надъ нами, матушки!
Смилуйтесь надъ нами, батюшки!
Хоть за рѣки, [illegible]
За каменными стѣнами, за рѣшетками,
За желѣзными запорами,
Томимся мы голодомъ, томимся мы жаждою,
Отъ отца вдали, отъ матери,
Мы несчастные, заключенные
Смилуйтесь надъ нами, батюшки!
Не забывайте насъ, матушки!

Кто не слыхалъ протяжнаго и медленнаго пѣнія сотенъ узниковъ этихъ словъ, сопровождаемое безпрерывнымъ бряцаніемъ цѣпей, тотъ не въ состояніи получить истиннаго понятія объ удручающемъ впечатлѣніи этого «моленія».

Все горе и весь ужасъ, вся нужда и все отчаяніе, перенесенное многими тысячами этихъ несчастныхъ въ тюрьмахъ Сибири и рудникахъ Забайкалья — все это звучало въ этой безъискусственной пѣснѣ.

Пока ссыльные проходили по грязнымъ улицамъ, къ нимъ выходили изъ домовъ дѣти и женщины, опускали

хлѣбъ, мясо, [illegible] въ мѣшки которыхъ держали четверо полубритыхъ арестантовъ.

При первомъ привалѣ партіи, обыкновенно происходитъ распредѣленіе полученнаго подаянія и болѣе бодрыми, затѣмъ вновь пускаются ссыльные въ свой дальній и мучительный путь.

Усталые и промокшіе они достигаютъ часто въ поздній вечерній часъ ближайшаго этапа, гдѣ ихъ послѣ недолгаго ужина и обязательной переклички [illegible] до утра. Большинство ссыльныхъ дрожатъ отъ холода и сырости, у нихъ, однако нѣтъ ни сухой одежды для перемѣны, ни одѣялъ и подушекъ, они принуждены расположиться на твердыхъ нарахъ, либо просто на землѣ, и вплотную улечься, чтобы другъ друга согрѣть своими тѣлами. У нѣкоторыхъ, быть можетъ, и есть кое-что изъ одежды, но все его имущество въ мѣшкѣ, но и мѣшки [illegible], не пощадитъ дождь.

Если правительство желаетъ хотя бы немного позаботиться о здоровьѣ ссыльныхъ, оно должно устроить, по крайней мѣрѣ, покрытія для телѣгъ. Такая мѣра увеличитъ расходы по пересылкѣ лишь въ самой незначительной степени, едва-ли больше чѣмъ обходятся издержки по погребенію этихъ несчастныхъ, заболѣвающихъ и умирающихъ въ силу необходимости носить мокрую одежду.

Однако, объ этомъ никто не позаботится!

Почему? — Да потому, что тѣ чиновники, которые понимаютъ необходимость такой мѣры, не имѣютъ власти, а тѣ, кто имѣютъ власть не желаютъ предпринимать улучшеній.

Почему? — Этотъ вопросъ многократно срывался въ Сибири съ моихъ устъ, и я всегда получалъ отвѣтъ въ приведенномъ смыслѣ.

Я часто предлагалъ — сказалъ мнѣ однажды высокопоставленный чиновникъ пересыльнаго управленія, — отправлять ссыльныхъ только лѣтомъ и на подводахъ. Я сдѣлалъ

подробный подсчетъ и доказалъ, что перевозка ссыльныхъ изъ Томска въ Ачинскъ въ лѣтніе мѣсяцы, не только оказалась-бы гуманнѣе, но на четырнадцать рублей дешевле съ человѣка.

— Почему же ваше предложеніе не было принято?— спросилъ я.

Пожатіе плечами послужило мнѣ отвѣтомъ.

Другой чиновникъ разсказывалъ мнѣ:

Я неоднократно отказывался принимать у поставщиковъ одежду для арестантовъ, такъ какъ она была неудовлетворительно сдѣлана. Но мой отказъ въ принятіи оставался всегда безрезультатнымъ; негодная дрянь поставлялась вмѣсто обуви, и ссыльные принуждены были ходить босыми. Я не имѣлъ права ничего иного сдѣлать, какъ только доложить своему начальству.

Во время моего пребыванія въ городѣ Иркутскѣ, посѣтилъ я однажды губернатора г. Петрова и встрѣтилъ у него инспектора Восточной Сибири по пересылкѣ ссыльныхъ, полковника Сагарина. Послѣдній принесъ съ собой нѣсколько образцовъ обуви и просилъ губернатора сравнить ихъ съ образцами, данными при заключеніи подряда.

Онъ настаивалъ на непринятіи всего количества обуви и требовалъ назначенія слѣдствія. Обманъ былъ очевиденъ; доставленная обувь должна была сдѣлаться черезъ нѣсколько дней совершенно негодной. Я думалъ, что, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, правда восторжествуетъ. Пять мѣсяцевъ спустя, послѣ моего возвращенія изъ забайкальскихъ золотыхъ рудниковъ, я спросилъ полковника, каковъ былъ результатъ его тогдашняго протеста.

— Да никакой!—отвѣтилъ онъ.

— Такъ неужели эта обувь была дана ссыльнымъ для носки?

— Конечно!

Я больше не спрашивалъ.

Я могъ бы еще привести не мало примѣровъ, показывающихъ какъ равнодушіе и взяточничество чиновниковъ дѣлаютъ невыносимымъ жизнь ссыльнаго. Однако, отчеты завѣдующихъ больницами и статистика смертности дѣлаютъ совершенно излишними другія доказательства. Сотни ссыльныхъ, всякаго возраста, различнаго пола заболѣваютъ во время пути и, послѣ двухъ-трехнедѣльной поѣздкѣ на подводахъ по тряскимъ дорогамъ, они, наконецъ, достигаютъ этапнаго лазарета, гдѣ выздоравливаютъ, либо умираютъ.

Безжалостно перевозить больныхъ въ теченіе недѣль по тряскимъ дорогамъ при всякой погодѣ, но при существующихъ условіяхъ конвойный офицеръ ничего иного сдѣлать не можетъ. Онъ не можетъ оставить больныхъ безъ всякаго надзора въ пустомъ этапномъ помѣщеніи, т. какъ его конвой долженъ слѣдовать за партіей. Часто, въ тѣ минуты, когда я совершенно изнемогалъ отъ трудностей ѣзды по великому сибирскому пути, я вспоминалъ про множество тяжело-больныхъ, совершавшихъ этотъ путь при еще худшихъ условіяхъ и лишеніяхъ, и снова пріобрѣталъ силу и мужество. У больныхъ, попадающихъ, наконецъ, при подобныхъ обстоятельствахъ въ тюремную больницу, остается одна лишь надежда – спокойно умереть; по оффиціальнымъ отчетамъ начальника тюремнаго и пересыльнаго управленія, г. Галкина Врасскаго, у такихъ больныхъ почти нѣтъ надежды на выздоровленіе. Онъ говоритъ слѣдующее:

„До 1885 г. еще не было приступлено къ устройству подвижныхъ госпиталей; также не были приняты мѣры къ подысканію необходимаго медицинскаго персонала. Согласно статьямъ. „Положенія о ссыльныхъ", гражданскіе и военные врачи обязаны осматривать въ этапахъ больныхъ и оказывать имъ необходимую помощь. Однако, въ деревняхъ, гдѣ помѣщаются этапныя тюрьмы, нѣтъ гражданскихъ врачей, а военные находятся только въ деревняхъ

Шерагульской, Бирюзинской и Тиретской. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ мѣстъ расположены небольшіе лазареты на шесть кроватей, предназначенные для больныхъ конвойныхъ солдатъ. Всѣ заболѣвшіе до 1885 г. между Ачинскомъ и Иркутскомъ препровождались въ означенныя деревни, но не въ лазареты, а въ тюремныя камеры. Въ этихъ помѣщеніяхъ больные располагаются всѣ вмѣстѣ, безъ различія возраста, пола и болѣзни, чувствуется большой недостатокъ въ уходѣ, кроватяхъ, бѣльѣ и даже въ посудѣ для варки пищи и ѣды".

При такихъ обстоятельствахъ у больного, конечно, немного шансовъ на выздоровленіе и ежегодно, между Томскомъ и Иркутскомъ умираетъ отъ 12 до 15 человѣкъ изъ числа заболѣвшихъ. По официальному отчету инспектора Западной Сибири по пересылкѣ ссыльныхъ (1884 г. стр. 32 и 33) въ 1883 г. умерло на вышеупомянутомъ разстояніи въ теченіе двадцати одного дня 70 ссыльныхъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ссыльные стремятся совершить побѣгъ во время пути, лишь бы избавиться отъ такой ужасной жизни. Опытные бродяги обмѣниваются именами съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые должны вскорѣ достигнуть мѣста своего поселенія. Другіе пугаются съ крикомъ „ура" прорѣзаются сквозь конвой. Конечно, немедленно стрѣляютъ имъ вслѣдъ, нѣкоторые падаютъ замертво, другимъ удается бѣжать, особенно, если они сейчасъ-же скрываются въ густомъ лѣсу. Въ безопасномъ мѣстѣ они освобождаютъ себя отъ кандаловъ, расширяя ударами кольцо, и въ то время какъ транспортъ ссыльныхъ медленно подвигается къ востоку, бѣглые примыкаютъ къ великой арміи бродягъ, стремящейся достигнуть странствованіемъ по лѣсамъ Уральскаго хребта.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. По пути въ Сибирь 1

II. Тюрьмы Западной Сибири 10

III. По Иртышскимъ степямъ 29

IV. Встрѣча съ политическими ссыльными . . . 35

V. Административно-ссыльные 51

VI. Жизнь административно-ссыльныхъ . . . 69

VII. Томская пересыльная тюрьма 94

VIII. Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ 116

IX. На пути къ рудникамъ 141

Дж. Кеннанъ.

СИБИРЬ
И
ССЫЛКА.

(Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ).

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія **И. Лондорфъ** и К°, Морская, 19.
1906.

I.

Наше путешествіе изъ Томска въ Иркутскъ было болѣе затруднительно, чѣмъ изъ Томска въ Алтай. Дороги изъ за безпрерывныхъ дождей были невозможны, бада въ тряской повозкѣ причиняла сильныя головныя боли и лишала сна; на почтовыхъ станціяхъ не было никакой возможности отдохнуть и подкрѣпиться чѣмъ нибудь изъ съѣстного за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ удобствъ для проѣзжающихъ: глушь и пустота вокругъ. Особенныя сильныя страданія, не говоря уже о холодѣ и безсонницѣ, доставляли намъ всевозможныя насѣкомыя: блохи, вши и клопы; они проникали всюду,—въ одежду, въ подушки, въ разсѣлины и трещины повозки, и тщетны были мои попытки отъ нихъ освободиться,—мнѣ было стыдно самого себя—но я вынужденъ былъ мириться, предавъ себя судьбѣ.

Мученія наши продолжались полныхъ 4 мѣсяца, и когда послѣ 9 дневнаго путешествія изъ Красноярска въ Иркутскъ впервые я могъ здѣсь переодѣться, то замѣтилъ, какъ мало мое тѣло было приспособлено къ продолженію путешествія.

Да, проститъ меня, читатель за выше изложенныя подробности, но я хочу этимъ выяснить значеніе и послѣдствія слѣдованія въ ссылку этапнымъ порядкомъ и что долженъ перечувствовать культурный человѣкъ при такихъ условіяхъ.

Въ срединѣ сентября погода измѣнилась къ лучшему; на юго-восточной сторонѣ уже вырисовывались снѣжныя

высоты горъ, расположенныхъ у Байкальскаго озера на границѣ съ Монголіей- слѣдовательно, мы были уже недалеко отъ Иркутска – цѣли нашей поѣздки.

Въ воскресенье утромъ, 13 сентября, мы проѣзжали по хорошей дорогѣ по берегу быстро текущей Ангары. Хорошо обработанныя поля указывали на близость довольно значительнаго поселенія. Въ 2 часа дня мы пріѣхали на послѣднюю почтовую станцію, гдѣ перемѣнили лошадей. Въ надеждѣ, что мы недалеко отъ цѣли, гдѣ намъ будетъ предоставлена возможность отдохнуть, выспаться, гдѣ мы надѣялись получить письма съ родины, зашли мы въ почтовую станцію, на стѣнѣ которой прочли столь знаменительныя для насъ слова и числа: „Почтовая станція Боковская, отъ С.-Петербурга 5001 в., отъ Иркутска 13 в." Значеніе разницы между этими числами можетъ постичь лишь тотъ, кто самъ проѣхалъ по Россіи 5001 в. и былъ послѣ этого лишь на разстояніи 13 в. отъ цѣли.

Перемѣнивъ лошадей, мы поѣхали вдоль рѣки, зорко всматриваясь, горя желаніемъ увидѣть куполы иркутскаго собора. 15 лѣтъ прошло со времени моего послѣдняго посѣщенія Иркутска, соборъ сгорѣлъ, но былъ вновь воздвигнутъ Я боялся, что соборъ потерялъ въ своей своеобразной красотѣ. Приблизительно, на полдорогѣ мы проѣхали монастырь Вознесенія, предъ воротами котораго стояла толпа грязныхъ и оборванныхъ странниковъ; немного дальше мы встрѣтили нѣсколько невооруженныхъ солдатъ, нищихъ и всякій сбродъ. Всѣ они провели воскресенье въ городѣ и теперь возвращаются домой, въ деревни, расположенныя близь городовъ. Большинство были пьяно.

Паромомъ черезъ рѣку Ангару мы переправились на другой берегъ и вскорѣ очутились на улицахъ Иркутска: я былъ разочарованъ.

Съ противоположнаго берега наружный видъ Иркутска

очень привлекателенъ. Онъ, кажется, весь утопающимъ въ зелени, на фонѣ которой красиво выдѣляются блестящіе куполы и свѣтлыя колокольныя башни, придающія ему видъ восточнаго поселенія. Не то впечатлѣніе получается при въѣздѣ въ городъ: мы неожиданно для себя очутились въ одномъ изъ многихъ русскихъ провинціальныхъ торговыхъ городовъ, грязномъ и неблагоустроенномъ. Остановившись послѣ долгихъ поисковъ въ гостинницѣ „Леко", мы приняли ванну, пообѣдали и сейчасъ же легли спать.

Въ понедѣльникъ мы послали наши документы въ полицію.

Пріятель Фростъ отправился къ рѣкѣ, чтобы снять нѣсколько видовъ, я же бродилъ по городу, въ надеждѣ найти одного ссыльнаго, къ которому у меня было письмо.

Иркутскъ лежитъ на правомъ берегу Ангары, приблизительно въ 65 килом. отъ впаденія ея въ Байкальское озеро. Въ городѣ тогда числилось 3000 жителей, и онъ считался самымъ населеннымъ городомъ въ Сибири. Въ городѣ издавалась приличная газета «Сибирь», которую впослѣдствіи закрыли; въ городѣ былъ также недурный театръ, публичныя библіотеки, географическое общество и было 30 школъ. Коммерческій оборотъ достигалъ въ среднемъ 11 милл. рублей въ годъ.

Послѣ большого пожара въ іюлѣ 1879 г., который уничтожилъ большую половину города, Иркутскъ все еще не совсѣмъ отстроиться. Во многихъ мѣстахъ можно было видѣть слѣды разрушенія, и воздвигавшіяся постройки производили впечатлѣніе далеко не успѣшнаго возстановленія, такъ что можно было скорѣе предположить, что находишься во вдругъ образовавшемся поселеніи, чѣмъ въ городѣ, основанномъ еще въ 1682 г. На мой взглядъ съ 1867 г., когда я впервые былъ тамъ, городъ потерялъ многое въ изяществѣ; въ немъ изъ интереснѣйшихъ и на взглядъ стариннѣйшихъ построекъ, былъ, находящійся въ нижней части

города, основательно построенный пороховой магазинъ, уцѣлѣвшій отъ пожара. Крыша обросла травой, у его толстыхъ стѣнъ пріютились торговые рундуки, которые большую часть дня были окружены бурятами, монгольцами казаками и мужиками, такъ какъ здѣсь можно было рѣшительно все достать.

Часа 2—3 походилъ я, вручая рекомендательныя письма и вернулся въ гостиницу, гдѣ лакей возбужденно сообщилъ мнѣ, что здѣсь только что былъ полиціймейстеръ и приказалъ намъ, немедленно, по нашему возвращенію, явится къ нему. Лакей, наученный повидимому агентомъ, считалъ, что посѣщеніе полиціймейстера ничего хорошаго не предвѣщаетъ и, хотя не задалъ намъ никакого вопроса, все же смотрѣлъ на насъ сочувственнымъ взглядомъ. Въ нашей комнатѣ я нашелъ 2 визитныхъ карточки полиціймейстера. Намъ было суждено познакомиться съ этимъ г-номъ; онъ былъ причастенъ къ ужаснѣйшей исторіи, которая имѣла мѣсто въ ссылкѣ, и сидѣлъ въ иркутской тюрьмѣ.

Я не зналъ, что въ нашемъ поведеніи есть нѣчто такое, что могло бы вызвать подозрѣніе здѣшней полиціи и тщетно доискивался причины приглашенія полиціймейстера Однако я поставилъ себѣ за правило, каждое такое приглашеніе тотчасъ же исполнить и такимъ образомъ я и г. Фростъ отправились на квартиру полиціймейстера, полковника Маковскаго. Такъ какъ его не оказалось дома, мы оставили свои визитныя карточки и отправились въ полицейское управленіе, гдѣ его тоже не оказалось. Теперь мы думали, что наши обязанности исполнены, я вернулся къ себѣ, а Фростъ вновь ушелъ снимать виды. Черезъ полчаса явился лакей, и съ печальнымъ видомъ передалъ мнѣ карточку Маковскаго. Два визита за 2 часа—это меня нѣсколько удивило, но я немедля просилъ его принять.

Громко стуча шпорами, въ полной формѣ вошелъ полиціймейстеръ.

Я думалъ послѣдуетъ непріятное объясненіе о нашихъ паспортахъ, быть можетъ находящихся не въ порядкѣ, о моей связи съ политическими ссыльными. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, когда красивый офицеръ, среднихъ лѣтъ, съ синими глазами, коротко постриженными волосами, темной полной бородой, дружелюбно смотря на меня привѣтствовалъ меня словами:

— Я полицмейстеръ Маковскій, меня очень радуетъ лично съ вами познакомиться, такъ какъ я читалъ вашу книгу о Сибири и считаю своей обязанностью посѣтить прибывшаго путешественника и предложить ему свои услуги

Я былъ сильно пораженъ его рѣчью, и не сразу нашелся что отвѣтить. Но скоро завязался между нами довольно оживленный разговоръ, коснувшійся главнымъ образомъ Сибири и Иркутска.

– Вы, вѣроятно,—замѣтилъ Маковскій, - интересуетесь тюрьмой и ея обстановкой. Полагаю, что здѣшнюю тюрьму найдете образцовой. Я вамъ кого нибудь пошлю, который васъ проводить туда и не дамъ знать о вашемъ посѣщеніи, дабы вы могли видѣть тюрьму въ ея, такъ сказать, обыденномъ состояніи.

Этотъ человѣкъ мнѣ понравился.

Во время бесѣды онъ замѣтилъ, что система ссылки несовершена и онъ не надѣется на быстрое ея улучшеніе. Самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ этому отсутствіе свободныхъ средствъ. Реорганизація тюремнаго заключенія въ Европ. Россіи уже давно имѣется въ виду, но постойка 20 даже новыхъ тюремъ обойдется minimum въ 10 мил. р., которыхъ для этой цѣли никакъ раздобыть невозможно.

Въ это время вернулся домой также и Фростъ. Капитанъ вскорѣ попрощался и просилъ при этомъ не стѣсняясь возможно скоро удостоить его визитомъ.

Нѣкоторое время, по его уходѣ я думалъ о немъ, но

не могъ придти къ опредѣленному мнѣнію. Его привѣтливая любезность, вообще его вѣжливость — казались мнѣ искусственными. Но имѣлъ-ли я право осуждать неискренность другихъ, когда я самъ былъ повиненъ въ этомъ грѣхѣ?

Въ среду мы отвѣтили ему визитомъ и на слѣдующій день онъ самъ согласился быть нашимъ провожатымъ при осмотрѣ городской и этапной тюремъ; объ находились внѣ города на берегу небольшого ручья.

Большая полуразрушенная постройка, деревянныя части которой прогнили, окна потресканы или совсѣмъ разбиты причемъ отверстія частью завѣшаны тряпками, рогожами. Заборъ, окружавшій дворъ, прогнилъ, частью поломанъ. Капитанъ Маковскій замѣтилъ, что это не ускользнуло отъ моего [illegible]ич, сказалъ, что здѣсь ремонта не производится, ибо имѣется въ виду построить новое зданіе,— намѣреніе, какъ нужно было и ожидать, не осуществилось и до сихъ поръ.

Въ сѣняхъ появился дежурный офицеръ, поздоровался съ нами и доложилъ полиціймейстеру, что все обстоитъ благополучно и что въ тюрьмѣ въ этотъ день 271 заключенныхъ.

— Хорошо,- сказалъ полиціймейстеръ, наклоняя голову и мы приступили къ осмотру.

Тюрьма была въ ужасномъ состояніи. Камеры здѣсь отличались отъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли въ томской этапной тюрьмѣ лишь тѣмъ, что не были такъ переполнены. Большая часть камеръ были достаточно свѣтлы и отапливались большими, четырехугольными, сложенными изъ кирпича, печами. Единственной мебелью и здѣсь была та-же „параша“, и никакихъ постельныхъ принаждлежностей. То тутъ, то тамъ можно было замѣтить грязное легкое одѣяло, но и это было, вѣроятно, собственностью заключенныхъ, что потверждалось и цѣлымъ рядомъ кус-

ковъ, изъ которыхъ оно было составлено. Въ нѣкоторыхъ камерахъ было по 30—40 заключенныхъ, такъ что о какой либо вентиляціи нечего было и думать. Полы, суди по принятому въ Сибири масштабу чистоты, не особенно грязны, они были, вѣроятно, въ ожиданіи нашего посѣщенія, посыпаны бѣлымъ пескомъ. Мужскія камеры были отдѣлены отъ женскихъ и дѣтскихъ, которыя производили впечатлѣніе нѣсколько болѣе обитаемыхъ.

Послѣ этого мы отправились въ городскую тюрьму, въ большое двухъ этажное, каменное, съ желѣзной крышей, зданіе. Оно даже нѣсколько похоже на этапную тюрьму въ Тюмени, но дворъ былъ все же больше; здѣсь также были цвѣтники, которые доставляли заключеннымъ громадное удовольствіе. Тюрьма построена въ 1881 г., обошлась въ2000 р. и предназначена для 450 заключенныхъ. При нашемъ посѣщеніи тамъ было 743 ч., а полицмейстеръ сознавался, что иногда здѣсь находится въ 2 раза больше арестованныхъ. Газета „Сибирь" (на стр. 10, 1876 г. указывала далѣе, что здѣсь иногда помѣщалось болѣе 1000 чел., т. е. болѣе чѣмъ въ 4 раза того, на что тюрьма приспособлена. Каковы послѣдствія такого переполненія, мнѣ здѣсь не приходится перечислять, неоднократно о нихъ упоминая раньше. Если здѣсь воздухъ былъ не такъ невыносимъ, какъ въ тюменской тюрьмѣ, все же онъ было достаточно испорченъ и много изъ заключенныхъ жаловались Маковскому и мнѣ. Еще хуже было въ больницѣ, гдѣ со мной почти сдѣлалось дурно, хотя мы быстро ее проходили. И во всѣхъ Сибирскихъ тюрьмахъ и здѣсь свирѣпствовали: тифъ, скорбутъ, малокровіе, ревматизмъ и бронхитъ — ужасы, вызываемые исключительно антисанитарнымъ состояніемъ *).

*) Ежегодникъ медиц. отчета М-ва Вн. Дѣлъ такъ описываетъ тюрьмы и госпитали Томска, Енисейска и Иркутска. Изъ отчетовъ Медицинскаго Управленія видно, что санитарное со-

Въ больницѣ мы направились черезъ садикъ къ секретнымъ камерамъ, гдѣ сидятъ одиночно-заключенные. Полиціймейстеръ заявилъ, что онъ разрѣшаетъ мнѣ поговорить тамъ съ кѣмъ нибудь изъ заключенныхъ. Я уже хотя и слышалъ объ этомъ родѣ заключенія, но не имѣлъ еще случая видѣть одиночнаго заключеннаго. Я шелъ сильно заинтересованный. Капитанъ, въ сопровожденіи ключника шелъ впереди, а я слѣдовалъ за нимъ при входѣ. За рѣшетчатой дверью мы очутились въ длинномъ, узкомъ корридорѣ, гдѣ часовые шли взадъ и впередъ передъ цѣлымъ рядомъ дверей. Двери были снабжены наружными замками, а по срединѣ отверстіями, чрезъ которыя заключенный получаетъ пищу и можетъ быть наблюдаемъ часовымъ. Заключенный, котораго мы должны были посѣтить, Фердинандъ Люстигъ — раньше офицеръ русской арміи. Послѣ убійства Александра II-го, въ 1881 г., онъ былъ арестованъ и какъ бунтовщикъ осужденъ къ 4-лѣтней

стоянье многихъ тюремъ въ провинціяхъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ оставляетъ желать многаго. Большинство тюремъ слишкомъ малы для помѣщающагося въ нихъ количества заключенныхъ, въ многихъ нѣтъ никакой вентиляціи, многія построены въ нездоровыхъ мѣстностяхъ и потому сыры; отчасти только удовлетворительны тюрьмы Енисейска, Томска и Иркутска и въ области Забайкалья. Въ многихъ больницахъ чувствуется недостатокъ въ самомъ необходимомъ, кромѣ того они слишкомъ малы, чтобы вмѣстить всѣхъ больныхъ и не имѣютъ ни врачей, ни фельдшеровъ, ни сестеръ милосердія. Отчетъ даетъ затѣмъ слѣдующую таблицу санитарнаго состоянія тюремныхъ больницъ 4-хъ сибирскихъ провинцій за 1884 года.:

Область	Тюремная больница.	Число кроватей	Больные.	Умершіе.	По смертности.
Енисейскъ.	3	145	5176	168	3,2
Иркутскъ.	2	115	1620	99	6,1
Тобольскъ.	10	245	4645	303	6,5
Томскъ. . .	3	230	1514	259	16,4 -

каторжной работѣ. Этотъ срокъ теперь кончился, онъ долженъ былъ быть высланъ на поселеніе въ Восточную Сибирь.

Ключникъ отворилъ камеру № 6 и мы вступили въ длинное, узкое и темное пространство, гдѣ на нарахъ сидѣлъ молодой человѣкъ, красивый, съ коротко остриженными волосами, темно-коричневой бородкой и голубыми глазами, сильно удрученный по виду.

При нашемъ входѣ онъ всталъ.

— Здравствуйте, г. Люстигъ, обратился къ нему вѣжливо Маковскій—Мы пришли, чтобы привести васъ въ лучшее настроеніе. Эти господа—американскіе путешественники, интересующіеся нашими тюрьмами, и я предположилъ, что имъ не безынтересно будетъ съ вами познакомиться.

Мнѣ показалось, что полное надеждъ выраженіе, озарившее было лицо его при нашемъ появленіи вдругъ изсчезло. Быть можетъ онъ въ первую минуту думалъ, что пришли его освободить изъ ненавистной клѣтки. Съ застѣнчивой быстротой онъ протянулъ намъ руку, точно онъ во время продолжительнаго заключенія забылъ правила общенія. Но и я не былъ достаточно непринужденъ, особенно изъ за присутствія полиціймейстера, ключника и солдата. Еслибы мы были одни, то, вѣроятно, быстро поняли бы другъ друга, но теперь я не могъ ничего сказать изъ того, что чувствовалъ и зналъ, и я могъ ему казаться обыкновеннымъ туристомъ, который пришелъ смотрѣть экзотическое животное въ зоологическомъ саду.

Камера была приблизительно 7-ми метръ въ длину, 2-хъ въ ширину и 4-хъ въ вышину. Маленькое окошко напротивъ двери, снабженное рѣшеткой, давало мало свѣту; оконное отверстіе было устроено настолько высоко, что я не могъ достать его рукою. Деревянный подоконникъ былъ устроенъ такъ, что совершенно лишалъ возможности смотрѣть изнутри: мнѣ думается, что заклю-

ченный врядъ ли даже могъ узнавать ясно или пасмурно небо. Деревянныя нары. покрытыя толстымъ шерстяннымъ одѣяломъ, и четырехугольный ящикъ („парашка"), вотъ и вся меблировка; ни стула, ни стола, ни книги, ни письменныхъ принадлежностей здѣсь не было и въ поминѣ.—Заключенному оставалось, конечно, только одно,—сидѣть на своихъ нарахъ въ мрачной и, думаю, холодной камерѣ и... размышлять.

Я спросилъ его, давно ли онъ находится въ этой камерѣ, и узналъ, что уже почти четыре мѣсяца Полковникъ Маковскій добавилъ, что онъ долженъ будетъ пробыть здѣсь и дальше въ виду того, что еще окончательно не рѣшено мѣсто его будущаго поселенія. Когда это случится, онъ еще не знаетъ, да впрочемъ никому и дѣла нѣтъ до того, что бѣдный узникъ здѣсь теперь становится еще болѣе озлобленнымъ, чѣмъ въ каторжныхъ работахъ. Присутствіе полиціи помѣшало мнѣ разспросить о его пребываніи на Карскихъ рудникахъ, поэтому я удовольствовался лишь тѣмъ, что съ чувствомъ пожалъ на прощаніе руку узника и пожелалъ ему скораго освобожденія.

Въ такомъ то отличномъ состояніи, какъ думалъ полковникъ Маковскій, нашелъ я иркутскія тюрьмы; про себя я, конечно, объ этомъ былъ иного мнѣнія, котораго онъ и не спрашивалъ.

Только спустя нѣсколько дней мнѣ снова удалось увидѣть полициймейстера.

Въ теченіе этого времени новый сибирскій генералъ-губернаторъ, графъ Игнатьевъ, тоже обозрѣвалъ тюрьмы.

Въ ближайшій вторникъ Маковскій посѣтилъ насъ и въ пылу общаго разговора вдругъ не безъ возбужденія обратился ко мнѣ съ вопросомъ;

— Скажите откровенно, г. Кеннанъ, какъ вы нашли наши тюрьмы?

Я чистосердечно отвѣтилъ, что сибирскія тюрьмы во-

обще находятся въ скверномъ состояніи, но что иркутскія все таки лучше тюменскихъ и томскихъ

— Я обращаюсь къ вамъ съ этимъ вопросомъ потому, что генералъ-губернаторъ, на этихъ дняхъ со своей супругой осматривавшій тюрьмы, высказался о нихъ очень неудовлетворительно. Ему показалось, что тюрьмы слишкомъ грязны, переполнены, что воздухъ въ нихъ слишкомъ испорченъ, что бѣлье арестантовъ слишкомъ не чисто и грубо. Короче говоря, онъ остался всѣмъ недоволенъ. Я, конечно, понимаю, что тамъ воздухъ далеко не превосходенъ, но развѣ онъ можетъ быть инымъ въ комнатѣ величиною въ эту—онъ показалъ на мою—если въ ней будетъ заключено тридцать человѣкъ! Конечно, и бѣлье могло бы быть лучшимъ, но тогда правительство должно было бы отпускать на это больше денегъ. Бѣлье грязно!—Но какъ же оно можетъ быть чистымъ, когда арестантъ въ каждые шесть мѣсяцевъ получаетъ только одну рубашку и только одинъ халатъ на цѣлый годъ. Вѣдь въ этомъ костюмѣ онъ ходитъ день и ночь и снимаетъ его только тогда, когда моется въ банѣ. Конечно, должно же быть оно грязно!

Характерныя признанія изъ устъ русскаго чиновника.

— Развѣ рубашки арестантовъ не моются? Или они должны ходить голыми во время стирки? спросилъ я.

— Когда они моются, то обыкновенно стираютъ свои рубашки,—отвѣтилъ полицеймейстеръ,—затѣмъ сушатъ ихъ, насколько это возможно, и снова ихъ надѣваютъ.

Я замѣтилъ, что меня нисколько не удивляетъ переполненіе больничныхъ отдѣленій несчастными арестантами, которые слѣдуютъ этапомъ, промокши насквозь.

— Вы правы, отвѣтилъ онъ. Жизнь ссыльныхъ въ походахъ ужасна. Что же касается тюрьмы, то я дѣлаю здѣсь все, что въ моихъ силахъ. Нигдѣ вы не найдете здѣсь скопившейся грязи и если смотрѣть съ точки зрѣнія здоровья,

то тюрьмѣ придется отдать предпочтеніе передъ нѣкоторыми частными домами въ городѣ.

Странно, что полковникъ Маковскій не отличалъ истиннаго состоянія иркутскихъ тюремъ, считая ихъ удовлетворительными! Онъ, впрочемъ, такъ ко всему этому привыкъ, что смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто вполнѣ нормальное, и никакъ не могъ понять того, почему генералъ-губернаторъ выразилъ неудовольствіе. Ему казалось, что виновницею выраженнаго генералъ-губернаторомъ порицанія собственно была графиня; г. Маковскій считалъ ее просвѣщенной, съ возвышеннымъ образомъ мыслей, но совершенно неопытной и незнакомой съ жизненными требованіями, о которыхъ разобьются всѣ ея благородныя мечты.

Я цѣню въ ней умную женщину съ тонкою наблюдательностью,—замѣтилъ я. Вчера за столомъ одинъ изъ чиновниковъ при управленіи по дѣламъ поселенія разсказывалъ, что недавно при посѣщеніи одной изъ тюремъ она захотѣла попробовать супъ. Ея желаніе было исполнено; заподозривъ, что супъ былъ приготовленъ нарочно для нея, она спросила, не осталось ли еще въ котлѣ супу. Убѣдившись что она не обманута, она замѣтила, что ее очень радуетъ, что, по крайней мѣрѣ, теперь случилось то, что должно было быть давно исполнено, именно—кухонная посуда была почищена. Это свидѣтельствуетъ о ея проницательности.

— Проницательность!—сказалъ Маковскій.—Возможно! Она сострадательная, великодушная женщина, но не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о реальномъ положеніи дѣла. Ей кажется, что къ тюрьмѣ можно примѣнить тѣ же правила, что къ пансіону для дѣвицъ. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что это совершенно невозможно.

Я замѣтилъ, что въ иркутской тюрьмѣ представляю себѣ возможными нѣкоторыя улучшенія, хотя и не думаю

объ устройствѣ тюремъ на подобіе вышеназванныхъ пансіоновъ.

Гости прервали нашъ разговоръ: полицій-мейстеръ удалился, повидимому еще болѣе раздраженный ..

На первую аудіенцію у графа Игнатьева отправились я и Фростъ: намъ хотѣлось такимъ образомъ засвидѣтельствовать ему свое уваженіе, а мнѣ сверхъ того думалось, что въ разговорѣ съ нимъ удастся узнать его мнѣніе о системѣ ссылкѣ и о состояніи внѣшнихъ тюремъ.

Это былъ плотный мужчина приблизительно лѣтъ сорока; голова почти лысая и замѣтное утомленіе въ чертахъ лица. Онъ принялъ насъ вѣжливо, но довольно холодно, говорилъ съ нами на нашемъ родномъ языкѣ, на которомъ выражался свободно, хотя немного медленно.

Я старался свести разговоръ на сибирскія тюрьмы и поэтому упоминалъ о нѣкоторыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ тюменской и томской тюремъ.

Онъ отвѣчалъ сдержанно, что находитъ всю постановку дѣла ссылки въ Сибирь невыгодной или по крайней мѣрѣ, нуждающейся въ очень многихъ улучшеніяхъ

Обыкновенныхъ преступниковъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы назначать на полевыя работы, и это было бы много лучше, чѣмъ заставлять ихъ безъ дѣла сидѣть по тюрьмамъ или ссылать въ каторжныя поселенія.

Онъ замѣтилъ, что въ видѣ пробы разрѣшилъ бы нѣкоторымъ изъ арестантовъ работать на улицахъ Иркутска; между прочимъ онъ высказался о своемъ намѣреніи на будущее время отправлять транспорты ссыльныхъ изъ Томска въ Иркутскъ только въ благопріятную погоду и пользоваться при этомъ телѣгами. Такія преобразованія подняли бы престижъ правительства, показавъ его заботливость и гуманность, и были бы полезны ссыльнымъ.

То-же самое, какъ я уже объ этомъ раньше упоминалъ, было предложено полковникомъ Загаринымъ нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ, но и до сего дня ни одно изъ намѣченныхъ преобразованій не осуществилось. По прежнему этапнымъ порядкомъ, при не разъ описанныхъ ужасныхъ условіяхъ, гонятъ тысячи, подчасъ невинныхъ людей, обреченныхъ испытывать адскія муки.

Впрочемъ можетъ быть ничего изъ этихъ новшествъ не введено потому, что имѣется въ виду построить сибирскую желѣзную дорогу, при которой совершенно излишнею будетъ перевозка при помощи телѣгъ. Да! Но пока это случится, пройдутъ еще многіе годы, а между тѣмъ тысячи за тысячами мужчинъ, невинныхъ женщинъ и дѣтей будутъ испытавать всѣ лишенія длиннаго путешествія въ 1600 километровъ.

Во время нашего разговора вошла графиня передать своему мужу только что полученное письмо. Онъ познакомилъ насъ. Графинѣ можно было дать лѣтъ 30; это была женщина средняго роста съ русыми волосами, сѣрыми глазами и интеллигентнымъ, но нѣсколько холоднымъ выраженіемъ лица. На этотъ разъ благодаря присутствіи графини, намъ не удалось больше возвратиться къ темѣ нашего разговора.

Въ теченіе двѣнадцати дней, которые мы провели въ Иркутскѣ, намъ удалось завести очень пріятныя знакомства. Такъ напримѣръ, мы познакомились съ владѣльцемъ рудниковъ--Адамомъ Буковскимъ, всегда гостепріимно принимавшимъ насъ, кстати, онъ хорошо говорилъ по-англійски; съ докторомъ Писаревымъ, спеціалистомъ своего дѣла, къ которому мы имѣли рекомендательныя письма изъ Петербурга; познакомились съ нѣкимъ господиномъ Бутиномъ, который когда то жилъ въ Америкѣ и по своимъ мыслямъ и чувствамъ сдѣлался совсѣмъ американцемъ; съ господиномъ Загоскиномъ, энергичнымъ редакторомъ «Сибири» и еще съ другими.

Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго разговора

съ полиціймейстеромъ я посѣтилъ его и между прочимъ свелъ разговоръ на политическихъ ссыльныхъ.

Вообще онъ отзывался въ высшей степени недоброжелательно о „революціонерахъ и нигилистахъ", на которыхъ смотрѣлъ такъ же, какъ я раньше.

Но есть также между политическими ссыльными, замѣтилъ онъ—люди, заслуживающіе большое симпатіи и состраданія.—Это молодежь, никогда не принимавшая участія въ преступленіяхъ. Она лишь дружила съ бунтовщиками или состояла съ ними въ самой невинной перепискѣ и вотъ теперь горько платится за свое знакомство. Или вотъ люди, сосланные за то, что случайно брали у знакомыхъ на храненіе брошюры, письма и иное, не зная даже содержанія. Вѣдь если у кого-либо находятъ такія вещи, то онъ ссылается въ Сибирь, какъ бы ни увѣрялъ, что не имѣетъ никакого представленія объ ихъ содержаніи. Въ Сибирь идетъ и тотъ, кто оказывалъ денежную помощь бунтовщикамъ, иногда даже и не зная на какія революціонныя цѣли собираются деньги. Есть здѣсь, наконецъ, еще совсѣмъ ранняя молодежь, обуреваемая патріотизмомъ и примкнувшая къ тайнымъ сообществамъ во имя идеи добиться благо своей родины. Эти люди никогда и не помышляли о возстаніи; но достаточно полиціи открыть кого-либо изъ такихъ, и его уже безъ всякаго снисхожденія ссылаютъ въ Сибирь. Я всѣмъ сердцемъ жалѣю такихъ людей!

Привожу здѣсь эти слова, чтобы лишній разъ дать подтвержденіе того, что русское правительство ссылаетъ въ Сибирь не только людей, непричастныхъ къ преступленіямъ, но даже такихъ, которыхъ невозможно обвинять и въ преступныхъ умыслахъ. Для меня, конечно, не было ново такое положеніе вещей; я удивился лишь тому, что слышу подобное признаніе отъ полиціймейстера.

Политическихъ ссыльныхъ въ это время въ Иркутскѣ

было не много, но мы ихъ старательно искали. Наконецъ, намъ это удалось; конечно, на этотъ разъ мы обошлись уже безъ помощи Маковскаго. И руководитель полиціи, претендовавшій на всевѣдѣніе, увы, не имѣлъ представленія о томъ, что часто отъ него мы прямо отправлялись на собранія всѣхъ политическихъ ссыльныхъ и въ ихъ средѣ засиживались до поздней ночи.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ политическихъ ссыльныхъ въ Иркутскѣ былъ въ это время Иванъ Чернявскій съ женой,—оба сосланные въ 1878 году въ административномъ порядкѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ ними, я проникся величайшимъ уваженіемъ и состраданіемъ къ нимъ обоимъ, и особенно къ госпожѣ Чернявской. Мало женщинъ въ тридцать пять лѣтъ перенесли уже столько горя, еще меньше знаю я такихъ, которыя, несмотря ни на болѣзни, ни на нужду, сохранили бы еще столько силы и мужества. Передъ высылкой въ Сибирь ее содержали въ кіевской тюрьмѣ, и здѣсь ей пришлось пережить убійство любимаго товарища, друга юности. Это былъ молодой человѣкъ, англійскаго происхожденія, по имени Беверлей. Его арестовали по обвиненію въ революціонной пропагандѣ подъ чужимъ именемъ и случайно тоже перевели въ кіевскую тюрьму. Въ ночь, наканунѣ отправленія транспорта въ Сибирь, Беверлей съ г-жей Чернявской, и еще съ однимъ товарищемъ пытались бѣжать. Но бѣгство это не удалось и окончилось весьма печально для Беверлея и его друга; ихъ умыселъ былъ открытъ, и предостерегавшій ихъ отрядъ солдатъ нѣсколькими выстрѣлами смертельно ранилъ Беверлея, легко—его друга, причемъ послѣдняго вновь водворили въ тюремную камеру, предварительно избивъ его. Госпожа Чернявская, утромъ при выступленіи транспорта увидѣла окровавленный трупъ друга своего дѣтства,—онъ все еще лежалъ неубраннымъ подъ окномъ тюрьмы.—Мои собственныя страданія не могли

меня потрясти такъ сильно, какъ этотъ случай,—закончила свой разсказъ госпожа Чернявская, тяжело вздыхая.

Много страданій перенесено было этой благородной женщиной въ походѣ и на этапахъ. Наконецъ, они съ мужемъ добрались въ указанное мѣсто жительства, въ маленькій городокъ въ Тобольской губерніи. Здѣсь у нихъ родился ребенокъ, и они устроились настолько удобно, насколько это было возможно при окружающихъ условіяхъ. Жили они здѣсь лишь до вступленія на престолъ Александра III: г. Чернявскій отказался принести присягу, и за это былъ сосланъ въ Красноярскъ, а когда позже повторилъ свой отказъ, то былъ вынужденъ отправиться въ Иркутскъ. Послѣдняя поѣздка пришлась въ зимнюю стужу, въ открытой телѣгѣ, съ грудным, по первому году, ребенкомъ на рукахъ. Несмотря на всѣ заботы, мать не могла защитить дитяти; на послѣдней передъ Иркутскомъ станціи ребенокъ умеръ. Этотъ ударъ помутилъ разсудокъ бѣдной женщины: она качала дитя на рукахъ, пѣла ему колыбельныя пѣсни, плакала, молилась, богохульствовала и неистовствовала...

При такихъ условіяхъ прибылъ Чернявскій съ женой въ Иркутскъ, гдѣ съ мертвымъ ребенкомъ на рукахъ, въ въ тридцатиградусный морозъ долженъ былъ еще съ полчаса прождать подъ открытымъ небомъ исполненія всякихъ формальностей по пріемкѣ. Жену свою затѣмъ пришлось ему помѣстить въ госпиталь, гдѣ она и оставалась до выздоровленія; затѣмъ ихъ обоихъ отправили за 3000 километровъ дальше на сѣверо-востокъ, въ „Батурскій улусъ", къ якутамъ, въ дикое мѣсто, отстоявшее отъ ближайшаго городка больше, чѣмъ на 15 километровъ. Здѣсь они оставались, обреченные на всевозможныя лишенія, до 1884 года, когда имъ было разрѣшено возвратиться въ болѣе культурную часть Сибири.

Къ тому времени, когда я познакомился съ этой жен-

шиной, ея здоровье, благодаря массѣ перенесенныхъ невзгодъ, было уже значительно подорвано.

Она при самыхъ печальныхъ условіяхъ потеряла своихъ дѣтей и тысячами километровъ была отдѣлена отъ родныхъ и друзей. Ее поддерживало лишь чувство глубокой любви къ мужу, участи котораго она, конечно, не могла облегчить изъ-за своей болѣзненности. Уже два мѣсяца не покидала она своего дома. Когда я съ нею прощался, то у меня явилось какъ бы предчувствіе, что она скоро разстанется съ этимъ міромъ, и въ первый разъ со времени моего дѣтства у меня на глазахъ навернулись слезы. Я предложилъ ей на память свою фотографическую карточку, но къ моему удивленію она не приняла ея, въ объясненіи уныло прибавила слѣдующее: — нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня была карточка одного моего покойнаго ребенка, это было единственное воспоминаніе, оставшееся у меня о моемъ любимцѣ. Однажды ночью полиція производила у насъ обыскъ и забрала всѣ письма и фотографическія карточки. Я, конечно, сказала, что это единственная карточка моего покойнаго ребенка; жандармскій офицеръ далъ мнѣ честное слово, что карточка будетъ возвращена, но и до сихъ поръ ничего нѣтъ. Тогда я твердо рѣшила, что русское правительство не доставитъ ужъ мнѣ больше такой боли, и вотъ поэтому я съ тѣхъ поръ никогда не беру карточекъ отъ тѣхъ людей, которыхъ люблю.

Я не знаю, жива ли еще госпожа Черняевская. Хотѣлось бы мнѣ знать, что да; хотѣлось бы, чтобы эти строки попались ей и засвидѣтельствовали бы, что по ту сторону океана о ней дружески вспоминаютъ.

Въ Забайкальѣ.

Отъ Иркутска мы поѣхали на Селенжинскъ въ Забайкалье. Здѣсь мы предприняли поѣздку въ близь лежащій Буддійскій монастырь, и по возвращеніи, потребовали почтовыхъ лошадей, чтобы отправиться въ городъ Кяхту, отстоявшій въ 100 километровъ на границѣ Монголіи. Мы должны были бы на слѣдующее утро быть тамъ, но намъ пришлось натолкнуться на препятствія, которыя не рѣдки въ Сибири, а особенно въ Забайкальѣ Почти въ полночь пріѣхали мы къ рѣкѣ, черезъ которую нужно было намъ переправиться на «карбасѣ», находившійся на другомъ берегу. Въ продолженіе цѣлаго часа пришлось намъ кричать изо всѣхъ силъ—Карбасъ! Карбасъ! но все было напрасно перевозчикъ, вѣроятно, спалъ и только эхо насмѣшливо откликалось, отражаясь отъ лежащихъ на томъ берегу горъ Сонные и промерзшіе, мы уже думали возвратиться въ Селенжинскъ, какъ вдругъ мы замѣтили на той сторонѣ какое-то движеніе, и дѣйствительно, наконецъ явился ожидаемый перевозчикъ.

Черезъ полчаса мы уже ѣхали по другому берегу, а въ третьемъ часу утра мы пріѣхали на станцію Поворотную, гдѣ насъ ждала новая задержка. тамъ не было лошадей. Комната для пріѣзжающихъ была переполнена людьми лежащими, на полу и съ трудомъ нашли мы мѣстечко въ углу около печки, между двумя китайцами и кучей оленьихъ роговъ. Здѣсь мы наконецъ улеглись.

Въ среду мы ѣхали цѣлый день на югъ, по пустынной песчанной мѣстности, покрытой скудной травой и хвойникомъ; по временамъ встрѣчались невысокіе холмы, поросшіе березнякомъ. Иногда намъ встрѣчались караваны одноконныхъ телѣжекъ, идущіе съ чаемъ изъ Китая, или ѣдущіе верхомъ буряты, въ плоскихъ шапкахъ и длинныхъ коричневыхъ кафтанахъ. Вообще дорога казалась мало

проѣзжей и не представляла собой ничего интереснаго, исключая развѣ только груды камней, находящихся на вершинахъ холмовъ, которыя Фростъ назвалъ—бурятскими гробницами—(Reliquienschreine der Buriaten). Повсюду въ Сибири туземцы имѣютъ обыкновеніе совершать жертвоприношенія богу бури на высокихъ мѣстахъ. На сѣверовостокѣ они обыкновенно разсѣиваютъ по вѣтру немного табаку, здѣсь же каждый мимо проходящій отправляется къ этимъ грудамъ камней и прикрѣпляетъ тамъ въ жертву богамъ лоскутокъ своей одежды. Можно было бы подумать, что обычай этотъ установленъ для практическихъ цѣлей, такъ какъ при помощи этихъ лоскутковъ всякому путнику легко было бы найти слѣдъ проѣхавшаго впереди знакомаго, стоило только знать его одежду. Но это не такъ! Благодаря точной провѣркѣ, я убѣдился въ томъ, что каждый бурятъ, прежде чѣмъ отправиться въ путь, запасается лоскутками, которые онъ потомъ приноситъ въ жертву богу бури.

Погода была холодная и пасмурная, цѣлый день шелъ снѣгъ или дождь. На почтовыхъ станціяхъ мы ничего не могли достать изъ съѣстного. Къ вечеру мы промерзли и проголодались, и поэтому были не мало обрадованы, когда навстрѣчу намъ засвѣтились наконецъ привѣтливые огоньки изъ оконъ небольшихъ деревянныхъ домовъ Троицкосавска, расположеннаго на четыре километра къ сѣверу отъ монгольской границы. Три городка Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ расположены непосредственно другъ возлѣ друга; два первые находятся въ русскихъ владѣніяхъ, послѣдній же находится уже въ Монголіи и отдѣляется отъ Кяхты только пограничной полосой около 200 метровъ ширины. Троицкосавскъ—наибольшій изъ трехъ упомянутыхъ городковъ и въ административномъ отношеніи также самый важный, Кяхта же, напротивъ, болѣе извѣстна по названію, такъ какъ непосредственно лежитъ на границѣ.

Мы послѣдовали совѣту молодого купца, съ которымъ познакомились на пароходѣ на Байкальскомъ озерѣ, и поѣхали черезъ Троицкосавскъ въ Кяхту, чтобы остановиться въ рекомендованномъ имъ домѣ Соколова. Намъ пришлось отыскивать его и когда мы нашли его, были удивлены, что онъ вовсе не похожъ на гостиницу. Домъ стоялъ среди большого двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ; окна были темны, хотя время было еще не позднее, но ворота были заперты. Послѣ долгаго стука и зова появилась наконецъ дѣвушка, которая посмотрѣла на насъ сначала очень подозрительно и только спустя нѣкоторое время убѣдилась, что мы дѣйствительно были мирные путешественники и желали здѣсь остановиться. Она замѣтила намъ, что господинъ Соколовъ принимаетъ иногда проѣзжихъ, но только въ томъ случаѣ если они имѣютъ съ собой рекомендательныя письма, первымъ же попавшимся людямъ, которые къ нему постучатся, онъ ночлега не даетъ. И въ заключеніе она намъ посовѣтовала, что было бы лучше всего, если бы мы возвратились обратно въ Троицкосавскъ и отыскали бы тамъ гостиницу. Съ этимъ мы должны были согласиться, тѣмъ болѣе, что не имѣли никакихъ рекомендательныхъ писемъ къ господину Соколову, и дѣвушка не имѣла желанія продолжать дальше переговоры у полуоткрытыхъ воротъ. Мы сѣли опять въ нашъ экипажъ и поѣхали обратно въ Троицкосавскъ, гдѣ послѣ долгихъ поисковъ наконецъ нашли себѣ ночлегъ у одного ссыльнаго поляка, по имени Клемботскаго. Онъ былъ хлѣбопекомъ и въ то же время сдавалъ нѣсколько комнатъ въ своемъ домѣ для проѣзжихъ. Это было жилище не изъ пріятныхъ: полъ былъ устланъ нестроганными досками, щели въ деревянныхъ стѣнахъ были законопачены пенькой; простой столъ, три стула и узкая кровать представляли всю меблировку. Путешественникъ долженъ былъ имѣть тюфякъ съ собой или совсѣмъ отъ него отказаться. Но десятый

часъ вечера не позволялъ уже разыскивать лучшее пристанище, и мы приказали внести наши вещи въ комнату. Скудно поужинавъ чаемъ и хлѣбомъ, приготовивъ себѣ на землѣ постели, мы думали заснуть, но большую часть ночи пришлось вести войну съ клопами.

Въ четвергъ послѣ обѣда мы наняли „долгушки" — какъ называется въ Сибири своеобразно устроенный экипажъ — и отправились въ Кяхту; здѣсь мы хотѣли посѣтить богатаго русскаго чаеторговца, къ которому у насъ было рекомендательное письмо.

Сосѣдніе городки Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ расположены въ довольно плоской непривѣтливой долинѣ на берегу рѣчки впадающей въ Селенгу. Голыя вершины горъ, ограничивающія долину, тянутся почти параллельно и ограничиваютъ ее съ трехъ сторонъ. На югѣ же виднѣются поверхъ старыхъ деревянныхъ домовъ Маймачина далекія синѣющія горы Монголіи.

На первый поверхностный взглядъ можно было принять Кяхту за большое зажиточное село, не смотря на то, что здѣсь было больше двухэтажныхъ и красивыхъ деревянныхъ построекъ, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ деревняхъ, а также одни или даже двѣ достойныхъ вниманія церкви византійскаго стиля. По крайней мѣрѣ, никто не подумалъ бы, что видитъ передъ собою значительный торговый городъ, сборный пунктъ торговыхъ сношеній Восточной Сибири. Около 30 милліоновъ цѣнностей провозится ежегодно черезъ Кяхту въ Монголію и въ Россію. Знаменитый „караванный чай" отправляется изъ сѣвернаго Китая черезъ Монголію и Кяхту въ Россію и въ европейскіе города, при чемъ въ Кяхтѣ онъ бережно упаковывается и зашивается въ кожи. Сюда же провозится китайскій шелкъ, крепъ и наконецъ — кирпичный чай - употребляемый бѣднѣйшимъ русскимъ населеніемъ, а также туземными сибирскими племенами, киргизами, бурятами и др. Въ Китай вывозятся, главнымъ обра-

зомъ, продукты русскихъ фабрикъ далѣе оленьи рога, сырые товары и русскія, англійскія и американскія монеты, даже серебряные доллары проходятъ черезъ Сибирь въ небесную имперію. Среди кяхтинскихъ купцовъ встрѣчаются очень богатые люди, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности чаеторговцы, получаютъ въ годъ около ¼ милліона рублей дохода.

Мы отыскали господина Лушникова.

Онъ жилъ въ красивомъ двухэтажномъ домѣ въ центрѣ города. Принялъ онъ насъ съ тѣмъ сердечнымъ гостепріимствомъ, которое особенно характеризуетъ всѣхъ русскихъ отъ Берингова пролива до береговъ Балтійскаго моря. Во время завтрака мы разговорились о сосѣднихъ городкахъ: хозяинъ при этомъ выразилъ мнѣніе, что Кяхта не можетъ для насъ представить никакого интереса, такъ какъ она похожа на другіе сибирскіе города. Маймачинъ же для насъ будетъ интереснѣе, въ особенности, если намъ до сихъ поръ не приходилось познакомиться съ китайскими городами.

Вдругъ пришла ему въ голову интересная мысль и онъ просилъ насъ:

— Обѣдали ли вы когда-либо по китайски?

— Никогда!—отвѣчалъ я.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ я вамъ покажу кое-что новенькое—сказалъ онъ.—Послѣзавтра я устрою для васъ китайскій обѣдъ въ Маймачинѣ. Тамъ у меня есть знакомый китаецъ, который держитъ хорошаго повара. Конечно, въ короткое время обѣдъ будетъ приготовленъ едва-ли болѣе чѣмъ изъ 40 блюдъ, но этого все-таки достаточно будетъ, чтобы дать вамъ понятіе о поварскомъ искусствѣ китайцевъ.

Мы съ благодарностью приняли приглашеніе и замѣтили при этомъ, что во время нашего путешествія по Забайкалью рѣдко имѣли за обѣдомъ что-либо кромѣ

хлѣба и чая и поэтому не настолько избалованы, чтобы не удовлетвориться 40 блюдами.

Мы также посѣтили русскаго офицера пограничной стражи Сульковскаго. Онъ принялъ насъ не менѣе сердечно. Здѣсь въ этомъ отдаленномъ уголкѣ міра, мнѣ казалось, что земля собственно не такъ велика, какъ думаютъ, такъ какъ всюду встрѣчаются одни и тѣ-же явленія, связанныя съ цивилизованнымъ міромъ и даже съ нашей родиной. Такъ, напримѣръ, въ домѣ Лушникова мы встрѣтили госпожу Гамильтонъ, шотландку, съ которой мы говорили на родномъ языкѣ. Здѣсь, въ домѣ офицера пограничной стражи, мы встрѣтили господина, знавшаго многихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ сѣверной экспедиціи «Жанетты».

Здѣсь также намъ пришлось позавтракать. Позавтракавъ и пріятно поболтавши съ господиномъ Сульковскимъ, мы возвратились въ Троицкосавскъ и осматривали базаръ, китайскія лавченки и проч. Въ одной изъ лавченокъ я нашелъ къ своему удивленію старый экземпляръ журнала All the year round — издаваемаго въ свое время Боцъ Диккенсомъ. Какъ могъ только онъ сюда попасть! Не нашелся ли бы въ лавченкѣ въ Троицкосавскѣ какой-нибудь американскій журналъ, забытый какимъ-нибудь путешественникомъ или попавшій сюда какимъ-либо другимъ путемъ? Мое профессіональное и патріотическое тщеславіе было задѣто. Какъ--All the year round—могло быть болѣе распространено въ Монголіи, чѣмъ нашъ—Century Magazine?

Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ я нашелъ въ лавкѣ темнолицаго монгола старые часы, изготовленные въ Родэ-Исландѣ (Rhode-Island). Это удовлетворило нѣкоторымъ образомъ мое національное тщеславіе и могло служить доказательствомъ, что мы имѣемъ значительное вліяніе на наше время.

Позже моя американская гордость была еще болѣе удо-

влетворена: я нашелъ въ еще болѣе пустынномъ и отдаленномъ уголкѣ Забайкалья „Жизнь на Миссисипи" Марка Твэна и русскій переводъ Бретъ Гарта „Dah gluck im Roariny Camp".

Въ пятницу, второго октября, мы снова отправились въ Кяхту и посѣтили въ сопровожденіе офицера русской пограничной стражи, китайскаго губернатора въ Маймачинъ.

Въ срединѣ упомянутой уже пограничной полосы между Кяхтой и Маймачиномъ проходила граница Россіи и Китая; сверхъ того Маймачинъ отдѣлялся отъ русскихъ владѣній высокой бревенчатой стѣной и погодой, которыя закрывали съ русской стороны пограничный городокъ небесной имперіи.

Болѣе внезапнаго и поразительнаго измѣненія, происходящаго на протяженіи ста шаговъ отдѣляющихъ Кяхту и Маймачинъ, нельзя себѣ представить. Здѣсь русскій провинціальный городъ съ его характерными деревянными домами, церквами, лавками, телѣгами, солдатами и крестьянами; тамъ вполнѣ китайская жизнь. Какъ будто внезапно и мгновенно переноситесь на конрѣ-самолетѣ въ далекую страну.

Въ узкихъ немощенныхъ улицахъ стоятъ маленькіе, большей частью одноэтажные дома безъ оконъ, съ глиняными стѣнами, съ приподнятыми по краямъ, рѣзными крышами. Неуклюжая, двухколесная арба, нагруженная чайными ящиками, запряженная быками, управляемая темнолицымъ монголомъ замѣняетъ здѣсь русскую телѣгу и лошадь. Тутъ китайскіе купцы въ легкихъ развѣвающихся одеждахъ и бѣлыхъ башмакахъ, а по ту сторону русскіе торговцы въ высокихъ сапогахъ, разстегнутыхъ жилетахъ и въ длинныхъ, выпущенныхъ поверхъ штановъ рубахахъ. Изъ палатокъ пустыни Гоби пріѣзжаютъ дикіе, загорѣлые на солнцѣ всадники въ оранжевыхъ одеждахъ и въ плоскихъ, похожихъ на сковороду шляпахъ. Всюду куда ни взгля-

нешь, куда ни повернешься—все непривычно, странно, повсюду Китай занялъ мѣсто Россіи.

Въ сопровожденіи русско-китайскаго переводчика явились мы къ губернатору, домъ котораго отличался отъ другихъ домовъ только тѣмъ, что передъ нимъ возвышались два шеста съ золотыми набалдашниками. Господинъ Сульковскій представилъ насъ. Губернаторъ приказалъ подать намъ чай, сахарные фрукты и—майгало,—особый родъ рисовой водки. Разговоръ вращался въ предѣлахъ обычныхъ фразъ, вопросовъ и отвѣтовъ относительно здоровья и т. п. Мы выпили нѣсколько чашечекъ майгало, полакомились немного сахарными фруктами, а потомъ отправились съ губернаторомъ въ храмъ, такъ какъ пришло время совершенія молитвы. Молитва совершалась передъ большимъ деревяннымъ кумиромъ, при этомъ медленно звонили въ колоколъ; звонили, чтобы извѣстить весь городокъ о томъ, что его превосходительство, господинъ губернаторъ, совершаетъ молитву.

Затѣмъ мы возвратились опять въ домъ къ губернатору. Фростъ набросалъ его портретъ; забавно было смотрѣть съ какой величавой миной сидѣлъ китайскій сановникъ на своемъ стулѣ, покрытомъ тигровой шкурой. Эскизъ былъ законченъ, и мы не хотѣли дольше оставаться. Мы простились и получили при этомъ въ изящномъ пакетѣ остатки поданныхъ лакомствъ.

Послѣ обѣда мы тщетно старались сфотографировать рѣдкіе типы, встрѣчающіеся на улицахъ Маймачина. Монголы, буряты и представители другихъ племенъ толпились вокругъ насъ. Мы установили аппаратъ и направили его на одну изъ группъ: но едва Фростъ закинулъ голову подъ черный платокъ, какъ всѣ эти люди разбѣжались, какъ будто на нихъ направили жерло пушки. Я подумалъ, что не дурно было бы пріобрѣсть китайскому губернатору фотографическій аппаратъ для подавленія возстаній, такъ

какъ цѣлая баттарея пушекъ едва ли оказала бы большее дѣйствіе. Стоило намъ только установить аппаратъ, какъ въ одно мгновеніе оживленная улица становилась совершенно безлюдной. Если я не ошибаюсь, мистеру Фросту въ этотъ день не удалось никого сфотографировать, развѣ только монгольскую упряжку да двухъ трехъ изуродованныхъ нищихъ, которые не могли быстро убѣжать.

Въ Троицкосавскѣ на базарѣ въ тотъ же день насъ опять постигла неудача. Здѣсь Фростъ хотѣлъ срисовать одного очень страннаго вида монгола, но, во избѣжаніи непріятностей, ему пришлось поспѣшно удалиться, такъ какъ толпа угрожающе заволновалась; оставалось только пожалѣть и неоднократно, что мы не запаслись потайной камерой: она оказала бы намъ большія услуги тамъ, гдѣ употребленіе большого аппарата возбуждало страхъ или подозрѣніе.

Въ субботу послѣ полудня мы были на китайскомъ обѣдѣ, гдѣ кромѣ хозяина и господина Лушникова присутствовало еще нѣсколько его знакомыхъ. Столъ былъ покрытъ бѣлой скатертью и сервированъ совсѣмъ по европейски столовыми приборами. Кто хотѣлъ, употреблялъ при ѣдѣ обычныя въ Китаѣ палочки изъ слоновой кости; мы же европейцы сдѣлали только попытку. Когда мы усѣлись за столъ, всѣмъ была подана бутылка съ темнымъ уксусомъ, и каждый налилъ себѣ изъ нея въ стоящую рядомъ съ тарелкой чашечку.

— Это зачѣмъ?—спросилъ я Лушникова.

— Съ уксусомъ будутъ ѣсть кушанья. Китайцы почти все ѣдятъ съ уксусомъ. Впрочемъ это не такъ ужъ плохо.

Что за блюда могутъ быть поданы, я совсѣмъ не зналъ, а поэтому совсѣмъ не обратилъ вниманія на этотъ совѣтъ и ожидалъ, что будетъ дальше.

Было подано первое блюдо.

Что это было, я и до сихъ поръ не знаю. Въ моей записной книжкѣ было помѣчено: – Морская водоросль

или какое-либо другое водяное растеніе, по виду похожее на мохъ.—Вѣроятно, оно было сварено; но подано было холоднымъ и выглядѣло не особенно аппетитно. Всѣ взяли по немногу, обмакнули въ уксусъ и принялись ѣсть; большинство, вѣроятно, не съ особенной охотой, но они во всякомъ случаѣ старались не показывать это. Мы естественно не хотѣли отличаться отъ другихъ и послѣдовали поданному примѣру. Слѣдующія кушанья я нахожу записанными въ книжкѣ въ такомъ порядкѣ:

2) Холодное мясо, порѣзанное на кусочки съ какимъ-то желтымъ студнемъ,

3) Темные грибы, неизвѣстной мнѣ породы.

4) Салатъ изъ муки и капусты.

5) Березовый лишай.

6) Тонкіе ломтики колбасы, сомнительнаго вида; не знаю изъ чего приготовленной.

7) Яйцо нарѣзанное кубиками и кружками, цвѣта похожаго на сафьянъ,

8) Печеныя раковыя шейки.

9) Волокнистая морская трава свѣтлозеленаго цвѣта.

10) Какое то морское растеніе съ вьющимся волокнами, похожее на нарѣзанную капусту.

Приходится ограничиться этими скудными замѣчаніями, ни въ какомъ случаѣ несоотвѣтствующими правиламъ поварского искуства. Я записывалъ только то, чѣмъ мнѣ казалось могло быть то или другое кушанье, что это было на самомъ дѣлѣ, я относительно нѣкоторыхъ блюдъ не зналъ и не могъ спросить. Всѣ эти кушанья подавались холодными, и ѣли ихъ съ уксусомъ. Возлѣ стола стояла жаровня, на ней помѣщался плоскій сосудъ съ горячей водой, въ которой стояло нѣсколько серебрянныхъ кувшиновъ, наполненныхъ майгало. Послѣ каждаго блюда слуга обходилъ съ кувшиномъ и наполнялъ гдѣ только было возможно, небольшія фарфоровыя чашечки, стоящія возлѣ

тарелокъ. Мнѣ вспомнился при этомъ анекдотъ, который я незадолго передъ этимъ слышалъ.

Простой мужикъ изъ Восточной Сибири нашелъ во время копанья вещь, которую онъ принялъ за остатки мамонта. Надѣясь получить вознагражденіе, онъ сообщилъ объ этомъ исправнику, а чтобы представить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ важность своего открытія, онъ отвѣдалъ свою находку и разсказалъ потомъ чиновнику, что допотопное животное такъ хорошо сохранилось, что даже мясо его съѣдобно. Для изслѣдованія находки посланъ былъ изъ Иркутска членъ географическаго общества, который нашелъ что это ничто иное, какъ обломокъ одной изъ встрѣчающихся въ Сибири горныхъ породъ, извѣстной подъ названіемъ «горная коза».—Естественно, что исправнику было очень непріятно быть выставленнымъ въ такомъ видѣ передъ ученымъ. Онъ приказываетъ позвать крестьянина и сердито кричитъ на него:

— Дуракъ! зачѣмъ ты мнѣ вралъ, что будто бы ты ѣлъ мясо. На немъ вѣдь мяса и нѣтъ совсѣмъ. Да это и не мамонтъ, это минералъ, его находятъ въ рудникахъ!

— Ей Богу, я ѣлъ его, баринъ,—божился мужикъ. Да— прибавилъ онъ задумавшись—чего съ масломъ не съѣшь!

— Чего съ уксусомъ и рисовой водкой не съѣшь! думалъ я, въ то время, когда слуга подавалъ эти разнообразныя яства.

Послѣ холодныхъ блюдъ, снова были наполнены чашечки уксусомъ, и дальше слѣдовали горячія блюда въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Клецки изъ телятины, залѣпленныя въ тѣсто.

Мой другъ Фростъ вообразилъ вдругъ, что это, ничто иное, какъ мясо молодыхъ собакъ и не отважился даже попробовать. Напрасно старался я его убѣдить, что такіе предразсудки, при томъ необоснованные, не къ лицу круго-

свѣтному путешественнику и изслѣдователю, въ особенности, если онъ уже прожилъ три года въ Россіи.

Если бы я только подозрѣвалъ, что будетъ еще дальше, я говорилъ бы, конечно, съ меньшей увѣренностью.

2) Жареныя клецки изъ мяса.

3) Паштетъ.

4) Вареныя птицы въ густомъ бѣломъ соусѣ съ улитками.

Тутъ и моя храбрость мнѣ измѣнила. Варенныя улитки были совсѣмъ черныя и походили на вареныхъ червей.

Правда я думалъ отважиться послѣ двухъ чашечекъ водки, но и это не удалось. Воображеніе сильно разыгралось!

5) Жиръ мягкими, свѣтлыми, прозрачными кусочками.

6) Жареный поросенокъ.

Это блюдо было лучшее изъ всѣхъ и было вообще чень вкусно, такъ какъ китайцы мастера приготовлять жаркое изъ поросенка.

7) Баранина поджаренная на вертелѣ.

8) Курица порѣзанная длинными тонкими ломтиками въ соусѣ.

9) Вареный рисъ.

10) Какіе-то твердые грибы или лишаи съ коричневымъ соусомъ.

11) Тонкія, прозрачныя макароны.

12) Пѣтушиныя головы.

Наконецъ отъ 13 (до 19) разнаго рода супы, которые были поданы сразу.

На этомъ обѣдъ еще не окончился.

На смѣну явился десертъ: орѣхи, сахарные фрукты и разнообразныя печенія, превосходный чай и въ заключеніе французское шампанское.

Обѣдъ продолжался болѣе трехъ часовъ, и въ продолженіе этого времени каждый изъ гостей съѣлъ большое количество кушаній, влилъ въ себя двѣ или три чашечки

уксуса, пятнадцать или болѣе чашекъ горячей рисовой водки, съ розовымъ масломъ для запаха. И наконецъ запилъ послѣдніе остатки китайскихъ лакомствъ нѣсколькими стаканами шампанскаго, выпитыми за здоровье любезнаго хозяина.

Какъ мы добрались безъ посторонней помощи до своего экипажа и не испортили себѣ основательно желудки, непонятно мнѣ до сегодняшняго дня. Во всякомъ случаѣ моя любознательность, поскольку она касалась китайскаго поварского искусства, была вполнѣ удовлетворена. Если китайцы объѣдаютъ такимъ образомъ каждый день, то это просто чудо, что этотъ народъ еще не вымеръ. Я думаю, что тотъ, кто пообѣдаетъ такимъ образомъ поздней осенью, можетъ - предполагая, что онъ не умретъ отъ разстройства желудка—проспать какъ медвѣдь всю зиму.

Когда мы уѣзжали отъ нашего китайца, я не могъ подозрѣвать, что этотъ обѣдъ будетъ послѣднимъ удовольствіемъ на долгіе мѣсяцы, и что я не увижу больше стараго монгольскаго городка. Въ воскресенье утромъ я почувствовалъ себя очень плохо, и вскорѣ у меня началась сильная лихорадка съ головной и спинной болью, кашлемъ и общимъ недомоганіемъ. Это было начало серьезной болѣзни, которая продолжалась двѣ недѣли, и послѣ которой я отправился только черезъ три мѣсяца; теперь продолжать путешествіе было очень трудно. Прежде, по крайней мѣрѣ, здоровое тѣло могло бороться со всѣми неудобствами, вызываемыми путешествіемъ по такой странѣ, а теперь у меня оставались только энергія, желаніе и — хининъ.

Нѣтъ надобности, конечно, разсказывать о тѣхъ страданіяхъ, которыя мнѣ пришлось перенесть въ Троицкосавскѣ, прикованному къ постели болѣзнью въ комнатѣ пекаря Клембовскаго. Записокъ о томъ плохомъ времени у меня не осталось, однако я слѣдующимъ образомъ ри-

совалъ свое положеніе въ письмѣ посланномъ тогда на родину:

„Лежать больнымъ дома, въ порядочной кровати съ чистымъ бѣльемъ, съ хорошимъ уходомъ — это еще ничего Но здѣсь лежишь на твердомъ полу одѣтый, съѣдаемый клопами, это уже совсѣмъ плохо. Постелью для меня служили только тулупъ, да грязное шерстяное одѣяло. И гдѣ бы я ни лежалъ, на полу, на столѣ или на твердой постели, всюду меня преслѣдовали насѣкомыя. Въ первые дни я пытался лѣчиться при помощи дорожной аптеки; узнавъ, что въ городкѣ есть докторъ, я попросилъ его придти, и онъ вылѣчилъ меня наконецъ отъ лихорадки большими дозами хинина, такъ что черезъ 12 дней я, хотя и съ трудомъ, могъ стоять на ногахъ.

На собственномъ опытѣ постигъ вполнѣ, что приходится переносить бѣдному ссыльному, если онъ заболѣетъ во время переѣзда въ этапѣ. И при этомъ приходиться еще терпѣть недостатокъ въ пищѣ и вдыхать отравленный воздухъ камеры. Инымъ приходится еще переносить тяжесть цѣпей, какъ напр. политическому ссыльному Чарушину, съ которымъ я познакомился въ Нерчинскѣ; даже во время самаго опаснаго тифа ему не сняли ножныхъ кандаловъ.

15 октября мы выѣхали изъ Троицкосавска въ Селенжинскъ; такъ какъ я чувствовалъ себя очень плохо, и болѣзнь могла снова возвратиться, то я думалъ, что пребываніе на открытомъ воздухѣ и въ тряскомъ экипажѣ будетъ все-таки лучше, чѣмъ въ холодной переполненной насѣкомыми комнатѣ. До вечера проѣхали мы около 100 километровъ, переночевали на станціи Поворотной; на утро продолжали свой путь дальше, и скоро прибыли въ Селенжинскъ.

Это жалкая бурятская деревенька, въ которой проживали также трое политическихъ ссыльныхъ, очень меня

интересовавшіе Съ ними мнѣ очень хотѣлось поговорить. Это были Константинъ Шамаринъ, студентъ изъ Екатеринбурга, грузинъ Кордаташовъ и госпожа Брешевская, молодая, образованная дама изъ Кіева. Послѣдніе побывали и въ Карійскихъ рудникахъ, и мнѣ хотѣлось посовѣтоваться съ ними, какъ удобнѣе туда попасть, и узнать у нихъ каковы тамошніе чиновники.

Сначала посѣтилъ я Шамарина. Это былъ красивый юноша, лѣтъ 20, средняго роста, съ хорошими манерами. Лицо у него было радушное, открытое, располагающее. Исторія его страданій ярко иллюстрируетъ отношеніе русскаго правительства къ гражданамъ, заподозрѣннымъ, - основательно или нѣтъ, – въ неблагонадежности.

Еще студентомъ онъ былъ арестованъ какъ бунтовщикъ. До суда его продержали три года въ Петропавловской крѣпости. Обвиненіе же, предъявленное ему на судѣ, было такъ ничтожно, что онъ былъ приговоренъ только къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Шамаринъ могъ, конечно, надѣяться, что по истеченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, его, наконецъ, освободятъ. Однако правительство нашло нужнымъ выслать его административнымъ порядкомъ въ Баргузъ, бѣдную деревушку въ Забайкальѣ.

Лѣтомъ 1881 года онъ пытался бѣжать вмѣстѣ съ тремя другими ссыльными, между ними были и Брешевская. Они думали добраться къ Великому океану, и тамъ сѣсть на американскій корабль. Но побѣгъ окончился неудачею, и въ наказаніе его сослали въ якутскій улусъ, гдѣ съ нимъ, между прочимъ, познакомились участники американской экспедиціи для спасенія оставшихся въ живыхъ путешественниковъ „Жанетты". Въ 1882 году онъ получилъ разрѣшеніе поселиться въ Селенжинскѣ. Осенью 1884 года окончился срокъ его ссылки, но у него не было средствъ ѣхать домой. Русское правительство ничуть не заботится о

томъ, какимъ образомъ возвращаются назадъ административно ссыльные по истеченіи срока ссылки.

Правда, имъ разрѣшается примыкать къ возвращающимся въ Россію транспортамъ отбывшихъ срокъ наказанія преступниковъ. Но эти партіи не находятся въ такой же правильной связи съ солдатскими эскортами изъ этапныхъ пунктовъ, какъ тѣ, что идутъ изъ Россіи, а потому онѣ движутся впередъ чрезвычайно медленно. Инспекторъ завѣдующій транспортировкою въ Восточную Сибирь ссыльнопоселенцевъ, полковникъ Загаринъ, разсказывалъ мнѣ какъ-то, что подобныя партіи нерѣдко проходятъ разстояніе отъ Иркутска до Томска, приблизительно 1600 километровъ, въ десять мѣсяцевъ. Страстное желаніе вернуться на родину заставляетъ лишь немногихъ изъ отбывшихъ срокъ наказанія политическихъ ссыльныхъ отважиться провести годъ по этимъ грязнымъ, вонючимъ, наполненнымъ паразитами этапамъ. Они обыкновенно предпочитаютъ оставаться въ Сибири до тѣхъ поръ, пока какимъ-нибудь образомъ имъ не удастся собрать необходимую на проѣздъ сумму. Я помогъ одному политическому ссыльному возвратиться домой, купивъ у него за 100 рублей гербарій сибирскихъ растеній. Охотно помогъ-бы я также и Шамарину, но онъ въ это время не нуждался въ моей помощи; онъ работалъ уже въ теченіе года въ Селенгинскомъ архивѣ, гдѣ приводилъ въ порядокъ и составлялъ опись всѣхъ документовъ, скопившихся здѣсь за сто тридцать лѣтъ. Онъ надѣялся скоро получить отъ губернатора сумму, которая покрывала бы путевыя издержки при проѣздѣ на родину.

Въ Селенжинскѣ, какъ и вездѣ въ Сибири, переписка политическихъ ссыльныхъ находится подъ обычнымъ контролемъ полиціи. Отбывши срокъ своей ссылки, Шамаринъ могъ надѣяться, что впредь будетъ освобожденъ отъ этого стѣсненія, и подалъ губернатору прошеніе. Несмотря на свое законное ходатайство, онъ все таки не добился

удовлетворенія. Безстыдное насиліе, гнусиве которато трудно себѣ что-нибудь представить.

Наша бесѣда съ Шамаринымъ была прервана появленіемъ госпожи Брешевской. Это была особа лѣтъ тридцати, съ умнымъ, энергичнымъ, даже, пожалуй, красивымъ выраженіемъ лица, не безъ отпечатка перенесенныхъ страданій. Въ ея густыхъ черныхъ волосахъ, коротко остриженныхъ, проглядывали кое-гдѣ преждевременныя серебристыя пряди. Ничто, однако, не могло поколебать мужества и убѣжденій этой отважной женщины. У себя дома и въ Цюрихѣ она получила превосходное образованіе и воспитаніе, говорила по нѣмецки, французски и англійски, была хорошей музыкантшей. Дважды ее ссылали въ Карійскіе рудники, послѣдній разъ за вышеупомянутую попытку бѣжать. По отбытіи наказанія отправили въ убогую бурятскую деревушку Селенжинскъ на поселеніе.

Въ окрестностяхъ не было ни одной образованной женщины, съ которою она могла бы хоть какъ-нибудь сойтись; еженедѣльно отъ правительства ей выдавалось по два рубля на прожитіе; переписка, конечно, находилась подъ самымъ строгимъ контролемъ полиціи; на всю жизнь она была оторвана отъ семьи и друзей. Все ея будущее заключалось, быть можетъ, лишь въ нѣсколькихъ годахъ жизни, полной лишеній и горя, да еще, наконецъ, въ одинокой могилѣ съ простымъ деревяннымъ крестомъ гдѣ-нибудь на пустынномъ кладбищѣ Селенжинска. И ни одинъ взглядъ никогда не остановится съ любовью на этой могилѣ... И все таки мужество, надежда и вѣра въ лучшее будущее Россіи твердо сохранились въ сердцѣ этой несчастной женщины. „Пусть мы умремъ въ ссылкѣ, — говорила она мнѣ на прощаніе,—пусть та же участь постигнетъ нашихъ дѣтей и внуковъ, но не напрасны будутъ эти жертвы!"

Съ тѣхъ поръ я больше ничего не слыхалъ о госпожѣ Брешевской, не знаю даже, жива-ли еще она. Но когда я

задумываюсь надъ ея прощальными словами, то мнѣ всегда вспоминается, что эта женщина первая изъ людей дала мнѣ ясно понять сущность силы, мужества и самопожертвованія. Подобныя бесѣды лучше всякаго лекарства укрѣпили мой разбитый организмъ. Что значили всѣ мои печали и лишенія въ сравненіи съ тѣми, какими геройски переносились людьми *во имя блага всѣхъ родного народа!*

Въ пятницу 16 октября, послѣ обѣда мы выѣхали изъ Селенжинска и черезъ 24 часа добрались до уѣзднаго города Верхнеудинска. Разстояніе между этими городами ровно почти 170 километрамъ. Было холодно, и тряска телѣгъ сильнѣе и рѣзче ощущалась при моемъ состояніи. Но все же, благодаря холодному воздуху, дѣйствовавшему на меня весьма укрѣпляюще, я чувствовалъ себя не хуже, чѣмъ во время отъѣзда изъ Троицкосавска. Въ воскресенье утромъ я представился исправнику; онъ отнесся очень сочувственно къ моей просьбѣ, и мы условились отправиться въ старую тюрьму въ тотъ же день послѣ обѣда.

Это было старое, ветхое деревянное зданіе, выстроенное на правомъ гористомъ берегу Селенги, приблизительно въ полутора километрахъ за городомъ. Тюрьмою этой пользовались какъ для предварительнаго такъ и для срочнаго заключенія и въ то-же время она была этапнымъ пунктомъ. Эта тюрьма мало отличалась отъ другихъ сибирскихъ построекъ подобнаго типа, только показалась мнѣ нѣсколько болѣе высокой, да возлѣ каждой камеры были устроены галлереи съ крутыми лѣстницами; это приспособленіе имѣло, по всей вѣроятности, одну цѣль,—именно увеличить поверхность для установки коекъ. Мнѣ показалось, что въ ожиданіи нашего посѣщенія въ тюрьмѣ была произведена основательная чистка. Часть арестантовъ были на прогулкѣ во дворѣ, окна тюрьмы были настежь открыты; полы хотя и не отличались особенной чистотой, но все же не были и

совсѣмъ грязны. Тюрьма была разсчитана на 170 человѣкъ, но во время нашего посѣщенія въ ней находилось 250, нерѣдко позднею осенью и зимою, по словамъ исправника, это число увеличивается втрое. Арестанты лежатъ тогда, сбившись въ кучу, на нарахъ и подъ ними, на полахъ, въ корридорахъ и даже на дворѣ. Представьте себѣ только положеніе людей, когда въ помѣщеніи, разсчитанномъ на 170 человѣкъ, содержится ихъ 700! И въ особенности зимой, когда окна не открываются, такъ какъ въ противномъ случаѣ замерзаютъ лежащіе вблизи ихъ люди. На это возмутительное явленіе, впрочемъ, было уже указано русскимъ офицеромъ Орфановымъ въ его книгѣ, одобренной цензурой Вотъ что мы читаемъ здѣсь:

„Первая тюрьма въ Забайкальѣ находится въ Верхнеудинскѣ за городомъ. Расположена она на крутомъ берегу Селенги, въ которую, саженяхъ въ 5—6 ниже, спускаются всѣ тюремныя нечистоты. Первое, что вы чувствуете при приближеніи къ этому мѣсту—это невыносимое, отвратительное зловоніе. Сама тюрьма представляетъ собою старое деревянное двухъэтажное зданіе, разсчитанное на 140 человѣкъ *). Въ теченіе моего пребыванія въ Сибири, мнѣ часто представлялись случаи посѣщать эту тюрьму,—никогда тамъ не бывало меньше 500, а очень часто даже больше 800 арестантовъ. Мнѣ вспоминается осмотръ, который однажды тамъ производилъ забайкальскій губернаторъ. Я сопровождалъ его. Дѣло было зимою. Рано утромъ губернаторъ отправился въ тюрьму и приказалъ отворить наружныя двери корридора. Но онъ вынужденъ былъ сейчасъ же выйти наружу, такъ какъ на него сразу понесло невѣроятнымъ зловоніемъ. До сихъ поръ арестанты очень неохотно, но

*) Исправникъ показалъ намъ это число равнымъ 170, но мнѣ думается что приводимыя данныя болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

все же сознавались, что ихъ содержатъ хуже скота. Только послѣ того, какъ раскрыли двери и окна и сквозной вѣтеръ значительно освѣжилъ воздухъ, губернаторъ вошелъ внутрь корридора. Первое, что онъ увидѣлъ, это бадью, въ углу, переполненную нечистотами; черезъ потолокъ просачивалось содержимое другой подобной бадьи. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ тутъ же лежали шесть человѣкъ. Губернаторъ пришелъ въ ужасъ:—Помилуйте! Какъ могутъ люди ночевать здѣсь при такихъ условіяхъ, возмутился онъ. Досталось и начальнику тюрьмы и другимъ чиновникамъ, но положеніе тюремъ отъ этого нисколько не измѣнилось..."

Я привелъ эту длинную выдержку для того, чтобы наглядно доказать, что упреки по моему адресу въ сгущеніи красокъ описанныхъ мною тюремъ несправедливы.

И въ этой ужасной тюрьмѣ изъ году въ годъ томилось много образованныхъ мужчинъ и женщинъ, сосланныхъ сюда въ Забайкалье, въ качествѣ политическихъ преступниковъ. Такъ, напримѣръ, госпожѣ Брешевской на пути въ Карійскіе рудники и обратно четыре раза пришлось сидѣть здѣсь. Меня чрезвычайно обрадовало, когда я узналъ, что въ этомъ баракѣ скоро уже не будетъ надобности.

Еще при нашемъ прибытіи мы замѣтили новую почти законченную большую постройку, которая, какъ оказалось, предназначалась подъ этапную тюрьму. Исправникъ разсказалъ намъ, что ею уже можно было бы воспользоваться, и что вся задержка происходитъ лишь оттого, что пока не хватаетъ солдатъ для ея охраны.

Мы отправились затѣмъ во вновь построенную тюрьму. Это было громадное, четырехъ этажное высокое зданіе съ обширными боковыми пристройками, большимъ дворомъ и отдѣльными корпусами для солдатъ и политическихъ заключенныхъ. Камеры были высоки и свѣтлы, воздуху много; изъ оконъ верхняго этажа открывался видъ на окрестно-

сти Корридоры были широки, каменныя лѣстницы снабжены перилами. Вся постройка обошлась около 200 000 рублей и была разсчитана на 110 арестантовъ Я не могъ не сказать исправнику, что нигдѣ въ цѣлой Россійской имперіи мнѣ не пришлось видѣть такой прекрасно оборудованной тюрьмы

— Да!—отвѣчалъ онъ—и это продолжится до тѣхъ поръ, пока она не будетъ переполнена Въ старой тюрьмѣ намъ часто приходилось помѣщать до 700 арестантовъ, боюсь, что въ новой придется помѣщать до 3,000; ну, а тогда, конечно, старое зло обнаружится и здѣсь

Не знаю, подтвердилось ли опасеніе верхнеудинскаго исправника. Во всякомъ случаѣ моя похвала не была простымъ комплиментомъ Тюрьма, дѣйствительно, была лучшая изъ всѣхъ, какія я видѣлъ въ Россіи—исключая развѣ петербургской—и для меня отрадно было увидѣть хоть малѣйшій признакъ того, что русское правительство не совсѣмъ уже безчувственно къ страданіямъ сосланныхъ въ Сибирь.

Въ понедѣльникъ покинули мы Верхнеудинскъ и отправились въ главный городъ Забайкальской области, находящійся приблизительно на разстояніи 180 километровъ отсюда. Погода была холодная, въ особенности это давало себя знать ночью; небо было ясное и снѣгъ еще не шелъ. Вначалѣ дорога шла между двухъ цѣпей холмовъ по плоской, пустынной и безплодной долинѣ Уды. Деревья стояли голыя, не видно было ни одного цвѣточка, если не считать кое-гдѣ попадающихся, склонившихся отъ мороза, одуванчиковъ Всюду уже замѣчались признаки приближающейся суровой зимы. Мы ѣхали днемъ и ночью, останавливаясь только иногда, чтобы осмотрѣть буддійскій монастырь или одну изъ новыхъ пересыльныхъ тюремъ. Правительство какъ разъ въ послѣднее время ассигновало 300 или 100 тысячъ рублей на постройку новыхъ пересыльныхъ тюремъ въ Забайкальѣ. Мало одобренія заслуживаютъ чиновники за

постройку этихъ новыхъ пересыльныхъ тюремъ; сравнительно же съ состояніемъ этапныхъ пунктовъ между Томскомъ и Иркутскомъ они показались мнѣ значительно лучше.

Въ четвергъ 22 октября мы выѣхали со станціи Домноключевской, приблизительно въ 80 километрахъ отъ Читы; дорога шла по высокой горѣ, служащей водораздѣломъ между рѣками, впадающими въ Сѣверный Ледовитый океанъ и Великій океанъ Мы почувствовали себя ближе къ родинѣ, если принимать въ разсчетъ разстояніе на востокъ, а не на западъ. Въ дальнѣйшихъ деревняхъ мы уже всюду встрѣчали вещи, привезенныя изъ Калифорніи. Цинковая посуда, фонари, консервы; при видѣ всего этого мнѣ казалось, что съ какой-нибудь вершины я увижу Санъ-Франциско и Золотыя Ворота.

Уставшіе, промерзшіе и голодные мы прибыли въ полдень въ Читу и остановились въ гостиницѣ „Петербургъ," которую содержалъ одинъ ссыльный полякъ.

Чита, какъ мы уже упоминали, главный городъ Забайкалья, мѣстопребываніе губернатора. Въ немъ около 4000 жителей. Живутъ они въ далеко другъ отъ друга разбросанныхъ домахъ. Въ городѣ есть библіотека, хорошая народная школа и большое зданіе, въ которомъ бываютъ иногда театральныя представленія. Такимъ образомъ, и въ общественномъ значеніи, Чита можетъ считаться важнѣйшимъ городомъ области.

Въ исторіи русской ссылки Чита сыграла важную роль. Въ первую четверть нашего столѣтія сюда были сосланы декабристы, молодые дворяне, которые въ декабрѣ 1825 года, во время восшествія на престолъ Николая, сдѣлали попытку низвергнуть прежнюю систему абсолютизма и ввести конституціонный строй. Существуютъ еще двѣ тюрьмы, въ которыхъ жили эти люди. Одна изъ нихъ— теперь столярная мастерская—служила позже сборнымъ

пунктомъ для людей, боровшихся за тѣ же идеалы и пострадавшихъ за нихъ.

Во время нашего посѣщенія въ Читѣ въ ссылкѣ находилось нѣсколько интересныхъ лицъ. У насъ къ нимъ были рекомендательныя письма, которыми насъ снабдили ихъ товарищи по ссылкѣ изъ другихъ мѣстъ Сибири. Насъ встрѣтили радушно и довѣрчиво. Нѣсколько осеннихъ вечеровъ мы провели въ ихъ славной средѣ. Мы просили ихъ разсказать о Россіи, Петропавловской крѣпости, о харьковской тюрьмѣ и Карійскихъ рудникахъ.

Вслѣдствіе отсутствія губернатора, мы не могли получить непосредственнаго позволенія посѣтить Карійскіе золотые пріиски. Однако, его замѣститель, казалось, не имѣлъ ничего противъ посѣщенія нами Кары. Онъ обѣщалъ намъ снестись съ тамошнимъ комендантомъ и далъ, кромѣ того, свою визитную карточку. Я сомнѣвался, что намъ такъ легко удастся попасть въ знаменитыя Карійскія тюрьмы, но такъ какъ ничего болѣе нельзя было добиться, мы выѣхали изъ Читы 24 октября въ рудники, отстоявшіе въ 500 километрахъ.

Въ Забайкальской пустынѣ, на разстояніи почти 8000 километровъ отъ Петербурга и 1600 километровъ отъ Великаго океана, въ безлюдной долинѣ между отрогами Яблоновыхъ горъ, среди золотыхъ пріисковъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ „Карійскихъ рудниковъ“ устроены нѣсколько тюремъ и основаны каторжныя поселенія для тяжкихъ преступниковъ. Если становится извѣстно, что царь помиловалъ приговореннаго къ смерти нигилиста то, безъ сомнѣнія, что вышеуказанное наказаніе замѣняется ссылкой въ каторжныя работы и именно въ Карійскіе рудники.

Двѣ трети пути отъ Читы до Кары приходится ѣхать по хорошей почтовой дорогѣ, сначала въ долинѣ Ингоды, а потомъ по лѣвому берегу Шилки, притока Амура. По-

слѣдняя, начиная отъ Срѣтенска, становится судоходной, и здѣсь же оканчивается почтовая дорога; отсюда сообщеніе съ Карійскими рудниками поддерживается лѣтомъ на судахъ, а зимой на саняхъ по льду. Весною и осенью, во время ледохода, Карійскіе рудники часто по цѣлымъ недѣлямъ отрѣзаны отъ остальнаго міра, и тогда туда можно попасть только по очень трудной и опасной дорогѣ, идущей вдоль берега рѣки по крутымъ лѣсистымъ горамъ. Мы надѣялись попасть въ Срѣтенскъ еще во время, чтобы дальше отправиться внизъ по теченію на лодкѣ. Когда мы выѣзжали изъ Читы это казалось вполнѣ вѣроятнымъ. Но погода вдругъ измѣнилась, началъ идти снѣгъ, наступили холода, и когда въ среду утромъ мы добрались до берега Шилки противъ Срѣтенска, зима была уже въ полномъ разгарѣ. Термометръ показывалъ нуль градусовъ по Фаренгейту (около 14° мороза по Реомюру), наши тулупы и шерсть лошадей были покрыты ледяной корой. По Шилкѣ шелъ ледъ, дѣлавшій невозможнымъ какое либо сообщеніе. Съ большой опасностью пытался паромъ изъ Срѣтенска переѣхать черезъ рѣку, и нѣсколько крестьянъ, собравшись вокругъ огня на нашемъ берегу, смотрѣли туда съ ожиданіемъ. Они надѣялись, что имъ удастся уговорить перевозчиковъ возвратиться съ ними въ Срѣтенскъ; мы присоединились къ нимъ.

Въ продолженіе четверти часа мы наблюдали, какъ приходилось бороться парому съ ледяными глыбами, и рѣшили, что при такихъ обстоятельствахъ, даже въ томъ случаѣ, если бы перевозчикъ согласился, было бы очень рискованно переѣзжать широкую, покрытую льдомъ рѣку. И мы отправились искать пристанища на ночь у сосѣднихъ крестьянъ. Они охотно предложили намъ ночлегъ, въ томъ случаѣ если мы согласимся спать на землѣ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ. Мы страшно устали и промерзли, а потому были не разборчивы; да къ тому же мы такъ уже привыкли къ ночевкамъ на землѣ, что лучшая

постель, пожалуй, вызвала бы наше недоумѣніе... Мы размѣстили свой багажъ и, спустя нѣкоторое время, сидѣли и пили чай въ первой приличной горницѣ, какую мы видѣли со времени отъѣзда изъ Нерчинска.

Насъ занималъ теперь вопросъ, какимъ образомъ намъ добраться до Карійскихъ рудниковъ. Ѣзда по рѣкѣ врядъ ли была возможна раньше двухъ или трехъ недѣль, а такъ долго мы не могли ждать, на это у насъ не хватало ни времени, ни терпѣнія. Туда возможно было попасть только верхомъ черезъ горы. Крестьянинъ сообщилъ намъ, что на этомъ берегу есть нѣсколько лошадей, но владѣлецъ ихъ живетъ въ Срѣтенскѣ. Переѣзжать черезъ рѣчку во время сильнаго ледохода было небезопасно, но нашъ хозяинъ думалъ, что ему самому, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ людей, удастся благополучно переправить насъ на тотъ берегъ.

Въ четвергъ утромъ мы рѣшили попытать счастья. По рѣкѣ шелъ ледъ; у береговъ ея вода замерзла метровъ на 30—40, причемъ ледъ чѣмъ дальше отъ берега становился все тоньше. Захвативъ лодку, мы осторожно двинулись по льду, готовые каждое мгновеніе вскочить въ лодку, если подъ нашими ногами проломится ледъ. Метрахъ въ 5 отъ воды ледъ, дѣйствительно, потрескался, съ шумомъ разбившись на куски.—Въ лодку! взволнованно крикнулъ крестьянинъ. Мы быстро впрыгнули, лодка сильно закачалась, но, къ счастью, не опрокинулась. Спустя мгновеніе наша лодка неслась внизъ по теченію, среди ломающихся съ трескомъ льдинъ, и мы изо всѣхъ силъ старались отталкивать ихъ веслами и кирками. Два человѣка сѣли на весла, крестьянинъ взялся за руль, ловко управляя имъ. Насъ снесло теченіемъ почти на цѣлый километръ, прежде чѣмъ мы достигли другого берега. Здѣсь рѣчка тоже была покрыта слоемъ льда, и пристать къ берегу было также небезопасно, такъ какъ ледяныя глыбы

могли раздавить или опрокинуть нашу лодку. Съ трудомъ удалось намъ наконецъ пристать къ берегу, что не обошлось, безъ приключеній: высаживаясь изъ лодки, я по поясъ погрузился въ воду. Никого не дожидаясь, я поспѣшилъ въ городъ, тѣмъ болѣе, что холодное, несвоевременное купанье могло при моемъ нездоровьѣ окончиться плохо.

Остановившись въ первомъ попавшемся мѣстѣ, я просушилъ свое платье и обогрѣлся. Потомъ послалъ телеграмму о нашемъ мѣстопребываніи секретарю американскаго посольства въ Петербургѣ и отправился нанимать лошадей, покупать сѣдла и позаботиться о проводникѣ и еще кое о чемъ. Послѣ обѣда я возвратился тѣмъ же опаснымъ путемъ въ домъ къ крестьянину.

Въ пятницу утромъ осѣдлали мы лошадей и отправились на Кару. Весь нашъ багажъ составляли наши дорожныя одѣяла, письма, немного провизіи и фотографическій аппаратъ. Погода опять сдѣлалась теплѣе, и термометръ показывалъ 18° по Фаренгейту (около 7° мороза по Реомюру); но небо было пасмурное и шелъ густой снѣгъ, что меня немного обезпокоило; достигнувъ первой вершины, мы увидѣли передъ собою всю снѣжную пустыню горъ, которую намъ нужно было проѣхать. Впрочемъ, безпокойство было не безъ основанія. Я еще не оправился послѣ перенесенной болѣзни и боялся, что путешествіе верхомъ въ 130 километровъ, въ холодное зимнее время, совсѣмъ изнуритъ меня, кромѣ того мы не запаслись всѣмъ необходимымъ для такого путешествія. Мы разсчитывали плыть по Шилкѣ, и, благодаря этому, позабыли запастись спальными мѣховыми мѣшками. Наши полушубки были такъ коротки, что не закрывали колѣни; башлыковъ у насъ не было, а валенки у насъ были такъ велики, что мы не могли вдѣть ноги въ стремена и должны были отказаться или отъ валенокъ или отъ стремянъ. Но къ нашему счастью горная тропинка вначалѣ была не очень трудная и погода

не очень холодная. Мы проѣхали болѣе 30 километровъ, не почувствовавъ особенной усталости.

Ночь провели мы въ Ломи, деревушкѣ на берегу Шилки. Переночевали мы въ крестьянской избѣ, конечно, на полу, рядомъ съ двумя взрослыми и пятью дѣтьми.

Въ субботу утромъ мы отправились дальше на свѣжихъ лошадяхъ и съ другимъ проводникомъ. За ночь погода сдѣлалась лучше, но стало холоднѣе. Наши лошади покрылись инеемъ, а изъ ноздрей у нихъ висѣли ледяныя сосульки.

Отсюда дорога пошла гораздо труднѣе. Тропинка извивалась по крутымъ, пустынымъ высотамъ, уклонялась иногда на сѣверъ, чтобы обойти овраги или пропасти, вела черезъ крутизны и скалы, возвывавшіяся надъ покрытой льдомъ Шилкой. Стоило только лошади хоть немножко поскользнуться или споткнуться, и мы полетѣли бы въ пропасть. Считалось за особенное счастье проѣхать благополучно всю дорогу. Наши лошади не были подкованы на шипы, а на дорогѣ иногда попадался покрытый снѣгомъ ледъ; поэтому на крутыхъ спускахъ, хотя бы при самой тщательной предосторожности, мы не были увѣрены, что здѣсь лошадь сможетъ твердо стоять. Оба слѣдующіе дня намъ пришлось идти рядомъ съ лошадьми для большей безопасности, такъ какъ, при столь затруднительной дорогѣ и жестокомъ холодѣ, невозможно было усидѣть въ сѣдлѣ.

Это трехдневное путешествіе, частью верхомъ, частью пѣшкомъ, при довольно низкой температурѣ окончательно обезсилило меня, и когда въ воскресенье поздно вечеромъ мы пріѣхали въ деревушку Шилкино, біеніе моего пульса показывало, что я физически совершенно изнемогъ. Но самое худшее уже миновало: мы были у цѣли. Самое южное каторжное поселеніе, „Устье Кары," находилось въ 18 километрахъ отъ Шилкина, и дорога туда не представ-

ляла особыхъ трудностей. Въ понедѣльникъ въ полдень мы пріѣхали, наконецъ, въ деревню, расположенную у устья Кары; мы остановились отдохнуть у одного крестьянина, знакомаго нашего проводника.

Рудники на Карѣ составляютъ частную собственность царя. Мы находимъ тамъ прежде всего рядъ золотыхъ пріисковъ, расположенныхъ на неравныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ вдоль берега небольшой, но быстрой рѣчки Кары; рѣчка эта начинается на водораздѣлѣ у Яблоновыхъ горъ, около 70 километровъ протекаетъ въ юго-восточномъ направленіи и впадаетъ наконецъ въ Шилку между Срѣтенскомъ и устьемъ Аргуни.

Кара» по-татарски значитъ — черная; это названіе относилось вначалѣ только къ рѣчкѣ, но позже его стали употреблять какъ названіе всего округа, рудниковъ, тюремъ, колоній преступниковъ; но послѣднія кромѣ того имѣютъ свои особыя названія. По рѣкѣ по направленію съ сѣвера на югъ слѣдуютъ: Устье Кары, Нижняя тюрьма, тюрьма для политическихъ, Нижніе пріиски, Средняя Кара, Верхняя Кара и Верхняя или Амурская тюрьма.

Все управленіе сконцентрировано у Нижнихъ пріисковъ; здѣсь живетъ начальникъ тюремъ для обыкновенныхъ преступниковъ, здѣсь же находится колонія преступниковъ съ 200—300 заключенныхъ, а также казармы для двухъ ротъ солдатъ. Это мѣсто казалось мнѣ наиболѣе подходящимъ для нашего мѣстопребыванія, такъ какъ здѣсь мы были по близости отъ начальника тюремъ, безъ согласія котораго мы ничего не могли предпринять, да къ тому же отсюда было всего полчаса ходьбы къ политическимъ заключеннымъ, которые меня больше всего интересовали. Въ Устьѣ Кары мы отпустили лошадей и проводника, а сами, отдохнувъ, отправились въ экипажѣ на Нижніе пріиски. Дорога шла вверхъ по лѣвому берегу Кары, по незначительной долинѣ, окруженной холмами, поросшими молодымъ, хвой-

нымъ лѣсомъ. На землѣ валялись всюду большіе куски хряща и глыбы песку, уже давно использованные для добыванія золота.

Въ сумерки пріѣхали мы въ Нижніе пріиски. Это была довольно большая деревня. Невысокія деревянныя хижины были безпорядочно разбросаны, тутъ же находились длинныя бревенчатыя зданія, служащія казармами, офицерскія жилища, крытыя желѣзомъ, и старая тюрьма, по внѣшнему виду вполнѣ похожая на другія сооруженія подобнаго рода, встрѣчающіяся въ Восточной Сибири. Эти зданія расположены были довольно правильно по широкимъ улицамъ и большимъ площадямъ, они рѣзко отличались отъ запущенныхъ деревянныхъ лачугъ преступниковъ. На обширной площади, гдѣ находились казармы и тюрьма, какъ разъ работали на постройкѣ около 50 арестантовъ въ своихъ сѣрыхъ армякахъ съ желтыми лоскутками на спинѣ. Ихъ охранялъ вооруженный отрядъ казаковъ, которые стояли, опираясь на берданки. Въ небольшомъ разстояніи оттуда тлѣлся костеръ, надъ нимъ висѣлъ чайникъ, а вокругъ лежали въ небрежныхъ позахъ около дюжины казаковъ. Занесенная снѣгомъ площадь, неохотно работающіе преступники, казачья стража и лежащіе вокругъ огня солдаты — все это въ холодныхъ, пасмурныхъ сумеркахъ осенняго вечера произвело на меня тяжелое подавляющее впечатлѣніе.

Мы отправились прежде всего къ начальнику тюремъ, чтобы представиться ему и разспросить, гдѣ мы можемъ остановиться. Начальникъ, маіоръ Потуловъ, статный мужчина 50 лѣтъ, принялъ насъ очень радушно и заявилъ, что онъ уже извѣщенъ исполняющимъ обязанности губернатора Читы о нашемъ пріѣздѣ, но онъ думалъ, что мы отказались отъ нашего плана, такъ какъ по Шилкѣ нельзя было проѣхать. Ему казалось невѣроятнымъ, что иностранные путешественники находили интереснымъ путешествовать въ такую погоду и по столь опасной дорогѣ.

Но онъ былъ радъ насъ видѣть и гостепріимно предложилъ намъ пріютъ въ своемъ домѣ. Я поблагодарилъ его и замѣтилъ, что мы вовсе не хотимъ стѣснять его; мы были бы очень довольны, если бы онъ былъ настолько добръ, что указалъ бы намъ, гдѣ мы можемъ найти пристанище. Улыбаясь онъ объяснилъ намъ, что въ Карѣ есть только жилища, которыя правительство сочло нужнымъ устроить для убійцъ, воровъ и поддѣлывателей, а посему мы можемъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ принять его предложеніе, и что у него мы будемъ хорошо себя чувствовать. Это было, конечно, очень мило съ его стороны, но, принимая во вниманіе цѣль нашего путешествія, предстоящая перспектива была для насъ неудобна, такъ какъ въ его домѣ мы нѣкоторымъ образомъ постоянно будемъ подъ его наблюденіемъ, и намъ едва ли возможно будетъ имѣть сношенія съ политическими преступниками. Мы вынуждены были, однако, въ силу необходимости принять его предложеніе, и наконецъ то послѣ долгаго промежутка времени очутились въ уютно устроенномъ домѣ, предъ нами снова были большія зеркала, мягкіе ковры, удобная мебель и даже рояль.

Во время нашего пребыванія въ Карской области тамъ находилось около 1800 преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ. Половина изъ нихъ содержались въ тюрьмахъ, остальные же жили въ деревянныхъ лачугахъ и баракахъ.—По подсчету тюремнаго управленія къ концу 1885 года, слѣдовательно спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ нашего пребыванія, тамъ находилось 2507 человѣкъ. Это число, однако, заключаетъ въ себѣ женщинъ и дѣтей, которыя добровольно послѣдовали за своими мужьями и отцами. Ихъ насчитывали отъ 600 до 800 душъ.

Срокъ наказанія арестанта въ рудникахъ Кары можно раздѣлить на двѣ части. Въ первое время его содержатъ въ тюрьмѣ, и если онъ сумѣетъ здѣсь угодить начальнику его освобождаютъ отъ тюремнаго заключенію въ „вольныя

команды." Въ вольныхъ командахъ, хотя онъ все еще приговоренный къ каторжнымъ работамъ преступникъ, хотя все еще получаетъ свои съѣстные припасы, являясь ежедневно въ тюрьму и не смѣетъ шагу ступить безъ разрѣшенія, но онъ можетъ жить съ другими преступниками въ особыхъ баракахъ или перебраться съ семействомъ въ отдѣльную избушку: въ свободное время онъ можетъ работать для себя, и такимъ образомъ пользуется своего рода очень ограниченной свободой. Когда истекаетъ и этотъ срокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается весь срокъ наказанія, преступникъ высылается, какъ ссыльно-поселенецъ въ какое-нибудь мѣсто Восточной Сибири.

Въ то время въ Карской области было 7 тюремъ, расположенныхъ вдоль рѣки Кары почти на 30 километровъ.

Въ поискахъ золота колонія мало по малу разросталась вверхъ по рѣкѣ, и, такъ какъ невозможно было закованныхъ въ кандалы арестантовъ заставлять ежедневно ходить на далекое разстояніе, то многіе изъ нихъ сидѣли въ тюрьмѣ совсѣмъ безъ дѣла. Тюрьмы управлялись цѣлымъ штатомъ надзирателей подъ начальствомъ маіора Потулова; сторожевую службу здѣсь несъ отрядъ казаковъ карійскаго батальона, численностью до 100 человѣкъ. Въ вѣдѣніе маіора Потулова не входили лишь двѣ тюрьмы для политическихъ арестантовъ: первая мужская, близъ такъ называемой «Нижней Золотопромывки», и другая женская, въ Устьѣ Кары. Этими обѣими тюрьмами завѣдывалъ спеціально для этого присланный изъ Петербурга жандармскій полковникъ Николинъ. Охрану здѣсь несъ отборный отрядъ жандармовъ, числомъ до 140 человѣкъ. Политическіе арестанты тоже могли образовывать «вольныя команды», и ко времени нашего прибытія въ такой «командѣ» было человѣкъ пятнадцать мужчинъ и женщинъ; жили они въ хаткахъ, близъ «Нижней Золотопромывки».

Все это было для насъ своеобразно и ново, и поэтому намъ очень хотѣлось подробнѣе ознакомиться и прибавить многое къ уже видѣнному нами. Прежде всего мы намѣревались посѣтить тюрьмы обыкновенныхъ преступниковъ и повидать ихъ самихъ за работой; затѣмъ изучить жизнь политическихъ арестантовъ въ «вольныхъ командахъ» и, наконецъ, посѣтить тюрьмы для «политическихъ» съ цѣлью познакомиться съ образомъ ихъ жизни. При этомъ мы, конечно, не упустили бы случая поговорить съ ними, если бы къ этому представилась возможность. Я не сомнѣвался въ томъ, что первая часть нашихъ стремленій увѣнчается успѣхомъ, что касается второй, то тутъ у меня была лишь надежда на случайность. На удовлетвореніе же третьей и послѣдней части и надеждъ было мало, хотя я твердо рѣшилъ добиться положительныхъ результатовъ.

Я не зналъ, получалъ ли маіоръ Потуловъ какія-либо указанія относительно насъ и если получилъ, то какого рода. Онъ однако отнесся къ намъ очень привѣтливо, не задавалъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ; вскорѣ по пріѣздѣ я высказалъ ему свое желаніе осмотрѣть тюрьмы и шахты; онъ нисколько не былъ удивленъ и сейчасъ же далъ намъ разрѣшеніе. Даже больше того,—онъ предоставилъ въ наше распоряженіе свой экипажъ и замѣтилъ, что будетъ очень радъ насъ сопровождать.

Ограничусь описаніемъ самой лучшей и самой худшей тюремъ, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною.

Самой худшей безусловно надо назвать тюрьму возлѣ устья Кары. Она лежитъ очень низко, въ болотистой мѣстности, на границѣ колоніи, гдѣ Кара впадаетъ въ Шилку, и построена въ первой половинѣ нашего столѣтія, когда русское правительство впервые начало ссылать преступниковъ въ работы на пріиски. Тюрьма вмѣстѣ съ огороженнымъ дворомъ представляетъ почти квадратъ со стороною приблизительно, метровъ въ 35. Съ двухъ сто-

ронъ этотъ квадратъ замыкается постройками, а съ двухъ другихъ—массивнымъ и высокимъ частоколомъ Когда мы приблизились къ воротамъ, караулъ отдалъ честь и обычнымъ крикомъ «старшій!» вызвалъ дежурнаго унтеръ офицера. На этотъ зовъ поспѣшно вышелъ казачій офицеръ и отворилъ намъ ключомъ изъ громадной связки маленькую дверь, продѣланную въ большихъ воротахъ. Мы вошли

Нѣсколько арестантовъ съ на половину выбритыми черепами спѣшили черезъ дворъ въ свои камеры. Мы поднялись по нѣсколькимъ ступенямъ, покрытымъ грязью и слизью, и достигли массивной двери, которая вела въ корридоръ. Въ немъ было темно и грязно. Воздухъ тепелъ, влаженъ и насквозь пропитанъ какимъ-то острымъ запахомъ, свойственный вообще сибирскимъ тюрьмамъ Тотъ, кто хоть разъ почувствовалъ этотъ запахъ вѣроятно, никогда его ужъ не забудетъ его рѣшительно ни съ чѣмъ нельзя сравнить. Представьте себѣ спертый воздухъ въ погребѣ, воздухъ изъ котораго удаленъ весь кислородъ, гдѣ каждая частица почти сплошь состоитъ изъ азота, вообразите дальше, что сюда прибавлены еще острыя, удушливыя испаренія множества, долго не мытыхъ, тѣлъ, запахъ прѣлаго дерева и человѣческихъ нечистотъ такова эта атмосфера. Человѣкъ, непривыкшій къ этому воздуху, насыщенному зародышами всевозможныхъ болѣзней, не въ состояніи провести здѣсь ни минуты. Когда мы прошли уже по скользкому полу весь корридоръ, стараясь поменьше вдыхать это зловоніе, кое какъ приспособившись къ этому, Потуловъ обратился ко мнѣ и съ омерзѣніемъ вскричалъ «Ужасная тюрьма»!

Дежурный, все время шедшій впереди насъ, открылъ теперь массивную деревянную дверь въ первую камеру и крикнулъ:—Смирно!—Такъ обыкновенно тюремщики предупреждаютъ арестантовъ, что офицеръ осматриваетъ камеры.

Мы вошли въ комнату, приблизительно въ 8 метровъ длины, 5 ширины и 3 высоты, разсчитанную на 29 арестантовъ. Воздухъ здѣсь былъ несравненно хуже, чѣмъ въ корридорѣ. Въ камерѣ были два рѣшетчатыя окна, но окна не открывались и вентиляціи совершенно не было; стѣны, вѣроятно, были когда-то выкрашены, но теперь отъ массы грязи онѣ совершенно почернѣли; во многихъ мѣстахъ на нихъ виднѣлись слѣды крови раздавленныхъ насѣкомыхъ. Полы были чисто выметены, но къ нимъ крѣпко пристали цѣлые толстые слои грязи. Нары были устроены по тремъ сторонамъ. Арестантамъ приходилось вплотную другъ къ другу спать на голыхъ нарахъ, головами къ стѣнѣ. Кромѣ наръ, каменной печи и «параши» ничего въ комнатѣ не было. Мы пробыли здѣсь только двѣ, три минуты. У меня было только одно желаніе,—поскорѣе бѣжать отсюда: я и до сихъ поръ ясно помню съ какимъ чувствомъ облегченія дышалось мнѣ даже въ вышеупомянутомъ корридорѣ.

Мы быстро прошли остальныя семь камеръ тюрьмы, отличавшіяся изрѣдка, то своей величиной, то количествомъ заключенныхъ; повсюду царилъ невыносимый воздухъ. Его послѣдствія ярко иллюстрировались въ больницѣ: здѣсь преобладала цынга, тифъ, малокровіе и чахотка, какъ и въ большинствѣ сибирскихъ тюремныхъ госпиталей. Всякій чиновникъ зналъ источникъ этого зла и ни одинъ не пытался сдѣлать какія-либо улучшенія. Тюремный врачъ сказалъ мнѣ: «круглый годъ свирѣпствуетъ у насъ цынга. Теперь вы осмотрѣли камеры и можете составить о нихъ свое мнѣніе. При этой грязи и переполненіи камеръ неудивительно, конечно, что болѣзни становятся повальными. Теперь у насъ 140 больныхъ, весной это число подымается часто до 250».

Прежде было еще хуже. Въ 1857 году знаменитый Разгильдяевъ захотѣлъ добыть царю изъ золотыхъ пріисковъ на Карѣ 100 пудовъ золота. И въ томъ году болѣе 1000

арестантовъ заболѣли и умерли отъ цынги, тифа и переутомленія. Русскимъ царемъ былъ тогда Александръ II—Освободитель,—и можно было бы предположить, что правительство обратитъ немного вниманія на судьбу людей, принужденныхъ при явной опасности для своей жизни, работать въ ужасныхъ рудникахъ, и удѣлитъ хоть часть добываемыхъ каторжанами денегъ на улучшеніе печальнаго положенія ихъ—ничуть не бывало! Десять лѣтъ спустя, какъ сообщаетъ С. Максимовъ въ своей книгѣ «Сибирь и каторга», положеніе дѣлъ было все то-же, оставались все тѣ же тюрьмы и та же цынга. Посѣтивъ Кару въ 1886 году, спустя 20 лѣтъ, мы также какъ и Максимовъ констатировали, то-же злосчастное положеніе каторжанъ при невыносимыхъ условіяхъ, тѣ же повальныя болѣзни, съ той только разницей, что число жертвъ желѣзнаго режима и безчеловѣчной обстановки увеличилось: такъ въ 1886 году больныхъ насчитывается, по оффиціальнымъ даннымъ, до 108, что даетъ въ среднемъ 117 заболѣваній на день.

Но въ оффиціальныхъ отчетахъ отмѣчены далеко не всѣ заболѣванія. Сюда не входятъ больные изъ «вольныхъ командъ», лежащіе у себя дома, а также больные, остающіеся въ камерахъ, въ случаѣ если положеніе ихъ кажется не такъ плохо, или если переполнены госпитали. Нерѣдко случается, что арестантъ въ первой стадіи цынги лежитъ двѣ недѣли въ своей камерѣ, и отъ этого заражаются живущіе вмѣстѣ съ нимъ здоровые арестанты.

Осмотрѣвъ мужскія камеры, мы вышли, наконецъ, снова на свѣжій воздухъ во дворъ; мы перешли дворъ, чтобы зайти въ женскую тюрьму. Это было такое же деревянное зданіе, только гораздо меньшее; въ немъ были двѣ камеры. Онѣ были теплѣе, свѣтлѣе, а также выше другихъ, но въ общемъ немногимъ лучше. Полъ былъ весь въ дырахъ и женщины, вѣроятно, сметали туда всякую дрянь и нечи-

стоты. Я наклонился, чтобы поближе разсмотрѣть одну изъ дыръ, но за темнотой и несшимся оттуда зловоніемъ этого нельзя было сдѣлать, спертый пропитанный гнилью воздухъ былъ до того невыносимъ, что я принужденъ былъ задержать дыханіе. И эти камеры, въ которыхъ жили 45 женщинъ,—нѣкоторыя кромѣ того съ болѣзненными дѣтьми на рукахъ—устроены были не лучше другихъ, здѣсь также не было и признака постелей.

Во время нашего обхода несчастные арестанты осаждали маіора Потулова просьбами и жалобами. Одинъ заключенный, напримѣръ, во время транспорта, какъ говорятъ, въ пьяномъ видѣ обмѣнялся именемъ и долженъ былъ отбывать каторгу, вмѣсто того чтобы поселиться гдѣ либо ссыльно-поселенцемъ; онъ просилъ выяснить это печальное для него обстоятельство. Другой думалъ, что его должны уже привести въ вольныя команды; нѣкоторыя, наконецъ, жаловались, что они находятся мѣсяцы въ тюрьмѣ, не зная за что. Многіе обращались ко мнѣ, думая, что мы явились для ревизіи. Чтобы избавить маіора отъ замѣшательства, а арестантовъ, быть можетъ, отъ наказанія, я каждый разъ возможно скорѣе старался разъяснить, что мы ничѣмъ не можемъ имъ помочь, что мы просто путешественники, и только осматриваемъ тюрьму.

Плохое состояніе тюрьмы и жалобы арестантовъ, казалось, разстроили Потулова. Онъ сдѣлался молчаливымъ и вовсе не пытался представить въ лучшемъ свѣтѣ положеніе дѣлъ. Онъ насъ и не спрашивалъ, ни тогда, ни позже, о нашемъ мнѣніи о состояніи тюрьмы, понявъ, каково должно было быть вынесенное нами впечатлѣніе. Въ другомъ замкнутомъ дворѣ находилась женская политическая тюрьма. Однако чтобы посѣтить эту часть нужно было имѣть разрѣшеніе отъ жандармскаго капитана Николина. Изъ того, что я узналъ о ней позже, я заключилъ, что она быть можетъ чище и не такъ переполнена, какъ камеры обык-

повѣшенныхъ преступниковъ, но во многомъ мало гигіенична и удобна.

Во вторникъ послѣ обѣда мы посѣтили тюрьму въ Средней Карѣ. Это была лучшая тюрьма изъ всѣхъ, какія я встрѣтилъ въ этой мѣстности. Она находилась приблизительно въ 5 километрахъ отъ Нижнихъ пріисковъ; дорога туда вела вверхъ по правому берегу Кары, по пустынной занесенной снѣгомъ долинѣ, по которой разбросаны были нѣсколько худыхъ избъ, занятыхъ арестантами изъ вольныхъ командъ. Болѣе жалкихъ жилищъ, чѣмъ эти лачуги, наскоро сколоченныя изъ плавучаго лѣса и досокъ, нельзя себѣ представить. Для меня было совершенно непонятно, какъ могутъ люди проводить суровую сибирскую зиму въ такихъ помѣщеніяхъ. Основаніе—вольныхъ командъ—имѣло цѣлью побудить арестантовъ къ исправленію, дать имъ возможность хорошимъ поведеніемъ улучшить свое положеніе. Я же не думаю, чтобы этимъ поощрялась нравственность, напротивъ! Вольныя команды способствуютъ скорѣе разврату, пьянству и другимъ порокамъ. Вредитъ нравственности уже то, что женщинамъ и дѣтямъ разрѣшается слѣдовать за своими мужьями и отцами въ Сибирь и жить въ вольныхъ командахъ, отдѣльно отъ приговоренныхъ къ каторгѣ. Правительство помогало этимъ женщинамъ и дѣтямъ, думая, что семья окажетъ облагораживающее вліяніе на арестанта. Но большинство этихъ женщинъ и дѣвушекъ ведутъ въ колоніяхъ преступниковъ порочную жизнь; онѣ здѣсь погибаютъ, если даже жизнь во время этапа не оказала особенно вреднаго вліянія на ихъ нравственность. Арестантъ, попавшій въ вольныя команды въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ охоту уютно устроить свое жилище. Онъ знаетъ, что время его наказанія теперь вѣдь не такъ долго протянется, и его тогда сошлютъ на поселеніе въ какую-нибудь часть Сибири, и труды его пропадутъ даромъ. Такимъ образомъ все его стремленіе –

меньше работать, и насколько это возможно, предаваться порочнымъ наслажденіямъ.

Большая часть арестантовъ нетерпѣливо ждетъ своего назначенія въ вольныя команды только потому, что здѣсь имъ представляется болѣе удобный случай бѣжать. Ежегодно, какъ только наступитъ лѣто, они въ большомъ количествѣ бѣгутъ въ лѣса, а оттуда стараются пробраться къ Байкальскому озеру. Крикъ кукушки служитъ для нихъ сигналомъ. Поэтоту бѣжать на воровскомъ языкѣ сибирскихъ бродягъ значитъ—получить приказъ отъ «генерала Кукушкина».

Ежегодно почти до 300 преступниковъ слѣдуютъ приказу «генерала Кукушкина". Множество арестантовъ Карійской области, убѣжавшихъ весной, къ осени возвращаются обратно, только подъ другими именами. Ихъ снова заковываютъ въ кандалы, но они уже довольны и тѣмъ, что хоть нѣсколько мѣсяцевъ насладились свободой и подышали свѣжимъ воздухомъ лѣсовъ. Многіе арестанты положительно не могутъ обойтись безъ того, чтобы не убѣжать. Какая-то могучая внутренняя сила гонитъ ихъ въ безпредѣльные лѣса и обширныя тайги Восточной Сибири. Они прекрасно знаютъ, что совершенное спасеніе почти невозможно; знаютъ, что какъ преслѣдуемой дичи, имъ приходится бѣжать безъ отдыха и оглядки, что въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ они будутъ питаться одними ягодами да овощами, что ежеминутно имъ грозитъ смерть, и все-таки,— лишь только раздается первый призывный громкій крикъ кукушки, ужъ ихъ неудержимо гонитъ на волю.

— Я имѣлъ когда-то арестанта въ услуженіи, — разсказывалъ мнѣ одинъ тюремный чиновникъ съ Кары, — который былъ, положительно, профессіональнымъ бродягой и часто бѣгалъ, единственно лишь побуждаемый усвоенной

привычкой. Въ бѣгахъ ему приходилось переносить величайшія невзгоды. Его обыкновенно очень скоро ловили, водворяли обратно, сурово наказывали. Такъ онъ и состарился. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ, тогда онъ былъ уже въ «вольной командѣ", и проситъ посадить его въ тюрьму. Я съ удивленіемъ взглянулъ на него, такъ какъ меня поразило такое странное желаніе, и спросилъ, что онъ затѣваетъ.—Ничего, право ничего!— увѣралъ онъ,— но вѣдь вы сами знаете, что я бродяга, что я уже часто убѣгалъ и теперь тоже убѣжалъ бы, вѣроятно; но теперь я ужъ состарился и не могу больше, какъ прежде, переносить жизнь въ лѣсахъ. Прикажите, баринъ, посадить меня въ тюрьму, такъ какъ я не совладаю съ собой, когда услышу „генерала Кукушкина» Я исполнилъ его желаніе и продержалъ его большую часть лѣта за замкомъ. Когда же прошло лѣто, то съ нимъ прошла у него и охота странствовать, онъ успокоился.

Не безъ умиленія слушалъ я этотъ разсказъ о старомъ бродягѣ. Подобно Одиссею, привязывавшему себя къ мачтѣ, чтобы устоять противъ сладкихъ чаръ сиренъ этотъ старикъ добровольно сѣлъ въ тюрьму, чтобы только не поддаться зову кукушки и не уйти въ туманную даль, такъ обольстительно сулящую ему свободу и чувства наслажденія, связанныя съ нею.

Возникаетъ вопросъ, какъ же умудрялись удирать такъ усердно охраняемые арестанты. Но, въ сущности говоря, здѣсь несравненно меньше трудностей, чѣмъ кажется. Дома „вольной команды" не охраняются; нигдѣ не выставляется ни патрулей, ни заставъ, а потому арестанту вовсе не трудно, запасшись предварительно необходимыми для жизни продуктами, собраться ночью въ путь-дорогу. Да при томъ подобные побѣги вовсе не такъ ужъ непріятны тюремнымъ сторожамъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ они лишь выигрываютъ. Скрывая побѣги, они исправно получа-

ютъ предназначенные убѣжавшимъ платье и припасы, продаютъ поставщикамъ. Такимъ образомъ выходитъ, что правительство дважды покупаетъ и оплачиваетъ однѣ и тѣ же продукты. Для порочныхъ чиновниковъ каждый умершій или бѣжавшій арестантъ есть извѣстный источникъ дохода до тѣхъ поръ, пока представляется возможность скрывать такой случай и считать его имя въ спискахъ. Такимъ образомъ странно было бы и ожидать, чтобы администрація особенно усердно старалась предупреждать попытки къ бѣгству или обращала бы особенное вниманіе на поимку бѣжавшихъ...

Тюрьма у Средней Кары находилась въ колоніи того же имени. Это было не особенно большое одноэтажное бревенчатое зданіе. Фасадомъ оно было обращено на улицу, а остальныя стороны, огражденныя высокимъ частоколомъ, образовывали четыреугольный дворъ. По своему внѣшнему и внутреннему устройству эта тюрьма была очень похожа на ту, что лежитъ при устьѣ Кары; только самое сооруженіе не было такъ ветхо, да санитарное ея состояніе было нѣсколько лучше. Во время нашего посѣщенія большая часть здѣшнихъ обитателей были на работахъ на Верхнемъ пріискѣ, а потому я не могъ непосредственно убѣдиться въ томъ, была ли и эта тюрьма переполнена такъ же, какъ и другія. На мой вопросъ по этому поводу маіоръ Потуловъ объяснилъ, что въ настоящее время здѣсь содержатся 107 арестантовъ. Въ данный же моментъ, кромѣ больныхъ, въ тюрьмѣ оставалось еще нѣсколько человѣкъ на кухнѣ и на уборку. Воздухъ и здѣсь тоже былъ тяжелъ, но все же несравненно чище: здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно было хоть дышать-то безъ отвращенія. И здѣсь, не было недостатка въ вышеупомянутомъ характерномъ-тюремномъ запахѣ, но мнѣ казалось, что здѣсь хоть заботились о томъ, чтобы сдѣлать его менѣе замѣтнымъ; вѣроятно, съ этою цѣлью на стѣнахъ надъ нарами

были прикрѣплены свѣжіе еловые сучья. Кое гдѣ къ этимъ сучьямъ привѣшены были картонныя дощечки съ цитатами изъ библіи. Такъ на одной я прочелъ. «Пріидите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ". — Не знаю, по чьему приказанію навѣшаны здѣсь были эти изреченія: мнѣ казалось, только, что ужъ слишкомъ много противорѣчія было въ приведенныхъ словахъ и еловыхъ украшеніяхъ съ противнымъ тюремнымъ запахомъ, и жесткими нарами, полными всякихъ паразитовъ.

Нѣкоторыя нары были покрыты толстыми одѣялами, сдѣланными самими арестантами изъ всевозможныхъ лоскутьевъ. Какое безчеловѣчіе со стороны русскаго правительства, не давать арестантамъ хоть соломенной подстилки тогда, какъ такою роскошью пользуются даже цѣпныя собаки въ цивилизованныхъ странахъ! Проработавъ, какъ волъ, двѣнадцать часовъ, усталый и разбитый, возвращается арестантъ домой, гдѣ его ждетъ жесткая скамья да многообѣщающія слова на грязной стѣнѣ: „Прійдите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ!" Злая, жестокая насмѣшка надъ человѣкомъ!

Мы осмотрѣли въ Забайкальѣ десять тюремъ, но только въ одной, именно въ новой тюрьмѣ въ Верхне-Уфимскѣ, видѣли кровать, подушку и одѣяло. Вездѣ же арестанты должны были не раздѣваясь спать на жесткихъ нарахъ, вездѣ быть буквально поѣдаемы паразитами и вдыхать отравленный воздухъ. Если кто думаетъ, что я здѣсь что-либо преувеличилъ, пусть обратится къ уже упомянутымъ книгамъ „Сибирь и каторга» Максимова и Книгѣ Орфанова. Не я первый обратилъ на это вниманіе, про это говорилось уже давно въ Россіи русскими людьми; я повторяю все это здѣсь и не потому, что мнѣ нравятся

всѣ эти вещи, о нѣтъ,—единственно лишь потому, что про это говорятъ черезчуръ рѣдко, чтобы заставить, наконецъ, русское правительство положить предѣлъ этому возмутительному порядку.

Послѣ осмотра камеръ мы прошли на кухню.

Арестанты въ Карійскомъ округѣ получаютъ каждый ежедневно по три фунта ржаного хлѣба, около четырехъ унцій мяса съ костями, немного ячменя, который обыкновенно идетъ въ супъ, и наконецъ, маленькую горсть кирпичнаго чаю. Скопившій на сверхурочной работѣ или инымъ образомъ немного денегъ, иногда сверхъ того получаетъ нѣсколько картошекъ или капустныхъ листьевъ. Пища выдаваемая арестантамъ, показалась мнѣ болѣе или менѣе удовлетворительной; конечно, о разнообразіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Я попробовалъ хлѣбъ. Онъ нѣсколько похожъ былъ на тотъ, который обыкновенно потребляютъ сибирскіе крестьяне, только былъ недостаточно выпеченъ. Мясо, приготовленное для арестантовъ, показалось мнѣ значительно менѣе удовлетворительнымъ: оно очень походило на жировыя вырѣзки, что идутъ въ дѣло на мыловарняхъ.

Послѣ утренней переклички они получали въ камеры ранній завтракъ изъ кирпичнаго чаю съ хлѣбомъ. Затѣмъ, захвативъ съ собой новыя порціи чаю и хлѣба для поздняго завтрака, они отправлялись на пріиски. Здѣсь, независимо отъ погоды, завтракъ готовился на походномъ огнѣ. Завтракали, разумѣется, подъ открытымъ небомъ. Только подъ вечеръ, возвратившись съ работъ, арестанты получали въ своихъ камерахъ настоящій уже обѣдъ: супъ, мясо, хлѣбъ и иногда немного чаю. Затѣмъ, послѣ новой переклички, ихъ уже запирали по камерамъ.

Одежда арестанта въ Карійской области состоитъ, или, вѣрнѣе, должна состоять изъ слѣдующаго: каждые шесть мѣсяцевъ онъ получаетъ грубую полотняную ру-

башку и такіе же штаны, каждый годъ — куртку, плоѣные брюки и шапку. Зимою въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, онъ носитъ такъ называемые «бродни» кожаные сапоги, а лѣтомъ, въ теченіе двадцати двухъ дней „коты"—нѣкоторое подобіе туфель. О качествѣ пищи и одежды арестантовъ легче всего судить по тому обстоятельству, что ежегодно правительство расходуетъ на полное содержаніе каждаго изъ нихъ меньше 80 рублей.

Осмотрѣвъ тюрьмы по Средней Карѣ, мы поѣхали въ Верхнюю; здѣсь, оставивъ экипажъ, мы пошли по теченію рѣки къ пріискамъ.

Золотоносный слой песку въ Карійской области лежитъ подъ пластами глины или камня толщиною отъ трехъ до шести метровъ. Арестанты прежде всего удаляютъ эти пласты и затѣмъ уже засыпаютъ золотоносный песокъ въ машину, гдѣ онъ промывается въ большой желѣзной воронкѣ. Всѣ остатки затѣмъ пропускаются въ цѣлый рядъ плоскихъ, наклонныхъ желобовъ, на днѣ которыхъ и осаждается „черный песокъ" и частицы золота. Поперечныя деревянныя планки удерживаютъ отъ утечки эти осадки.

Первая осмотрѣнная нами разработка производила очень грустное впечатлѣніе, еще усиливавшееся пасмурнымъ зимнимъ днемъ. Тридцать-сорокъ арестантовъ, окруженные казачьимъ кордономъ, работали въ глубокой ямѣ, дно которой нѣкогда, вѣроятно, было русломъ рѣки. Одни изъ нихъ ломами отдѣляли твердую верхнюю кору, другіе нагружали носилки добытыми обломками, третьи, наконецъ, убирали эти носилки и опорожняли ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Машина не работала, такъ какъ пока производилась лишь очистка, обнаженіе золотоноснаго слоя.

Скованные арестанты работали вяло; было замѣтно, что каждый изъ нихъ думаетъ лишь о ночномъ отдыхѣ. Кругомъ тихо; лишь иногда стукъ лома, короткое прика-

заніе надзирателя или звонъ кандаловъ у арестантовъ, убирающихъ носилки, нарушаютъ эту тишину Въ нѣсколькихъ шагахъ кучка солдатъ пытается разложить на занесенной снѣгомъ землѣ костеръ, чтобы отогрѣть озябшія руки и сварить себѣ чай.

Съ четверть часа мы смотрѣли на работу арестантовъ, затѣмъ вернулись къ своей повозкѣ, разстроенные грустной картиной и сѣверной погодой.

Въ рудникахъ на Карѣ зимою работаютъ съ 7 часовъ утра до 5 вечера, а лѣтомъ—съ 5 до 7; значительная часть этого времени тратится на дорогу изъ тюрьмы къ рудникамъ и обратно. Эти рудники даютъ правительству ежегодно 11 пуд. золота. Дѣйствительная добыча здѣсь гораздо значительнѣе, такъ какъ арестанты, живущіе въ „вольныхъ командахъ“ умудряются прятать золотыя зерна и продаютъ ихъ потомъ людямъ, спеціально занимающимся перевозкой ихъ за китайскую границу. Въ самой Сибири торговля золотомъ невозможна, такъ какъ здѣсь закономъ строго карается частное владѣніе „золотой пшеницей“, какъ выражаются арестанты, но предпріятіе это даетъ такіе большіе барыши, что многіе отваживаются на него. Арестанты охотно продаютъ золото контрабандистамъ, такъ какъ считаютъ его „Божьимъ даромъ“. И на этомъ основаніи со спокойною совѣстью присваиваютъ его, въ особенности, если имъ не грозитъ при этомъ опасность быть открытыми.

По мнѣнію маіора Потулова на содержаніе арестантовъ въ Карійскомъ округѣ ежегодно расходуется до полумилліона рублей. Мнѣ лишь удалось узнать, что „кабинетскіе рудники“, какъ ихъ называютъ въ Россіи, доставляютъ ежегодно около 3600 фунтовъ чистаго золота.

„Вольныя команды."

Моимъ завѣтнымъ желаніемъ было познакомиться поближе съ жизнью и занятіями арестантовъ, сосланныхъ въ каторжныя работы за политическія преступленія. Обыкновенныхъ преступниковъ, — убійцъ, воровъ, мошенниковъ и т. д. можно было увидѣть на каторгѣ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, тогда какъ политическіе каторжники находятся лишь въ Карійской области, гдѣ живутъ въ тюрьмахъ или деревянныхъ избушкахъ „вольныя команды". Прежде всего намъ предстояло добиться пропуска въ нихъ и мы надѣялись, что это удастся, такъ какъ мы были вѣдь не больше, какъ безвредные, невинные путешественники, вдобавокъ снабженные рекомендательными письмами. Дѣйствовали мы съ официальнаго разрѣшенія и въ интересахъ полноты изслѣдованія не могли обойтись безъ подробнаго ознакомленія съ тѣмъ и другимъ. За полъ года мы столько видѣли и испытали, что научились какъ слѣдуетъ обращаться съ недовѣрчивыми полицейскими и жандармами, въ чемъ намъ много помогли цѣнныя указанія политическихъ ссыльныхъ.

Въ данномъ случаѣ мнѣ представлялось наиболѣе цѣлесообразнымъ завести сношенія съ чиновниками, постараться уяснить себѣ положеніе дѣлъ путемъ осторожныхъ вопросовъ, конечно такъ, чтобы не дать имъ замѣтить, что для меня главный интересъ представляютъ политическіе арестанты, а затѣмъ ждать удобнаго случая привести въ исполненіе свое желаніе. Слѣдуя такому плану, мы осмотрѣли сперва тюрьмы обыкновенныхъ арестантовъ въ рудникѣ, обращались очень любезно съ чиновниками и въ особенности съ маіоромъ Потуловымъ и его хорошенькой женой. Скоро однако мнѣ сдѣлалось ясно, что было бы совершенно тщетно хлопотать о разрѣшеніи сообщаться

съ политическими, и что только тайно мы сможемъ осуществить свои планы. Такъ впрочемъ, оно и должно было случиться...

Я зналъ по именамъ и по участи многихъ здѣшнихъ политическихъ, а къ одной изъ нихъ—Натальѣ Армфельдтъ имѣлъ даже рекомендательное письмо; былъ у меня также и планъ „Нижняго Пріиска" съ обозначеніемъ хижинки, въ которой она жила со своею матерью въ „вольной командѣ". Вся бѣда была въ томъ, что никакъ невозможно было нанести ей тайно визитъ въ этомъ гнѣздѣ, биткомъ набитомъ казаками и жандармами, гдѣ зорко слѣдили за каждымъ шагомъ чужого человѣка, гдѣ каждый новичокъ возбуждалъ такое же любопытство, какъ дикій звѣрь. Было и еще одно препятствіе на пути къ нашей цѣли. Маіоръ Потуловъ положительно не покидалъ насъ! Съ того часа, когда мы обратились къ нему, онъ бросилъ все и посвятилъ себя исключительно намъ; онъ сидѣлъ дома, если сидѣли мы, и выходилъ вмѣстѣ съ нами, куда бы мы не вышли. Стоило мнѣ взглянуть на шляпу и пальто, и онъ уже замѣчалъ:

Вы собираетесь пройтись? Я съ удовольствіемъ былъ бы вашимъ спутникомъ.—Намъ, конечно, оставалось только одно: изображать на лицѣ пріятную улыбку и принимать это предложеніе. Несомнѣнно онъ старался такимъ образомъ лишить насъ возможности самостоятельно познакомиться съ тѣмъ, что нужно было выставить въ наилучшемъ свѣтѣ передъ нами. Я хорошо понималъ положеніе нашего хозяина, и мнѣ было очень непріятно видѣть, какую массу безпокойства доставляетъ ему наше пребываніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ интересахъ дѣла, я вынужденъ былъ рѣшиться обманывать его, по скольку это возможно было, не выходя изъ границъ простого приличія. Я зналъ, что намъ, вдобавокъ его гостямъ, очень трудно будетъ согласовать то и другое,—благодарность и обманъ,—и положеніе наше было

поэтому здѣсь очень тяжелымъ. Однако другого пути для достиженія цѣли не было! Если бы мы ему просто сказали, что хотимъ посѣтить обитателей «вольной команды», то онъ несомнѣнно онъ постарался бы насъ отговорить, и тогда его уже навѣрно въ будущемъ намъ не удалось бы ни одна попытка безъ его вѣдома, вотъ почему я рѣшилъ лучше приняться за выполненіе своихъ плановъ раньше, чѣмъ онъ какимъ-нибудь образомъ могъ о нихъ узнать. Конечно, способы выполненія должны были быть таковы, чтобы никоимъ образомъ не быть во вредъ нашему радушному хозяину, и всѣ послѣдствія открытія этого предпріятія должны были пасть на мою голову. У меня ни разу не явилось мысли лучше отказаться отъ своихъ плановъ и, наконецъ, это гостепріимство, составлявшее для насъ новое препятствіе, вѣдь было намъ навязано...

Итакъ, я ожидалъ лишь благопріятнаго случая, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе, которое представлялось мнѣ прежде полнымъ непреодолимыхъ препятствій. На другой день по пріѣздѣ на Кару насъ посѣтилъ жандармскій капитанъ Николинъ. Онъ уже получилъ свѣдѣнія о нашемъ прибытіи и хотѣлъ, вѣроятно, лично узнать, что собственно привело насъ сюда. Капитанъ не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія, но тѣмъ болѣе я былъ удивленъ тому, съ какою просто оскорбительною холодностью принималъ его нашъ маіоръ въ своемъ домѣ. Съ перваго взгляда было видно, что эти два человѣка питаютъ другъ къ другу далеко не дружелюбныя чувства, и я соображалъ какія именно важныя причины могли побудить капитана мириться съ обращеніемъ, которое всякій другой на его мѣстѣ счелъ бы равносильнымъ пощечинѣ. Но русскіе жандармскіе офицеры готовы на все тамъ, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи ихъ цѣли! Капитанъ Николинъ хотѣлъ лично насъ изучить и потому-то, быть можетъ, несмотря на ледяную холодность въ обращеніи съ нимъ маіора, самъ былъ привѣтливъ, и весьма

любезенъ. Что касается меня, то я старался отнестись къ нему наиболѣе ласково, насколько, конечно, такое отношеніе возможно было, безъ оскорбленія хозяина, и разчитывалъ, что ему особенно должна была льстить подобная ласковость въ окружающей обстановкѣ. Мнѣ думалось, что такое мое поведеніе побудитъ его вынести о насъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, и будущее показало, что я не ошибся. Капитанъ Николинъ былъ видимо растроганъ нашимъ тонкимъ обращеніемъ и, когда собрался уже уходить, тепло пожалъ мнѣ руку и выразилъ надежду снова увидѣться съ нами въ недалекомъ будущемъ Онъ не рѣшился, вѣроятно изъ за присутствія маіора, сдѣлать намъ прямое приглашеніе, да и мы старались его избѣжать, чтобы не опредѣлить точнаго времени визита, хотя въ числѣ нашихъ ближайшихъ цѣлей было и это новое знакомство, но мы собирались исполнить это желаніе какъ только удастся на нѣкоторое время освободиться отъ нашего постояннаго спутника. Изъ чувства ли деликатности или изъ благоразумія, но маіоръ ни однимъ словомъ не коснулся капитана послѣ его ухода. Позже изъ разговоровъ съ другими офицерами мнѣ удалось узнать, что оба они были въ очень натянутыхъ отношеніяхъ, и что сверхъ того капитана ненавидѣли и презирали всѣ офицеры гарнизона за его страсть къ доносамъ и шпіонству.

— Онъ сообщаетъ въ Петербургъ о всѣхъ нашихъ поступкахъ, разсказывалъ мнѣ одинъ офицеръ:—но, впрочемъ, наплевать, ни я и никто его вовсе не боится. За послѣдніе три года здѣсь, на должности коменданта политическихъ смѣнилось четыре или пять жандармскихъ офицеровъ, но этотъ куда злѣе всѣхъ прежнихъ!

Подобное обстоятельство естественно еще ухудшило наше положеніе; мнѣ казалось, что если мы войдемъ въ

сношеніе съ политическими преступниками въ „вольныхъ командахъ", то Николинъ сейчасъ же, вѣроятно, будетъ поставленъ объ этомъ въ извѣстность и нѣтъ сомнѣнія, что немедленно имъ въ Петербургъ будетъ отправленъ донось, тѣмъ болѣе, что не упуститъ же онъ удобнаго случая отомстить и напакостить своему врагу, маіору Потулеву. Итакъ, намъ предстояло повредить человѣку, гостепріимствомъ котораго мы пользовались. И не только это: подобный исходъ могъ бы имѣть несравненно болѣе грустныя послѣдствія! Я слыхалъ, что жандармскій капитанъ былъ противникомъ учрежденія „вольныхъ командъ" и не разъ уже добивался упраздненія этого института. Мои тайныя сношенія съ людьми, находящимися въ этихъ „командахъ", дали бы ему надежное оружіе для защиты своихъ притязаній, и онъ имѣлъ бы полное основаніе написать министру внутреннихъ дѣлъ хотя бы слѣдующій докладъ: „Правительство заботится о томъ, чтобы лишить возможности наиболѣе вредныхъ преступниковъ принимать участіе въ общественной жизни, но эта цѣль никакъ не будетъ достигнута, если политическіе арестанты будутъ жить въ „вольныхъ командахъ" и тамъ сообщатся съ путешествующими иностранцами.

По Сибири теперь ѣздятъ чаще, чѣмъ прежде, и карійская область теперь совсѣмъ не такъ недоступна, какъ когда-то. Если даже офицеры дѣйствительной службы, какъ напримѣръ маіоръ Потулевъ, начинаютъ облегчать путешествующимъ иностранцамъ сношенія съ политическими арестантами, то правительство должно добиться желаемой изоляціи вреднаго элемента инымъ способомъ, а именно уничтожить безполезныя, даже вредныя „вольныя команды" и снова заключить въ тюрьмы преступниковъ.

Легко себѣ представить, что могло бы произойти изъ за подобнаго доклада. Мое тайное посѣщеніе могло бы по-

вредить не одному только маіору Потулеву, но и тѣмъ, кто жилъ въ „вольныхъ командахъ"; я былъ бы причиною ихъ новаго заточенія въ тюрьмы. Мысль что я могъ бы способствовать умноженію золь, падавшихъ на этихъ несчастныхъ, вмѣсто того, чтобы облегчить имъ ихъ тяжкую участь,—эта мысль заставила меня провести страшную безсонную ночь. Я снова обдумалъ съ различныхъ точекъ зрѣнія свое предпріятіе, и все таки пришелъ къ заключенію, что долженъ завести знакомства съ политическими въ карійской области, и что добиться этого возможно только слѣдуя тому плану, который я выработалъ себѣ съ самаго начала. Поэтому, въ настоящее, время мнѣ оставалось только заботиться о томъ какъ избавиться отъ вниманія столь же любезнаго, какъ и осторожнаго маіора.

Въ теченіе цѣлыхъ пяти дней мнѣ не удавалось ни разу выйти изъ дому безъ непрошеннаго спутника, на шестой, наконецъ, представился давно желанный случай, такъ какъ Потулевъ долженъ былъ отправиться къ устью Кары произвести разслѣдованіе о пожарѣ, которымъ не за долго до того уничтожилъ громадный казенный мучной складъ.

Исторія этого пожара между прочимъ даетъ великолѣпную картину развращенности и казнокрадства русскихъ чиновниковъ. Эти два качества, составляютъ повсемѣстно въ Россіи отличительную черту чиновничества, здѣсь въ Сибири выступаютъ еще болѣе рельефно. Въ магазинѣ къ тому времени, когда онъ сгорѣлъ, должно было находиться около 20000 пудовъ муки, однако послѣ пожара оказалось, что тамъ едва ли было и 20 пудовъ, да и тѣ принадлежали частному лицу случайно отдавшему свой хлѣбъ на сохраненіе въ пустой магазинъ. Отъ 20000 пудовъ не осталось и слѣда; ясно было, что мука кѣмъ то украдена, и что магазинъ подожженъ съ цѣлью скрыть преступленіе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ мы услышали, что домъ маіора

Потулева, гдѣ хранились акты разслѣдованіи этого случая тоже внезапно сдѣлался жертвою пламени. Не сомнѣваюсь, что здѣсь виновниками были люди, имѣвшіе серьезное основаніе стараться уничтожить эти компрометтирующія дѣла.

Не прошло и часа со времени отъѣзда маіора, какъ я уже собрался въ путь, на поиски политическихъ преступниковъ въ „вольныхъ командахъ"; нѣкоторые подарки, приготовленные для нихъ, я спряталъ подъ мѣхомъ моей шубы, равно какъ и письма, бывшія со мною.

Былъ второй часъ пополудни. Маіоръ Потулевъ сказалъ, что возвратится только на слѣдующій день послѣ полудня, поэтому цѣлыя сутки я оставался безъ надзора, что и хотѣлъ по возможности использовать. Прежде всего я рѣшилъ отыскать капитана Николина, чтобы еще усилить въ немъ то благопріятное мнѣніе, которое онъ могъ о насъ составить. Вечеромъ же я хотѣлъ прямо изъ его дома отправиться къ упомянутой уже госпожѣ Армфельдтъ. Я думалъ, что Николину польстило бы, что первымъ свободнымъ часомъ я воспользовался, чтобы посѣтить его, а потомъ я думалъ также, что посѣщеніе мое госпожи Армфельдтъ меньше обратило бы вниманія, если бы люди видѣли передъ этимъ, что я вышелъ изъ дома начальника. Они бытъ можетъ, подумали бы, что посѣщеніе это было съ вѣдома маіора, а поэтому и не сообщили бы ему объ этомъ.

Капитанъ Николинъ, мужчина лѣтъ 50, лысый, съ большой сѣдой бородой, тонкими сжатыми губами, съ холоднымъ выраженіемъ глазъ, былъ одинъ изъ наиболѣе хитрыхъ и опытныхъ жандармскихъ офицеровъ; онъ прошелъ школу подъ начальствомъ генерала Муравьева Вѣшателя и состоялъ уже тридцать лѣтъ на службѣ.

Обращеніе у него было мягкое, учтивое, какъ обыкновенно бываетъ у русскихъ жандармскихъ офицеровъ, однако несмотря на это, то неблагопріятное впечатлѣніе, которое

онъ произвелъ на меня при первой встрѣчѣ, теперь еще болѣе усилились. Какъ ни старался онъ казаться радушнымъ, какъ сердечно онъ ни привѣтствовалъ меня—все-таки въ его взорѣ было что-то шпіонское, и это ясно показывало, что всѣ эти прекрасныя слова и улыбки не что иное какъ маска, за которой скрывается его настоящій характеръ. Насколько я могъ узнать его, у него была только одна слабость: тщеславіе важностью и значеніемъ своего здѣшняго положенія. По его мнѣнію была не шутка - занимать этотъ постъ, гдѣ онъ имѣлъ надзоръ за самыми важными тюрьмами Сибири и при этомъ былъ подчиненъ только министру внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, съ которымъ у него были непосредственныя сношенія, честь не меньшая, чѣмъ имѣть непосредственныя сношенія съ царемъ. Я хотѣлъ насколько возможно использовать теперь это тщеславіе, чтобы расположить его къ себѣ. И извинился, что не посѣтилъ его прежде, къ сожалѣнію благодаря сложившимся обстоятельствамъ мнѣ было невозможно сдѣлать это. Онъ поклонился, и замѣтилъ, что вполнѣ можетъ судить о томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь; потомъ онъ пригласилъ меня на чашку чая. Принесли кипящій самоваръ, налили чай, закурили папиросы и потомъ начался живой разговоръ.

Я нарисовалъ въ веселыхъ краскахъ наши приключенія въ Сибири, и при этомъ не забылъ упомянуть, что я состою членомъ географическаго общества въ Америкѣ, разсказалъ о своихъ прежнихъ сношеніяхъ съ русско-американскимъ телеграфнымъ обществомъ, о своей жизни въ палаткѣ на Камчаткѣ, о своихъ сношеніяхъ съ господиномъ Влангалли, секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, послѣднее разсказалъ съ цѣлью намекнуть на то, что свою поѣздку по Сибири я совершаю съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ русскихъ властей.

Мнѣ казалось, что онъ охотно слушаетъ меня и скоро я разсказалъ ему исторію всей моей жизни. Онъ испросилъ

меня, думаю ли я описать свое путешествіе по Сибири, на что я отвѣтилъ утвердительно и указалъ на свое положеніе въ «Century Magazine». Я упомянулъ что кое-что я уже раньше написалъ о Сибири, это его заинтересовало. Я пригласилъ его зайти къ намъ посмотрѣть эскизы моего друга Фроста, и въ концѣ концовъ пожалѣлъ, что онъ не понимаетъ по англійски, и поэтому не можетъ почитать мои статьи. Онъ выразилъ надежду, что они будутъ переведены на русскій языкъ. Я согласился съ возможностью, тѣмъ болѣе, что моя первая книга была два раза переведена на русскій языкъ Не знаю навѣрное, что я еще болталъ, во всякомъ случаѣ, ни съ однимъ человѣкомъ въ мірѣ я не говорилъ столько о себѣ и своихъ цѣляхъ какъ съ этимъ жандармскимъ капитаномъ.

Моя откровенность и болтливость, казалось, произвели желаемое дѣйствіе: рѣчь его стала искреннѣе, онъ налилъ мнѣ еще чашку чаю и когда замѣтилъ, что я могъ не только говорить но и слушать, онъ разсказалъ мнѣ о своей жизни, о своихъ чинахъ, орденахъ, своихъ отношеніяхъ, о томъ сколько ему нужно было еще служить, чтобы выслужить пенсію, упомянулъ также съ гордостью, что онъ единственный во всей Сибири офицеръ въ чинѣ капитана имѣетъ непосредственныя сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ разговорѣ мы коснулись ссылки и я не мало удивился, когда онъ выразился о пересыльныхъ тюрьмахъ какъ о злѣ, нашелъ жизнь ссыльныхъ во время транспорта достойной сожалѣнія, да вообще всю систему ссылки считалъ никуда негодной.

Такихъ рѣчей, признаться, я не ожидалъ здѣсь. Однако, подумалъ, я не хитрость ли все это, не хочетъ ли онъ подобными рѣчами вывѣдать мое мнѣніе. Я все же вступилъ въ разговоръ, не показывая виду, какъ хорошо извѣстны мнѣ всѣ эти вещи; и я не упускалъ случая настойчиво указывать на тѣ немногія лучшія тюрьмы, какія мнѣ

пришлось видѣть. Я упомянулъ о новой тюрьмѣ въ Верхнеудинскѣ и выставилъ ее, какъ доказательство того, что правительство старается улучшить, тюремное дѣло въ Сибири.

Затѣмъ онъ вдругъ перешелъ къ политическимъ заключеннымъ Карской области. Онъ увѣрялъ, что они находятся въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ часто думаютъ. Они живутъ въ большихъ свѣтлыхъ камерахъ, не обязаны исполнять никакихъ принудительныхъ работъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи книги, могутъ получать деньги и, наконецъ, по истеченіи извѣстнаго срока выходятъ въ вольныя команды, гдѣ они живутъ въ собственномъ домѣ, при которомъ имѣютъ садики.

Я выразилъ удивленіе такому снисходительному обращенію и спросилъ, не обязаны ли политическіе заключенные работать на золотыхъ пріискахъ.

— Конечно нѣтъ! — отвѣтилъ онъ. -Они находятся въ своихъ уютныхъ помѣщеніяхъ, читаютъ, занимаются тамъ, вотъ и все.

А могутъ ли они переписываться со своими знакомыми и родственниками, проживающими въ Европейской Россіи? — спросилъ я.

Почему же не могутъ? Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь я установилъ совсѣмъ особыя отношенія къ этому. Само собой разумѣется, я прочитываю письма и открытки, которыя они посылаютъ, но писать они могутъ сколько имъ угодно.

— У насъ въ Америкѣ думаютъ — замѣтилъ я, — что часто политическіе преступники въ Сибири принуждены, прикованные къ тачкѣ, работать въ рудникахъ, гдѣ они проводятъ дни въ величайшихъ бѣдствіяхъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня, снисходительно улыбнулся и сказалъ:

— И я былъ прежде подобнаго же мнѣнія и былъ совсѣмъ пораженъ, когда нашелъ здѣсь столь благопріятныя условія. Если бы вы могли сейчасъ заглянуть въ камеры, вы увидѣли бы тамъ заключенныхъ, сидящихъ за большимъ столомъ, и занятыхъ чтеніемъ или письмомъ, вы подумали бы, что попали въ читальню.

Я замѣтилъ, что очень былъ бы радъ посмотрѣть, что это очень интересный матеріалъ для статьи, и спросилъ его, не можетъ ли онъ разрѣшить посѣтить тюрьму.

— На это я не имѣю права, - отвѣтилъ онъ, помедливъ,—но нѣкоторыя книги вы можете посмотрѣть, если хотите. Есть даже англійскія

Тутъ онъ позвалъ солдата и приказалъ ему принесть изъ тюрьмы нѣсколько англійскихъ книжекъ и газетъ.

Солдатъ ушелъ и возвратился скоро съ томомъ стихотвореній Шелли въ номерѣ лондонскаго юмористическаго журнала—Punch. -Съ улыбкой побѣдителя передалъ ихъ мнѣ капитанъ и продолжалъ разговаривать дальше:

— Недавно они устроили даже театральное представленіе въ одной изъ камеръ, а нѣкоторое время они даже издавали писанную газету.

Потомъ онъ принесъ свои книги, чтобы показать мнѣ, сколько денегъ въ теченіе года получаютъ заключенные отъ своихъ близкихъ. По его расчетамъ 6044 рубля. [1]

[1]) Когда ни обратимъ туда я былъ въ Иркутскѣ, я познакомился съ однимъ изъ чиновниковъ канцеляріи, такъ какъ онъ имѣлъ доступъ ко всѣмъ отчетамъ, то я при случаѣ спросилъ его, сколько денегъ получили политическіе преступники Карской области за первые десять мѣсяцевъ 1885 г. Онъ посмотрѣлъ документы и сообщилъ мнѣ потомъ сумму около 700 рублей. Тотъ часъ что капитанъ Николинъ сообщилъ мнѣ невѣрное число, чтобы заставить меня думать, что политическіе преступники имѣютъ достаточно денегъ, чтобы устроиться сравнительно удобно. Въ вѣрности цифръ, сообщенныхъ мнѣ чиновникомъ, я ничуть не сомнѣваюсь.

Имѣютъ ли право арестанты свободно распоряжаться этими деньгами?—спросилъ я.

— Да, но денегъ они не получаютъ, а могутъ только указывать, что на нихъ купить; и то только въ томъ случаѣ, если они указываютъ предметы, которые могутъ быть допущены правилами.

Я принималъ эти открытія съ радостнымъ изумленіемъ я былъ совершенно восхищенъ видомъ пріятной картины, которую рисовалъ передъ моими взорами благородно мыслящій жандармскій капитанъ: счастливо-радостные арестанты сидятъ въ великолѣпныхъ помѣщеніяхъ, читаютъ для развлеченія- Punch, еженедѣльно издаютъ газету, а когда они въ хорошемъ расположеніи духа, играютъ комедіи. При этомъ я снова возмутился, что арестанты отвѣчаютъ такой неблагодавностью и гнуснымъ возмущеніемъ на такую отеческую доброту и кротость правительства.

Вы даже не можете себѣ представить, говорилъ мнѣ Николинъ,—какъ хитры эти арестанты, и какую хитрость они могутъ выдумать, чтобы пронесть въ тюрьму или изъ тюрьмы письмо. Что бы вы сдѣлали, напримѣръ, если бы вамъ нужно было тщательно обыскать арестанта.

— Я бы заставилъ его раздѣть и обыскать всю его одежду.

— А потомъ?

— Я не знаю, что еще?—отвѣчалъ я.

— Обыскали бы вы у него уши?

Нѣтъ, едва-ли вздумалъ бы я это сдѣлать.

— А заглянули бы вы ему въ ротъ.

— Нѣтъ.

— А пустой зубъ осмотрѣли бы?

Я замѣтилъ, что мнѣ никогда не пришло бы въ голову, что въ пустомъ зубѣ можетъ находиться письмо.

— Ну, вотъ видите!—воскликнулъ онъ, снисходительно улыбаясь.—Я доставалъ тонкія бумажки изъ ушей и изо

рта у арестантовъ, а въ пустомъ зубѣ нашелъ спрятанную дозу яду.

— Эхъ! хитрые, люди—прибавилъ онъ, потирая руки но меня они не проведутъ!

Я испугался, когда я вдругъ вспомнилъ, что въ своемъ пальто я спряталъ кое-что, что не предназначалось для взоровъ капитана. Пальто свое я снялъ въ передней, и, быть можетъ, подозрительный офицеръ, обыскивающій даже пустые зубы, отдастъ распоряженіе поближе разсмотрѣть мое платье. Я чувствовалъ себя очень непріятно, и каждый разъ когда отворялись двери, я невольно смотрѣлъ, не принесено ли содержимое моего пальто. Но, къ счастью, всѣ эти опасенія оказались излишними.

Капитанъ Николинъ разсказалъ мнѣ еще кое-что изъ жизни и занятій политическихъ преступниковъ въ Карской области. Многое изъ того, что онъ мнѣ разсказывалъ, было вѣрно; но онъ такъ искусно разсказывалъ это, что навѣрное онъ обдурачилъ бы меня, если бы я былъ простодушнымъ путешественникомъ, за кого онъ меня безъ сомнѣнія, принималъ.

Мы оба чудесно играли комедію.

Тюрьму для политическихъ я зналъ почти такъ же подробно, какъ самъ капитанъ по тѣмъ запискамъ, какія находились у меня въ поясѣ, у меня былъ также подробный планъ тюрьмы и имена всѣхъ заключенныхъ. Я могъ бы описать Николину всякій предметъ, находящійся въ камерахъ; я зналъ, чѣмъ кормили арестантовъ, во что ихъ одѣвали и какимъ образомъ они проводили время; я зналъ также, что четыре изъ заключенныхъ прикованы были къ тачкамъ, что нѣкоторые отъ страданій сошли съ ума я зналъ все, что случилось за послѣдніе пять лѣтъ и могъ понять истинный смыслъ каждаго утвержденія Николина. Тѣмъ не менѣе я внимательно слушалъ, выказывалъ чувства, которыя были мнѣ совершенно чужды, и дѣлалъ видъ

простодушнаго, веселаго путешественника, который ничего не можетъ скрыть, да и скрывать ничего не нужно. Представлялся, что меня совсѣмъ удивило то, что заключеннымъ не приходится прикованнымъ къ тачкамъ исполнять рабскій трудъ въ сырыхъ рудникахъ, прикидывался искренно обрадованнымъ тѣмъ, что начальникъ заключенныхъ такой любезный, благородный офицеръ, обращающійся съ ними съ добротой и кротостью.

Какое мнѣніе составилъ обо мнѣ капитанъ Николинъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ, но я думаю, что мнѣ удалось порядочно одурачить самаго хитраго и безпощаднаго изъ всѣхъ жандармскихъ офицеровъ Восточной Сибири; если же это, быть можетъ, и не такъ, то по крайней мѣрѣ ему не удалось провести меня. Съ точки зрѣнія морали мое поведеніе въ данномъ случаѣ нельзя, конечно, считать вполнѣ заслуживающимъ одобренія, но иначе поступить я не могъ, для меня все было поставлено на карту. Въ моемъ багажѣ и на мнѣ самомъ находились многочисленныя революціонныя сочиненія, планы тюрьмы, копіи съ оффиціальныхъ документовъ, письма политическихъ преступниковъ, цѣлая дюжина записныхъ книжекъ съ замѣтками; содержаніе ихъ компрометировало бы не только политическихъ ссыльныхъ, но и многихъ честныхъ чиновниковъ. Если бы я теперь возбудилъ подозрѣніе и далъ этимъ поводъ обыскать мои вещи, то это была бы не только потерей для меня всего, съ такимъ трудомъ собраннаго матеріала, но этимъ воспользовались бы для противоположныхъ цѣлей, и изъ-за этого погибли бы многіе люди. Эти обстоятельства могутъ конечно оправдать мое поведеніе: существованіе многихъ зависѣло отъ моей безопасности.

Къ вечеру я оставилъ капитана Николина и отправился къ госпожѣ Армфельдтъ; ея хижина находилась между тюрьмой для политическихъ и домомъ маіора Потулева, ближе къ границѣ Нижнихъ пріисковъ.

Жизнь госпожи Армфельдтъ отчасти была мнѣ извѣстна. Она была дочь извѣстнаго русскаго генерала и сестра писательницы госпожи Федченко, жены одного русскаго ученаго. Это была дворянская богатая семья съ важными связями; госпожа Армфельдтъ и ея мать были, между прочимъ, въ дружбѣ и съ русскимъ писателемъ графомъ Львомъ Толстымъ. Она говорила по французски нѣмецки, англійски, рисовала, писала красками, вообще это была вполнѣ образованная дама. 11 февраля 1879 года она была арестована въ одномъ резолюціонномъ тайномъ собраніи въ Кіевѣ. Полиція напала на собраніе ночью мужчины оказали сопротивленіе и стрѣляли изъ револьверовъ во врывающихся полицейскихъ и жандармовъ, эти стрѣляли съ своей стороны, причемъ съ обѣихъ сторонъ были раненые и убитые.

Въ концѣ концовъ они были побѣждены и арестованы Госпожу Армфельдтъ за участіе въ революціонномъ сообществѣ и сопротивленіе законной власти, хотя здѣсь-то, собственно, она была ужъ совершенно съ стороны,—присудили по лишеніи всѣхъ гражданскихъ правъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на четырнадцать лѣтъ и десять мѣсяцевъ. По окончаніи срока этого наказанія она должна была остаться въ Сибири на вѣчное поселеніе.

Уже стемнѣло, когда я добрался до маленькой выбѣленной избушки, которая по описанію должна была быть ея жилищемъ. Я постучалъ, и молоденькая особа отворила мнѣ массивную деревянную дверь.

— Здѣсь ли живетъ госпожа Армфельдтъ? спросилъ я.

— Это я сама,—отвѣтила она.

— Я—Георгій Кеннанъ, американецъ путешественникъ. Ѣзжу я по Сибири съ цѣлью изучить постановку дѣла ссылки. Знакомъ со многими изъ вашихъ друзей и привезъ вамъ также письмо отъ госпожи X.

Мгновеніе она съ молчаливымъ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, затѣмъ, спохватившись, пригласила меня зайти въ домъ

Изъ маленькихъ, темныхъ сѣней я попалъ въ комнатку съ поломъ безъ досокъ. Низкій потолокъ былъ устроенъ изъ грубаго дерева; изъ того же матеріала были и бѣдно крашенныя стѣны. Въ комнатѣ было два окна. Вся меблировка состояла изъ простого, не покрытаго скатертью, деревяннаго стола, трехъ деревянныхъ стульевъ и узкой кровати подъ сѣрымъ шерстянымъ одѣяломъ. Кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ двери помѣщались полки, на которыхъ находилась посуда: тарелки, чашки, ножи, вилки и чайникъ; затѣмъ корзина и подъ кроватью простой деревянный сундукъ. Несмотря на очевидное убожество, въ комнатѣ была совершеннѣйшая чистота. Я снялъ свою шубу и уже собирался было достать письмо, какъ она схватила меня за руку и сказала:—Подождите, пожалуйста! Я только прикрою ставни да замкну дверь —Дрожащею рукой она зажгла свѣчу и поспѣшно вышла затворять ставни... Возвратившись и задвинувъ засовъ у двери, она обратилась ко мнѣ: -Вы, конечно, не привыкли жить въ той атмосферѣ вѣчнаго страха и осторожности въ которой вѣчно находимся мы. Вѣдь какъ легко было черезъ окошко подсмотрѣть, какъ вы передаете мнѣ письмо.

Она взяла у меня пакетъ и, не распечатывая, мгновеніе, пристально смотрѣла на него. По ея лицу видно было, что удивленіе и неожиданность, замѣченныя мною въ первый моментъ нашей встрѣчи, еще не прошли. Наконецъ, она спросила:— Какъ только это вамъ удалось пробраться сюда?

Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ верхомъ прямо изъ Срѣтинска.

— Но кто же далъ вамъ разрѣшеніе?

— Да у меня вовсе нѣтъ его. Вотъ уже цѣлую недѣлю я нахожусь здѣсь, и только теперь мнѣ представился случай навѣстить васъ.

Гутъ я разсказалъ ей, что пріѣхалъ въ Сибирь съ цѣлью изучить жизнь политическихъ ссыльныхъ, и сообщилъ съ возможною краткостью о томъ, что мнѣ уже пришлось увидѣть. Между тѣмъ и она мало-по-малу пришла въ себя отъ первоначальнаго изумленія и обратилась ко мнѣ на англійскомъ языкѣ:

— Простите мнѣ, что я съ такимъ удивленіемъ смотрю на васъ, что можетъ быть не такъ радушно васъ приняла, но ваше посѣщеніе и теперь еще кажется мнѣ какимъ то сномъ. Я такъ взволнована, что, право, не знаю, что дѣлаю и говорю. Вы вѣдь первый чужой человѣкъ, котораго я вижу здѣсь въ лицо; при томъ неожиданность вашего появленія такъ сильно на меня повліяла, что я едва могу оправиться. Вѣроятно, такъ же чувствовалъ себя Ливингстонъ, встрѣтившись неожиданно въ Африкѣ со Стэнлеемъ. Что побудило васъ рѣшиться поѣхать путешествовать по Сибири съ цѣлью изученія системы ссылки?

Только что я собрался отвѣчать на ея вопросы, какъ вдругъ изъ-за печи донесся слабый голосъ:—Кто здѣсь, Наташа? Съ кѣмъ ты говоришь?

— Это, Маша, путешественникъ изъ Америки, которому удалось разыскать насъ на здѣшнихъ рудникахъ.

Госпожа Армфельдтъ старшая, оказывается, спала за печью во время моего прихода; теперь, разбуженная нашимъ разговоромъ, она вышла оттуда и привѣтствовала меня. Это была худощавая, болѣзненная на видъ женщина, лѣтъ 60. На ея интеллигентномъ лицѣ ясно отражались слѣды всѣхъ перенесенныхъ заботъ и лишеній. По ея глубоко запавшимъ глазамъ, окруженнымъ синевой, видно было что не одну безсонную ночь проплакала она насквозь. Меня охватило чувство жалости и состраданія къ ней: никогда до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть на человѣческомъ лицѣ такихъ явныхъ слѣдовъ безутѣшныхъ страданій

Просидѣвъ здѣсь еще съ полчаса, я собрался уходить, пообѣщавъ вернуться нѣсколько позже. Госпожа Армфельдтъ младшая замѣтила при этомъ, что, возвратясь, я застану у нея и остальныхъ арестантовъ «вольной команды».

Естественно возбужденный, я спѣшилъ домой, гдѣ меня ожидали съ ужиномъ. Госпожа Потулева обращала на меня по временамъ вопросительные взгляды, какъ будто желая узнать, гдѣ я пропадалъ все послѣобѣденное время; однако прямыхъ вопросовъ по этому поводу она мнѣ не задавала, а потому и мнѣ не пришлось прибѣгать ни къ какимъ уловкамъ.

Въ седьмомъ часу я возвратился въ избушку къ госпожѣ Армфельдтъ. Здѣсь уже былъ политическій арестантъ, по имени Куртеевъ и худенькая, молоденькая женщина—госпожа Колѣнкина. О послѣдней я уже кое-что слыхалъ. Она была одною изъ революціонерокъ, сосланныхъ въ Карскую область заза говоръ на жизнь генерала Мезенцева. И теперь, какъ уже не разъ со мной случалось раньше, я былъ удивленъ, увидѣвъ въ этой извѣстной революціонеркѣ почти дѣвочку подростка. Замѣчательно, что за послѣдніе пятнадцать лѣтъ всѣ женщины, принимавшія участіе въ самыхъ ужасныхъ случаяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, гдѣ требуется мужество и рѣшительность, рѣдко встрѣчающіяся даже у мужчинъ, замѣчательно, говорю, что всѣ эти женщины были настолько молоденькія, нѣжныя созданія, отъ 18 до 20 лѣтъ, что при взглядѣ на ихъ невинныя, почти робкія лица каждый навѣрно принялъ бы ихъ за наставницъ или даже за воспитанницъ женскаго института.

Мало-по-малу собирались всѣ политическіе арестанты этой вольной команды». Легкимъ стукомъ въ оконные ставни они предупреждали о себѣ, послѣ чего младшая Армфельдтъ подходила къ двери, осторожно освѣдомляясь объ имени посѣтителя прежде, чѣмъ открыть ее.

Полутемная комната, боязливая тишина, таинственныя постукиванья въ ставни, оживленный разговоръ шопотомъ, который вели между собою блѣдные мужчины и женщины, посматривая удивленно на меня, какъ будто я былъ выходцемъ съ того свѣта, все это какъ-то особенно дѣйствовало на меня.

Ничто въ этой комнатѣ не напоминало мнѣ внѣшняго міра съ его безконечно разнообразными заботами. Когда же изъ устъ этихъ узниковъ я услыхалъ ужаснѣйшія исторіи о тѣхъ бѣдствіяхъ и жестокостяхъ, о помѣшательствахъ и самоубійствахъ, которыя составляютъ въ Карійской области заурядное явленіе, то мнѣ показалось, будто я вошелъ въ тѣ мрачныя ворота, надъ которыми Данте прочелъ ужасныя слова: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.

Было, вѣроятно, около девяти часовъ; я только что взялся было за записную книжку, чтобы кое-что туда занести, какъ вдругъ въ оконный ставень сильно постучали. Это жандармы,—прошептала мать Колѣникиной.—Не пускайте ихъ сюда! Скажите имъ, кто изъ нашихъ собрался тутъ, можетъ быть они и этимъ удовлетворятся.

Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина, и сердце мое забилось чаще чѣмъ прежде, когда м-lle Армфельдтъ, открывъ дверь, съ притворную безпечностью крикнула стоявшимъ извнѣ жендармамъ:

— Мы всѣ здѣсь: моя мать, я, Куртеевъ, Колѣникина... дальше она назвала имена остальныхъ присутствовавшихъ, но я ихъ не разобралъ.

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ, жандармы удалились. M-lle Армфельдтъ снова заперла дверь и сказала съ улыбкою: «Они удовлетворены и не настаивали на томъ, чтобы войти сюда.—Затѣмъ, обернувшись ко мнѣ, она добавила по-англійски: «Жандармы ежедневно совершаютъ три раза такой обходъ, чтобы убѣдиться, не убѣжалъ ли кто-либо

изъ насъ. Теперь чаще случается, что они смотрятъ на это, какъ на простую формальность, и потому не заходятъ въ наши помѣщенія.

Разговоръ продолжался.

Болѣе двухъ часовъ слушая разсказы, и отвѣчалъ, насколько могъ, на торопливые вопросы о положеніи дѣлъ въ Россіи и о ходѣ революціоннаго движенія. Въ пылу нашихъ бесѣдъ мое вниманіе вдругъ привлекъ одинъ господинъ, котораго мнѣ не представляли, и который до сихъ поръ ничѣмъ особенно не выдѣлялся. На видъ лѣтъ тридцати, съ блѣднымъ глупымъ лицомъ и громадными голубыми глазами, сидѣлъ онъ напротивъ меня на скамейкѣ, зажавъ голову между руками, опертыми въ колѣни, и долго пристально смотрѣлъ на меня. Воспользовавшись минутной паузой въ нашемъ разговорѣ, онъ вдругъ какимъ-то безучастнымъ голосомъ, растягивая слова, обратился ко мнѣ:— У насъ — здѣсь - - есть собственное кладбище. Хотите — ли его посмотрѣть?—

То, что онъ сказалъ, и какъ это сказалъ, меня настолько поразило, что я не нашелъ, что ему отвѣтить. Но тутъ же мнѣ пришло въ голову, что это вѣроятно, одни изъ тѣхъ несчастныхъ, которые лишились здѣсь разсудка. И этотъ вопросъ, пахнувъ на меня ужасомъ помѣшательства и смерти, усилилъ возбужденіе, уже давно овладѣвшее мною.

Только послѣ полуночи я распрощался съ политическими и поспѣшилъ домой, но, и холодный воздухъ, охватившій меня, не могъ успокоить охватившаго меня волненія. Уже все спало. Бодрствовалъ лишь Фростъ, ожидая моего возвращенія. — Я бросился въ кровать, стараясь уснуть, но это было напрасно: все видѣнное и слышанное слишкомъ сильно подѣйствовало на меня, чтобы я могъ оставаться спокойнымъ. Только уже подъ утро я нѣсколько забылся.

Политическіе арестанты въ Карской области.

На слѣдующій день мы съ Фростомъ снова поѣхали госпожу Армфельдтъ. Вечеромъ долженъ былъ возвратиться майоръ, и тогда конечно, нашимъ самостоятельнымъ экскурсіямъ, былъ бы конецъ, оставалось поэтому наиболѣе продуктивно использовать короткое время, остававшееся у насъ до его прибытія. Нельзя было также сомнѣваться и въ томъ, что наши сношенія съ политическими недолго останутся тайной для мѣстнаго начальства, но пока это случилось бы, и намъ помѣшали бы дальше работать въ этомъ направленіи, я хотѣлъ собрать возможно большее количество свѣдѣній. Посѣщеніе днемъ хижины „вольной команды, конечно, усиливало для насъ опасность быть открытыми скорѣе, но это не останавливало меня, такъ какъ невозможно было тратить ни одного часа да кромѣ того я обѣщалъ госпожѣ Армфельдтъ зайти къ ней на утренній часъ, если мнѣ не помѣшаютъ какія нибудь особенныя препятствія.

Послѣ четверти часа быстрой ходьбы мы уже были у своей цѣли; дверь отворила намъ m-me Армфельдтъ. Мы вошли. При яркомъ свѣтѣ чистенькаго зимняго утра убогая комнатка показалось мнѣ еще болѣе неуютной и печальной, чѣмъ при вчерашнемъ посѣщеніи. Теперь только я замѣтилъ мольбертъ, на которомъ стояла картина, содержаніе которой мнѣ не было видно съ моего мѣста. Я не могъ удержаться, чтобы не бросить вопросительнаго взгляда на молодую хозяйку. Она сразу меня поняла и, повернувъ мольбертъ такъ, чтобы я могъ видѣть картину: — Я пыталась нарисовать здѣсь мою мать. Она хочетъ въ этомъ году ради другихъ дѣтей вернуться въ Россію, и мнѣ ужъ, вѣроятно, никогда не придется больше ея увидѣть. Она слиш-

комъ слаба чтобы рѣшится предпринять вторичное путешествіе въ Сибирь. Вотъ мнѣ и захотѣлось имѣть что-нибудь, что напоминало бы мнѣ ея черты, когда она исчезнетъ изъ моей жизни. Я знаю, своя картина очень не изъ важныхъ; мнѣ даже, право, стыдно показывать ее вамъ, но можетъ быть вы посовѣтуете мнѣ что-нибудь лучшее. Быть можетъ господинъ Фростъ научитъ меня, какъ мнѣ лучше обойтись со скромнымъ матеріаломъ, которымъ я располагаю, такъ какъ лучшаго достать не удалось.

Растроганный я взглянулъ на картину; да это была плохая, очень плохая картина. Правда, было сходство, былъ даже замѣтенъ талантъ, но полотно не годилось никуда, краски скверны; по первому взгляду можно было замѣтить, что попытка произведена совсѣмъ негодными средствами. Больно было смотрѣть на это желаніе любящей дочери увѣковѣчить черты своей дорогой любимой матери, но еще больнѣе дѣлалось при мысли, что въ недалекомъ будущемъ этая скверная картина будетъ у нея единственнымъ утѣшеніемъ въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

Я не сталъ упоминать о недостаткахъ картины и, пока Фростъ занимался приборами для рисованія, я заговорилъ съ матерью Армфельдтъ и спросилъ, какъ у нея, несмотря на возрастъ, хватило мужества рѣшиться на путешествіе изъ Петербурга въ Карскую область.

— Да я не могла иначе!—кратко отвѣтила она.—Вѣдь съ ними бѣдняками отвратительно обращаются; такъ, Наташу солдаты били прикладами, другіе здѣсь буквально умирали съ голоду. Я изъ Петербурга слѣдила за всѣмъ, что меня такъ тревожило, и, наконецъ, рѣшила пріѣхать сюда, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла. Я не могла допустить, чтобы моя дочь осталась совсѣмъ одинокой въ такомъ несчастьѣ...

— Когда это было?—спросилъ я.

-- Въ 1882 и 1883 годахъ. Въ маѣ 82 года отсюда бѣжали восемь арестантовъ и тогда съ остальными стали такъ жестоко обращаться, что они должны были начать голодовку и въ теченіе тринадцати дней не принимали ни какой пищи.

Во время этого разговора вошло нѣсколько политическихъ; госпожа Армфельдтъ, поставила самоваръ и налила намъ чаю. Разговоръ сдѣлался общимъ...

Послѣ обѣда я въ послѣдній разъ навѣстилъ госпожу Армфельдтъ. Я зналъ, что мнѣ врядъ-ли придется когда-нибудь въ жизни еще разъ встрѣтиться съ этими несчастными людьми; знали также и они, что никогда имъ не представится лучшаго случая поговорить съ человѣкомъ, возвращающимся въ цивилизованный міръ, гдѣ можетъ быть онъ встрѣтится съ ихъ родными и друзьями. Предчувствуя скорую разлуку, они относились ко мнѣ еще болѣе привѣтливо. Матери и дочери я обѣщалъ посѣтить графа Толстого и разсказать ему, въ какомъ состояніи нашелъ ихъ здѣсь *), далъ имъ также свой адресъ, чтобы они имѣли возможность при случаѣ сообщить мнѣ о себѣ, а у нихъ взялъ письма для отсылки ихъ родственникамъ въ Россію. Я зналъ, что такого рода посредничество строго карается.

*) Я исполнилъ это обѣщаніе: посѣтилъ Толстого и разсказалъ ему о тѣхъ ужасныхъ страданіяхъ, какія приходилось переносить близкой ему Армфельдтъ. Однако онъ ничего и слушать не захотѣлъ о политическихъ узникахъ Восточной Сибири и отказался даже отъ тѣхъ мемуаровъ, которые я приготовилъ ему съ цѣлью дать полную картину положенія этого дѣла. При этомъ онъ объяснилъ мнѣ, что, хотя ему и жалко иныхъ политическихъ, но что сдѣлать для нихъ онъ ничего не можетъ, такъ какъ ему въ большей степени несимпатичны ихъ прошлое. Они употребили насиліе, отъ насилія же и сами теперь страдаютъ.—Въ Москвѣ мнѣ разсказывали, что однажды жена одного ссыльнаго обратилась къ Толстому за помощью арестантамъ, но онъ не желалъ положительно ничѣмъ помогать, видя поступки ихъ, которые ему не нравились.

и что худо мнѣ пришлось бы, если бы русская полиція вздумала пересмотрѣть мои бумаги, но, и зная это, я не могъ отказать въ подобной дружеской услугѣ арестантамъ, которымъ часто въ теченіе долгихъ лѣтъ не представляется ни одного удобнаго случая отправить письмо близкимъ людямъ. Не часто встрѣтишь здѣсь того, кто подобно мнѣ, взялся бы за передачу писемъ.

Когда стемнѣло, я распрощался съ ними, обѣщая, хотя это и мало вѣроятно, побывать у нихъ еще разъ, если когда-нибудь это будетъ возможно.

Маіоръ Потулевъ возвратился домой въ полночь, и только утромъ на слѣдующій день мнѣ удалось его увидѣть. Онъ встрѣтилъ меня вѣжливо, по суще обыкновеннаго и даже не подалъ мнѣ руки. Затѣмъ онъ не проронилъ ни слова, а молча уставился въ свою чашку чаю. Я ожидалъ, что это такъ должно случиться, и теперь обдумывалъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Я цѣнилъ Потулева, какъ честнаго человѣка; онъ радушно принялъ насъ и своемъ долгѣ тогда, какъ я своимъ поведеніемъ поставилъ его быть можетъ въ очень непріятное положеніе, поэтому я рѣшилъ сказать ему все открыто. Я разсказалъ ему, что во время его отсутствія изучалъ арестантовъ, живущихъ въ „вольной командѣ".

— Я знаю,—отвѣтилъ онъ, не взглянувъ на меня и черезъ нѣкоторое время добавилъ: — Считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что вы поступили очень неосторожно.

— Почему?

— Потому что постороннихъ, тайно входящихъ въ сношенія съ политическими арестантами, здѣсь считаютъ подозрительными. Это не разрѣшается, и у васъ изъ-за этого выйдутъ непріятности.

— Мнѣ никто не говорилъ, что это возбраняется, — возразилъ я.—Откуда я могъ знать, что воспрещается сноситься съ людьми, которые живутъ на волѣ и кото-

рыхъ каждый день можно встрѣтить на улицѣ. Вѣдь лица принадлежащія къ «вольной командѣ", не содержатся въ тюрьмѣ, они сообщаются со всѣми, почему же именно я долженъ ихъ избѣгать?

— Губернаторъ Барабашъ *) телеграфировалъ мнѣ, сказалъ онъ сурово, что Вамъ не разрѣшено посѣщать политическихъ арестантовъ, и, конечно, онъ хочетъ, также чтобы вы вообще держались дальше отъ такихъ преступниковъ.

— Мнѣ этого не сообщили. Если бы я зналъ, то, конечно, считался бы съ этимъ, и не дай вы мнѣ только что указаній, то и дальше пребывалъ бы въ такомъ же невѣдѣніи.—Но я и не предполагалъ чтобы у васъ были такія намѣренія, вѣдь вы никогда мнѣ о нихъ не упоминали. Впрочемъ, все это, собственно, касается капитана Николина, такъ какъ онъ отвѣчаетъ за политическихъ арестантовъ. Я хочу васъ только предупредить и сказать, что вы поступили крайне неблагоразумно и подвергли себя большой опасности.

Тогда я откровенно разсказалъ Потулеву, почему раньше не упоминалъ объ этомъ дѣлѣ, а также, почему воспользовался его отсутствіемъ для выполненія своихъ плановъ. Я сознался, что хотѣлъ избѣжать его протестовъ, боялся, что онъ мнѣ можетъ помѣшать, и наконецъ, не желалъ, чтобы на него могло пасть подозрѣніе въ соучастіи.

Мои объясненія, казалось подѣйствовали благопріятно; скоро онъ снова перешелъ къ мягкому тону, какъ раньше, однако, нашелъ нужнымъ еще разъ повторить свое предостереженіе.

Приблизительно черезъ часъ послѣ завтрака явился капитанъ Николинъ переговорить съ маіоромъ о служебныхъ

*) Губернаторъ той части Забайкалья, въ которой находятся золотые рудники.

дѣлахъ. Маіоръ увелъ его къ себѣ въ кабинетъ. Разговоръ продолжался не менѣе полу часа. Я въ это время занимался въ своей комнатѣ привиденіемъ въ порядокъ своихъ бумагъ, а Фростъ, сидя въ пріемной маіора, приходившейся какъ разъ напротивъ его кабинета, рисовалъ дѣтей нашихъ хозяевъ.

Когда Николинъ ушелъ, Фростъ отыскалъ меня и сообщилъ, что онъ слыхалъ часть разговора капитана съ маіорамъ, и что дѣло шло о насъ.

Оказывалось, что о моемъ сношеніи съ политическими преступниками уже было сообщено, и поэтому Николинъ находилъ нужнымъ произвести обыскъ въ моихъ бумагахъ. Потулевъ же считалъ, что это могло вызвать много шуму, и что лучше совсѣмъ не дѣлать этого. Въ концѣ концовъ капитанъ заявилъ, что обыскъ все-таки долженъ быть произведенъ, если не здѣсь на Карѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ порядочномъ возбужденіи сообщилъ мнѣ это шопотомъ Фростъ; меня это тоже обезпокоило. Хотя было невѣроятно, чтобы Потулевъ допустилъ въ своемъ домѣ обыскъ моихъ вещей, но было возможно, что онъ явится ко мнѣ и скажетъ: „Милый, Григорій Ивановичъ, капитанъ Николинъ узналъ о вашихъ близкихъ сношеніяхъ съ политическими преступниками въ вольныхъ командахъ, о томъ что вы проводили у нихъ много времени, и предполагаетъ, что они передали черезъ васъ письма. Онъ потребовалъ у меня сегодня обыскать ваши пожитки. Такъ какъ вы мой гость, то я отказалъ въ этомъ, однако я прошу васъ дать честное слово въ томъ, что вы не везете съ собой подобныхъ бумагъ."

Если бы онъ вздумалъ спросить это, то мнѣ ничего бы не осталось какъ, или солгать человѣку, оказавшему мнѣ гостепріимство, или выдать тѣхъ несчастныхъ, которые такъ довѣрчиво ко мнѣ отнеслись, на сторонѣ которыхъ были всѣ мои симпатіи. И то и другое я считалъ невозмож-

нымъ сдѣлать. Но нужно было, какъ можно скорѣе что-нибудь предпринять, такъ какъ опасность была близка. Если найдутъ мои письма, то безъ сомнѣнія Армфельдтъ и еще кое-кто снова будутъ посажены въ тюрьму, кромѣ того тогда найдутъ и другія мои записки, а это, какъ я выше уже замѣтилъ, повредило бы еще многимъ другимъ лицамъ. Въ страхѣ и нерѣшительности прежде всего старался я избѣгать маіора,—сославшись на мнимую болѣзнь, я рано улегся, но всю ночь провелъ безъ сна, раздумывая, чтобы лучше всего предпринять. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ, что ничего не остается, какъ уничтожить письма. Само собой понятно, что я не могъ спросить позволенія на это у лицъ передавшихъ ихъ мнѣ, но я былъ убѣжденъ, что при такихъ обстоятельствахъ они найдутъ правильнымъ мой поступокъ.

Тяжело, очень тяжело было для меня рѣшиться уничтожить письма, которыя были надеждой и утѣшеніемъ стольким несчастнымъ и должны были принесть радость многимъ ихъ близкихъ однако ничего другого не оставалось! Вопросъ былъ только въ томъ, какимъ образомъ ихъ уничтожить. Съ тѣхъ поръ какъ узнали о моихъ сношеніяхъ съ политическими преступниками, за мной слѣдили, вѣроятно, еще строже, чѣмъ прежде; наша комната отдѣлялась отъ другихъ помѣщеній только портретами; окно было не завѣшено и стоящій напротивъ часовой, могъ наблюдать за нами день и ночь. Если бы ограничился тѣмъ, что разорвалъ бы бумаги, то клочки могли бы быть найдены и снова *соединены*; если бы я сжегъ ихъ, то меня могъ бы выдать дымъ, да кромѣ того меня могъ при этомъ застать Потулевъ, который часто заходилъ ко мнѣ, не спросясь.

Вскорѣ послѣ того, какъ я всталъ, явился солдатъ и затопилъ печь. Воспользовавшись случаемъ, когда Фростъ разговорился въ сосѣдней комнатѣ съ маіоромъ, а часовой,

какъ я убѣдился, нѣкоторое время не могъ меня наблюдать, я бросилъ письма въ огонь, и черезъ нѣсколько минутъ отъ нихъ не осталось и слѣда. Потомъ уничтожилъ я кое-что изъ записной книжки, кое-что зашифровалъ и сдѣлалъ еще кое-какія приготовленія въ ожиданіи обыска. Съ грустью вспоминаю я теперь о двухъ событіяхъ изъ времени моего пребыванія въ Карской области: первое изъ этихъ событій уничтоженіе упомянутыхъ писемъ.

Я не видѣлся больше съ политическими заключенными, а также совсѣмъ не имѣлъ случая сообщить или объ этомъ и объяснить, какія обстоятелства заставили меня это сдѣлать. Въ настоящее время мои объясненія слишкомъ запоздалы. Госпожа Армфельдтъ умерла отъ чахотки спустя годъ послѣ моего посѣщенія; письмо, переданное ею, было, быть можетъ послѣднимъ, которое она написала. И при томъ всѣ опасенія оказались напрасными. Маіоръ Потулевъ не требовалъ отъ меня никакихъ объясненій, вещи мои не обыскивались, и поэтому я могъ бы передать эти письма, какъ позже передалъ многія другія.

Второе связано съ личностью доктора Эдуарда Веймара. Во время моего пребыванія онъ лежалъ при смерти, и я его не посѣтилъ. Онъ былъ одинъ изъ выдающихся политическихъ преступниковъ жившихъ въ вольныхъ командахъ. Происходилъ онъ изъ знатной богатой семьи; ему было около 35 лѣтъ. До ссылки онъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ на Невскомъ проспектѣ въ Петербургѣ и былъ лично извѣстенъ супругѣ нынѣшняго царя (Александра III). Въ 1877—1878 годахъ, во время русско-турецкой войны онъ завѣдывалъ полевымъ лазаретомъ, устроеннымъ княжной, за отличную службу награжденъ былъ орденомъ святой Анны и другими отличіями и пользовался расположеніемъ генерала Гурко, съ которымъ совершилъ извѣстный переходъ черезъ Балканы. Арестованъ онъ былъ по незначительному поводу и послѣ годич-

наго заключенія подъ слѣдствіемъ въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ сосланъ былъ въ Карскіе рудники.

Когда онъ былъ осужденъ, лондонскій „Times" слѣдующимъ образомъ выразился объ этомъ обстоятельствѣ:

„Въ телеграммѣ, которую мы сегодня напечатали, нашъ корреспондентъ въ Петербургѣ сообщилъ намъ приговоръ, произнесенный вчера надъ обвиняемыми въ нигилистическомъ заговорѣ. Западно-европейскому человѣку подобнаго рода политическій процессъ покажется карикатурой не правосудіе. Этотъ судебный процессъ доказываетъ только, что управлять государствомъ при помощи осаднаго положенія не такъ ужъ трудно. Обыкновенно, военные суды отличаются быстротой и строгостью своихъ приговоровъ, тогда, какъ русскіе военные суды жестоки своей медлительностью, безсмысленны въ своихъ осужденіяхъ и безсердечны по своимъ приговорамъ...

Въ числѣ обвиняемыхъ, осужденныхъ вчера, находится между прочимъ докторъ Веймаръ, человѣкъ, которымъ Россія въ правѣ была бы гордиться. Это настоящій джентельменъ; какъ врачъ, онъ самоотверженно помогалъ своимъ страждущимъ соотечественникамъ. Былъ награжденъ русскимъ и румынскимъ орденами и получилъ медаль за войну. Онъ находился въ войскахъ генерала Гурко, совершившихъ блестящее дѣло переходъ черезъ Балканы. Обвиненія, возводимыя на него, способы какими преувеличивалось и искажилось все дѣло, показались бы невѣроятными въ самой сумасбродной шуткѣ-комедіи..

Вызваны были свидѣтели для дачи показаній относительно его характера. Всѣ говорили только въ его пользу. Это вовсе не походило на обвиненіе. Если обвиненія, приведенныя противъ доктора Веймара, были бы справедливы, то пришлось бы только предположить, что вліятельный, достойный уваженія гражданинъ настолько отчаялся въ состояніи своего отечества, что вступилъ въ заговоръ съ убійцами,

какъ Соловьевъ и другіе. Быть можетъ подумаютъ, что во время судебнаго процесса приведены были доказательства, рисующія характеръ обвиняемаго въ менѣе благопріятномъ свѣтѣ, которыя могли бы ослабить высказанныя о немъ похвалы. Ничего подобнаго! Прокуроръ заявилъ:—Господа, я могъ бы привесть цѣлый рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ доказываютъ обратное тому, что здѣсь было высказано другими; но, къ несчастью, всѣ они отсутствуютъ.—Военный судъ, само собой разумѣется, вполнѣ былъ удовлетворенъ заявленіемъ генерала...

Этотъ случай бросаетъ свѣтъ на ужасное состояніе русскаго общества и русскаго правосудія: или невыносимый деспотизмъ заставилъ лучшаго гражданина броситься въ ряды заговорщиковъ, или докторъ Веймаръ былъ осужденъ и наказанъ безъ вины. Какъ бы то ни было—во всякомъ случаѣ—если дѣло происходило такъ, какъ гласитъ извѣстіе—процессъ этотъ былъ позоромъ для военныхъ судовъ...

Великая княгиня Дагмара, нынѣшняя царица, полевымъ лазаретомъ который завѣдывалъ докторъ Веймаръ, принимала въ немъ участіе и считали его невиновнымъ; но ея ходатайство не могло тогда ему помочь. Когда же въ 1881 году ея супругъ взошелъ на престолъ, отправила она въ Карскую область полковника Норда, который долженъ былъ предложить доктору Веймару освобожденіе подъ условіемъ, чтобы онъ далъ торжественное обѣщаніе, не предпринимать ничего противъ правительства. Онъ отвѣтилъ, что не можетъ дать обѣщанія, пока ему неизвѣстно настоящіе положеніе Россіи. Если бы правительство разрѣшило ему, взявъ съ него честное слово въ томъ, что онъ не убѣжитъ, или подъ стражей явится въ Петербургъ, чтобы ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣла, то онъ скоро могъ бы принять то или иное рѣшеніе. Напрасно полковникъ Нордъ уговаривалъ его отказаться отъ этого рѣшенія, это ни къ чему не привело.

Когда мы были въ Карской области докторъ Веймаръ уже былъ освобожденъ отъ тюрьмы, но—какъ уже упомянуто—лежалъ тяжело больной. Онъ, какъ это было со многими, нажилъ въ сибирскихъ тюрьмахъ чахотку.

Товарищи его хотѣли повести меня къ нему, въ ту ночь, которую мы провели вмѣстѣ въ хижинѣ Армфельдтъ. Они говорили, что отъ слабости онъ уже едва говоритъ и можетъ умереть каждое мгновеніе. Но уже видъ госпожи Армфельдтъ и другихъ политическихъ преступниковъ изъ вольныхъ командъ, которые были сравнительно здоровы, произвелъ на меня такое удручающее впечатлѣніе, что я боялся, окончательно разстроить себя ночнымъ посѣщеніемъ умирающаго. Позже я раскаивался въ своей нерѣшительности, такъ какъ докторъ Веймаръ умеръ не повидавшись со мной. Шесть мѣсяцевъ спустя, когда на обратномъ пути я снова былъ въ Петербургѣ, явилась ко мнѣ молодая дама, какъ оказалось его невѣста, спросить не привезъ ли я съ собой отъ него письма или, быть можетъ, какого-либо устнаго извѣстія. Она какъ разъ собиралась отправиться въ далекое путешествіе на Кару, чтобы тамъ вступить въ бракъ съ докторомъ Веймаромъ, какъ вдругъ получила отъ капитана Николина телеграмму въ которой онъ коротко сообщилъ о его кончинѣ. Съ тѣхъ поръ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а они ничего не слыхали о немъ; ни самъ докторъ Веймаръ не могъ послать ей нѣсколько строкъ передъ смертью и ни кому изъ арестантовъ не разрѣшить сдѣлать этого. Она надѣялась, что я привезу какое-либо извѣстіе. И мнѣ очень трудно было сказать ей, что во время своего пребыванія на Карѣ я не навѣстилъ его, хотя и имѣлъ возможность.

Потомъ я былъ у этой дамы. Она мнѣ разсказала исторію этого честнаго человѣка, прочла мнѣ письма, которыя онъ ей присылалъ съ поля сраженія изъ Болгаріи со слезами показала самую драгоцѣнную память о немъ рукодѣлье

которое онъ приготовилъ въ своей тюремной камерѣ и имѣлъ случай тайно послать ей. Это была длиная узкая полоса грубаго полотна, изъ какого шьютъ рубашки арестантамъ, на которой красиво вышиты были разноцвѣтныя геометрическія фигуры;" съ какими мыслями вышивалась эта работа!---воскликнула дама горько заплакавъ.

Послѣ нашего послѣдняго посѣщенія госпожи Армфельдтъ мы оставались на Карѣ еще пять дней, однако ничего не предпринимали, такъ какъ знали что за нами строго слѣдятъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы описывать мало интересныя происшествія изъ нашего дальнѣйшаго пребыванія здѣсь, я лучше кратко и основательно сообщу то что я узналъ въ Карской области о тамошнихъ тюрьмахъ. То что будетъ здѣсь сообщено вполнѣ основано на истинѣ и написано не безъ стараго предварительнаго изслѣдованія. Многія даты заимствованы даже изъ оффиціальныхъ источниковъ. Возможно, что при этомъ вкрались незначительныя ошибки, но я вполнѣ и передъ всѣми могу ручаться за вѣрность всего существеннаго. То что сообщается здѣсь о полковникѣ Кононовичѣ я узналъ отчасти отъ политическое заключенныхъ, отчасти, же отъ чиновниковъ на Карѣ, въ Читѣ, Иркутскѣ и Петербургѣ. Я сожалѣю что мнѣ нельзя подробно изложить, откуда и какимъ образомъ я досталъ эти данныя. Впечатлѣніе отъ моихъ словъ усилилось бы, если бы я доказалъ, что мое изложеніе исходитъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, отъ людей, личность и положеніе которыхъ могутъ служить достаточнымъ ручательствомъ того, что всякое подозрѣніе въ партійности можетъ быть исключено.

Уже въ 1873 году ссылались люди за политическія преступленія въ Карскіе рудники, общимъ правиламъ это сдѣлалось только позже съ 1879 года. До этого времени большинство приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ политическихъ преступниковъ содержалось въ Петропалов-

ской крѣпости въ Петербургѣ или въ ольшой харьковской тюрьмѣ.

Но такъ какъ революціонное движеніе все болѣе разросталось, и тюрьмы въ Европейской Россіи были переполнены политическими арестантами министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился перевести наиболѣе серьезныхъ преступниковъ въ Карскіе рудники, гдѣ ихъ помѣстили въ тюрьмѣ для обыкновенныхъ преступниковъ, такъ какъ тюрьмы для политическихъ арестантовъ тогда еще не было. Они содержались въ одиночномъ заключеніи въ такъ называемыхъ — секретныхъ камерахъ — Позже они были помѣщены въ отдѣльномъ, старомъ зданіи въ Средней Карѣ съ ними обращались какъ съ обыкновенными преступниками, они должны были работать на золотыхъ пріискахъ и по истеченіи извѣстнаго срока получили позволеніе жить въ „больныхъ командахъ."

Въ декабрѣ 1880 года въ тюрьмахъ на Карѣ находилось около 50 политическихъ арестантовъ; они жили въ „больныхъ командахъ" въ различныхъ избушкахъ. Большая часть мужчинъ обязаны были исполнять принудительныя работы въ рудникахъ; такъ ихъ тамъ чрезмѣрно не утомляли, то имъ даже пріятно было выходить изъ грязныхъ, вонючихъ камеръ чтобы ежедневно работать нѣсколько часовъ на свѣжемъ воздухѣ. Завѣдывалъ тогда исправительной колоніей полковникъ Кононовичъ образованный гуманный офицеръ, о которомъ и теперь еще дружелюбно вспоминаютъ арестанты. Нельзя утверждать, что бы онъ хоть немного симпатизировалъ революціонерамъ; но онъ зналъ что большинство этихъ преступниковъ благородные, образованные люди, и если онъ могъ порицать ихъ образъ дѣйствій то во всякомъ случаѣ онъ зналъ, что дѣйствовали не изъ эгоистическихъ побужденій; поэтому онъ хорошо съ ними обращался и каждому, насколько было возможно, облегчалъ печальную его судьбу. Въ его время въ Карской тюрьмѣ

находилось нѣсколько политическихъосужденныхъ, которые по приказу жандармскаго офицера въ дисциплинарное наказаніе были прикованы къ тачкѣ *).

Полковникъ Кононовичъ враждебно относился къ этому жестокому, безчеловѣчному обращенію, но не въ его власти было измѣнить это; онъ приказывалъ, по крайней мѣрѣ, освобождать осужденныхъ отъ тачекъ, каждый разъ когда думалъ произвесть осмотръ тюрьмы, чтобы такимъ образомъ избавить себя отъ печальнаго зрѣлища.

Въ концѣ 1880 года появилось нѣсколько распоряженій министра внутреннихъ дѣлъ, которыя еще уменьшили скудныя права политическихъ арестантовъ; такъ, между прочимъ, имъ запретили переписываться съ родственниками и знакомыми; далѣе имъ запрещено было работать на пріискахъ, что лишило ихъ возможности дышать свѣжимъ воздухомъ и заниматься нѣкоторое время физическимъ трудомъ; наконецъ пришло приказаніе уничтожить „вольныя команды," жившихъ въ „вольныхъ командахъ" снова помѣстить въ тюрьму, заковать въ цѣпи и обрить имъ половину головы, какъ и обыкновеннымъ преступникамъ. Эти приказы изданы были либеральнымъ—министромъ Лорисъ-Меликовымъ. Я не могъ понять, почему онъ издалъ эти усиленныя правила, тогда какъ съ другой стороны старался выказать либеральныя воззрѣнія. Многимъ чиновникамъ въ Сибири высказывалъ я поэтому поводу свое изум-

*) По правиламъ это усиленіе наказанія допускается еще и теперь и примѣняется къ людямъ осужденнымъ на вѣчную каторгу. Арестантъ приковывается къ небольшой тачкѣ, причемъ цѣпи допускаютъ только незначительныя свободныя движенія. Онъ не можетъ свободно ходить не можетъ даже перейти камеру, не таская за собой тачку; даже во время сна онъ остается прикованнымъ къ ней. Въ то время прикованы къ тачкѣ были 4 политическихъ арестанта: Полеко, Березинъ, Фомичевъ и Щедринъ. Послѣдній былъ освобожденъ отъ тачки только въ 1884 году.

ченіе и въ отвѣтъ получалъ различныя объясненія. Одни предполагали, что этимъ онъ хотѣлъ заставить политическихъ преступниковъ сильнѣе сознавать свои преступленія; другіе объясняли эти правила его недостаточной освѣдомленностью; къ этому мнѣнію склонялись и мы; но большинство политическихъ арестантовъ ни въ коемъ случаѣ не были такъ снисходительны, и считали либеральныя сужденія Мешкова просто лицемѣріемъ.

Полковникъ Кононовичъ былъ очень недоволенъ этими распоряженіями и приложилъ всѣ старанія, чтобы заставить отмѣнить или, по крайней мѣрѣ, смягчить ихъ. Но всѣ его старанія остались безплодными. Поэтому 28 декабря онъ созвалъ живущихъ въ „вольныхъ командахъ", сообщилъ имъ распоряженіе, и заявилъ, что онъ напрасно старался помѣшать проведенію ихъ въ жизнь. Онъ далъ имъ подъ собственною отвѣтственностью три дня сроку для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Однако 1 января они должны были быть уже въ тюрьмѣ. Это былъ тяжелый ударъ для преступниковъ, жившихъ въ „вольныхъ командахъ"!

Два года прожили они въ «вольныхъ командахъ», гдѣ пользовались хоть незначительной свободой,—многіе съ женами и дѣтьми, пріѣхавшими издалеко,—теперь приходилось все это покидать и возвращаться снова въ тюрьму гдѣ кишѣли насѣкомыя и гдѣ отвратительный воздухъ пропитанъ былъ губительными міазмами. Многіе изъ нихъ были настолько физически слабы, что для нихъ пребываніе въ тюрьмѣ было равносильно смерти.

Среди проживавшихъ тогда въ «вольныхъ командахъ» находился и Евгеній Семеновскій, юристъ, 33 лѣтъ, сынъ извѣстнаго кіевскаго врача. Семеновскаго высоко цѣнили всѣ знавшіе его. Онъ былъ адвокатомъ въ Петербургѣ, и былъ осужденъ за участіе въ органѣ революціонной партіи. газетѣ «Впередъ».

Около 5 лѣтъ провелъ онъ въ Карской тюрьмѣ, по

томъ былъ переведенъ въ «вольныя команды», такъ какъ у него было сильно разстроено здоровье. Когда наканунѣ новаго года арестанты въ послѣдній разъ собрались внѣ тюремныхъ стѣнъ, Семеновскій казался печальнѣе, чѣмъ обыкновенно, и когда расходились, онъ съ особенной сердечностью простился съ товарищами. Одинъ изъ нихъ, Чарушинъ, жившій съ нимъ въ одной избѣ, былъ разбуженъ выстрѣломъ во второмъ часу ночи. Онъ бросился въ комнату товарища и нашелъ его лежащимъ съ прострѣленной головой; хотя онъ еще былъ живъ, но въ сознаніе больше не приходилъ и спустя часъ умеръ. На столѣ лежала записка Чарушину, въ которой онъ просилъ, если возможно будетъ, передать отцу письмо. Письмо гласило приблизительно слѣдующее:

Ночь, наканунѣ новаго года 1880—81.

Дорогой отецъ!

Я возвратился сейчасъ отъ товарищей, среди которыхъ провелъ конецъ стараго года. Новый годъ начался для насъ печально. Ты получилъ, можетъ быть, письмо отъ жены одного моего товарища; я просилъ ее сообщить тебѣ, что намъ запретили переписываться даже съ родителями. Это жестоко, но еще болѣе жестоко то, о чемъ могу сообщить тебѣ только теперь, такъ какъ раньше не зналъ объ этомъ. Дней черезъ десять послѣ того, какъ написано было упомянутое письмо, намъ сообщили, что мы снова должны возвратиться въ тюрьму и быть закованы въ цѣпи. Насъ девять человѣкъ въ послѣдніе два года пользовались хоть какой-нибудь свободой: Шишко, Чарушинъ, Квятковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Гевдулъ и я. Но съ того времени, какъ Лорисъ-Меликовъ запретилъ намъ переписку, мы жили въ ожиданіи чего то еще худшаго. Завтра мы всѣ снова должны возвратится въ тюрьму; независимо отъ полковника Кононовича приказаніе при-

водится уже въ исполненіе. Онъ далъ намъ нѣсколько дней сроку для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Мы воспользовались послѣднимъ днемъ нашей свободы, чтобы отпраздновать окончаніе стараго года; я хочу воспользоваться имъ еще для одной цѣли. Быть можетъ я злоупотребляю довѣріемъ полковника Конзновича? Но вѣдь мнѣ не остается ничего другого!

Кто прочтетъ слова „завтра мы всѣ снова должны возвратиться въ тюрьму", быть можетъ, сравнитъ насъ со стадомъ барановъ, которые добровольно даютъ вести себя на бойню; но это было бы несправедливо Единственное, что мы могли бы сейчасъ сдѣлать это бѣжать, но какъ? куда? безъ всякого приготовленія, при 34 градусахъ мороза. Кромѣ того, изъ письма которое я тебѣ написалъ въ августѣ этого года, ты ясно могъ видѣть, почему мы не бѣжали.

Если бы приказъ о возвращеніи въ тюрьму пришелъ весной, то я бы бѣжалъ, тогда была бы по крайней мѣрѣ надежда на успѣхъ, и я могъ бы надлежащимъ образомъ приготовиться. Но теперь совсѣмъ другое! Я чувствую, что мои силы убываютъ съ каждымъ днемъ, я боюсь, что сойду съума. И это теперь, когда я нахожусь внѣ тюремныхъ стѣнъ, что же будетъ, если я снова попаду въ тюрьму. До сихъ поръ меня поддерживала надежда, что рано или поздно я все-таки вернусь въ Россію и снова смогу быть полезнымъ тому благому дѣлу, которому я посвятилъ свою жизнь.

Но что можетъ сдѣлать для него человѣкъ физически и духовно-сломленный! На что мнѣ остается надѣяться, если и эта надежда исчезаетъ! Оправданіе передъ самимъ собою? Прежде чѣмъ исполнилось бы это желаніе, меня могли бы десять разъ подвергнуть пыткѣ.

Такъ пришелъ я къ рѣшенію, что жизнь моя безцѣльна, и я имѣю право съ ней покончить. Давно я уже усталъ,

усталъ отъ всего, и только мысль о родинѣ удерживала меня отъ самоубійства. Я знаю, что тебѣ, дорогой Саша, [1]) и всѣмъ, кто меня любитъ, я причиню большое горе. Но развѣ ваша любовь не настолько благородна, чтобы простить самоубійство человѣку, котораго столько мучили? Въ послѣднія пять лѣтъ меня дѣйствительно мучили до смерти. Всѣмъ, что вамъ дорого, заклинаю васъ, простите меня! Вѣдь вы знаете, что мои послѣднія мысли были о васъ, что изъ любви къ вамъ я хотѣлъ бы продолжать жизнь, но на это не хватаетъ у меня больше силъ. Сумасшествіе или смерть! Мнѣ остается только этотъ выборъ, и я выбираю послѣднюю. Прощай навсегда, дорогой отецъ и другъ! Прощай, Саша, и ты, мой младшій братъ, котораго я едва знаю! И помните: лучше смерть, даже и такая, какъ моя, чѣмъ жизнь безъ чести и характера.

Еще разъ - простите! Вспоминайте добромъ вашего сына и брата, который даже въ своемъ несчастьи могъ найти утѣшеніе. *Евгеній.*

На кладбищѣ политическихъ преступниковъ, на одиноко стоящемъ холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Голова каторжника", погребенъ прахъ Евгенія Семеновскаго. Истлѣетъ простой деревянный крестъ на его могилѣ, и тогда никто болѣе не отыщетъ мѣсто послѣдняго успокоенія человѣка, замѣчательныя способности и благородный характеръ котораго могли бы оказать много пользы для дѣла свободы и культуры.

На полковника Кононовича самоубійство Семеновскаго подѣйствовало страшно мучительно: но худшее было еще впереди. Это самоубійство было только первымъ звеномъ цѣпи печальныхъ событій, вызванныхъ репрессіями прави-

[1]) Александръ, любимый братъ пишущаго это письмо.

гельства, вскорѣ послѣ этого самоубійства отрѣзокъ политическій арестантъ Годинъ, упомянутый въ письмѣ Успенскій повѣсился въ банѣ, а госпожа Ковалевская, помѣшалась, такъ что въ концѣ концовъ пришлось надѣть на нее смирительную рубашку.

Полковникъ Кононовичъ былъ такъ потрясенъ этими ужасными происшествіями, что рѣшилъ во всякомъ случаѣ оставить мѣсто начальника исправительной колоніи Онъ написалъ объ этомъ генералъ-губернатору, а также министру внутреннихъ дѣлъ и заявилъ при этомъ, что новыя распоряженія были не только безсмысленны, но и жестоки.

Если хотятъ такимъ образомъ обращаться съ заключенными, то пусть пришлютъ палача, онъ же не палачъ и не можетъ рѣшиться исполнять приказанія, если при этомъ приходится даже насиловать свои убѣжденія. Поэтому онъ проситъ объ отставкѣ.

Онъ получилъ ее. Лѣтомъ 1881 года покинулъ полковникъ Кононовичъ Карскую область и вскорѣ послѣ этого отправился въ Петербургъ Во время проѣзда черезъ Иркутскъ генералъ губернаторъ Анучинъ холодно и небрежно замѣтилъ ему. —Человѣкъ съ вашими воззрѣніями не пригоденъ для того, чтобы управлять Карской областью Да я думаю даже, что вы вообще не годитесь для службы правительству.

— Въ такомъ случаѣ я ее совсѣмъ оставлю,—отвѣтилъ полковникъ. Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ тогдашнимъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, господиномъ Гирсово, при этомъ полковникъ выразился между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

— Я всегда уважалъ законъ и умѣлъ другихъ заставить уважать его. Если вы хотите заставить политическихъ преступниковъ на Карѣ повиноваться закону и уважать правительство, вы должны дать имъ начальника, который

держался бы моихъ принциповъ. Вы, вѣроятно, не разъ слышали обвиненія противъ меня.

Но я не боюсь своихъ противниковъ и никогда не стану дѣлать того, что не согласно съ моею совѣстью. Предписанія правительства сдѣлали для меня невозможнымъ дальнѣйшее завѣдываніе Карскими тюрьмами, и поэтому я подалъ въ отставку. Въ подобномъ случаѣ я не могъ поступить иначе.

Послѣдующія событія въ исправительной колоніи на Карѣ (читатель познакомится съ ними въ дальнѣйшемъ разсказѣ) не разъ заставляли секретаря министерства вспоминать слова этого отважнаго, прямодушнаго человѣка.

Увы! Мало хорошаго я могу сказать о сибирскихъ тюрьмахъ, еще меньше о тамошнихъ чиновникахъ, но тѣмъ пріятнѣе мнѣ упомянуть здѣсь, что почти всѣ хвалили полковника Кононовича. Какъ политическіе преступники, такъ и лучшая часть чиновничества и обывателей, — всѣ они цѣнили въ немъ образованнаго, гуманнаго, неподкупной честности человѣка. Почти всѣ улучшенія, введенныя въ Карскомъ округѣ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ, относятся ко времени его управленія. Стоитъ пожалѣть поэтому, что ему пришлось уйти изъ Сибири вслѣдствіе гнусности нѣкоторыхъ россійскихъ чиновниковъ. Они считали его „слабымъ» и „сентиментальнымъ», называли его „соціалистомъ» и обвиняли въ тайныхъ симпатіяхъ къ политическимъ преступникамъ. Нерчинскій исправникъ осмѣлился даже однажды въ клубѣ заявить, что пришелъ къ заключенію, что полковнику Кононовичу съ желтымъ тузомъ на спинѣ придется прогуляться въ Иркутскую область.

Высшіе чиновники легко поддавались и вѣрили сплетнямъ про него, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго.

Въ послѣдній годъ его служебной дѣятельности на Карѣ сюда былъ сосланъ политическій преступникъ — молодой

потѣкъ Библиковъ. По пути ему пришлось перенести столько всякихъ преслѣдованій, что онъ совершенно одичалъ и сдѣлался недовѣрчивымъ подозрительно ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Онъ видѣлъ враговъ, съ которыми долженъ бороться. Кононовичъ принялъ его ласково, послалъ ему черезъ жену одного арестанта свѣжее бѣлье, позаботился о томъ, чтобы всѣми способами удовлетворить его насущнѣйшія потребности, старался успокоить увѣреніями, что никто здѣсь не станетъ его оскорблять или издѣваться надъ нимъ. Такое неожиданное сердечное отношеніе поразило молодого арестанта, и онъ высказался по этому поводу въ письмѣ, которое позже какъ-то ему удалось отправить въ Россію своему товарищу. „Узнавъ полковника Кононовича, писалъ онъ, я пришелъ къ заключенію, что не всѣ россійскіе полковники лишены человѣческихъ чувствъ." Это письмо попало въ Россіи въ руки полиціи, и министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ забайкальскому губернатору, генералу Ильяшевичу, потребовать у полковника Кононовича объясненій по этому дѣлу; письмо было приложено въ качествѣ доказательства склонности полковника къ политическимъ. Кононовичъ оставилъ безъ отвѣта предписаніе губернатора, и, когда черезъ нѣкоторое время по служебнымъ дѣламъ пріѣхалъ къ нему въ Читу, то тотъ его спросилъ, получилъ ли онъ его бумагу.

— Конечно,- сказалъ Кононовичъ.—но какой отвѣтъ я вамъ могъ бы дать? Развѣ нужно было мнѣ оправдываться въ томъ, что я «не лишенъ человѣческихъ чувствъ?

Смущенный такимъ оборотомъ дѣла, губернаторъ не нашелся, свалилъ вину на секретаря, который будто бы не совсѣмъ вѣрно выразился, затѣмъ перевелъ разговоръ на иную тему и ужъ больше никогда не поднималъ этого вопроса.

Бросивъ службу въ Карской области, полковникъ Ко-

поповичъ принялъ командованіе надъ забайкальскими казаками въ Нерчинскѣ. Здѣсь онъ скоро обнаружилъ, что нѣкоторые офицеры, войдя въ соглашеніе съ мѣстнымъ исправникомъ, освобождали отъ службы новобранцевъ за плату въ нѣсколько сотенъ рублей съ человѣка Онъ потребовалъ отчета у преступныхъ офицеровъ, но у этой компаніи были въ Иркутскѣ вліятельные друзья; посыпались обвиненія, жалобы и, дѣйствительно, не будь и у Кононовича въ Петербургѣ вліятельныхъ друзей, ему, навѣрно, пришлось бы съ вышеупомянутымъ желтымъ тузомъ на арестантскомъ халатѣ отправиться въ Иркутскъ. Въ данномъ случаѣ онъ обратился къ своимъ покровителямъ и министру внутреннихъ дѣлъ, и ему все таки удалось добиться назначенія новой комиссіи для разслѣдованія преступленія. Исправникъ и другіе обвиняемые были арестованы и вина ихъ скоро доказана документально. Тогда, однажды, въ холодную зимнюю ночь товарищи уличенныхъ преступниковъ подожгли домъ полковника такъ, что онъ со всей семьей навѣрно сгорѣли бы, если бы имъ не удалось въ ночной одеждѣ бѣжать изъ пылающаго дома. Убѣдившись въ безопасности своей семьи, онъ поспѣшилъ обратно спасать хранившіяся у него бумаги относительно этого процесса, но уже это было невозможно изъ-за дыма и огня. Такимъ образомъ были уничтожены почти всѣ доказательства этого злодѣянія. Тогда-то онъ пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее его пребываніе въ Сибири невозможно, что онъ не можетъ жить въ странѣ, гдѣ каждый честный человѣкъ подвергается опасности быть заживо сожженнымъ. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ. И здѣсь получилъ мѣсто въ генеральномъ штабѣ, гдѣ и оставался до лѣта 1888 года. Къ этому времени, произведенный въ генералы, онъ принялъ начальство надъ важной сибирской исправительной колоніей на островѣ Сахалинѣ.

Къ числу послѣднихъ новшествъ за время управленія

полковника Кононовича относится постройка у «Нижняго прiиска» тюрьмы для политическихъ преступниковъ. Капитанъ Николиль возпретилъ имъ осмотрѣть ее извнутри. Снаружи же эта тюрьма немногимъ отличалась отъ другихъ строенiй подобнаго типа, только была, повидимому объемистѣе, много свѣтлѣе, да воздуху здѣсь должно было быть больше. Вся тюрьма, кромѣ больничнаго отдѣленiя, состояла изъ четырехъ камеръ, разсчитанныхъ на 25 человѣкъ каждая. Постели здѣсь имѣются только въ больничномъ отдѣленiи; арестантамъ же предоставляется спать, на чемъ хотятъ. Въ началѣ, около этого зданiя не было нынѣшняго высокаго забора. Генералъ губернаторъ Анучинъ въ одно изъ своихъ рѣдкихъ посѣщенiй нашелъ это непристойнымъ. — Тюрьма не дворецъ! — цинично замѣтилъ онъ и приказалъ обнести ее сооруженiе высокимъ частоколомъ. Конечно, это не былъ случайный плодъ мимолетной фантазiи, а строго обдуманное намѣренiе, имѣвшее цѣлью заставить политическихъ преступниковъ еще сильнѣе почувствовать всю тяжесть своего положенiя. Такимъ образомъ, они были лишены возможности наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, любоваться зеленью полей и пурпуромъ заката; отнынѣ они не должны были видѣть ни одного человѣка не въ платьѣ тюремныхъ сторожей.

Въ глубинѣ души, я больше, чѣмъ когда-либо, пожелалъ его превосходительству, господину генералъ губернатору просидѣть хоть одинъ только годъ въ заточенiи въ тюрьмѣ политическихъ арестантовъ на Карѣ. Пусть онъ въ теченiе 365 дней поглядѣлъ бы исключительно только на выкрашенный заборъ, пусть попробовалъ бы 365 ночей проспать на жесткихъ, полныхъ паразитовъ, нарахъ, въ продолженiе 52 недѣль подышать и днемъ и ночью отравленнымъ воздухомъ камеръ, въ атмосферѣ, пропитанной невыносимою вонью «парашекъ». О! тогда онъ понялъ бы, вѣроятно, истинный смыслъ своего изреченiя: „Тюрьма не дворецъ!“

Тюрьмы политическихъ преступниковъ въ Карской области.

Послѣ того, какъ полковникъ Кононовичъ въ 1881 году оставилъ должность начальника исправительной колоніи на Карѣ, на его мѣсто былъ назначенъ маіоръ Потулевъ, до этого имѣвшій какое-то отношеніе къ тюремному управленію на серебряныхъ рудникахъ у Нерчинска.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ вступилъ въ отправленіе служебныхъ обязанностей, всѣ политическіе, которыхъ въ это время здѣсь было около сотни, были переведены въ новую тюрьму у „Нижняго Пріиска", выстроенную при полковникѣ Кононовичѣ, и заключены здѣсь въ камеры. Дни, проводимые ими здѣсь, какъ это видно изъ ихъ писемъ, которыя они иногда умудрялись тайно отправлять своимъ друзьямъ *), были злыми днями, но все-таки не такъ невыносимыми, какъ тѣ, что прошли до нихъ. Здѣсь имъ ежедневно разрѣшалось гулять по двору, распоряжаться по своему усмотрѣнію деньгами, передаваемыми имъ; они имѣли право пользоваться нѣкоторыми книгами, пріобрѣтенными на собственныя средства или присланными имъ изъ Россіи; иногда для развлеченія они занимались работами въ столярныхъ и слесарныхъ мастерскихъ. Конечно, этимъ жалкимъ привиллегіямъ противополагалась цѣлая масса тягчайшихъ наказаній; нѣкоторымъ дни и ночи приходилось проводить закованными въ кандалы, двое или трое даже были прикованы къ тачкѣ. Работать на пріискахъ

*) Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ находятся въ моемъ распоряженіи, и многое изъ послѣдующаго разсказа взято изъ нихъ. Конечно, они не могутъ служить совершенно безпристрастными доказательствами, но они вовсе не написаны въ [illegible] духѣ, [illegible] содержаніе ихъ будетъ предано гласности.

арестантамъ не разрѣшалось, и имъ приходилось все время проводить въ пустыхъ камерахъ, слушая нелѣпую болтовню своихъ лишившихся разсудка товарищей, запертыхъ вмѣстѣ съ ними. Не было у нихъ надежды и на это, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока попасть въ «вольныя команды», гдѣ они могли бы пользоваться хоть маленькой свободой; переписка была безусловно воспрещена, и весь свѣтъ для нихъ ограничивался тюремнымъ дворомъ.

Въ мартѣ 1882 года сибирскій генералъ-губернаторъ, генералъ Анучинъ отправилъ царю секретный рапортъ, въ которомъ сообщалъ о политическихъ арестантахъ слѣдующее:

„... Заканчивая эту часть моего рапорта, осмѣливаюсь просить, Ваше Величество, обратить Ваше вниманіе на мои нижеслѣдующія замѣтки о государственныхъ преступникахъ, находящихся въ Восточной Сибири.

Къ 1 января 1882 г. ихъ здѣсь было всего 430 чел., а именно:

a) Сослано въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ:
   1) Ссыльно-каторжныхъ 123
   2) Ссыльно-поселенцевъ 49
   3) Съ ограниченіемъ мѣста жительства. 41
b) Сослано административнымъ порядкомъ:
   1) Съ ограниченіемъ мѣста жительства 217

Итого . . . 430 *)

*) Слѣдуетъ здѣсь обратить особенное вниманіе на явленіе, оффиціально признаваемое самимъ генералъ-губернаторомъ, что 217 ссыльныхъ, слѣдовательно, большая ихъ половина, отправлено въ Сибирь безъ судебнаго приговора. На это обстоятельство было указано всѣми посредниками по заключенію русско-американскаго договора.

Караульную службу при государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, въ области золотыхъ пріисковъ несетъ отрядъ Забайкальскихъ казаковъ въ 200 человѣкъ Невозможно допускать этихъ преступниковъ работать на пріискахъ вмѣстѣ съ уголовными. Но и отдѣльно отъ нихъ они не могутъ работать, такъ какъ, во-первыхъ, не хватаетъ удобныхъ для разработки мѣстъ, во-вторыхъ,—мало охраны, да наконецъ, большая часть изъ нихъ недостаточно сильны для такой самостоятельной работы *). У насъ здѣсь нигдѣ не имѣется иныхъ производительныхъ занятій, на которыя можно было бы назначать этихъ арестантовъ, чтобы дать имъ возможность физически работать, поэтому приходится держать ихъ безъ дѣла. Мѣстное начальство, строго отвѣчающее за каждый случай побѣга, вынуждено такимъ образомъ держать ихъ подъ стражей въ тюрьмѣ, только изрѣдка назначая на текущія работы здѣсь или гдѣ нибудь по близости. Но эти послѣднія работы никакъ не могутъ быть названы «каторжными», да и служатъ то они только для поддержанія физической бодрости. Впрочемъ, освобожденіе отъ каторжныхъ работъ нисколько не улучшаетъ положенія арестантовъ, наоборотъ! Полнѣйшая отчужденность дѣлаетъ имъ ихъ жизнь совершенно невыносимой... Здѣсь, поэтому было нѣсколько случаевъ самоубійства; одинъ изъ такихъ преступниковъ, по имени Позенъ, сошелъ съума, и нравственное состояніе многихъ другихъ тоже граничитъ съ умопомѣшательствомъ. Поэгому я сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о приспособленіи какого-либо частнаго дома въ Читѣ подъ пріютъ для умалишенныхъ, такъ

*) Господинъ генералъ губернаторъ не мотивируетъ здѣсь невозможности поселенческимъ работать вмѣстѣ съ уголовными. Не объясняетъ онъ также и того, какимъ образомъ при постановкѣ Комиссіею это было возможно, и на почвѣ какихъ либо иныхъ недоразумѣній все-таки не случалось.

какъ въ Сибири такихъ учрежденій нѣтъ, а имѣющіеся въ Европейской Россіи всѣ переполнены."

Такъ гласитъ Всеподданнѣйшій генералъ-губернаторскій докладъ, помѣщенный въ третьемъ отдѣлѣ пятой главы сборника подъ названіемъ: Ссылка, каторга и тюремный отдѣлъ». Копія этого доклада у меня въ рукахъ. На оригиналѣ имѣется собственноручная помѣтка царя:—„Грустная, но не новая картина."

Три съ половиною года спустя мы снова посѣтили Карскую область, а благое намѣреніе генералъ-губернатора изолировать въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ умалишенныхъ арестантовъ все еще не было исполнено. По прежнему они жили въ однихъ камерахъ со своими здоровыми товарищами и своимъ присутствіемъ дѣлали имъ затменіе буквально невыносимымъ. Да и вообще въ тюрьмахъ Восточной Сибири о душевно больныхъ заботились очень мало. Не разъ бывало, при входѣ въ тюрьму, гдѣ-нибудь въ Забайкальѣ, вздрогнешь отъ дикаго смѣха или плача умалишеннаго, буквально наскакивающаго на тебя. Во всей мѣстности, — какъ гласитъ докладъ, — не имѣется ни одного пріюта для умалишенныхъ, а въ то-же время власти находятъ болѣе удобнымъ для себя поручать самимъ арестантамъ заботу о своихъ больныхъ товарищахъ вмѣсто того, чтобы назначать для этой цѣли отдѣльныхъ сторожей. На образованныхъ людей, боящихся помѣшательства, больше всякой иной болѣзни, конечно, угнетающе дѣйствуетъ видъ ихъ больныхъ товарищей и необходимость созерцать то несчастье, которое раньше или позже постигнетъ, можетъ быть, и ихъ самихъ.

Генералъ-губернаторъ назвалъ въ своемъ докладѣ „невыносимымъ" положеніе, при которомъ арестанты обречены на бездѣятельность. Но не само ли правительство создало это положеніе? Вѣдь оно же распорядилось поставить передъ окнами тюрьмы высокій заборъ, мѣшавшій арестан-

тамъ даже смотрѣть на окрестность; вѣдь самъ же министръ внутреннихъ дѣлъ безъ всякой настоятельной необходимости уничтожилъ «вольныя команды» и приказалъ совершенно изолировать политическихъ арестантовъ. Такія мѣры повлекли за собою увеличеніе случаевъ помѣшательства и самоубійства, такъ опечалившіе господина генералъ-губернатора!

Никакъ невозможно было предположить, чтобы молодые люди съ закаленною волей стали трусливо мириться съ положеніемъ, которое сама администрація признавала невыносимымъ! И вотъ, въ апрѣлѣ 1882 года, почти черезъ годъ послѣ выхода въ отставку полковника Кононовича, едва лишь черезъ мѣсяцъ послѣ отсылки вышеупомянутаго Всеподданѣйшаго доклада, нѣсколько самыхъ отважныхъ политическихъ преступниковъ на Карѣ предприняли попытку бѣжать изъ тюрьмы. Первоначально они устроили подкопъ подъ тюремной стѣной, но онъ, хотя и не былъ открытъ, не пригодился имъ, такъ какъ былъ залитъ почвенной водой. Тогда одинъ изъ заключенныхъ предложилъ ежедневно прятаться нѣсколькимъ человѣкамъ въ мастерскихъ, гдѣ они иногда работали, чтобы затѣмъ, подъ покровомъ ночи перебираться черезъ заборъ. Наибольшую трудность при выполненіи такого плана представила бы вечерняя повѣрка; ежедневно вечеромъ, послѣ ужина, всѣхъ заключенныхъ пересчитывали въ камерахъ, и исчезновеніе спрятавшихся было бы замѣчено еще раньше, чѣмъ они успѣли бы ускользнуть. Но тутъ имъ помогъ благопріятный случай. А именно: обыкновенно бывало такъ, что надзиратель, приходившій на повѣрку не будилъ уже спавшихъ арестантовъ; они рѣшили сдѣлать поэтому нѣсколько куколъ и класть ихъ на нары. Такъ какъ повѣрка обыкновенно производилась у дверей, то было вѣроятно, что чиновникъ не замѣтитъ обмана. Если бы планъ удался то бѣглецамъ оставалось бы только, слѣдуя по долинѣ

Амура, добраться до береговъ Тихаго Океана, а тамъ на какомъ-нибудь американскомъ кораблѣ завершить свой побѣгъ. Остававшіеся въ тюрьмѣ должны были ежедневно при повѣркѣ класть куколь на нары, чтобы какъ можно дольше скрывать побѣгъ, и такимъ образомъ дать бѣжавшимъ возможность добраться до берега прежде, чѣмъ было бы начато преслѣдованіе. Когда всѣ необходимыя приготовленія были закончены, однажды, послѣ обѣда это было въ апрѣлѣ, двое политическихъ, Мышкинъ и Хрущевъ, спрятались, какъ было условлено, а на нары положены два чучела въ арестантскихъ халатахъ. Хитрость удалась. Надзиратель не замѣтилъ отсутствія двухъ арестантовъ, и имъ безъ особеннаго труда удалось перелѣзть черезъ заборъ и достичь спасительнаго лѣса. Черезъ нѣсколько дней за ними, такимъ же образомъ, отправились еще двое другихъ узниковъ: черезъ четырнадцать дней на нарахъ лежали уже шесть набитыхъ чучелъ, а въ теченіе слѣдующей недѣли къ нимъ прибавилась еще четвертая пара. Судьбѣ было угодно, чтобы одинъ изъ послѣдней пары бѣглецовъ, соскакивая съ забора упалъ въ ровъ, наполненный водой. Всплескъ привлекъ вниманіе стражи, открывшей огонь, и не прошло и десяти минутъ, какъ все было на ногахъ. Точный подсчетъ всѣхъ арестантовъ показалъ, что восемь человѣкъ бѣжали.

За нѣсколько дней до этого открытія директоръ тюремнаго вѣдомства, Гаткинъ Врскій съ забайкальскимъ губернаторомъ Игнатіевичемъ осматривали карскія тюрьмы и теперь какъ разъ возвращались въ Читу. Немедленно извѣщенные маіоромъ Потуловымъ о происшествіи, они сейчасъ же возвратились, и подъ личнымъ руководствомъ по ели самое энергичное слѣдствіе объ убѣжавшихъ.

По всѣмъ заставамъ Тихаго океана были разосланы телеграфическія увѣдомленія и предписанія, всѣ полицейскіе чины были снабжены подробными примѣтами и даже, по возмож-

ности, фотографическими снимками бѣглецовъ, было отдано распоряженіе арестовывать всѣхъ подозрительныхъ путешествующихъ; массы мѣстныхъ жителей, соблазненныхъ обѣщаніемъ награды, обыскивали лѣса съ цѣлью поимки бѣжавшихъ. Физически изнуреннымъ, не знающимъ дороги, безъ картъ и компаса подъ рукою, трудно было, конечно, бѣднякамъ разсчитывать на возможность избѣжать преслѣдованія да еще при такихъ рѣшительныхъ мѣрахъ. Только двумъ, убѣжавшимъ въ началѣ, удалось добраться до Владивостока, но и тутъ они, какъ и всѣ остальные, были, наконецъ, арестованы и въ кандалахъ препровождены обратно.

Послѣ этого политическимъ арестантамъ было «прочитано наставленіе» и такимъ образомъ порядокъ въ тюрьмѣ возстановленъ *). У политическихъ отняли всѣ привиллегіи и права, которыми пользовались даже уголовные, затѣмъ они были группами размѣщены между уголовными преступниками на Устьѣ Кары и при средней и верхней Карѣ и, наконецъ, здѣсь уже подвергнуты [illegible] ному положенію.

Такой преступникъ лишается денегъ, книгъ, письменнаго прибора, постельнаго бѣлья, табаку словомъ всего того, что не составляетъ насущной необходимости. Ему не разрѣшаютъ гулять по двору, его пища состоитъ изъ ржаного хлѣба и воды, иногда прибавляютъ еще немного ячменнаго супу, «баланды», какъ его называютъ заключенные.

Губернаторъ Ильяшевичъ и начальникъ Галкинъ-Враскій можетъ быть, въ дѣйствительности и боялись протеста со стороны политическихъ заключенныхъ по поводу этихъ

*) Я привожу здѣсь подлинныя слова изъ разсказа маіора Потулева объ этомъ случаѣ. Политическіе предполагали, что у мѣстныхъ властей было намѣреніе вызвать возмущеніе въ ихъ средѣ, чтобы имѣть предлогъ потомъ еще сильнѣе прижать арестантовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на „небрежность“ администраціи.

правилъ, или же это имъ только казалось. Но они сочли необходимымъ поставить въ тюрьмѣ [illegible] шесть сотенъ казаковъ.

Въ теченіе десяти дней они [illegible] политическихъ преступниковъ [illegible], чтобы ихъ увѣрить въ безопасности, но вдругъ ночью казаки получили приказъ напасть на заключенныхъ. Это дѣло нападенія вооруженныхъ на спящихъ [illegible] извѣстно, какъ «погромъ 11-го мая».*) Нѣсколько сотенъ казаковъ по приказу подполковника Рудейко напали на [illegible], съ примкнутыми штыками ворвались въ тюремныя камеры, стаскивали спящихъ съ ихъ наръ, обыскивали ихъ самымъ грубымъ образомъ, забрали все ихъ имущество, сорвали платья и тащили ихъ во дворъ. Всѣ [illegible] и разговоры [illegible] мыхъ были закрыты [illegible] самымъ грубымъ образомъ. Нѣкоторые [illegible] политическіе заключенные срывали со своихъ наръ доски, чтобы ими защищаться, но за то были избиты прикладами ружей. Имена наиболѣе жестокихъ истязателей слѣдующія: Володошенко, Родіоновъ, Кобылецкій, [illegible] и Орловъ.

Совершенно излишне разсказывать здѣсь подробно эти жестокія насилія, достаточно только замѣтить, что 11-го мая 1882 въ предобѣденное время 54 [illegible] заключенные, окровавленные и избитые, у которыхъ ограбили платья, бѣлье и всѣ другія на собственныя средства пріобрѣтенныя вещи, были раздѣлены на три группы, и не давъ имъ ничего поѣсть, отправили ихъ въ тюрьмы Усть-Кары, Средней Кары и Верхней Кары, въ сопровожденіи казаковъ, которымъ генералъ Ильяшевичъ приказалъ не стѣсняться въ употребленіи прикладовъ.

Пересылаемые пѣшкомъ на Усть Кару, среди которыхъ находился также прикованный къ тачкѣ, дорогой пре[illegible]

*) Погромъ — означаетъ жестокое, неожиданное нападеніе.

разрѣшения немного отдохнуть, такъ какъ они должны были пройти пятнадцать верстъ и притомъ ничего не ѣвши, этого имъ не разрѣшили и прикладами погнали дальше. Тогда тѣ изъ нихъ, у которыхъ руки не были въ кандалахъ, разъярившись, забросали солдатъ камнями, слѣдствіемъ чего явилось еще болѣе жестокое обращеніе, причемъ тѣмъ, которые были безъ кандаловъ, связали руки. Разбитые, усталые и голодные добрались они поздно вечеромъ до Усть-Кары, гдѣ ихъ снова обыскали, а затѣмъ заключили въ секретныя камеры тюрьмы, гдѣ они въ изнеможеніи растянулись на холодной, сырой землѣ и благодарили небо за то, что наконецъ день прошелъ *).

Съ преступниками, переведенными въ другія тюрьмы, поступали подобнымъ же образомъ, съ тою только разницей, что ихъ не такъ жестоко избивали. Господамъ Галкину-Враскому и Ильяшевичу удалось усмирить «бунтъ»,

*) [illegible] одиночнаго заключенія убійцъ и другихъ самаго низкаго рода [illegible] полковникъ Маковскій ихъ осмотрѣть. Онѣ не имѣли, кромѣ параши, никакой обстановки, даже не было наръ. Заключенные должны были сидѣть, а также и спать на голой землѣ. Тамъ, въ [illegible] бы я имѣлъ возможность призвать чиновниковъ тюремнаго вѣдомства изъ Петербурга въ качествѣ свидѣтелей, то могъ бы въ случаѣ необходимости представить русскому суду доказательства, что даже въ этой образцовой русской тюрьмѣ существовали секретныя камеры, гдѣ не только не было наръ, но даже парашъ, и испражненія оставались лежать на полу. Я предполагаю, что [illegible] эти ужасныя обстоятельства, но таковы факты, и я не могу предположить, чтобы политическіе заключенные и тюремные чиновники дали бы мнѣ ложныя показанія. Я не видалъ секретныхъ камеръ въ Карѣ, но все же я думаю, что онѣ не находились въ лучшемъ [illegible]

которые могли бы устроить сильное столкновеніе и преподать «бунтовщикамъ» необходимый хорошій урокъ».

Имъ удалось [illegible] доказательство Министру Внутреннихъ дѣлъ, съ какой энергіей они умѣли предупредить «грозившую опасность».

Два мѣсяца провели политическіе въ секретныхъ камерахъ, не зная ничего другъ о другѣ, не зная, что происходитъ за стѣнами ихъ тюрьмы.

Скверный воздухъ, недостаточная пища и лишеніе физическаго движенія должны были самымъ ужаснымъ образомъ повліять на состояніе ихъ здоровья. Эпидемія цынги распространилась между ними и въ короткое время нѣкоторые были близки къ смерти, а другіе такъ изнурены, что даже не могли вставать при перекличкѣ. Ихъ собственность, ихъ деньги находились у тюремной администраціи, которая не хотѣла имъ разрѣшить пріобрѣсть даже самое необходимое, въ чемъ нуждались больные. Маіоръ Калтуринъ, грубый жандармскій офицеръ, преемникъ маіора Потулева въ „командѣ,“ только тогда разрѣшилъ заключеннымъ пріобрѣсть на ихъ собственныя деньги постельное бѣлье, когда цынга все болѣе распространялась и приняла угрожающія формы.

Въ женской тюрьмѣ въ Усть-Карѣ были немного лучшія условія. Женщины не были ни соучастницами побѣга заключенныхъ, ни искусственно произведеннаго «бунта», однако и онѣ также должны были почувствовать ухудшеніе своего положенія. До того времени имъ было снисходительно разрѣшено ношеніе собственной одежды, вмѣсто арестантской. Маіоръ Калтуринъ нашелъ это смѣшной безсмысленностью и настоялъ, чтобы предписанія строго приводились въ исполненіе. Поэтому было приказано женщинамъ снять собственныя платья и надѣть тюремныя. Нѣкоторыя были больны и вслѣдствіе этого не могли переодѣвать, другія же противились этому въ надеждѣ, что насильно ихъ не заставятъ,

но что все же случилось, и тюремные смотрители при этомъ поступили такимъ подлымъ образомъ, что одна изъ женщинъ покушалась на самоубійство.

Въ «Нижнихъ золотыхъ промывкахъ» находились нѣкоторыя женщины, которыя добровольно послѣдовали за своими мужьями. До „погрома 11-го мая" онѣ могли иногда посѣщать своихъ мужей и получали изрѣдка отъ нихъ на содержаніе немного денегъ, сбереженныхъ отъ сверхурочной работы. Теперь же и это было имъ запрещено, и бѣдныя жены и дѣти были обречены на голодъ и другія лишенія. Жена молодого приговореннаго къ каторжнымъ работамъ поручика Дмитрія Рогачева пришла вслѣдствіе этого въ такое отчаяніе, что застрѣлилась.

1-го іюля 1882 года восемь изъ этихъ политическихъ заключенныхъ, которые казались правительству особенно опасными, были въ кандалахъ посланы въ Петербургъ, чтобы исчезнуть въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости. Ихъ имена: Геллисъ, Волошенко, Бутчинскій, Павелъ Орловъ, Малавскій, Поповъ, Щедринъ и Кобылянскій. Что съ ними случилось, до сихъ поръ неизвѣстно. Съ женой перваго я познакомился въ Забайкальѣ и она разсказала мнѣ, что ей не было позволено проститься со своимъ мужемъ, о которомъ она даже теперь не знаетъ, живъ ли онъ. Приблизительно около средины іюля всѣ политическіе преступники были перевезены въ Нижнюю-золотопромывку, гдѣ они были заключены по семь и по восемь человѣкъ въ маленькихъ камерахъ, которыя устроили изъ обыкновенной камеры, раздѣливъ ее перегородками на три части. Почти все пространство было занято нарами; разстояніе между стѣной и нарой было такъ мало, что два человѣка не могли стоять одинъ возлѣ другого, поэтому не было никакого мѣста для движенія, и бѣдные заключенные, которые ни физически, ни умственно не могли заниматься, должны были все время лежать или сидѣть на нарахъ. Кромѣ всего въ камерахъ были

поставлены параши, зловоніе которыхъ такъ заражало воздухъ, что „доводило до сумасшествія“ — я употребляю выраженіе, которое было написано однимъ изъ находившихся тамъ въ письмѣ ко мнѣ.—Не было недостатка ни въ просьбахъ, ни въ жалобахъ, но единственный отвѣтъ, который они получали отъ маіора Калтурина, былъ тотъ, чтобы они были спокойны, иначе онъ прикажетъ имъ высѣчь. И чтобы показать имъ, что онъ этой угрозой не шутитъ, онъ велѣлъ врачу освидѣтельствовать заключенныхъ съ цѣлью узнать, смогутъ ли они выдержать грозившее имъ наказаніе.

Тогда рѣшили бѣдные заключенные прибѣгнуть къ послѣднему отчаянному средству, къ голодовкѣ. Они велѣли передать маіору Калтурину, что они предпочитаютъ смерть подобной жизни, они воздержатся отъ всякой пищи до тѣхъ поръ, пока или не наступитъ смерть или же они добьются лучшаго отношенія; онъ принялъ это сообщеніе равнодушно и заключенные впредь отказывались принимать приносимую имъ ѣду.

Дни проходили, могильная тишина царствовала въ камерахъ. Голадающіе заключенные были слишкомъ слабы, чтобы разговаривать другъ съ другомъ, подобно мертвецамъ лежали они на нарахъ. Единственно, что нарушило тишину, это былъ бредъ нѣкоторыхъ сошедшихъ съ ума или же скрипучіе шаги караульныхъ, ходившихъ взадъ и впередъ. Наконецъ, на пятый день маіоръ Калтуринъ понялъ, что дѣло съ голодовкой среди заключенныхъ было очень серьозно, онъ посѣтилъ тюрьму и спросилъ арестантовъ при какихъ обстоятельствахъ они прекратятъ голодовку. Они отвѣчали, что не станутъ принимать пищи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удалены изъ камеръ параши, пока имъ не разрѣшатъ ежедневныя прогулки по двору, книги и употребленіе денегъ для своихъ потребностей. Кромѣ того долженъ былъ маіоръ дать обязательство, что ихъ не будутъ наказывать плетью. Калтуринъ возразилъ, что

угроза высѣчь ихъ не была серьезной, они могутъ прекратить голодовку и тогда онъ уже серьезно приметъ во вниманіе, что изъ ихъ желаній можетъ быть исполнено. Этимъ все же заключенные не хотѣли довольствоваться и продолжали голодать. На десятый день положеніе было очень опаснымъ. Они были обезсилены, нѣкоторые казалось даже были близки къ смерти. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Толстой, которому было сообщено объ этомъ случаѣ, далъ приказъ сообщить ему о каждомъ измѣненіи въ положеніи голодающихъ. Чего я не могу понять, это почему правительство, которое такимъ самымъ безпощаднымъ образомъ относится къ заключеннымъ, не даетъ имъ спокойно умереть и такимъ образомъ отъ нихъ избавиться. Сколько разъ политическіе преступники ни прибѣгали къ голодовкѣ и въ этомъ упорствовали, правительство всегда уступало. Это одно изъ многихъ противорѣчій, которыми богата русская судебная расправа. Съ одной стороны нерѣшимость, а съ другой снова крайняя безпощадность, то уничтожаютъ смертную казнь въ гражданскомъ сводѣ законовъ, то снова приговариваются военнымъ судомъ къ смерти гражданскія лица; здѣсь отмѣняютъ употребленіе кнута, чтобы въ замѣну сѣчь плетью, сто ударовъ которой, по словамъ русскихъ офицеровъ, дѣйствуютъ смертельно. Правительство не хочетъ, чтобы политическіе преступники погибли отъ добровольнаго голода, но ничуть не боится медленно губить ихъ въ стѣнахъ Шлиссельбургской тюрьмы. По моему мнѣнію, они поступали бы болѣе человѣчно, если бы открыто приказывали застрѣлить, нежели мучить ихъ до смерти невыносимымъ заточеніемъ.

Ежедневно въ камеры приходилъ врачъ, чтобы выслушивать у голодавшихъ пульсъ и измѣрять ихъ температуру. На тринадцатый день голодовки призвалъ маіоръ Калтуринъ женъ заключенныхъ къ себѣ и объявилъ имъ, что

желаетъ дать имъ разрѣшеніе посѣтить своихъ мужей, въ первый разъ послѣ болѣе двухмѣсячнаго запрета, но онѣ должны были постараться уговорить заключенныхъ снова принимать пищу. Онѣ согласились на это и были впущены въ тюрьму. Маіоръ также отправился туда и далъ свое честное слово, что онъ сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы исполнить ихъ желанія. Наконецъ удалось уговорить заключенныхъ прекратить это упорство, благодаря этому обѣщанію и еще болѣе просьбамъ плачущихъ женъ, послѣ тринадцатидневнаго поста кончилась первая и самая упорная голодовка въ Карѣ.

Въ теченіи этого времени одна молодая женщина, приговоренная въ Одессѣ къ каторжнымъ работамъ за революціонную дѣятельность и отбывшая наказаніе, была сослана въ Акшу маленькую деревню въ Забайкальѣ, вблизи монгольской границы. Она видѣла всѣ звѣрства, которыми былъ подавленъ „бунтъ" въ Карѣ, она сама испытала то оскорбленіе чести и женской стыдливости, изъ-за котораго другія женщины покушались на самоубійство, и ей хорошо была извѣстна голодовка со всѣми ея несчастіями. Возмущенная этими обстоятельствами, она рѣшила убить генерала Илешевича губернатора Забайкалья и этимъ способомъ обратить всеобщее вниманіе на жестокость, которая свирѣпствовала въ его управленіи и по большей частью съ его вѣдома въ Карскомъ округѣ. Она хорошо знала, что ей при этомъ ни подъ какимъ видомъ не спастись, она знала, что она идетъ на гибель и, вѣроятно, также погибнетъ ея еще не рожденное дитя, однако то, что она видѣла и чувствовала въ Карѣ, заставило ее рѣшиться даже пожертвовать своей собственной жизнью, чтобы совершить покушеніе на губернатора.

Спустя короткое время по ея прибытіи въ Акшу, она тайкомъ ушла отъ назначеннаго ей мѣста, наняла лошадей и поѣхала въ Читу, мѣстопребываніе губернатора.

Она купила револьверъ у поселенца изъ каторжныхъ. По дорогѣ она была арестована, но все таки сумѣла убѣдить ухтинка привезти ее въ Читу и тамъ ее выдать знакомому ей лично исправнику. Этому она объяснила, что ея удаленіе отъ мѣста ссылки не было совершено съ цѣлью побѣга, но только, чтобы поговорить съ губернаторомъ. Дѣйствительно, она также сумѣла уговорить и исправника, который ее повелъ къ губернатору. Тамъ онъ оставилъ ее ждать въ пріемной, чтобы доложить генералу.

— Обыскали ли вы женщину? — спросилъ Ильяшевичъ недовѣрчиво.

— Объ этомъ я не подумалъ,—отвѣчалъ исправникъ.

— Все равно! Что собственно эта женщина могла бы имѣть ко мнѣ' подумалъ генералъ и направился въ комнату, гдѣ его ждала женщина, спрятавъ револьверъ въ носовой платокъ.

Когда онъ къ ней приблизился, она выстрѣлила въ него съ возгласомъ: „Это за одиннадцатое мая". Пуля попала въ легкое. Хотя губернаторъ не былъ смертельно раненъ, но все же упалъ и его должны были унести. Исправникъ велѣлъ заковать ее въ кандалы и привести въ тюрьму Ее заперли въ холодную, грязную секретную камеру, которую мнѣ обрисовалъ окружной архитекторъ изъ Забайкалья слѣдующими словами: «Она едва достаточна, чтобы растянуться и слишкомъ низка, чтобы стоять". У нея были отняты ея платья и бѣлье, она должна была надѣть арестантскую одежду, полную насѣкомыми паразитами. Три мѣсяца лежала она въ строгомъ заключеніи на холодномъ полу и, когда она вслѣдствіе лишеній заболѣла и просила немного соломы для ложа, полицейскій чиновникъ Мелликовъ отвѣтилъ, что для нея нѣтъ соломы. Она, вѣроятно, изголодалась бы, если бы ей никогда тайно не доставлялась пища. Военный судъ приговорилъ ее къ смерти черезъ повѣшеніе. Цѣлый мѣсяцъ ждала она исполненіе приговора, постоянно раздумывая, не

должна ли она открыть, что беременна. Она знала, что обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ откладываютъ исполненіе приговора, иногда даже замѣняютъ смертную казнь заточеніемъ въ тюрьмѣ. Тогда ее снова охватила и сознаніе тяжести жизни и она думала, что послѣ исполненія приговора станетъ извѣстнымъ ея беременность и что это вызоветъ еще большую ненависть къ правительству. Но болѣе всего ее угнетала мысль, быть убійцей своего нерожденнаго плода.

И все таки она рѣшила допустить исполненіе приговора; однако оно не послѣдовало, такъ какъ въ январѣ 1882 года она помилована и ей замѣнили смертную казнь пожизненной каторгой, хотя и не знали о ея беременности.

Мнѣ сообщили изъ достовѣрныхъ источниковъ, что это смягченіе наказанія произошло по ходатайству самого губернатора. Я не знаю, чѣмъ было вызвано это великодушіе, можетъ быть, у него заговорила совѣсть, можетъ быть, дѣйствительно почувствовалъ онъ состраданіе, но можетъ быть это было только цѣлью показать якобы свое благородство души и этимъ ослабить впечатлѣніе, которое могло бы произвести сообщеніе о его жестокости по отношенію къ заключеннымъ въ Карскомъ округѣ.

Безъ теплаго платья, въ самую суровую зимнюю стужу она была сослана; она, вѣроятно, замерзла бы дорогой, если бы другіе преступники не снабдили бы ее своею теплой одеждой. Когда она добралась до Иркутска, то была до такой степени изнурена, что ее должны были вынести изъ экипажа; здѣсь же въ тюрьмѣ произвела она на свѣтъ мертвое дитя. Во время нашего пребыванія въ Сибири она была еще жива, позже я могъ узнать о ней, только то, что она умерла.

Все сообщенное мною здѣсь объ этихъ событіяхъ основано на разсказахъ политическихъ преступниковъ и также на трехъ письменныхъ документахъ изъ разныхъ источниковъ и касается побѣга заключенныхъ, „погрома" и голодовки. Покушеніе на убійство генерала Ильяшевича

и жизнь этой женщины въ тюрьмѣ извѣстны мнѣ изъ писемъ, которыя она позже писала, но ея мысли въ ожиданіе смертнаго приговора намъ сообщила одна изъ заключенныхъ, съ которой мнѣ дана была дружба.

Эта исторія извѣстна подробно въ Сибири, мнѣ ее разсказывали, по крайней мѣрѣ въ шести различныхъ мѣстахъ. Я старался также по возможности узнать объ этомъ отъ чиновниковъ, но тщетно. Нѣкоторые выказывали большое нерасположеніе къ разсказу объ этомъ случаѣ, другіе же нелѣпо старались ввести меня въ заблужденіе.

Одинъ молодой тюремный врачъ въ Иркутскѣ на мой вопросъ о покушеніи до того испугался, что поспѣшилъ избавиться отъ моего общества и даже не отвѣтилъ на мой визитъ.

Исправникъ въ Нерчинскѣ, который нѣкоторыхъ изъ выше названныхъ обществъ наблюдалъ и возвращалъ, обрисовывалъ мнѣ политическихъ преступниковъ какъ „хитрыхъ плутовъ", которые не заслуживаютъ ни состраданія, ни уваженія, какъ „сыновичей или выгнанныхъ со школы учащихся". Подполковникъ Новиковъ, который три года или даже еще дольше былъ начальникомъ казацкаго гарнизона въ Карѣ, выразился въ разговорѣ со мной, что политическіе преступники были только „мальчишки, люди безъ убѣжденій и цѣлей."

Изъ многихъ, которыхъ онъ зналъ, только трое были прилично воспитаны

Это покушеніе на убійство считалъ онъ „безумной выходкой", а виновница этого „даже сама не знала, зачѣмъ она это дѣлаетъ".

Не трудно было сдѣлать выборъ между нелѣпыми замѣчаніями съ одной стороны и ясными связными разсказами политическихъ заключенныхъ. Если это изложеніе, можетъ быть, и не совсѣмъ безпристрастно, то въ этомъ не моя вина. Я старался также достать разъясненія отъ противной

сторона, но они, хотя и могли, но не хотѣли мнѣ ихъ дать, а если и согласились на это, какъ я уже сказалъ, то въ ихъ сообщеніяхъ даже и объ этомъ не было и признака истины.

На сколько взгляды чиновниковъ о характерѣ политическихъ ссыльныхъ были несправедливы, можно показать краткими описаніями жизни нѣкоторыхъ преступниковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ названныхъ событіяхъ или же имена которыхъ связываетъ съ позднѣйшей исторіей Карской тюрьмы.

Къ выдающимся личностямъ ссыльныхъ принадлежала Анна Павловна Корба, дочь дворянина Тверской губерніи Павла Менгарта, родившаяся въ 1849 году. Подъ руководствомъ своей матери, интеллигентной и благочестивой женщины, получила она тщательное воспитаніе и была замужъ, восемнадцати лѣтъ, за одного живущаго въ Россіи швейцара по имени Викторъ Корба, который былъ заграничнымъ и радовался тому, что его молодая, красивая жена скоро заняла въ обществѣ видное положеніе. Однако, долго не могла этимъ довольствоваться умная и красивая женщина и въ 1869 году, едва достигнувъ 20 лѣтъ поступила она въ только что открытое въ Петербургѣ учебное заведеніе для благородныхъ молодыхъ женщинъ, съ намѣреніемъ впослѣдствіи продолжать свои занятія въ университетахъ Цюриха или Парижа. Отъ послѣдняго ей пришлось отказаться, такъ какъ годъ спустя ея мужъ обанкротился. Она послѣдовала за нимъ въ Минскъ, маленькій провинціальный городъ, гдѣ онъ нашелъ занятіе. Здѣсь она основала общество поощренія народнаго образованія и вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. Позже русско-турецкая война дала ей обширное поле для полезной общественной дѣятельности. Она ухаживала за возвращающимися изъ Болгаріи ранеными и послѣ даже отправилась въ качествѣ сестры милосердія „Краснаго Креста" на театръ военныхъ дѣйствій. Кто видѣлъ картины русскаго худож-

ника Верещагина, тотъ можетъ имѣть приблизительно представленіе о томъ, что она тамъ пережила и перетерпѣла, и то, что она тамъ узнала рѣшительнымъ образомъ подѣйствовало на весь ея послѣдующій складъ жизни. Ее охватило чувство любви и почтенія къ русскому крестьянину, который на себѣ несъ всю тяжесть русскаго государства, который за него проливалъ свою кровь и въ благодарность за это обманутъ, обкраденъ и находится въ рабскомъ положеніи. Она задумала впредь посвятить всю свою жизнь на просвѣщеніе этого угнетеннаго сословія.

Возвратившись съ войны на родину, она заболѣла тифомъ, которымъ она заразилась въ переполненныхъ госпиталяхъ; но она выздоровѣла и стала осуществлять свои намѣренія. Здѣсь ей на каждомъ шагу приходилось встрѣчать препятствія со стороны полиціи, что укрѣпило въ ней убѣжденіе, что улучшеніе положенія народа возможно только чрезъ ниспроверженіе существующаго строя. Она примкнула къ партіи „Народной Воли" и приняла дѣятельное участіе во всѣхъ покушеніяхъ, которыя были совершены съ 1879 года по 1882, чтобы уничтожить въ Россіи самодержавіе и на его мѣсто учредить конституціонный образъ правленія. 5-го іюня она была арестована и посажена въ Петропавловскую крѣпость, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ по обвиненію въ принадлежности къ террористамъ, предстала предъ судомъ.

Спрошенная, о томъ что она можетъ привести въ свое оправданіе, она сказала приблизительно слѣдующее: «я не признаю себя виновной въ томъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняютъ, хотя я не лгу говоря, что принадлежу къ революціонной партіи «Народная Воля» и раздѣляю ея принципы. И не знаю организаціи, которая бы стремилась къ этой цѣли только насильственными средствами и полагаю, что таковой вовсе не существуетъ. Возможно, что впослѣдствіи, когда революціонное движеніе получитъ широкое распро-

стра[illegible]ніе, такая организація [illegible] къ ней навѣрное не принадлежала бы [illegible] бы организація „Народная Воля" и дошла до террора, то онъ все-таки не былъ бы примѣненъ, не смотря на придаваемое ему значеніе, исключительно потому только, что эта партія должна понять, что къ достиженію своей цѣли она можетъ идти лишь тѣмъ путемъ, который указываетъ ей историческій ходъ русской жизни».

Печальныя, многозначительныя слова, заставляющія опасаться за худшее будущее! Далѣе она продолжала: „Господа, судьи, вы знаете основные законы русскаго государства. Вамъ извѣстно, что никто не въ правѣ ни измѣнять, ни даже посягать на измѣненіе существующаго образа правленія. Даже подача коллективной просьбы правительству запрещена. Однако русское самосознаніе растетъ, положеніе становится все болѣе серьезнымъ и скоро наступитъ моментъ, когда русскій народъ властно уничтожитъ удерживающія его преграды".

— „Это ваше личное мнѣніе! — замѣтилъ предсѣдатель суда.

— Разрушить эти преграды и бороться за свободу и независимость русскаго народа — задача партіи «Народной Воли», — продолжала свою рѣчь госпожа Корба. Какимъ образомъ это осуществится, зависитъ отъ самого правительства. Мы не желаемъ обязательно пользоваться средствами террора. Рука, угрожающе поднявшаяся, доброжелательно опустится, какъ только правительство дастъ мѣсто другой системѣ. У насъ достаточно патріотизма и самопожертвованія, чтобы забыть всѣ тѣ страшныя страданія, которыя были намъ причинены, но мы бы оказались измѣнниками по отношенію къ себѣ и русскому народу, если бы опустили оружіе прежде, чѣмъ были бы завоеваны свобода и благоденствіе народа. Въ доказательство нашихъ мирныхъ стремленій я прошу васъ прочитать письмо, отправленное нашей

партіей Императору Александру III послѣ 1-го марта *) Изъ этого письма вы усмотрите, что мы стремимся только къ реформамъ, но къ реформамъ основательнымъ и искренно осуществляемымъ".

Эти слова ничуть не послужили въ пользу обвиняемой, другого чего она и ожидать не могла.

Она была приговорена къ двадцатилѣтней каторгѣ, лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и по отбытіи срока наказанія къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь.

Послѣднія извѣстія, полученныя изъ Карскаго округа, передаютъ, что она еще жива, хотя настолько изнурена, что, вѣроятно, вскорѣ сдѣлается жертвой лишеній тюремнаго режима.

Изъ мужчинъ-политическихъ преступниковъ находившихся въ Карскомъ округѣ, больше всѣхъ меня интересовалъ Ипполитъ Мышкинъ. Въ 1864 году былъ осужденъ какъ революціонеръ и сосланъ въ Сибирь извѣстный русскій писатель Чернышевскій, сочиненіе котораго «Что дѣлать?» переведено даже на англійскій языкъ. Первое время находился въ Иркутской тюрьмѣ, затѣмъ былъ отправленъ въ Виллюйскъ, небольшой городокъ въ Якутской области, гдѣ онъ жилъ долгое время подъ строгимъ надзоромъ полиціи.

Къ намѣреніямъ революціонной партіи ставшей очень дѣятельной въ 1870 году принадлежалъ также планъ освобожденія Чернышевскаго: помочь ему бѣжать за границу, гдѣ бы онъ могъ безпрепятственно продолжать свою дѣятельность. Нѣкоторыя попытки къ освобожденію не удались и планъ этотъ былъ отставленъ, какъ неисполнимый. Въ 1875 году Ипполитъ Мышкинъ, бывшій въ то время студентомъ петербургскаго технологическаго института снова взялся за этотъ планъ и рѣшилъ, переодѣвшись жандарм

*) День убійства Императора Александра II.

[illegible] въ Виллюйскъ и там[illegible]-
[illegible] исправнику, что онъ имѣетъ предписаніе доставить Чернышевскаго въ Петербургъ [illegible] Шлиссельбургъ, что не только не казалось подозрительнымъ, такъ какъ часто бывало, что политическіе преступники, [illegible] опасными, переводились изъ Сибири въ одну изъ русскихъ крѣпостей. Поэтому Мышкинъ надѣялся, что его планъ удается. Онъ отправился прежде всего въ Иркутскъ, гдѣ спустя нѣсколько мѣсяцевъ поступилъ въ жандармскій корпусъ и и вскорѣ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ этомъ званіи онъ сумѣлъ раздобыть необходимые документы, на которыхъ написалъ, что, какъ жандармскій офицеръ, онъ уполномоченъ перевести сосланнаго Чернышевскаго въ Петербургъ. Мышкинъ искусно поддѣлалъ подпись и печать, досталъ форму капитана и оставилъ затѣмъ службу подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ согласно полученнымъ предписаніямъ, принужденъ вернуться въ Европейскую Россію.

Затѣмъ онъ рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ и отправился въ Виллюйскъ.

Его ловкость, обходительное обращеніе и краснорѣчіе привели къ тому, что исправникъ въ первую минуту несомнѣвался въ дѣйствительности его миссіи, и которая, вѣроятно, и удалась бы, если бы не одно обстоятельство. Дѣло въ томъ, что Мышкинъ прибылъ безъ всякаго конвоя, а въ Сибири не принято, чтобы офицеры ѣздили безъ него, въ особенности когда дѣло идетъ о переводѣ извѣстнаго политическаго преступника. Это возбудило подозрѣніе исправника, и онъ на слѣдующее утро за завтракомъ сказалъ мнимому жандармскому капиталу, что, безъ разрѣшенія губернатора Черняева въ Якутскѣ, онъ не освободитъ такого важнаго преступника, какъ Чернышевскій; поэтому онъ пошлетъ губернатору рапортъ вмѣстѣ съ документами Мышкина, а затѣмъ поступитъ согласно приказанію. Мышкинъ

не растерялся при этомъ неожиданномъ заявленіи и сказалъ: «Я не думаю, чтобы ясное распоряженіе департамента полиціи нуждалось бы еще въ подтвержденіи со стороны губернатора, но если вы считаете это необходимымъ, то я самъ же отправляюсь къ нему и привезу его согласіе».

Исправникъ далъ ему въ качествѣ провожатымъ двухъ казаковъ, отъ которыхъ онъ не могъ отказаться, и имъ было приказано зорко слѣдить за мнимымъ жандармскимъ капитаномъ. О своемъ подозрѣніи исправникъ увѣдомилъ губернатора письмомъ, отправленнымъ съ казакомъ, который долженъ былъ явиться къ губернатору до прибытія Мышкина.

Объ этомъ письмѣ Мышкинъ узналъ изъ разговора сопровождавшихъ его двухъ казаковъ съ третьимъ, нагнавшимъ ихъ, и рѣшивъ, что дальнѣйшія попытки теперь безполезны.

Первымъ представившимся случаемъ онъ воспользовался, чтобы убѣжать въ лѣсъ, казаки преслѣдовали его, но ему удалось уйти отъ нихъ, послѣ того, какъ онъ ранилъ одного изъ нихъ револьвернымъ выстрѣломъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли онъ блуждалъ въ лѣсной чащѣ по берегу Лены пока наконецъ, изнуренный холодомъ и голодомъ, не былъ схваченъ. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ оставался въ Иркутской тюрьмѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ Петропавловскую крѣпость. Около трехъ лѣтъ онъ ждалъ тамъ своего приговора.

Я долженъ здѣсь замѣтить, что эти сообщенія я получилъ отъ одного ссыльнаго, бывшаго его сосѣдомъ по камерѣ. Оно мнѣ разсказывалъ также, что Мышкинъ часто приходилъ въ бѣшенство вслѣдствіе лихорадки или раздраженія. Сосѣдъ Мышкина часто слышалъ его крики, когда на него надѣвали горячечную рубашку или же привязывали его къ постели. Въ октябрѣ 1878 года Мышкинъ, наконецъ, вмѣстѣ съ другими былъ преданъ суду. Всѣ требовали глас-

наго суда и приглашенія стенографовъ, но въ томъ и другомъ имъ было отказано, и поэтому политическіе преступники отказались отъ своей защиты.

Когда Мышкину было предоставлено послѣднее слово, то онъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой онъ также порицалъ тайныя дѣйствія и замѣтилъ, что ни онъ, ни его товарищи не ждутъ оправдательнаго приговора, но что они въ правѣ были требовать гласнаго суда. Во всей своей рѣчи Мышкинъ жестоко нападалъ на правительство, почему предсѣдатель лишилъ его слова. Когда же онъ, не смотря на это, хотѣлъ было продолжать свою рѣчь, то былъ выведенъ жандармомъ. Уходя, онъ крикнулъ суду: «судъ хуже публичнаго дома, тамъ, по крайней мѣрѣ, оскверняютъ голько тѣло, вы же оскорбляете и честь, и право, и законъ».

Онъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и вскорѣ послѣ этого былъ отправленъ въ харьковскую тюрьму.

У меня не хватаетъ мѣста, чтобы дать даже только самое краткое описаніе всѣхъ тѣхъ страданій, которыя должны были переносить политическіе заключенные въ этой тюрьмѣ. Они сами описали это въ одномъ письмѣ, которое тайно циркулировало и носило достопримѣчательное заглавіе: „послѣднія слова надъ гробомъ Александра II". Возможно, что мнѣ еще удастся впослѣдствіи опубликовать этотъ документъ на англійскомъ языкѣ, здѣсь же укажу только на то, что мнѣ извѣстны фамиліи 6-ти политическихъ заключенныхъ, которые за короткое пребываніе въ харьковской тюрьмѣ сошли съ ума.

Мышкину досталась крошечная камера въ нижнемъ этажѣ, гдѣ раньше былъ заключенъ князь Цицiановъ. Одушевленный силой и отвагой, онъ замыслилъ планъ побѣга и, еще до истеченія года своего заключенія, успѣлъ съ помощью дощечки сдѣлать подкопъ въ тюремной стѣнѣ, причемъ вынутую землю сумѣлъ незамѣтно скрыть въ своей

камерѣ. Его упомянутый предшественникъ по заключенію имѣлъ нѣсколько большихъ географическихъ картъ, которыя остались въ камерѣ. Мышкинъ сорвалъ бумагу съ подклееннаго холста и приготовилъ себѣ изъ послѣдняго одежду, которой онъ хотѣлъ воспользоваться при побѣгѣ. Послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, онъ сталъ ждать случая, который оказался бы благопріятнымъ его побѣгу. Но какъ разъ въ то время, когда онъ выползалъ изъ отверстія въ камерѣ появился надзиратель. На нарахъ лежало сдѣланное чучело, одѣтое въ арестантскую одежду Мышкина.

Служитель обнаружилъ обманъ, камера была обыскана и Мышкинъ былъ извлеченъ изъ своей норы. Теперь онъ былъ переведенъ въ другую камеру, побѣгъ изъ которой казался совершенн немыслимымъ. Здѣсь пробылъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ при такихъ мученіяхъ, которыя приводили его въ изступленіе. Чтобы положить этому конецъ, онъ рѣшилъ совершить нѣчто такое, за что несомнѣнно былъ бы разстрѣлянъ. Онъ просилъ разрѣшенія отправиться въ воскресенье въ церковь и это ему было позволено.

Въ тюремной церкви приблизился онъ къ губернатору и, когда тотъ хотѣлъ поцѣловать крестъ въ рукѣ священника, ударилъ его по лицу. При нормальныхъ обстоятельствахъ онъ былъ бы навѣрное разстрѣлянъ за этотъ проступокъ, но тогда въ тюрьмѣ происходило до того большое число подобныхъ безумствъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ вынужденъ былъ отправить въ Харьковъ петербургскаго профессора Доброславина для выясненія этого обстоятельства. Послѣдній констатировалъ, что тюрьма совершенно не пригодна для человѣческаго жилья, такъ что вполнѣ понятны многочисленные случаи смерти и сумасшествія и предложилъ, по крайней мѣрѣ, политическимъ заключеннымъ отвести другое мѣсто. Поэтому рѣшили, что и Мышкинъ также въ припадкѣ безумія поступилъ

такимъ образомъ, и оставили это дѣло безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Вскорѣ послѣ этого онъ, а также и другіе политическіе преступники, были отправлены въ Карскіе рудники. Во время путешествія одинъ изъ нихъ, Левъ Домоковскій, умеръ въ Иркутскѣ. Товарищи получили разрѣшеніе присутствовать въ тюремной церкви при отпѣваніи, причемъ Мышкинъ сказалъ за гробную рѣчь надъ прахомъ товарища. Онъ восхвалялъ его характеръ и процитировалъ также стихъ русскаго поэта Некрасова, который гласитъ приблизительно слѣдующее: „Изъ праха этого героя и другихъ ему подобныхъ произрастетъ дерево свободы Россіи".

Присутствовавшій полицейскій приказалъ ему замолчать и велѣлъ заключить его въ камеру. За эти революціонныя слова въ святомъ храмѣ Господнемъ онъ былъ приговоренъ еще на 15 лѣтъ къ каторжнымъ работамъ. Нѣкоторые изъ его товарищей, разсказывавшіе мнѣ о немъ болѣе подробно, восхваляли его краснорѣчіе, которымъ онъ только два раза въ своей жизни воспользовался, причемъ въ первый разъ за него поплатился десятилѣтней а во второй разъ—пятнадцатилѣтней каторгой. Мышкинъ и самъ раскаивался въ рѣчи, сказанной надъ гробомъ товарища Домоковскаго, такъ какъ никто о ней ничего не зналъ—она была совершенно безцѣльна и только увеличила срокъ его наказанія.

Если бы онъ даже и пережилъ этотъ срокъ, то былъ бы уже слишкомъ старъ и слабъ, чтобы еще принимать участіе въ дѣлѣ освобожденія Россіи. Мышкинъ былъ среди первыхъ, которые въ апрѣлѣ 1882 года совершили побѣгъ изъ политической тюрьмы въ Карѣ, и онъ былъ снова пойманъ, какъ выше уже упомянуто, въ порту во Владивостокѣ. Въ слѣдующемъ году онъ, былъ сообща съ другими „опасными" политическими преступниками, переведенъ въ Шлиссельбургъ. Здѣсь въ 1885 году онъ былъ

растрѣлянъ за то, что оскорбилъ дѣйствіемъ тюремнаго врача.

Приблизительно за три мѣсяца до упомянутаго побѣга заключенныхъ изъ Кары, изъ Иркутской тюрьмы во время пересылки въ Кару бѣжали три замужнихъ женщины. Онѣ были настигнуты еще въ городѣ, приведены обратно и затѣмъ были подвергнуты обычному обыску, который производился обыкновенно мужчинами, щадившими однако женскую стыдливость. Въ этомъ же случаѣ слѣдствіе велось адъютантомъ генералъ-губернатора, полковникомъ Соловьевымъ, человѣкомъ, не пользовавшимся хорошей репутаціей. Онъ ругалъ женщинъ и заставлялъ ихъ въ своемъ присутствіи совершенно раздѣваться. Впослѣдствіи онъ хвастался еще этимъ въ камерахъ заключенныхъ и говорилъ язвительно: „Ваши женщины хорошо сложены".

Одинъ изъ политическихъ преступниковъ, учитель Щедринъ, возмущенный такимъ подлымъ образомъ дѣйствія, ударилъ полковника по лицу, крикнувъ ему, что онъ жалкій трусъ. За такое оскорбленіе офицера и за попытку къ побѣгу, вскорѣ послѣ своего прибытія въ Кару, Щедринъ былъ прикованъ къ тачкѣ.

Въ іюлѣ 1882 года Щедринъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по несчастью былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ; во время пересылки онъ также оставался прикованнымъ и только впослѣдствіи, когда благодаря плохому состоянію дорогъ, неоднократно былъ израненъ тачкой, его освободили отъ нея.

Послѣ голодовки лѣтомъ 1882 года условія жизни заключенныхъ были нѣсколько облегчены. Они снова получали книги, имъ разрѣшали употреблять деньги на самое необходимое, а также ежедневно они могли дышать свѣжимъ воздухомъ на тюремномъ дворѣ. Гигіеническія же условія остались все такими же плохими, какъ и

раньше, больнымъ не удѣлялось ни малѣйшей заботы и смертность была несоразмѣрно велика *).

Со времени отставки полковника Кононовича въ 1881 году до назначенія капитана Николина въ 1885 году было семь перемѣнъ въ начальствѣ, а потому тюрьма постоянно управлялась различнымъ образомъ: сегодня заключеннымъ разрѣшалось имѣть книги, деньги, писать письма, гулять по двору—завтра снова имъ все это запрещалось. Въ 1884 году были удалены перегородки, возведенныя двумя годами раньше съ цѣлью уменьшить камеры, а въ 1885 году по распоряженію „либеральнаго начальства“ онѣ снова были поставлены. Каждый новый комендантъ дѣлалъ новыя распоряженія,—капризъ и произволъ замѣняли всякое законное постановленіе.

Имена комендантовъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующія: Кононовичъ, Потулевъ, Калтуринъ, Бурлей, Шубинъ, Манаевъ, Бурлей (вторично) и Николинъ. Наибольшей похвалы, по словамъ заключенныхъ, заслужилъ Бурлей. Калтуринъ былъ грубъ, Шубинъ безхарактеренъ, а Минаевъ пьяница и къ тому же еще воръ; онъ уничтожалъ письма, получавшіяся на имя заключенныхъ и укралъ 1900 р., вложенные въ письма. Всѣ вышеупомянутые лица были жандармскими

*) Мнѣ не удалось достать полный списокъ фамилій политическихъ преступниковъ, которые за время съ 1879 года по 1886 умерли въ Карѣ, покончили самоубійствомъ или сошли съ ума, но нижеслѣдующіе случаи мнѣ сдѣлались извѣстными: Путиновъ, Кривошеинъ, Жуковъ, госпожа Лисовская, Тихоновъ, Рогачевъ, докторъ Веймаръ, дѣвица Армфельдтъ и госпожа Кутитовская—всѣ они за исключеніемъ только одного умерли въ чахоткѣ. Далѣе: Семеновскій (застрѣлился), Родинъ (отравился), Успенскій (повѣсился). Съ ума сошли: Матвѣевичъ, Зубковскій, Позенъ и госпожа Ковальская; послѣдняя впослѣдствіи выздоровѣла. Во время нашего пребыванія въ Карскомъ округѣ изъ 11 женщинъ, находившихся въ тюрьмѣ для политическихъ преступниковъ, больныхъ было 8

офицерами изъ Иркутска. 16 января 1884 года тюрьма была непосредственно подчинена высшему полицейскому начальству и полковникъ Николинъ былъ назначенъ комендантомъ изъ Петербурга.

Предсказанія полковника Кононовича оправдались. Правительство заставило честнаго и гуманнаго человѣка уйти и въ замѣнъ его посылало полдюжины воровъ или грубыхъ людей, слѣдствіемъ чего и явилось нѣсколько трагическихъ случаевъ. Еще и до сихъ правительство руководится подобнаго рода принципами, а потому и не должно ожидать и другого результата.

12 ноября, облегченно вздохнувъ, мы возвращались домой. Уѣзжая съ майоромъ Потулевымъ изъ печальнаго мѣста, называемаго „Нижней золотопромывкой“, мы увидѣли двухъ политическихъ преступниковъ, которые въ нѣкоторомъ отдаленіи приближались къ тюрьмѣ. Они узнали насъ и когда мы проходили мимо, сняли въ знакъ привѣтствія свои шапки и поклонились. Это былъ ихъ послѣдній безмолвный привѣтъ уѣзжающимъ, сочувствіе которыхъ имъ было извѣстно, вмѣстѣ съ тѣмъ это было нашимъ прощаніемъ съ Карскими рудниками. Мы переночевали въ домѣ тюремнаго сторожа изъ Усть-Кары и на слѣдующее утро сѣли на лошадей, чтобы отправиться въ Срѣтенскъ. Когда мы уже сидѣли на лошадяхъ, майоръ Потулевъ наполнилъ три стакана бѣлымъ крымскимъ виномъ и выпилъ за наше здоровье со словами: „счастливаго возвращенія“. Мы осушили стаканы, поблагодарили его за любезное гостепріимство, обѣщали телеграфировать о своемъ прибытіи въ Срѣтенскъ и ускакали. Окрестность Кары вдоль Шилки необитаема; только въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки расположились въ шатрахъ полуцивилизованные кочевники. Они признаютъ русское владычество, платятъ подати, и только номинально христіане; они рѣдко вступаютъ въ сношенія съ русскими; лишь когда дѣло касается обмѣна

мѣха на ножи, котелки и табакъ, они приходятъ въ колоніи европейцевъ.

Усталые, продрогшіе и голодные, наконецъ, добрались мы въ ночь на 16 ноября до Срѣтенска, гдѣ встрѣтили радушный пріемъ въ домѣ того крестьянина у котораго оставались наши пожитки.

Въ Серебряныхъ рудникахъ Восточной Сибири.

Дорога изъ Карской области въ Срѣтенскъ такъ насъ утомила, что мы прежде всего должны были отдаться продолжительному отдыху. Всевозможныя волненія и лишенія меня, напримѣръ, ослабили до того что я буквально не могъ сдѣлать двухсотъ шаговъ или надѣть шубы безъ того, чтобы не почувствовать усталости. Въ такомъ состояніи было бы слишкомъ смѣло сейчасъ же пуститься въ путь въ тряской телѣгѣ по дикой пустынной мѣстности въ Нерчинскіе рудники, лежащіе отсюда почти въ четырехъ тысячахъ километровъ. Поэтому мы три дня отдыхали здѣсь у одного молодого крестьянина; ѣли и спали такъ много, какъ только могли, и подкрѣплялись хининомъ и мяснымъ экстрактомъ.

Въ воскресенье я уже почувствовалъ себя лучше. Перейдя по льду рѣки въ Срѣтенскъ, лежавшій на другой сторонѣ, я отправился къ засѣдателю, представителю мѣстной полиціи, чтобы потребовать лошадей для нашей поѣздки. Губернаторъ по телеграфу совѣтовалъ намъ при наймѣ лошадей обращаться къ содѣйствію полиціи, такъ какъ почтовое сообщеніе въ области Нерчинскихъ рудниковъ очень скверно и недостаточно; кромѣ того майоръ Потулевъ далъ мнѣ рекомендательныя письма къ большинству

полицейскихъ чиновниковъ, съ которыми по дорогѣ пришлось бы имѣть дѣло. Засѣдатель принялъ меня любезно и сейчасъ же отдалъ необходимыя распоряженія; при этомъ онъ сообщилъ мнѣ очень непріятное извѣстіе, что въ мѣстности, лежащей между Срѣтенскомъ и рудниками, свирѣпствуетъ оспенная эпидемія, и что поэтому безопаснѣе было бы не только не ночевать въ крестьянскихъ домахъ, но даже и не заходить туда. Путешествіе изъ Срѣтенска къ серебрянымъ рудникамъ и въ лучшемъ даже случаѣ обѣщало быть обильнымъ всякихъ трудностей, а тутъ изъ боязни заразиться этою опасною болѣзнью намъ предстояло быть лишенными и пищи и убѣжища. Въ первый моментъ я ужъ подумывалъ было о томъ, чтобы ѣхать прямо въ Нерчинскъ и уже оттуда, съ другой стороны, пробраться къ рудникамъ, но такъ какъ это значительно увеличивало путь да при томъ Фростъ заявилъ, что не боится заразы, то мы и рѣшили слѣдовать первоначальному плану. Послѣ обѣда мы уложили нашъ багажъ въ маленькую телѣгу, мѣшокъ съ замороженою провизіей, на которомъ неудобно было бы сидѣть, привязали сзади и на парѣ лошадей съ ободраннымъ трусливымъ кучеромъ поѣхали по дорогѣ къ Александровскому заводу и Алгашскимъ рудникамъ.

Нерчинскіе серебряные рудники лежатъ не вблизи этого города, а въ обширной, дикой гористой мѣстности, образующей Нерчинскій горный округъ. Въ началѣ въ рудникахъ работали крестьяне, иногда даже принудительно согнанные сюда изъ различныхъ частей Сибири, только въ 1722 году къ этому дѣлу стали примѣнять впервые арестантовъ изъ тюремъ Европейской Россіи. Съ этого времени разработка рудниковъ частью приходилась на долю крестьянъ, частью —на преступниковъ, сосланныхъ на каторжныя работы. Изъ политическихъ арестантовъ здѣсь было нѣсколько декабристовъ и много поляковъ. Послѣ польскаго возстанія 1863 года сюда были сосланы многія

тысячи инсургентовъ; впрочемъ, позже политическихъ преступниковъ обыкновенно ссылали въ Карскую область *).

Нашею ближайшею цѣлью былъ Александровскій заводъ, отстоявшій отъ Срѣтенска километровъ на 200. Доменныя печи, которымъ это мѣсто обязано и именемъ и значеніемъ своимъ, уже давно не работаютъ и почти развалились, но деревня возлѣ нихъ еще существуетъ, и въ ней находится маленькая тюрьма, которую мы собирались осмотрѣть. Кромѣ того, отсюда намъ представлялся наиболѣе удобный случай попасть на нѣкогда прославившійся, а теперь забытый рудникъ—Акатуй.

Къ вечеру другого дня мы достигли деревушки Кавикучигазамурской, гдѣ жителей навѣрно было не больше, чѣмъ буквъ въ ея названіи. Здѣсь мы встрѣтились съ молодымъ техникомъ изъ Петербурга, присланнымъ въ рудники съ цѣлью, научить арестантовъ обращаться съ динамитомъ; теперь онъ возвращался обратно

Впечатлѣнія, вынесенныя имъ о положеніи дѣлъ въ рудникахъ, были очень неблагопріятны. Тюрьмы здѣсь, по его мнѣнію, были „худшими во всей имперіи“, чиновники „грубы и невѣжественны“; съ арестанта и „обращаются плохо; каждый позволяетъ себѣ бить ихъ безъ всякаго съ ихъ стороны повода“. Заставляютъ работать даже больныхъ арестантовъ; много ихъ постоянно погибаетъ жертвами динамита, такъ какъ надзиратели слишкомъ невѣжественны, и черезъ чуръ легко относятся къ дѣлу, чтобы заботиться о необходимыхъ здѣсь предосторожностяхъ. Объ администраціи рудниковъ онъ отзывался не безъ рѣзкости: видно

*) По даннымъ, взятымъ изъ часто уже здѣсь упоминовшагося произведенія Максимова, видно, что за время съ 1863 г. до 1868 г. въ Сибирь было сослано 18623 поляка, изъ которыхъ 8199 были отправлены въ Восточную Сибирь, а 7109 осуждены на каторжныя работы по большей части въ Нерчинскіе рудники

было, что его отношенія съ ними были далеко не изъ пріятныхъ.

Въ слѣдующую полночь мы добрались до Макарова, деревушки, отстоявшей отъ Срѣтенска не болѣе, чѣмъ въ 180 километрахъ Ночевали мы здѣсь въ „земской квартирѣ"; въ этомъ деревянномъ домикѣ жила цѣлая крестьянская семья, и проѣзжіе чиновники имѣли право получать здѣсь пристанище и провизію. Напившись чаю, мы завалились спать,—Фростъ на полу, а я на скамьѣ у окна.

Въ четвергъ, въ обѣденную пору мы достигли Александровскаго завода. Это бѣдная деревушка съ двумя или тремя стами жителей, лежащая среди голой степи. Передъ нами на первомъ планѣ виднѣлся развалившійся мостъ, а вдали покрытые снѣгомъ холмы. Тюрьму показывалъ намъ начальникъ ея — Фоминъ. это было нѣчто вродѣ инвалиднаго дома, въ которомъ собраны старые, хилые арестанты со всего Нерчинскаго горнаго округа. Главное зданіе представляло изъ себя одноэтажное деревянное строеніе въ которомъ помѣщалось 137 арестантовъ. Тюрьмѣ этой полвѣка, она очень нездорова, но мы, конечно, иного и не ожидали. Полы грязны, воздухъ испорченъ, корридоры наполнены вонью ведеръ для нечистотъ. Въ двухъ камерахъ между арестантами находились умалишенные. Больничное отдѣленіе мало, но на этотъ разъ не было переполненнымъ, и мнѣ показалось даже, что оно было относительно, конечно, опрятно. Грубыя постели были грязны, и на мой вопросъ по поводу ихъ, больничный сторожъ отвѣтилъ, что это не его вина, такъ какъ тутъ приходится очень экономить бѣлье. Онъ, повидимому, былъ очень обрадованъ, когда я сказалъ ему, что, хотя его больничное отдѣленіе и мало, но кажется мнѣ самымъ лучшимъ во всемъ Забайкальѣ.

Послѣ обозрѣнія тюрьмы мы возвратились въ домъ Фомина, гдѣ встрѣтились съ исправникомъ, какъ разъ совер

шавшимъ инспекторскую поѣздку по своему округу. Это былъ стройный мужчина лѣтъ сорока. Онъ былъ очень словоохотливъ и совершенно открыто выражалъ свое мнѣніе о Нерчинскихъ рудникахъ, способъ разработки которыхъ считалъ „тяжелымъ, неправильнымъ и дорогимъ". По его мнѣнію, было бы несравненно лучше сдать все это дѣло въ руки частнаго предпринимателя. Казенные горные инженеры или слишкомъ мало знали, или слишкомъ ужъ много крали, такъ что рудники приносили довольно мало доходу. Для иллюстраціи своей мысли онъ привелъ мнѣ примѣръ, какъ однажды инженеры, посланные царемъ *) на изысканія, забраковали здѣсь, въ его районѣ два рудника. Ихъ дешево продали частному лицу и оказалось, что рудники дали 600 пудовъ чистаго золота. Исправникъ не говорилъ прямо, но въ его словахъ слышно было подозрѣніе, что инженеры вошли въ данномъ случаѣ въ соглашеніе съ покупщиками рудниковъ, чтобы дѣлить потомъ барыши. Что же касается меня, то я въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Сибирскіе чиновники почти сплошь обкрадываютъ царя.

Послѣ великолѣпнаго обѣда мы въ сопровожденіи исправника и начальника тюрьмы отправились на рудникъ Акатуй, отстоящій отсюда не болѣе, чѣмъ въ 18 километрахъ. Хотя этотъ пріискъ, какъ я уже говорилъ, былъ давно заброшенъ и уже даже затопленъ водой, но мнѣ тѣмъ не менѣе было очень интересно изучить его, такъ какъ раньше онъ славился, какъ ужаснѣйшее во всей Сибири мѣсто заточенія. Ходили слухи, что правительство намѣревалось снова высылать сюда политическихъ преступниковъ изъ Карскаго округа.

На протяженіи отъ 10 до 12 километровъ наша дорога лежала по однообразной степи, а потомъ шла по плоской

*) Почти всѣ рудники этой части Забайкалья, какъ и тѣ, что лежатъ на Карѣ, составляютъ собственность царя и называются «кабинетскими».

долинѣ, замкнутой голыми, снѣжными холмами такъ, что вдаль не было видно ничего. Долина все болѣе суживалась и, не доѣзжая около трехъ километровъ до деревушки Акатуя, превращалась въ мрачное ущелье, гдѣ единственною растительностью были какіе-то уродливые, лишенные листьевъ кусты. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть такого мрачнаго и пустыннаго угла на землѣ: можно было подумать, что стоишь передъ гренландскими ледниками.

— Вотъ старая тюрьма,—сказалъ исправникъ, указывая на полуразвалившееся деревянное зданіе, стоявшее передъ нами. Сбоку видны были двѣ кирпичныхъ постройки, совершенно пришедшія въ упадокъ; на одной изъ нихъ даже не хватало крыши. Постройки эти, вѣроятно, были когда-то обнесены заборомъ, а деревянное зданіе, служило, должно быть, казармами конвоя. Теперь отъ забора не осталось и слѣда; въ окнахъ не было рѣшетокъ, и не легко было по этимъ развалинамъ угадать ихъ первоначальное назначеніе. Я вошелъ въ тюрьму въ надеждѣ найти на стѣнѣ какую-либо запись или увидѣть желѣзное кольцо, къ которому приковывались провинившіеся арестанты. Но и тутъ ничего не оказалось! Каждый кусочекъ желѣза былъ унесенъ отсюда; полы сгнили, штукатурка обвалилась, не оставалось ничего, что могло бы разсказать намъ о печальной исторіи этой тюрьмы, не было ни одного слѣда тѣхъ жестокостей, которыя создали Акатую такую громкую извѣстность. Другія тюремныя зданія находились въ лучшемъ состояніи, и ихъ обозрѣніе могло бы, вѣроятно, дать много интереснаго, но тутъ всѣ окна и двери были крѣпко заколочены, и начальникъ заявилъ, что не знаетъ, гдѣ находятся ключи и не можетъ придумать, какимъ бы инымъ путемъ пробраться во внутрь.

Входъ въ рудникъ „Акатуй“ находится на холмѣ, метрахъ въ двухстахъ надъ долиною. Уже наступали сумерки, но я все-таки замѣтилъ при входѣ въ шахты ма-

ленькую деревянную будку. Не будь такъ поздно, я предложилъ бы осмотрѣть и шахты, но уже стемнѣло и было очень холодно, кромѣ того исправникъ и начальникъ хотѣли уже возвращаться на заводъ. Мнѣ пришлось поэтому удовольствоваться уже видѣннымъ.

Одинъ изъ декабристовъ 1825 года, Лунинъ, отбывалъ здѣсь каторжныя работы и здѣсь же умеръ: многіе польскіе патріоты, сосланные въ Акатуй послѣ возстанія 1863 года, нашли въ этой мѣстности свое послѣднее пристанище, но я не нашелъ здѣсь о нихъ никакихъ слѣдовъ. Надъ истлѣвшими костями нѣтъ могильныхъ холмовъ, такъ какъ не въ интересахъ русскаго правительства хранить память тѣхъ, кого оно замучило до смерти въ тюрьмахъ Сибири.

Послѣ моего возвращенія изъ путешествія въ этомъ угрюмомъ ущельѣ была выстроена новая тюрьма, предназначенная для политическихъ арестантовъ изъ Карской области. Правительство намѣревалось выкачать воду изъ затопленныхъ шахтъ и заставить затѣмъ арестантовъ работать въ сырыхъ галлереяхъ. Нечего и говорить, что все это только ухудшило бы положеніе бѣдняковъ. Если искать въ Сибири наиболѣе отдаленнаго отъ всего свѣта, наиболѣе пустыннаго и угрюмаго угла земли, то таковой можетъ быть найденъ только въ занесенномъ снѣгомъ ущельѣ Акатуя...

Во вторникъ вечеромъ мы возвратились на Александровскій заводъ, а на слѣдующій день поѣхали на рудникъ Алгачи, отстоявшій отъ насъ приблизительно въ 35 километровъ.

Благополучно достигнувъ цѣли своего путешествія, мы утромъ посѣтили господина Нестерова и подполковника Зальцштейна, начальника мѣстной тюрьмы. Первый изъ нихъ встрѣтилъ насъ съ чисто русскимъ гостепріимствомъ, мы вынуждены были позавтракать у него второй разъ, причемъ

онъ безпрестанно подливалъ въ наши стаканы то водку, то крымское вино. Зальцштейнъ жилъ въ большомъ красивомъ домѣ, наполненномъ олеандрами и цвѣтами. Онъ тоже заставилъ насъ распить съ нимъ бутылку вина, и было уже послѣ полудня, когда мы отправились осматривать тюрьму и рудникъ. Зальцштейнъ, уроженецъ прибалтійскаго края, говорилъ по русски съ нѣмецкимъ акцентомъ; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе прямодушнаго человѣка; обо всемъ онъ говорилъ совершенно открыто и не безъ юмора

— Боюсь, говорилъ онъ, когда мы шли по деревенской улицѣ,—что наша тюрьма покажется вамъ самою худшею изъ всѣхъ, которыя вамъ до сихъ поръ приходилось встрѣчать. Она очень стара и находится въ печальномъ состояніи, а я ничего не могу сдѣлать для ея улучшенія: больно ужъ мы далеки отъ Петербурга.

Я отвѣтилъ, что врядъ ли эта тюрьма можетъ быть хуже той, которая лежитъ у устья Кары, и что я достаточно уже наблюдалъ, чтобы понимать, какія трудности встрѣчаются въ дѣлѣ завѣдыванія тюрьмами. Онъ ничего не сказалъ, а только съ видомъ сомнѣнія покачалъ головой, какъ бы желая этимъ показать, что посѣщеніе Алгачской тюрьмы должно усилить мои впечатлѣнія.

Мы остановились у высокаго забора. Караулъ отдалъ честь, дежурный офицеръ впустилъ насъ и повелъ по объемистому двору, посреди котораго стояла тюрьма. Это было длинное, низкое деревянное зданіе съ маленькой пристройкой подъ общей досчатой крышей. Все сооруженіе, казалось, каждую минуту готово было рухнуть. Лицевая стѣна такъ глубоко осѣла, что была ниже другихъ почти на полъ-метра; она уже давно, вѣроятно, обрушилась бы совсѣмъ, если бы ея не поддерживали прочныя подпорки. Краска и штукатурка во многихъ мѣстъ обвалилась, и это только усиливало впечатлѣніе ветхости дома. Начальникъ

точно не зналъ, когда была выстроена эта тюрьма, но предполагалъ, что это было въ 1817 году, когда впервые началась настоящая эксплоатація рудниковъ. Мы вошли въ мрачный, сырой корридоръ, пересѣкавшій тюрьму по ея длинѣ. Направо находилась аптека и рядомъ съ нею большая больничная камера. Здѣсь стояло приблизительно 10 низенькихъ кроватей съ грязнымъ, иногда забрызганнымъ кровью постельнымъ бѣльемъ. Всѣ кровати были заняты больными арестантами съ такими блѣдными, изможденными лицами, какихъ мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчать. Сторожъ сообщилъ мнѣ что здѣсь въ настоящее время лежатъ нѣсколько арестантовъ, изувѣченныхъ взрывомъ динамита, недавно случившимся въ шахтахъ. Воздухъ здѣсь былъ настолько противенъ, что я, бросивъ на комнату лишь бѣглый взглядъ, поспѣшилъ обратно въ корридоръ. Мы отправились осматривать арестантскія камеры. Первая изъ нихъ занимала площадь около 7 квадратныхъ метровъ, а въ высот достигала до 3½ метровъ; въ ней было два окна, большая каменная печь и нары по тремъ стѣнамъ. Воздухъ здѣсь нисколько не уступалъ тому, какой мнѣ пришлось вдыхать въ самой худшей камерѣ въ Усть-Карѣ: я старался задерживать дыханіе. И здѣсь, и вездѣ я видѣлъ на стѣнахъ, надъ нарами какую-то красную неровную полосу, которая бросилась мнѣ въ глаза еще при входѣ въ камеры. Подполковникъ, замѣтивъ мое любопытство, съ циничнымъ юморомъ объяснилъ мнѣ, что это арестанты пытались выкрасить стѣны въ красную краску. Взглянувъ ближе на заинтересовавшую меня полосу, я замѣтилъ, что она состоитъ изъ красныхъ точекъ, а кое-гдѣ прилипшіе клопы окончательно меня убѣдили въ томъ, что это арестанты по ночамъ давили на стѣнахъ несносныхъ паразитовъ. Кто знаетъ, какъ много ушло времени на эту работу и сколько тысячъ узниковъ „пытались выкрасить стѣны въ красную краску!" Перенеся въ

Сибири много мукъ отъ этихъ насѣкомыхъ, я могъ вполнѣ оцѣнить все значеніе замѣченной красной полосы.

Не буду описывать здѣсь другихъ камеръ. Онѣ отличались отъ вышеупомянутой только объемомъ. Вездѣ то же переполненіе, та же масса насѣкомыхъ, та же вонь... Во всѣхъ камерахъ содержалось 169 арестантовъ тогда, какъ помѣщеніе разсчитано лишь на число, почти въ два раза меньшее.

При первомъ удобномъ случаѣ я замѣтилъ Зальцштейну:

- Для меня непостижимо, какъ вы можете терпѣть подобное положеніе дѣла. У васъ здѣсь есть 169 арестантовъ, изъ которыхъ лишь не больше 50 работаютъ въ рудникахъ, а остальные праздно томятся въ запертыхъ камерахъ. Отчего бы вамъ не заставить ихъ рубить деревья въ сосѣднемъ лѣсу и таскать сюда, чтобы изъ нихъ выстроить новый баракъ? Я думаю, что они очень охотно согласились бы на такую работу, а вы съ незначительными затратами могли бы поставить здѣсь новую тюрьму, которая хоть нѣсколько годилась бы для человѣческихъ существъ.

— Милѣйшій!—отвѣчалъ онъ, (если я недословно повторяю здѣсь сказанное имъ, то во всякомъ случаѣ вѣрно передаю смыслъ его рѣчи) – безъ предписанія я не смѣю посылать арестантовъ въ лѣсъ. Если бы кто-нибудь изъ нихъ бѣжалъ, что очень вѣроятно, то я былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности и, по меньшей мѣрѣ, потерялъ бы мѣсто. Безъ предписанія тюремнаго управленія я вообще ничего не смѣю дѣлать. Петербургскія власти очень хорошо знаютъ положеніе дѣлъ здѣсь, такъ какъ я ежегодно доношу объ этомъ. Когда 5 лѣтъ назадъ, я самымъ настоятельнымъ образомъ просилъ отвѣтить на мой запросъ, я получилъ приказаніе посовѣтоваться съ окружнымъ архитекторомъ и тогда доставить планъ и смѣту новаго зданія. И сдѣлалъ это, но вы знаете хорошо, какъ бываетъ

въ подобныхъ случаяхъ. Нужно отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ, чтобы письмо отсюда дошло въ Петербургъ. Въ концѣ концовъ планъ и смѣта доходятъ туда, тутъ они попадаютъ въ тюремное вѣдомство, гдѣ присоединяются ко многимъ сотнямъ подобныхъ же бумагъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ быть прочтенными и разсмотрѣнными черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ слѣдуетъ такое рѣшеніе: „Такъ какъ, моль, это выходитъ изъ предѣловъ компетенціи даннаго учрежденія и для этого необходимы значительныя суммы, то предварительно нужно получить согласіе министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ, или, быть можетъ, даже обождать составленія ближайшей смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ. Такимъ образомъ проходитъ по меньшей мѣрѣ годъ, прежде чѣмъ получится хоть какое нибудь рѣшеніе. Но въ большинствѣ случаевъ находятъ какіе-нибудь недостатки въ планѣ или смѣтѣ, и бумаги отсылаются назадъ для измѣненій, согласно указаніямъ какого-нибудь чиновника, не имѣющаго никакого представленія о мѣстныхъ условіяхъ. Мы стараемся исполнить предписаніе и опять отсылаемъ и мѣненные планы въ Петербургъ. Между тѣмъ происходитъ перемѣщеніе чиновниковъ, бумаги попадаютъ въ другія руки, приходится считаться съ другими желаніями, съ другими мнѣніями. То, что два года назадъ считалось правильнымъ, находятъ теперь ошибочнымъ. И спустя полъ года получаемъ мы наши бумаги обратно съ новыми предписаніями. Итакъ безъ конца! Такимъ образомъ проектъ новаго тюремнаго зданія съ 1880 года странствуетъ изъ Алгачи въ Петербургъ и обратно. Теперь онъ въ третій разъ въ Петербургѣ. Но даже если всѣ эти препятствія будутъ преодолѣны, дѣло все-таки не скоро пойдетъ на ладъ Уже десять лѣтъ, какъ началось строиться новое тюремное зданіе при рудникѣ Горный Зерентуй и до сихъ поръ еще не доведено до крыши, не говоря уже о внутренней отдѣлкѣ.

— Но вѣдь это недоразумѣніе, безсмыслица!—воскликнулъ я. Къ чему цѣлые годы сноситься съ петербургскими чиновниками по поводу дѣла, которое въ одинъ день могъ бы разрѣшить губернаторъ. даже исправникъ. Повсюду въ Восточной Сибири встрѣчаются разрушающіяся тюрьмы. а въ нихъ живутъ люди, которые рѣшительно ничѣмъ не заняты. Лѣсу здѣсь достаточно, работа ничего не стоитъ, всякій русскій крестьянинъ въ состояніи выстроить деревянную избу, почему же вы не употребите для этого ничѣмъ не занятыхъ арестантовъ?

— У насъ мало конвойныхъ солдатъ, арестанты могли бы разбѣжаться,—отвѣтилъ онъ.

— По моему, это недостаточное основаніе. Команда на это время могла бы быть усилена, замѣтилъ я. -Но даже, если бы уже часть и бѣжала, то это все же было бы лучше, чѣмъ если всѣ будутъ безъ дѣла сидѣть въ такихъ тюрьмахъ.

Онъ пожалъ плечами, какъ свойственно русскому чиновнику, и прекратилъ этотъ разговоръ.

Попрощавшись съ нимъ, мы въ сопровожденіи Нестерова отправились къ руднику, расположенному въ полутора километрахъ къ сѣверу отъ деревни. Погода была ясная, но холодная, земля всюду была покрыта снѣгомъ. Выѣхавъ за деревню, мы замѣтили у подножія холма нѣсколько темныхъ точекъ.

— Это, вѣроятно, верблюды! – воскликнулъ Фростъ.

— Верблюды? возразилъ я въ сомнѣньи. Верблюды въ Нерчинскомъ округѣ? Какъ могли они сюда попасть?

Мы подъѣхали ближе и увидѣли, что это дѣйствительно были верблюды.

Странно было смотрѣть, какъ эти большіе бактрійскіе верблюды, въ пустынномъ покрытомъ льдомъ полѣ, обгладывали выглядывавшія изъ подъ снѣжнаго покрова былинки.

Мы думали найти въ рудникѣ Алгачи всѣ тѣ сооруже

нія и машины, какія встрѣчаются въ американскихъ рудникахъ, и были не мало разочарованы, когда не нашли здѣсь ничего подобнаго. Пороховой складъ, погребъ для храненія динамита, одинъ или два сарая, небольшой деревянный домъ, служащій одновременно кладовой для инструментовъ, кузницей и помѣщеніемъ для толченья и сортировки руды, да сторожка вотъ и все, что здѣсь было. Нѣсколько мужчинъ и двѣ или три женщины заняты были толченьемъ и сортировкой руды, надсмотрщикъ на старомъ истертомъ брускѣ направлялъ буравъ, нѣсколько солдатъ сидѣли на низенькой скамьѣ, надъ которой висѣло ихъ оружіе. Это была, конечно, самая первобытная постановка горнаго дѣла, какую я когда либо видѣлъ.

Нестеровъ не имѣлъ особой охоты сопровождать насъ въ рудникъ. Онъ поручилъ арестанту проводить насъ и приказалъ ему показать намъ все интересное, самъ же занялся служебными дѣлами, а послѣ окончанія ихъ дожидался нашего возвращенія.

Проводникъ далъ намъ по сальной свѣчѣ, себѣ также взялъ одну, и, засунувъ небрежно нѣсколько динамитныхъ патроновъ въ карманъ тулупа, такъ что изъ него висѣли зажигательные шнуры, сказалъ, что онъ уже готовъ. Мы поднялись вслѣдъ за нимъ метровъ на 100 въ гору, и вошли черезъ узкую дверь въ низкую галлерею, съ оштукатуренными стѣнами. На покатомъ полу были уложены неуклюжіе рельсы. Мы зажгли свѣчи, согнувшись и ощупывая дорогу, пошли дальше. Временами нашъ проводникъ спотыкался о шаткіе столбы, я боялся что онъ упадетъ и зажжетъ при этомъ своей свѣчой зажигательные шнуры и всѣхъ насъ взорветъ.

Вблизи входа находилось темное незакрытое отверстіе главной шахты, изъ котораго торчалъ конецъ лѣстницы. Нашъ проводникъ проворно спустился внизъ, предупреждая насъ быть осторожными, такъ какъ нѣкоторыхъ ступеней

не доставало. Лѣстницы не были установлены одна надъ другой, и поэтому, спустившись на послѣднюю ступеньку одной лѣстницы, приходилось ногою отыскивать верхнюю ступеньку другой. Впрочемъ, мы меньше боялись оступиться, чѣмъ быть взорванными. Невольно вспоминались блѣдныя лица, которыя мнѣ пришлось видѣть въ больницѣ, и каждый разъ, когда я смотрѣлъ внизъ и видѣлъ, какъ нашъ проводникъ неосторожно подносилъ къ зажигательнымъ шнурамъ горящую свѣчу, я мысленно представлялъ самого себя, лежащимъ на грязной больничной койкѣ.

Мы спускались внизъ по лѣстницамъ, а потомъ снова по скользкимъ, неровнымъ половицамъ; особенный запахъ, который мы скоро почувствовали, происходилъ, вѣроятно, отъ недавно произведеннаго динамитнаго взрыва. Пламя нашихъ свѣчей сдѣлалось сначала синеватымъ, а потомъ и совсѣмъ погасло. Спички не загорались. Въ полной темнотѣ, крѣпко держась за лѣстницу, стояли мы въ ожиданіи надъ темной глубиной, пока возможно было еще дышать воздухомъ, въ которомъ даже не горѣли свѣчи. Но тяжесть дыханія не увеличивалась, такъ что опасность задохнуться была не велика, несмотря на недостатокъ озона. Мы почувствовали себя немного легче, когда, наконецъ, спички снова стали загораться, и при свѣтѣ ихъ мы могли спуститься еще на нѣсколько лѣстницъ, и войти въ галлерею, гдѣ снова удалось зажечь наши свѣчи. Мы прошли около 100 метровъ, по временамъ спотыкаясь о кучи руды, которую арестанты таскали въ корытахъ къ подъемной шахтѣ. Температура всюду была ниже нуля, на потолкѣ и по стѣнамъ, какъ сверкающіе драгоцѣнные камни, блестѣли и мерцали ледяные кристаллы.

Пройдя лабиринтъ узкихъ и низкихъ галлерей, мы пришли къ другой шахтѣ и спустились по множеству испорченныхъ покрытыхъ льдомъ лѣстницъ въ самую глубокую часть рудника. Здѣсь работало нѣсколько человѣкъ при

помощи такихъ примитивныхъ инструментовъ, что у настоящаго рудокопа они, навѣрное, вызвали бы только сострадательную улыбку. Здѣсь долженъ былъ быть обыкновенно очень скверный воздухъ, а взрывные газы еще болѣе его испортили, такъ что наши свѣчи снова погасли. Для очистки воздуха были устроены самыя жалкія приспособленія, это былъ желѣзный вентиляторъ, приводимый въ движеніе однимъ изъ арестантовъ. Онъ производилъ большой шумъ, но былъ совершенно безполезенъ, такъ какъ не было воздушной шахты, куда бы отводился испорченный воздухъ и входилъ свѣжій. Онъ только приводилъ въ движеніе окружающій воздухъ, и этимъ, конечно, достигалось столь же мало, какъ если бы для этой цѣли вращали точильный камень. Мы посмотрѣли въ разныхъ мѣстахъ серебряныя жилы, подобрали нѣсколько кусковъ руды, поглядѣли нѣсколько минутъ на работу арестантовъ и потомъ, наконецъ, выбрались снова на дневной свѣтъ.

Дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Возлѣ мастерской стояли нѣсколько дрожащихъ отъ холода арестантовъ и просили Нестерова отпустить ихъ въ тюрьму. Онъ сердито отвѣтилъ, что сортировка руды еще не закончена, и поэтому они должны подождать. Бѣдные арестанты, не ѣвшіе ничего съ ранняго утра, стояли полчаса на холодѣ, ожидая, пока сортировщики закончатъ свою работу. Этотъ случай подтвердилъ мнѣ справедливость тѣхъ недружелюбныхъ отзывовъ вышеупомянутаго молодого петербургскаго инженера объ администраціи, которые сначала я объяснилъ былъ личнымъ его недовольствомъ. Замѣчательно было, какъ сердито прервалъ Нестеровъ вполнѣ пріемлемую почтительную просьбу арестантовъ; мнѣ казалось, что онъ увидѣлъ въ ней непростительную дерзость.

Мы поглядѣли еще нѣсколько минутъ на толченіе и сортировку руды, и потомъ отправились въ Покровскій

рудникъ, расположенный приблизительно въ шести километрахъ къ сѣверозападу, у подножія голой горы.

Дорога туда была пустынна и непривѣтлива; нигдѣ не видно было ни деревца, ни кустика. У входа въ рудникъ находилась кладовая для инструментовъ, такая же какъ въ Алгачи; дальше была еще одна кладовая, потомъ нѣсколько избушекъ арестантовъ, состоящихъ въ «вольныхъ командахъ», и двѣ тюрьмы, одна изъ которыхъ на видъ была только недавно выстроена. На вершинѣ скалистой горы, какъ разъ надъ зданіями, находились двѣ сторожки, у которыхъ стояли часовые. Фростъ слишкомъ усталъ и не захотѣлъ спускаться въ рудники, онъ усѣлся на кучѣ снѣга и пытался набросать эскизы, поскольку это возможно было сдѣлать окоченѣлыми, засунутыми въ толстыя перчатки пальцами. Нестеровъ и я, въ сопровожденіи арестанта, спустились въ шахту.

Покровскій рудникъ былъ не такъ обширенъ и глубокъ, какъ рудникъ Алгачи. Воздухъ былъ здѣсь болѣе теплый, но такой же сырой. Съ потолка капала вода и отъ этого образовались небольшія лужи. Лѣстницы въ главной шахтѣ были скользки отъ грязи. Почему здѣсь было теплѣе, чѣмъ въ расположенномъ по сосѣдству рудникѣ Алгачи, для меня было непонятно, и Нестеровъ тоже не могъ дать никакихъ указаній поэтому поводу. Все-таки воздухъ здѣсь былъ гораздо чище, и свѣчи ни разу тухли. Нѣсколько человѣкъ подымали въ небольшихъ бадьяхъ руду при помощи каната и простого ворота.

Я карабкался внизъ и вверхъ по покрытымъ грязью лѣстницамъ, съ трудомъ пробирался по низкимъ галлереямъ, и потомъ вспотѣвшій и уставшій, весь перепачканный грязью снова возвратился въ мастерскую. Нашъ проводникъ задулъ свою свѣчу и еще тлѣющей свѣтильней положилъ ее на ящикъ, въ которомъ, между прочимъ, были и динамитные патроны. Отъ природы не боязливый, я все-таки

счелъ за лучшее, какъ можно скорѣе выйти изъ зданія. Когда прошло столько времени, что свѣтильня должна была уже погаснуть, и взрыва не послѣдовало, я возвратился обратно, вымылъ руки въ корытѣ точила, посмотрѣлъ эскизы Фроста и потомъ обратился къ Нестерову съ массой вопросовъ относительно рудника.

Въ рудникахъ Алгачи и Покровскомъ попадались серебряныя жилы отъ двадцати до ста сантиметровъ толщиною.

Въ обоихъ рудникахъ въ среднемъ работало около 220 арестантовъ, а ежегодная добыча руды въ общемъ была 3600 фунтовъ, что дастъ 10 фунтовъ въ день, цифра вполнѣ доказывающая, какъ непрактично и неумѣло было поставлено все производство. До 1885 года арестанты работали ежедневно, за исключеніемъ только большихъ праздниковъ; теперь же имъ даютъ два дня отдыха въ мѣсяцъ: перваго и пятнадцатаго. Кормятъ и одѣваютъ ихъ такъ же какъ и въ Карской области.

Нерчинскіе рудники, какъ исправительныя учрежденія, показались мнѣ не такъ ужасны, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ. Конечно, не такъ пріятно работать 8 или 10 часовъ глубоко подъ землей въ сырыхъ или промерзлыхъ галлереяхъ. Однако я думаю, что это все же здоровѣе и пріятнѣе, чѣмъ постоянно находиться въ переполненныхъ, грязныхъ и вонючихъ тюремныхъ камерахъ. Атмосфера рудниковъ хотя и не лучше, въ особенности благодаря газамъ, образующимся при взрывахъ, но вредныхъ испареній, какъ напримѣръ, испаренія ртути, здѣсь нѣтъ. Число смертныхъ случаевъ среди арестантовъ, работающихъ въ рудникахъ, не больше, чѣмъ среди тѣхъ, которые цѣлый день безъ дѣла сидятъ въ камерахъ и вдыхаютъ ихъ губительный воздухъ. Если бы мнѣ пришлось выбирать между празднымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ, какъ въ Алгачи или при Усть-Карѣ, или такой работой въ рудникахъ, я не раздумывая выбралъ бы послѣднее. Я разспрашивалъ арес-

тантовъ и узналъ, что ихъ никогда не заставляли работать цѣлыя сутки, поэтому я думаю, что всѣ разсказы объ этомъ—просто басни. Могло быть, что арестантовъ дѣлили на партіи, и работа производилась въ нѣсколько смѣнъ цѣлыя сутки, но никогда никого не заставляли работать непрерывно въ продолженіе 24 часовъ. Во время моего посѣщенія рудниковъ, никакихъ ночныхъ работъ не производилось, арестанты возвращались въ камеры при наступленіи сумерокъ или даже раньше.

Конечно, нельзя сказать, чтобы жизнь арестанта въ Нерчинскихъ рудникахъ была пріятна. Я едва ли могу представить себѣ существованіе болѣе безотрадное и безнадежное, чѣмъ существованіе людей, проводящихъ весь день въ сырыхъ галлереяхъ Покровскаго рудника, а на ночь возвращающихся въ грязныя, полныя насѣкомыхъ камеры. Такая жизнь хуже, чѣмъ жизнь выгнанной собаки, но все же она не такъ ужасна, какъ иногда разсказываютъ. Существуетъ, напримѣръ, сказка о томъ, что арестанты день и ночь проводятъ въ рудникахъ, что ихъ подгоняютъ плетьми жестокіе надсмотрщики, и что они медленно отравляются ртутными испареніями. Подобные разсказы подходятъ для ужасныхъ романовъ, но они не соотвѣтствуютъ истинѣ. Принудительныя работы въ рудникахъ далеко не самое худшее, что приходится переносить арестанту въ Сибири, гораздо худшее это пребываніе въ тюрьмахъ.

Уже смеркалось, когда мы возвратились въ Алгачи.

Приключенія въ Восточной Сибири.

Осмотрѣвъ мрачный рудникъ, мы отправились, черезъ голую, покрытую снѣгомъ цѣпь холмовъ въ горное поселеніе Горый Зерентуй, расположенное въ безплодной долинѣ, километрахъ въ 60 отъ Кадая и въ 50 отъ монгольской границы.

Поздно ночью явились мы туда, разбудили хозяина „Земской квартиры," чтобы устроиться здѣсь на ночь, выпили чаю и потомъ улеглись спать на усѣянномъ насѣкомыми полу.

Въ понедѣльникъ утромъ отправились мы къ капитану Демидову коменданту городка, который сразу же разрѣшилъ намъ осмотрѣть тюрьму. Это были два деревянные дома, не выдѣляющіеся ничѣмъ особеннымъ, что могло бы возбудить въ насъ хоть какой-нибудь интересъ. Въ нихъ помѣщалось 180 заключенныхъ, приблизительно столько же находилось въ «вольныхъ командахъ». Неподалеку отсюда мы замѣтили новое, неоконченное кирпичное зданіе въ три этажа, работы на которомъ были пріостановлены. Въ продолженіе десяти лѣтъ строилась уже эта тюрьма, и можно было предвидѣть, что при такомъ небрежномъ и неправильномъ веденіи дѣлъ, пройдетъ еще пять или шесть лѣтъ, пока зданіе будетъ окончено; тогда еще не были поставлены надстройки подъ стропила. Между тѣмъ 180 арестантамъ приходилось тѣсниться въ нездоровомъ деревянномъ зданіи.

На слѣдующій годъ весною, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я разговаривалъ съ господиномъ Галкинымъ-Враскимъ, начальникомъ тюремнаго управленія въ Россіи, и позволилъ себѣ обратить его вниманіе на тюрьмы Нерчинскаго округа, въ особенности на неоконченную тюрьму въ Горномъ Зерентуѣ.

Онъ замѣтилъ, что нужда въ новыхъ тюрьмахъ была уже въ 1872 году, и спустя два года учрежденъ былъ даже особый строительный отдѣлъ. Когда же черезъ семь лѣтъ послѣ этого, онъ отправился въ Сибирь для ревизіи, выяснилось, что этотъ строительный отдѣлъ израсходовалъ на постройку деревянныхъ домовъ и на незначительныя починки 74,31[illegible] рублей, а на расходы и жалованье истрачено было 61,090 рублей, между тѣмъ не сдѣлано было ни одного плана и ни одной смѣты.

Какія же послѣдствія имѣло это?—спросилъ я

— Я предложилъ закрыть строительный отдѣлъ.

— И его закрыли?

— Да.

— Въ Нерчинскомъ округѣ—сказалъ я —я не видалъ ничего такого, на что могли бы быть израсходованы 74,000 р. Развѣ только небольшое деревянное зданіе въ Покровскѣ и неоконченная тюрьма въ Горномъ Зерентуѣ, строющаяся уже 10 лѣтъ.

— Послѣднее объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что планы неоднократно измѣнялись—замѣтилъ онъ.—Мы хотѣли совсѣмъ отказаться отъ кирпичнаго зданія; мы разсчитали, что такое зданіе для 300 человѣкъ будетъ стоить 160 тысячъ рублей, въ то время какъ такое же деревянное стоило бы всего 52 тысячи рублей. Большая долговѣчность каменнаго зданія не имѣетъ здѣсь значенія, такъ какъ когда рудники истощатся, то придется оставить и тюрьмы, находящіяся при немъ. Когда я вступилъ въ управленіе, было уже слишкомъ много сдѣлано, чтобы можно было пріостановить постройку.

Ни начальникъ тюремнаго управленія, ни его секретарь не могли мнѣ удовлетворительно разъяснить, откуда происходятъ всѣ эти недоразумѣнія и ошибки, которыя составляютъ характерную черту забайкальскихъ тюремъ. Они ограничивались увѣреніемъ, что дѣлаютъ все находя-

щееся въ ихъ власти, чтобы устранить зло, которое большей частью перешло къ нимъ отъ ихъ предшественниковъ. Для того чтобы улучшить все, у нихъ было еще мало времени.

Возможно, что они правы, и что я недостаточно оцѣниваю трудности, которыя имъ встрѣчались. Но я все-таки не могу отказаться отъ взгляда, что большая часть золъ въ дѣлѣ ссылки, а особенно въ тюремномъ управленіи происходитъ отъ равнодушія и небрежности при исполненіи обязанностей, а также отъ медленности бюрократическихъ рѣшеній.

Американцу совершенно непонятна бездѣятельность, которая всюду проявляется въ Нерчинскомъ округѣ. Все производство поставлено неудовлетворительно; большинство арестантовъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ лежатъ безъ дѣла въ грязныхъ, переполненныхъ камерахъ; планы и смѣты странствуютъ годами туда и сюда, а когда, наконецъ, приступаютъ къ постройкѣ, окончаніе ея безъ разумныхъ основаній снова замедляется на многіе годы. Я замѣтилъ горному инженеру въ Кутомарскомъ заводѣ:

— Почему вы не запасетесь необходимыми желѣзными машинами, не снабдите рабочихъ настоящими инструментами, не установите парового насоса, подъемной машины, не устроите вентиляціоннаго аппарата, чтобы какъ слѣдуетъ поставить горное производство?

— А знаете-ли вы, милѣйшій, сколько стоитъ здѣсь желѣзо? отвѣчалъ онъ.— Намъ приходится привозить его на лошадяхъ изъ Петровскаго завода, верстъ за 600 отсюда, и поэтому пудъ желѣза обходится намъ въ 5[illegible] рублей. Желѣзныя машины слишкомъ дороги для насъ.

— А здѣсь развѣ нѣтъ желѣзной руды?—спросилъ я снова.

— Конечно, есть! Но здѣсь она не добывается

Почему же вы ея не добываете? Устройте нѣсколько доменныхъ печей, и у васъ желѣза будетъ больше, чѣмъ вамъ нужно. Въ рабочей силѣ у васъ нѣтъ недостатка, такъ какъ большая часть арестантовъ ничѣмъ не занята.

— Безъ разрѣшенія изъ Петербурга мы не можемъ ничего дѣлать.

- Такъ попытайтесь получить это разрѣшеніе; отчего бы вамъ могли не разрѣшить? При теперешнемъ производствѣ едва ли рудники приносятъ какой-либо доходъ.

Онъ пожалъ плечами и замолчалъ...

Осмотрѣвъ тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ, мы отправились въ экипажѣ капитана Демидова въ Савенскій рудникъ, расположенный въ трехъ километрахъ оттуда у подножія покрытой снѣгомъ горы. Зданія, находящіяся у входа въ шахту, ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ осмотрѣнныхъ нами раньше, только въ одномъ изъ нихъ находилась небольшая паровая машина, единственная во всемъ Забайкальѣ.

Пока Фростъ срисовывалъ пустынный, снѣжный ландшафтъ, я осмотрѣлъ рудникъ и пришелъ къ заключенію, что не стоило труда лазать по обледенѣлымъ лѣстницамъ. Шахта была неглубока около 35 метровъ, воздухъ былъ сырой и холодный, галлереи до того низки, что я не могъ стоять прямо, потолокъ и стѣны были покрыты льдомъ. Работало здѣсь только 35 арестантовъ. Они носили въ небольшихъ корзинахъ руду къ подземной шахтѣ, гдѣ высыпали ее въ четырехъугольные ящики, которые подымались при помощи стараго неуклюжаго ворота. Вѣроятно, нѣсколько столѣтій назадъ у туземцевъ горное дѣло было поставлено не хуже.

Я замѣтилъ надсмотрщику:

— Почему вы не ставите на работу больше людей? Я сейчасъ изъ тюрьмы,—тамъ, по крайней мѣрѣ, 150 арестантовъ сидятъ безъ дѣла.

Въ галлереяхъ хватаетъ мѣста только для 35—40 человѣкъ, —замѣтилъ онъ.

— Почему же вы не расширите рудника? Руды вѣдь достаточно, расширьте галлереи, проведите рельсы, улучшите способъ подыманія руды!

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на меня съ такимъ удивленіемъ, какъ будто бы я предлагалъ невозможное.

Въ Нерчинскомъ горномъ округѣ, во время нашего пребыванія тамъ, находилось 952 преступника, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, а именно: 188 въ Александровскомъ заводѣ, 150 въ Алгачи, 70 въ Покровскѣ, 181 въ Кардаинскѣ и Смирновѣ, 360 въ Савенскѣ и Горномъ Зерентуѣ. Изъ нихъ работала едва лишь третья часть; остальные ничего не дѣлали, хотя въ работѣ недостатка не было.

Для объясненія этого факта мнѣ приводили нѣсколько доводовъ: во первыхъ, мало мѣста въ рудникахъ; во вторыхъ, мало солдатъ для конвоированія большаго числа арестантовъ въ рудники или въ лѣсъ; въ-третьихъ, работа арестантовъ обходится дороже, чѣмъ работа сдѣланная съ подряда *), въ-четвертыхъ, безъ предписанія изъ Петербурга нельзя арестантовъ употреблять для такого рода работъ.

*) Довольно, который характеризуетъ нечестность и неспособность большей части сибирскихъ чиновниковъ. Я знаю случаи, когда сибирскія мѣстныя власти растрачивали всѣ суммы, предназначенныя для сооруженія какого-нибудь казеннаго зданія, и сообщали потомъ, что зданіе окончено и находится въ пользованіи. О подобномъ случаѣ, относительно пересыльной тюрьмы въ Ужурскѣ, сообщалось въ „Восточномъ Обозрѣніи" (номеръ 2-й, за 1884 годъ). Въ Сибири мнѣ показывалъ фотографъ снимокъ одного только что оконченнаго казеннаго зданія, сдѣланный по приказанію изъ Петербурга, для того, чтобы отослать его въ столицу. Правительство разсчитывало, по крайней мѣрѣ, такимъ способомъ убѣдиться, что зданіе, на которое дано разрѣшеніе и деньги, дѣйствительно существуетъ и построено согласно предписанію.

По моему, ни одинъ изъ этихъ доводовъ не выдерживаетъ критики. Американецъ, имѣя необходимое разрѣшеніе и обладая капиталомъ въ 10—15 тысячъ долларовъ могъ бы при помощи 950 арестантовъ, находящихся въ Нерчинскомъ округѣ, въ два года выстроить при каждомъ рудникѣ новую тюрьму; могъ бы въ пять лѣтъ удвоить, или даже учетверить доходъ рудниковъ, не требуя больше ни одного доллара отъ правительства.

Савенскій рудникъ былъ послѣдній, какой мы посѣтили въ Восточной Сибири. Въ понедѣльникъ, 23 ноября, мы отправились въ Нерчинскій заводъ, большую деревню въ 15 километрахъ отъ Горнаго Зерентуя, а во вторникъ утромъ мы уже ѣхали обратно на Шилку, въ Нерчинскъ.

Въ Нерчинскѣ мы въ первый разъ за цѣлый мѣсяцъ остановились въ гостиницѣ, которая въ отношеніи чистоты и удобства, уступала даже „земскимъ квартирамъ„ въ горномъ округѣ.

Нерчинскъ, городокъ съ 4000 жителей, расположенъ на лѣвомъ берегу Нерча, километрахъ въ четырехъ отъ впаденія его въ Шилку, болѣе 7000 километровъ на востокъ отъ Петербурга: По своему культурному и матеріальному развитію онъ показался мнѣ лучше другихъ такихъ же городковъ Восточной Сибири. Въ немъ были: банкъ, два или три училища, библіотека, музей, больница на 20 постелей, общественный садъ съ фонтанами и много магазиновъ.

Послѣ обѣда мы посѣтили двухъ политическихъ ссыльныхъ, Чарушина и Кумецова, которые были переведены сюда по окончаніи срока каторжныхъ работъ въ рудникахъ; здѣсь они устроились сравнительно удобно со своими семьями. Это были вполнѣ интеллигентные люди, пріятные собесѣдники, съ которыми мы весело провели нѣсколько часовъ во время нашего трехдневнаго пребыванія. Въ Карѣ имъ пришлось много испытать, но въ Нерчинскѣ къ нимъ

относились съ полнымъ уваженіемъ. Имъ были даже разрѣшены занятія, которыя обыкновенно запрещаются политическимъ ссыльнымъ, а именно одинъ былъ учителемъ, а другой фотографомъ. Правда ихъ переписка подлежала полицейскому надзору, но имъ не приходилось испытывать тѣхъ многочисленныхъ оскорбленій, какимъ подвергаются ссыльные въ другихъ мѣстахъ Сибири. Чарушинъ до ссылки провелъ 4 1/2 года въ одиночномъ заключеніи и 3 1/2 года въ Петропавловской крѣпости. Его обвиняли въ революціонной пропагандѣ среди фабричнаго населенія Петербурга. Когда въ 1878 году его сослали въ Сибирь, за нимъ добровольно послѣдовала его жена. Она поселилась въ жалкой избушкѣ въ Нижнихъ пріисках на Карѣ. Позже они снова жили вмѣстѣ. Онъ былъ въ числѣ политическихъ преступниковъ, живших въ „вольныхъ командахъ", которые 1 января 1881 года должны были снова возвратиться въ тюрьму, и какъ разъ въ его домъ застрѣлился Евгеній Семеновскій.

Въ воскресенье 29 ноября мы простились съ Чарушинымъ и его женой и отправились на саняхъ въ Читу, главный городъ Забайкалья.

Въ четвергъ утромъ пріѣхали мы въ Читу и остановились въ гостиницѣ „Владивостокъ". Это былъ одноэтажный, небольшой деревянный домъ.

Въ Читѣ, какъ я уже замѣтилъ раньше, находилось нѣсколько очень интересныхъ, политическихъ ссыльныхъ. Мы съ ними познакомились, когда были здѣсь въ первый разъ. Конечно, это знакомство было мимолетнымъ, такъ какъ мы спѣшили еще до наступленія суровой зимы попасть въ Карскую область, а поэтому въ Читѣ оставались недолго.

Теперь же мы намѣревались пробыть здѣсь около двухъ недѣль. Большая часть этихъ ссыльныхъ были ссыльнопоселенцы, отбывавшіе до сихъ поръ здѣсь каторжныя работы и сосланные сюда за наиболѣе тяжкія преступленія.

Это послѣднее обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что мы уже успѣли возбудить подозрѣніе властей на Карѣ, заставило насъ быть теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, осторожными въ сношеніяхъ съ политическими и еще привѣтливѣе въ обращеніи съ администраціей. Было очень вѣроятно, что капитанъ Николинъ сообщилъ уже читинскому губернатору о нашемъ проступкѣ, и что поэтому за нами слѣдятъ еще болѣе тщательно.

Прежде всего я посѣтилъ полковника Свѣчина, который замѣшалъ отсутствующаго губернатора Барабаша, и разсказалъ ему о нашемъ пребываніи въ Карской области, конечно, ни однимъ словомъ не упоминая о сношеніяхъ съ политическими арестантами. Затѣмъ я разсказалъ ему о нашихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Онъ былъ съ нами очень любезенъ, не задавая никакихъ вопросовъ, которые могли бы привести насъ въ нѣкоторое замѣшательство, и я покинулъ его совершенно успокоенный: ему или ничего не было извѣстно о нашихъ сношеніяхъ съ политическими, или онъ не придавалъ этому дѣлу никакого значенія.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ сюда мы получили приглашеніе отъ мѣстнаго богатаго купца Немѣрова, съ которымъ случайно познакомились, на любительскомъ спектаклѣ, устраиваемый имъ съ благотворительною цѣлью. Мы приняли приглашеніе въ надеждѣ завести полезныя знакомства; помимо того въ наши цѣли входило возможно больше вращаться въ широкихъ кругахъ общества. И то и другое удалось. Въ антрактахъ, гуляя въ фойэ, мы познакомились со многими штатскими и военными лицами, насъ радушно привѣтствовалъ здѣсь самъ замѣститель губернатора, и мы такимъ образомъ возбудили общее вниманіе, какъ „знатные американцы", удостоенные вниманія первыхъ чиновниковъ. Не думаю, чтобы въ это время у кого нибудь изъ нихъ зародилась мысль, что „знатные американцы" пріѣхали

въ Читу единственно съ цѣлью [illegible] ближе познакомиться съ „нигилистами" и „террористами".

Между офицерами, съ которыми мнѣ тогда пришлось познакомиться, былъ нѣкій полковникъ Новиковъ. Онъ гулялъ по залѣ съ нѣсколькими товарищами и, услышавъ мое имя, обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Были ли вы въ Карской области?

— Да!—отвѣчалъ я нѣсколько удивленный неожиданности вопроса.—Мы только что оттуда.

— Что хорошаго нашли вы тамъ? — снова спросилъ онъ съ пытливымъ взглядомъ.

Я сначала не зналъ, что отвѣчать, но рѣшилъ потомъ, насколько возможно обойтись безъ лжи, говорить о добродѣтеляхъ тамошнихъ чиновниковъ, поэтому я замѣтилъ, что познакомился съ очень честнымъ человѣкомъ маіоромъ Потулевымъ.

— Гм!—насмѣшливо произнесъ полковникъ. — Онъ, конечно, все представилъ вамъ въ прелестномъ освѣщеніи.

— Тамъ есть многое что никакъ нельзя такимъ образомъ представить, — отвѣтилъ я. Подобные вопросы обѣщали мнѣ очень мало хорошаго, и я рѣшилъ разузнать, что кроется за ними.

— Осматривали ли вы тюрьмы? между тѣмъ продолжалъ онъ.

— Да, большую часть!

— Видѣли ли также и „голую команду"?

— Нѣтъ! не понимаю даже, что это такое.

— Это означаетъ камеру, въ которой содержатся совершенно раздѣтые люди. Когда я въ первый разъ по дѣлу службы осматривалъ Карскія тюрьмы, то увидѣлъ въ одной камерѣ человѣкъ 25 совершенно голыхъ арестантовъ. Вотъ такая камера и называется „голой командой".

— Но что же это значитъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Этого и я не знаю. Вѣроятно, люди не имѣютъ платья для носки *).—А не показывалъ ли вамъ этотъ „честный человѣкъ“ камеръ одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ на Средней Карѣ?

— Нѣтъ, и этого не показывалъ. А что же въ нихъ?

— Да ничего особеннаго, – отвѣчалъ полковникъ съ притворнымъ равнодушіемъ. Онѣ только не достаточно высоки, чтобы въ нихъ можно было стоять, не настолько длинны, чтобы лежать.—Мнѣ кажется, что вы видѣли тамъ лишь то, что вамъ „хотѣли“ показать; будь я тамъ, вы увидѣли бы много замѣчательныхъ вещей, такихъ вещей, которыя говорятъ сами за себя, и не кажутся тѣмъ, что вамъ желаютъ представить.

Я онѣмѣлъ было отъ удивленія. Было ли это искреннее мнѣніе полковника Новикова или только хитрость, съ цѣлью узнать мои дѣйствительные взгляды на арестантовъ на Карѣ?

Но онъ и не ожидалъ моего возраженія и продолжалъ:

— Три съ половиною года я командовалъ казаками на Карѣ и, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ переведенъ сюда, то такъ обрадовался, что отслужилъ благодарственный молебенъ. Посмотрите на мою бороду, — продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—она совершенно посѣдѣла отъ тѣхъ горестей, которыя мнѣ причинялъ тамъ видъ человѣческихъ страданій. Когда я пріѣхалъ на Кару,

*) Позже я зналъ, что „голая команда“ состоитъ изъ арестантовъ, продавшихъ свою одежду, чтобы обратить деньги на пьянство или игру. Въ наказаніе ихъ заключали въ особую камеру и держали тамъ совсѣмъ голыми. Естественно, что арестанты не могли продавать своего платья безъ вѣдома и попустительства надзирателей. Поэтому „голыя команды“ могутъ служить прекраснымъ доказательствомъ лихоимства русскихъ чиновниковъ, а вообще примѣромъ ихъ жестокости въ обращеніи съ заключенными.

у меня не было ни одного сѣдого волоска. Какъ вамъ кажется, сколько мнѣ лѣтъ?

Я отвѣтилъ, что по моему ему должно быть лѣтъ 55

– Я на десять лѣтъ моложе,—не безъ горечи замѣтилъ онъ, – а ко времени назначенія на Кару выглядѣлъ, право, не старше васъ. Полковникъ умолкъ, задумавшись.

Тогда я спросилъ его, какого рода фактовъ ему пришлось быть свидѣтелемъ.

— О! фактовъ самыхъ различныхъ, --отвѣтилъ онъ.— Несчастныхъ арестантовъ наказывали розгами и кнутомъ, заставляли ихъ выше всякой мѣры работать для обогащенія надзирателей. Я разскажу вамъ только одинъ случай, чтобы вы знали, что тамъ происходитъ. Дѣло было во время моего пребыванія на Карѣ. Жена одного тюремнаго смотрителя убѣдилась въ томъ, что ея любовникъ, арестантъ, жившій въ „вольной командѣ", вступилъ въ любовную связь съ ея служанкой, хорошенькой дѣвушкой, тоже ссыльной. Охваченная злобой ревности, она донесла на бѣдную дѣвушку своему мужу и такъ сумѣла поставить дѣло, что ее велѣно было бить палками. Ей дали 150 палочныхъ ударовъ по голому тѣлу и, когда она принесла впослѣдствіи жалобу на это высшему начальству, то получила еще 90 ударовъ кнутомъ. Я долженъ былъ стоять при этомъ, наблюдая за исполненіемъ приговора Вы думаете это пріятно? — У меня здѣсь немного волосъ, - прибавилъ онъ, проводя рукою по головѣ,—но и они стояли дыбомъ отъ ужаса, когда я былъ свидѣтелемъ этой свирѣпой расправы въ проклятыхъ рудникахъ. Чтобы жить тамъ, надо имѣть желѣзные нервы.

Мнѣ кажется, что я достаточно вѣрно передалъ его слова. Они произвели на меня сильное впечатлѣніе, и сейчасъ же по возвращеніи со спектакля я записалъ ихъ. Возможно, конечно, что въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ полковника сказалось его личное предубѣжденіе. Новиковъ, безъ

сомнѣнія, не симпатизировалъ Потулеву и другимъ офицерамъ на Карѣ, и возможно поэтому, что смотрѣлъ на вещи нѣсколько хуже чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности.

Да не подумаетъ читатель, что эти сообщенія происходили втайнѣ, безъ свидѣтелей! Это случилось среди залы, когда мы гуляли въ обществѣ еще нѣсколькихъ офицеровъ; при томъ полковникъ былъ настолько возбужденъ и говорилъ такъ громко, что его слова были слышны не только ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, но буквально всѣмъ присутствовавшимъ въ залѣ. Многимъ, быть можетъ, покажется непонятнымъ, какъ могъ офицеръ, къ тому же еще такого высокаго ранга, открыто порицать русскія государственныя мѣропріятія. Но мнѣ не одинъ разъ пришлось слушать такія „вольныя“ рѣчи. Вотъ хоть бы слѣдующій примѣръ: въ тотъ же вечеръ мнѣ представился одинъ русскій офицеръ и тоже началъ разспрашивать насъ о нашей жизни въ Карской области. Черезъ нѣсколько времени онъ уже задавалъ намъ тѣ-же вопросы, что и полковникъ, и, конечно, получалъ тѣ-же отвѣты. Онъ мнѣ между прочимъ сообщилъ объ одиночныхъ камерахъ, что туда иногда сажаютъ и политическихъ преступниковъ, даже женщинъ. Такому виду заключенія подвергли, напримѣръ, госпожу Россикову, и выпустили ее лишь потому, что тюремный врачъ заявилъ, что она при смерти. Этотъ офицеръ пригласилъ меня къ себѣ, обѣщая дать мнѣ много важнаго письменнаго матеріалу, если меня интересуетъ вопросъ о постановкѣ сибирскихъ тюремъ. Не могу здѣсь назвать ни имени, ни чина этого офицера, но думаю, что меня не сочтутъ нескромнымъ, если скажу, что я былъ у него, и ему обязанъ многими изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній, которыми я пользовался въ предыдущемъ разсказѣ. Его сообщенія подтвердили многое изъ того, что я лично слышалъ отъ политическихъ на Карѣ. Такъ напри-

мѣръ, его разсказъ, о вышеупомянутомъ покушеніи на генерала Ильяшевича вполнѣ согласовался съ тѣмъ, что мнѣ объ этомъ передавали ссыльные; наконецъ, онъ посвятилъ меня введенію служебной переписки, что также было чрезвычайно для меня важно. Все это, безъ сомнѣнія, имѣло цѣлью единственно лишь вѣрное освѣщеніе дѣйствительности.

Во время нашего двухнедѣльнаго пребыванія въ Читѣ я обыкновенно проводилъ большую часть дня въ сношеніяхъ съ чиновниками и «благонамѣренными» обывателями, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе; зато по ночамъ мы сходились съ политическими ссыльными. Мы находили ихъ обыкновенно въ деревянномъ баракѣ, въ которомъ они занимались столярными работами. Какъ уже было упомянуто при описаніи нашего перваго посѣщенія Читы, въ этомъ зданіи въ свое время жили декабристы. На ночныя свиданія собиралось человѣкъ 10 –15 политическихъ, среди которыхъ попадались мужчины и женщины со значительнымъ образованіемъ. Я очень подружился съ ними и теперь со смѣшаннымъ чувствомъ умиленія и грусти вспоминаю о часахъ, проведеныхъ въ ихъ средѣ. Здѣсь говорилось только о мрачной, тяжелой дѣйствительности русской жизни. Иногда бывало кто-нибудь изъ нихъ вытащитъ старую гитару и подъ аккомпаниментъ ея пропоетъ русскую народную пѣсню. Иногда приходилось и намъ пѣть здѣсь наши родныя мелодіи. Бывало составится хоръ, и польются революціонныя пѣсни. Но всегда послѣ этого мы возвращаемся бывало къ главной темѣ нашего разговора о положеніи дѣлъ въ Россіи, о ходѣ революціоннаго движенія или жизни ссыльныхъ. Здѣсь я почерпнулъ многое изъ того, что приведено раньше въ этомъ разсказѣ; часто ужасныя, душу раздирающія исторіи, отнимавшія у меня сонъ по возвращеніи домой. Одно дѣло—видѣть передъ собою мертвыя буквы, какъ это предоставляю здѣсь читателю; совершенно

же иное—слушать описаніе событія изъ устъ человѣка, къ тому же еще и пострадавшаго. Я поэтому не стыжусь признаться, что иногда при разсказахъ объ этихъ ужасахъ у меня неволько руки судорожно сжимались въ кулаки, и слезы навертывались на глаза. Легче было перенести всѣ трудности путешествія, чѣмъ такого рода душевныя потрясенія. Помимо всего этого мы не были лишены страха, что насъ обыщутъ и арестуютъ. Правда, мы не замѣтили, чтобы за нами строго слѣдили, но у насъ была другая причина для безпокойства. Сосѣдній номеръ въ нашей гостиницѣ былъ занятъ четырьмя офицерами, между которыми находились жандармскіе полковникъ и капитанъ. Фростъ слышалъ черезъ тонкую перегородку, раздѣлявшую наши комнаты, какъ они обсуждали нашу поѣздку по Сибири, а также задавались мыслью, не было ли бы полезно конфисковать или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣть наши бумаги.

Въ одну изъ послѣднихъ ночей нашего пребыванія въ Читѣ, я возвращался со свиданія съ политическими ссыльными. Было уже около двухъ часовъ. На улицахъ было тихо; въ окнахъ нашей гостинницы темно; швейцаръ, отворившій мнѣ дверь, казался заспаннымъ. Фростъ крѣпко спалъ въ нашемъ общемъ номерѣ. Я былъ слишкимъ возбужденъ разсказами ссыльныхъ, чтобы успокоиться сейчасъ же, и потому зажегъ свѣчу и улегся на полу, прислонившись головой къ тонкой стѣнкѣ, отдѣлявшей насъ отъ офицеровъ. Въ этой перегородкѣ имѣлась дверь, которая, хотя и была закрыта на ключъ, но оставляла довольно значительную щель. Такимъ образомъ можно было слышать каждое слово и видѣть почти все, что происходило въ сосѣдней комнатѣ. Я слышалъ однако лишь мѣрное дыханіе Фроста. Вдругъ тишина была нарушена громкимъ трескомъ револьвернаго выстрѣла, и пуля, пробивъ перегородку почти надъ моей головой, ударилась въ противоположную каменную стѣну. Я вскочилъ и прислушался. Нигдѣ-ничего; все

тихъ, только слышенъ шорохъ обсыпающейся штукатуркѣ въ мѣстѣ, гдѣ засѣла пуля. Фростъ проснулся и спросилъ:

— Что это?

— Кто-то выстрѣлилъ въ стѣну,—отвѣчалъ я тихо.

— Который часъ?

— Около половины третьяго. Тише! Послушаемъ!

Нѣсколько минутъ мы внимательно прислушивались, но ничего не замѣтили; во всемъ домѣ царила мертвая тишина.

Между тѣмъ я зналъ, что рядомъ съ нами находились четыре человѣка. Не застрѣлился ли одинъ изъ нихъ? Но вѣдь тогда узнали бы объ этомъ остальные и зажгли бы хоть свѣчу. Трескъ былъ такъ силенъ, что долженъ былъ быть слышенъ по всему дому, а потому послѣдовавшая тишина казалась еще болѣе странной, чѣмъ самый выстрѣлъ.

— Спросимъ, что это значитъ,—прошепталъ Фростъ.

— Нѣтъ!—такъ же точно отвѣтилъ я.—Что намъ за дѣло! Вѣдь насъ не ранило.

Я боялся быть запутаннымъ въ эту темную исторію, чтобы не дать полиціи повода обыскать наше вещи. Поэтому мнѣ казалось лучшимъ быть, что называется «тише воды и ниже травы» и ожидать дальнѣйшихъ событій. Я не могъ отказаться отъ мысли, что выстрѣлъ произведенъ былъ въ насъ со злымъ умысломъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я снова услыхалъ шумъ, какъ-будто кто-то дѣлалъ приготовленія къ выстрѣлу, затѣмъ шопотъ, изъ котораго разобралъ только вопросъ о числѣ запасныхъ патроновъ. Потомъ все снова стихло, и уже во всю ночь мы не слышали больше никакихъ звуковъ.

До сихъ поръ мнѣ не удалось узнать, что собственно долженъ былъ обозначать этотъ выстрѣлъ позднею ночью въ темной комнатѣ. Предполагаю, что это надъ нами хотѣли пошутить. Если бы на слѣдующій день меня спросили о случившемся, то я бы отвѣтилъ, что въ американскихъ

отеляхъ не новость ночные пистолетные выстрѣлы, и что я удивляюсь лишь тому, что утромъ не было найдено трупа.

Не знаю, право, имѣла ли полиція свѣдѣнія о нашихъ сношеніяхъ съ политическими въ Читѣ; позже она, конечно, объ этомъ довѣдалась. Послѣднее я заключаю изъ того обстоятельства, что единственное полученное мною оттуда письмо отъ купца Немѣрова съ нѣсколькими пустяшными замѣчаніями, пришло ко мнѣ распечатаннымъ.

Важнѣйшіе документы я носилъ до сихъ поръ въ кожаномъ поясѣ на тѣлѣ; но теперь онъ слишкомъ ужъ наполнился и сдѣлался тяжелымъ; кромѣ того теперь слѣдовало особенно позаботиться о сохраненіи документовъ еще и потому, что возможность полицейскаго обыска, какъ это слѣдовало изъ предыдущаго, не была такъ ужъ невѣроятной. Поэтому я уложилъ большую ихъ часть въ потайное отдѣленіе своего сундука, гдѣ ихъ врядъ ли могли бы найти, а остальныя бумаги спряталъ между книгами. Книгъ этихъ, кстати, мы привезли съ собой мало, но ссыльные въ Читѣ дали намъ нѣсколько томовъ. Одно особенно важное письмо я спряталъ въ картинѣ.

Въ среду, 9 декабря мы распрощались со ссыльными, роздали имъ на память нѣкоторыя бездѣлушки и черезъ нѣсколько часовъ ѣхали въ направленіи къ Иркутску.

Во вторникъ мы добрались до него. Прежде, чѣмъ остановиться въ гостиницѣ «Москва», мы заѣхали на почту и принялись за чтеніе почти полусотни писемъ, пришедшихъ за время нашего отсутствія.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Въ Забайкальѣ.	19
«Вольная команда».	63
Политическіе преступники въ Карской области.	83
Тюрьмы политическихъ арестантовъ въ Карской области. .	106
Въ серебряныхъ рудникахъ Восточной Сибири.	135
Приключенія въ Восточной Сибири.	153